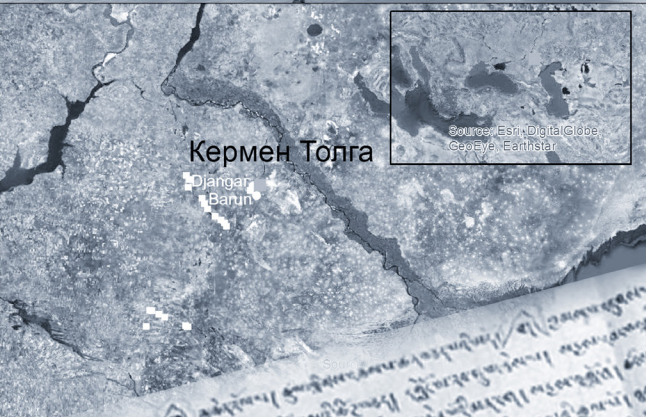

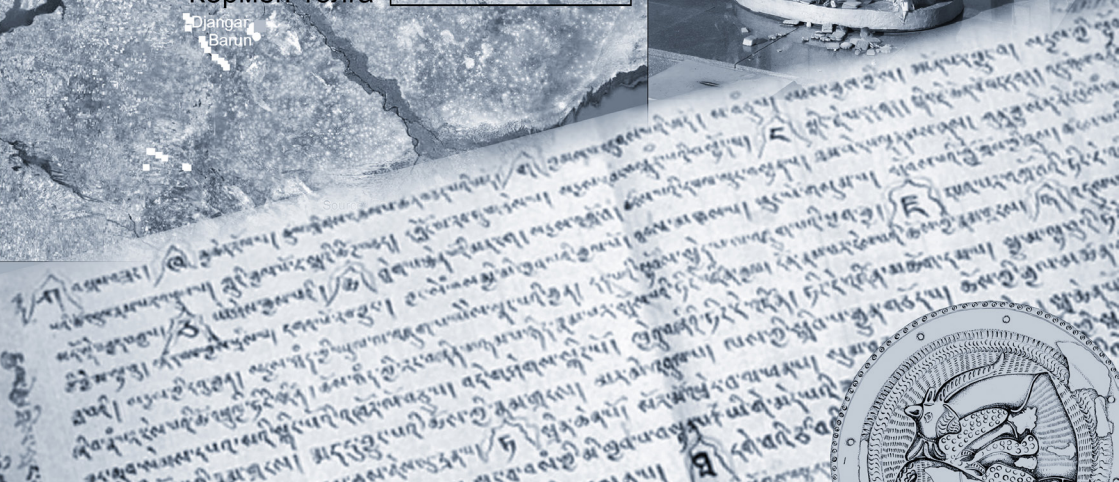
БЮЛЛЕТЕНЬ

КАЛМЫЦКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РАН

2020`4

Source: Esri, DigitalGlobe, GeoEye, EarthStar

Калмыцкий научный центр Российской академии наук

ISSN 2587-6503 (Print)

**Бюллетень
Калмыцкого научного центра РАН**

2020. № 4

Элиста, 2020

Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН

Издается с 2017 г.

Выходит 4 раза в год.

ISSN 2587-6503 (Print)

2020. № 4.

Журнал «**Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН**» («**Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS**») зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационный номер ПИ № ФС77-77946 от 19.02.2020.

Журнал «**Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН**» («**Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS**») — рецензируемый научный журнал открытого доступа, публикующий результаты комплексных исследований в области исторических, филологических и социологических наук. Журнал предоставляет возможность познакомиться с оригинальными результатами новейших фундаментальных и прикладных исследований российских и зарубежных авторов по наиболее актуальным проблемам. В издании публикуются научные работы по определенной тематике: источниковедению, археологии, фольклористике и литературоведению, социальной структуре, социальным институтам и процессам, а также обзорные статьи ведущих специалистов по основным направлениям журнала.

Журнал публикует статьи на русском, английском, калмыцком и монгольском языках.

Зарегистрирован в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования).

Подписной индекс в каталоге Агентства ОАО «Роспечать»
(газеты, журналы 39464).

Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS

Published since 2017.

Issued 4 times per year.

ISSN 2587-6503 (Print)

2020. No. 4.

The journal *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS* is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media, reg. certificate ПИ № ФС77-77946 of 19 February 2020.

The *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS* is a peer-reviewed open access periodical that publishes results of comprehensive historical, philological, and sociological studies. The journal introduces original outcomes of contemporary fundamental and applied explorations conducted by Russian and foreign authors on the most topical issues. The publication focuses on a range of disciplines and themes as follows: source studies, archaeology, folklore and literary studies, social structure, social institutions and processes, and review articles by leading experts the journal specializes in.

The journal publishes articles in Russian, English, Kalmyk,
and Mongolian.

Indexed with Russian Science Citation Index.

Subscription code (Rospechat Agency) — 39464
(newspapers, journals).

Главный редактор

канд. фил. наук

В. В. Куканова

Редколлегия:

Арутюнов С. А., чл.-корр. РАН; *Бакаева Э. П.*, д-р ист. наук;
Бичеев Б. А., д-р филос. наук; *Бурыкин А. А.*, д-р ист. наук;
Ванчикова Ц. П., д-р ист. наук; *Дампилова Л. С.*, д-р фил. наук;
Денисова Г. С., д-р соц. наук; *Дулина Н. В.*, д-р соц. наук;
Иванова И. Н., д-р фил. наук; *Жуковская Н. Л.*, д-р ист. наук;
Казиева А. М., д-р фил. наук; *Кольцов П. М.*, д-р ист. наук;
Команджаев А. Н., д-р ист. наук; *Кринко Е. Ф.*, д-р ист. наук;
Кляус В. Л., д-р фил. наук; *Лушиников Д. А.*, д-р соц. наук;
Манджиева Б. Б., канд. фил. наук; *Музраева Д. Н.*, канд. фил. наук;
Намруева Л. В., канд. соц. наук; *Очиров У. Б.*, д-р ист. наук;
Очир-Горяева М. А., д-р ист. наук; *Пюрбеев Г. Ц.*, д-р фил. наук;
Ситдиков А. Г., д-р ист. наук; *Сыртыпова С.-Х. Д.*, д-р ист. наук;
Фокин А. А., д-р фил. наук; *Хабунова Е. Э.*, д-р фил. наук;
Ханинова Р. М., канд. фил. наук

Публикация данного номера журнала осуществляется в рамках проекта РФФИ № 20-09-22004 и гранта Правительства РФ № 075-15-2019-1879

Учредитель, редакция, издатель, типография:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес учредителя, редакции, издателя и типографии:

д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста,

Республика Калмыкия, Россия

Тел.: +7(84722) 3-55-06, +7(84722) 3-55-15

E-mail: kigiran@mail.ru

Сайт: <http://kigiran.com/pubs/index.php/field>

© КалмНЦ РАН, 2020

© Коллектив авторов, 2020

Editor-in-Chief

V. V. Kukanova,
Cand. Sc. (Philology)

Editorial Board:

Arutyunov S. A., Corresponding Member of the RAS;
Bakaeva E. P., Dr. Sc. (History);
Bicheev B. A., Dr. Sc. (Philosophy); *Burykin A. A.*, Dr. Sc. (History);
Vanchikova Ts. P., Dr. Sc. (History); *Dampilova L. S.*, Dr. Sc. (Philology);
Denisova G. C., Dr. Sc. (Sociology); *Dulina N. V.*, Dr. Sc. (Sociology);
Ivanova I. N., Dr. Sc. (Philology); *Zhukovskaya N. L.*, Dr. Sc. (History);
Kazieva A. M., Dr. Sc. (Philology); *Koltsov P. M.*, Dr. Sc. (History);
Komandzhaeva A. N., Dr. Sc. (History); *Krinko E. F.*, Dr. Sc. (History);
Klyaus V. L., Dr. Sc. (Philology); *Lushnikov D. A.*, Dr. Sc. (Sociology);
Mandzhieva B. B., Cand. Sc. (Philology); *Muzraeva D. N.*, Cand. Sc.
(Philology); *Namrueva L. V.*, Cand. Sc. (Sociology);
Ochirov U. B., Dr. Sc. (History); *Ochir-Goryaeva M. A.*, Dr. Sc. (History);
Pyurbeev G. Ts., Dr. Sc. (Philology); *Sitdikov A. G.*, Dr. Sc. (History);
Syrtypova S.-Kh. D., Dr. Sc. (History); *Fokin A. A.*, Dr. Sc. (Philology);
Khabunova E. E., Dr. Sc. (Philology);
Khaninova R. M., Cand. Sc. (Philology)

Publication of the current issue was funded by RFBR (project no. 20-09-22004) and Government of Russia (grant no. 075-15-2019-1879).

Founder, Editorial Office, Publisher, Printing Office:

Federal State Budgetary Institution of Science
Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
Address of the Founder, Editorial Office, Publisher, Printing Office:
8, Ilishkin St., Elista 358000,
Republic of Kalmykia, Russian Federation

Phone no.: +7(84722) 3-55-06, +7(84722) 3-55-15

E-mail: kigiran@mail.ru

Website: <http://kigiran.com/pubs/index.php/field>

© KalmSC RAS, 2020

© Composite authors, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

- Очиров У. Б.** Конница тюрко-монгольских народов Великой степи в российской армии XVIII – начала XIX в. Часть 2. 10

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

- Воробьева В. Н.** Мемориализация участников Великой Отечественной войны в книгах памяти районов и сел Калмыкии 40
- Мирзаева С. В., Долеева А. О.** Об ойратской рукописи «Соғту zandan» из фонда Российской национальной библиотеки 55
- Топалова Д. Ю.** Личный архив калмыцкого писателя Л. О. Инджиева 79
- Гедеева Д. Б.** Об убранстве кибитки по материалам калмыцких деловых документов XVIII в. 104
- Манджикова Л. Б.** О рецензии профессора М. М. Зефирова на рукопись «Калмыцко-русский словарь», составленного Ф. Е. Крыловым в 1858 г. 113
- Бурыкин А. А.** Древности и этнографические реалии Монголии в описании путешествий И. А. Ефремова («Дорога ветров», 1955) 130

ФОЛЬКЛОРИСТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Митруев Б. Л.** Песни «Гесера» в записи Б. Бергмана 149
- Дамринджав Балжин, Селеева Ц. Б.** Рукописи ойратского «Гесера» в архивах России и Европы (история собирания, исследования и публикации текстов) 176
- Юлан, Селеева Ц. Б.** Текстуализация эпических текстов и формирование функциональных глав: текстологический анализ песни о воскрешении богатырей в монгольском «Гесере» 200
- Чао Гету.** Элементы китайской культуры в сказании о «Боди Мерген-хане» 213

Цагаан. (= Традиция и трансформация монгольской версии «Истории Арджи Бурджи-хана»)	231
Бакаева Э. П., Болдырева И. М. К изучению архаических сюжетов и мотивов в калмыцком фольклоре (по материалам Научного архива Калмыцкого научного центра РАН)	265
Баасанжаргал Дайриймаа. Тема мудрости в монгольских сказках	276
Досан Джаван. (=Калмыцкий ксилограф «Сутры Золотого света» («Алтан Герел»))	283
Шунхайн Цоодол. Нэрт зохиолч Ч. Лодойдамбын уран бүтээлд орос хүмүүсийн дүрийг бүтээсэн нь (= Образы русских людей в творчестве писателя Ч. Лодойдамбы)	305
Урсхл С. «Нээрглл» (поэм) гих нерэдлин үүслиг өгүлхнь (= О термине «нээрглл» ‘поэма’ в монгольском литературоведении)	315
Ханинова Р. М. Осмысление дороги в аспекте диспозиции «свой» и «чужой» (на материале калмыцкой политической баллады XX в.)	332

CONTENT

NATIONAL HISTORY

- Ochirov U. B.** Turko-Mongolic Cavalries in the Military Service of Russia: 18th – Early 19th Centuries. Part 2. 10

SOURCES STUDIES

- Vorobieva V. N.** The Memorialization of the Participants of the Great Patriotic War in the Memorial Books of the Regions and Villages of Kalmykia 40

- Mirzaeva S. V., Doleyeva A. O.** About the Oirat manuscript “Coqtu zandan” from the fund of the Russian National Library 55

- Topalova D. Yu.** Personal archive of the Kalmyk writer L. O. Indzhiev 79

- Gedeeva D. B.** Regarding the Kibitka Decoration based on the materials of the Kalmyk business documents of the XVIII century 104

- Mandzhikova L. B.** On the review of Professor M. M. Zefirov on the manuscript of the Kalmyk-Russian Dictionary, compiled by F. Ye. Krylov in 1858 113

- Burykin A. A.** Antiquities and Ethnographic Realia of Mongolia in I. A. Efremov’s Travel Notes (“The Road of Winds”, 1955) . . 130

FOLKLORE STUDIES & LITERARY STUDIES

- Mitruiev B. L. B.** Bergman and his work on the Kalmyks and Kalmyk Culture 149

- Danbuer Jiafu, Seleeva Ts. B.** On the handwritten lists of the Oirat-Kalmyk “Geser” kept in the archive collections of Russia and Europe, as well as their collection, description and publication 176

- Yu Lan, Seleeva Ts. B.** Textualization of Epic Texts and the Formation of Functional Chapters: Textual Analysis of the Song about the Resurrection of Heroes in the Mongolian “Geser” . . . 200

- Chaogetu.** The Elements of Chinese Culture in the Legend of Bodi Mergen Khan 213

Chahan. The Tradition and Transformation of the Mongolian Version of “The History of Arji Burji Khan”	231
Bakaeva E. P., Boldyreva I. M. Regarding the Archaic Plots and Motifs in the Kalmyk Folklore (on the material of the Scientific archive of the Kalmyk Scientific Center of the RAS)	265
Dayriimaa B. The Theme of Wisdom in Mongolian Folk Tales	276
Dosan Javan. Kalmyk Wood-engraving “Golden Light Sutra” (“Altan Gerel”)	283
Tsoodol Sh. The Representation of Images of Russian people in the Works of the Famous Writer Ch. Lodoydamba	305
Wurisigala. On the Origin of the Term “Nyargll” (“poem”) in the Mongolian Literature Studies	315
Khaninova R. M. The Comprehension of the Road in the aspect of the «own» and «alien» disposition (based on the material of the Kalmyk political ballad of the 20 th century)	332

Конница тюрко-монгольских народов Великой степи в российской армии XVIII – начала XIX в. Часть 2

*Уташ Борисович Очиров*¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник
E-mail: utash-ochirov@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Очиров У. Б., 2020

Аннотация. В статье рассматривается военная служба воинских формирований тюрко-монгольских народов Великой степи и прилегающих к ней территорий в составе российской армии в XVIII – начале XIX в. В этот период в составе иррегулярной конницы российской армии служили национальные формирования монголоязычных калмыков и бурят, тюркоязычных башкир, мишарей, тептярей, татар. В работе особый упор сделан на изучение наиболее многочисленных воинских формирований — калмыков и башкир. Несмотря на то, что в начале XVIII в. российская армия была реорганизована в регулярную, в ее составе оставался значительный иррегулярный компонент, в том числе и из числа тюрко-монгольских народов. Первоначально эти этносы самостоятельно формировали свои воинские контингенты, используя традиционную структуру, тактику и вооружение, но уже к концу XVIII в. все национальные воинские формирования были переведены на полковую организацию по образцу донских казачьих полков. В первой части статьи, опубликованной в предыдущем номере, были рассмотрены особенности военной службы калмыков и башкир в привычной среде обитания — в Великой степи. Во второй части статьи анализируются действия тюрко-монгольской конницы в трех крупнейших войнах России XVIII – начала XIX вв. (Северной, Семилетней, Отечественной 1812 г. и Заграничном походе

1813–1814 гг.). В случае грамотного применения и руководства национальные формирования были весьма эффективны, причем не только на своих театрах военных действий в Великой степи, но и на европейских театрах. Использование национальных воинских формирований российской армии позволило не только существенно сэкономить финансовые и материальные ресурсы для охраны огромных территорий и протяженных границ, но и способствовало интеграции национальных элит указанных народов в имперское общество.

Ключевые слова: российская армия, национальные части, кочевники, Великая степь, калмыки, башкиры, русско-турецкие войны, русско-шведские войны, Семилетняя война, наполеоновские войны

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (номер государственной регистрации: АААА-А19-119011490038-5).

Для цитирования: Очиров У. Б. Конница тюрко-монгольских народов Великой степи в российской армии XVIII – начала XIX в. Часть 2 // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 4. С. 10–39. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-4-16-10-39

UDC 94(47).084

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-4-16-10-39

Turko-Mongolic Cavalries in the Military Service of Russia: 18th – Early 19th Centuries. Part 2

*Utash B. Ochirov*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Associate Professor, Chief Research Associate

E-mail: utash-ochirov@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Ochirov U. B., 2020

Abstract. The article examines activities of Turko-Mongols to have inhabited the Great Steppe and adjacent territories in the military service of Russia throughout the 18th and early 19th centuries. The period witnessed the employment of ethnic military units of irregular cavalries Russian army recruited from the Mongolian-speaking Kalmyks and Buryats, Turkic-speaking Bashkirs, Teptyars, Mishar and Tatars. The work focuses on the largest ethnic military forces — those of the Kalmyks and Bashkirs. Despite Russian forces were reorganized to from a regular army in the early 18th century, the latter still contained significant irregular components, including ones recruited from Turko-Mongols. Initially, the ethnic groups had served as independent military contingents with traditional structures, tactics, and weapons, but by the late 18th century all ethnic forces were clustered into Don Cossack-type regiments. The first part of the article deals with the features of military service of the Kalmyks and Bashkirs in their usual habitat — in the Great Steppe. The second part of the article, which will be published in the next issue, analyzes the actions of the Turkic-Mongol cavalry in the three largest wars of Russia in the XVIII – early XIX centuries. (The Northern, Seven-Year War, the Patriotic War of 1812 and the Foreign Campaign of 1813–1814). Rational approaches and command of the ethnic units would yield good results — both in Eurasian plains and European battlefields. The use of ethnic forces within the Russian army not only saved essential financial and physical resources for the defense of large territories and dramatically long frontiers but also facilitated further integration of their elites into the Empire’s community.

Keywords: Russian army, ethnic units, nomads, Great Steppe, Kalmyks, Bashkirs, Russo-Turkish wars, Russo-Swedish wars, Seven Years’ War, Napoleonic Wars

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project name ‘Socio-Political and Cultural Development of South Russia’s Peoples: Comprehensive Studies of Respective Processes’ (state reg. no. AAAA-A19-119011490038-5).

For citation: Ochirov U. B. Turko-Mongolic Cavalries in the Military Service of Russia: 18th – Early 19th Centuries. Part 2. In: *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2020. № 4. Pp. 10–39. (In Russ.) DOI: 10.22162/2587-6503-2020-4-16-10-39

В первой части статьи была проанализирована военная служба тюрко-монгольских народов в составе российской армии (на

примере двух этносов, выставявших наиболее многочисленные воинские контингенты — калмыков и башкир) в привычной для кочевников среде обитания — в Великой степи. Во второй части статьи рассмотрим участие тюрко-монгольских формирований в трех наиболее крупных войнах России исследуемого периода и оценим их боевой потенциал.

Первой войной, которую Россия начала в XVIII в., стала Северная война. Первоначально национальные контингенты не планировалось привлекать к боевым действиям на непривычном для кочевников северном театре. Коалиция, созданная против шведов, казалась и без того достаточно сильной, однако Карл XII стремительными ударами развалил ее: сначала выбил из войны Данию, затем разгромил русскую армию под Нарвой. Иррегулярная поместная конница в этих боях действовала крайне неудачно. Восстанавливая свою армию после поражения под Нарвой, Петр I решил задействовать казачью и национальную иррегулярную конницу. Весной 1701 г. 1 тыс. башкир и мишарей, а также 473 татарина вошли в отряд Б. Керейтова, который выдвинулся по Волге в Новгород, в корпус Б. П. Шереметева [Рахимов 2014: 123]. Однако часть башкир и мишарей были «безконны», поэтому в феврале 1702 г. половину отправили домой до весны с условием возвращения, но, потеряв лошадей от бескормицы, те отказались возвращаться [Рахимов 2014: 124]. Кроме того, в состав корпуса Шереметева вошли и чугуевские калмыки из Белгородского разрядного полка (в числе слободских казаков).

В Калмыцком ханстве в этот период шли междоусобные столкновения между Аюкой и его сыновьями во главе с наследником Чагдорджабом, поэтому воинские контингенты из ханства запрашивать не стали. Однако дербетовские улусы Менко-Темира, его сына Четеря и брата Черкеса, воспользовавшись междоусобицей, откочевали на Дон. Кроме того, на территории Донского войска в тот период кочевали зюнгарские улусы Баахан-тайши и Даши-Баатра (выделившиеся из улуса Цаган-Баатра, прибывшего на Дон еще в 1687 г. и кочевавшего отдельно от ханства), а также проживали юртовые калмыки, официально вошедшие в состав

донского казачества. Казачья старшина всегда с охотой принимала к себе калмыков, как «*добрых конников, храбростью отличных, к службе всегда готовых и ревностных*» [Броневский 1834: 83]. Когда донские казаки начали снаряжать войско, то калмыки Дона также приняли в этом деле активное участие: Менко-Темир снарядил 900 калмыков, Даши-Баатр — 380, Баахан-тайши (в 1696 г. он в присутствии Петра I принял крещение и взял себе имя князя Моисея Алексеева, восприемником стал главнокомандующий русской армией князь А. С. Шеин) — 90, юртовые калмыки — 345 [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1726 г. Д. 14. Л. 4; 1743–1744 гг. Д. 52. Л. 5об.]. В 1702 г. этот отряд прибыл в корпус Б. П. Шереметева.

В 1701 г. армия Карла XII сражалась в Польше. На территории Лифляндии и Эстляндии остался 8-тысячный отряд генерал-майора В. А. Шлиппенбаха, на территории Ингерманландии и Финляндии — 7-тысячный отряд генерал-майора А. Крониорта. Корпус Б. П. Шереметева насчитывал до 30 тыс. человек, но значительную его часть составляла иррегулярная конница (московские, смоленские и новгородские дворяне, украинские городовые, запорожские, слободские, яицкие казаки, башкиры, татары, калмыки). В этих условиях Б. П. Шереметев решил сделать ставку на ведение «малой войны»: набеги на мелкие отряды и гарнизоны противника, уничтожение обозов, запасов продовольствия и фуража, нарушение коммуникаций и т. д.

Уже летом 1701 г. крупные отряды иррегулярной конницы провели первые успешные рейды «за *Свейский рубеж*». В декабре корпус Б. П. Шереметева вторгся в Лифляндию и 29 декабря нанес поражение отряду В. А. Шлиппенбаха в сражении при Эрастфере, одержав первую победу русской армии в Северной войне. В его составе были и иррегулярные части, но в основном из числа гетманских и слободских полков, а также смоленских и новгородских дворян. Из национальной конницы в битве участвовали 150 татар и 55 «курских» калмыков. В апреле 1702 г. в корпус Б. П. Шереметева прибыли донские казаки и калмыки [Максимов 2016: 53], которые сыграли важную роль в новой победе над В. А. Шлиппен-

бахом — под Гуммельсгофом (18 июля 1702 г.). Шведы были разбиты наголову и бежали, бросив артиллерию и обоз. После этого иррегулярные отряды могли уже без помех разорять весь край. Летом 1702 г. к ним присоединились башкиры. Вот как красочно крупнейший российский историк С. М. Соловьев охарактеризовал рейд корпуса Б. П. Шереметева в августе–сентябре 1703 г.: *«... пошел гостить в Эстонию таким же образом, как гостил прошлый год в Лифляндах. Гости были прежние: козаки, татары, калмыки, башкирцы. Шлиппенбах бежал без оглядки. 5 сентября Шереметев вошел беспрепятственно в Везенберг... и кучи пепла остались на месте красивого города. Та же участь постигла Вейсенштейн, Феллин, Обер-Пален, Руин; довершено было и опустошение Ливонии»* [Соловьев 1993: 8].

В 1704 г. Аюка, который восстановил контроль над улусами, принудил дербетов Менко-Темира и зюнгаров Даши-Баатра покинуть Дон, но некоторым мелким тайшам удалось остаться. Грамота Петра I от 18 июля разрешила им кочевать вблизи Черкаска и Азова, служить наравне с казаками и получать жалование [Максимов 2016: 55]. Однако в результате откочевки большей части дербетов и зюнгаров с Дона новое ополчение калмыков в корпус Б. П. Шереметева собрать не удалось. В сражении при Гемауэртсгофе 15 июля 1705 г., проигранным Б. П. Шереметевым, участвовало 250 башкир, 50 татар и всего 20 калмыков [Рахимов 2014: 126].

В 1704 г. в Башкирии вновь вспыхнуло восстание. На его подавление осенью следующего года был направлен Б. П. Шереметев, который взял с собой башкир своего корпуса. Он активно использовал своих боевых соратников в ходе переговоров и увещеваний повстанцев и даже достиг некоторых успехов, но в 1706 г. его направили на подавление Астраханского восстания, а восстание башкир вспыхнуло с новой силой и продлилось до 1711 г. Несмотря на продолжающееся восстание, летом 1708 г. тысяча башкир была направлена на службу в Прибалтику и участвовала в осаде Риги, капитулировавшей в июле 1710 г. За этот поход 45 воинов получили звание тарханов [Рахимов 2014: 130].

В 1706 г., когда основной вектор сражений переместился на польское направление, Петр I вновь мобилизовал иррегулярную конницу, в том числе донских и «ханских» калмыков. В первую очередь она использовалась в «малой» войне. Русский посол в Дании князь В. Л. Долгоруков писал 3 октября 1708 г.: *«И все приежие офицеры из обозу шведцкого в Стокгоlm единогласно сказывают, что превеликую терпят обиду от партий, которые посылаютца от войск царского величества, а особливо от калмык и от казаков, которые выспатца не дадут. Времянем принуждены болши недели по две и денно и ночью быть одетыми; и по фураж выехать не дадут»* [Письма... 1951а: 755]. Зюнгарский нойон Баахан-тайша (князь М. Алексеев) позже вспоминал, что во время похода в Польшу его сын Яким Обьяк был послан с 60 калмыками и 50 чугуевцами *«для взятья швецких языков»*. Под Люблином он разгромил отряд из 300 шведов и 200 поляков, из которых 30 взял в плен, еще *«уметалось человек с 30»*, остальных *«всех побили»*. Затем отряд Я. Обьяка под Варшавой разбил еще одну вражескую партию, захватил языков и два польских знамени [Митиров 2002: 226–227].

Калмыцкие воины своим экзотическим видом и «варварством» деморализовали противника, вынуждая иной раз уклоняться от боя или вовсе бежать. В одном из столкновений со шведской кавалерией драгуны выпустили вперед калмыков на верблюдах. Шведские лошади, учуяв их запах (как здесь не вспомнить победу Кира Великого над Крёзом в сражении при Птерии) *«так испугались, что подались и выбились из строя; тут русские напали на них и разбили их»* [цит. по: Иванюк 2019: 103]. 2 октября 1706 г. у р. Варта калмыцкая конница (до 4 тыс. чел.) при поддержке донских казаков атаковала польский обоз. Станислав Лещинский выслал против них 3 тыс. своих всадников, однако их заманили в засаду. В ходе 3-часового боя 10 полков великого коронного гетмана Ю. Потоцкого были разбиты наголову, убиты до 600 поляков. Л. А. Бобров, описывая этот бой, подчеркнул, что калмыкам противостояло не только шляхетское ополчение, но и регулярные *«драгуны и рейтары»* [Бобров 2009: 102]. Неудивительно, что ко-

мандиры летучих отрядов старались заполучить себе побольше казаков и калмыков, поскольку для ведения «малой войны» они подходили лучше, чем драгуны или конно-гренадеры. Например, Ф. О. Бартенев в письме царю от 19 сентября 1708 г. запрашивал себе в отряд казаков и калмыков, «для того мы б с ними из обозу швецкого никою не выпустили... А ежели нам не изволишь пожаловать, не лутче ли изволиши отправить генерал-маеора Волконского с казаками и калмыками наперед или з боков швецкого корпусу» [Письма... 1951а: 696].

Помимо «малой войны», калмыки принимали участие в крупных сражениях, например при Калише (1706 г.) в составе армии А. Д. Меншикова, у Головчина (1708 г.) в составе отряда фельдмаршал-лейтенанта Г. фон дер Гольца, у Лесной (1708 г.) в составе отряда генерал-поручика К. Г. Флуга (Пфлюга) и др. В 1709 г. калмыки вошли в состав Заднепровского корпуса фон дер Гольца, направленного в Польшу для срыва мобилизации польских войск Станислава Лещинского и сковывания шведского корпуса Э. Д. фон Крассова [Шовунов 1991: 133–135; Максимов 2016: 56–59].

Действия калмыцких конников были весьма эффективными, и 7 февраля 1709 г. Петр I приказал П. М. Апраксину добиться от Аюки-хана направления нового воинского контингента: «По получении сего потрудитесь, дабы от Аюки получить к будущей весне, а имянно: к маию месяцу в службу нашу сюда к главной армии колмык добрых и с нарочитым и верным тайшою тысячи три. А буде толикого числа получить невозможно, то хотя две или по последней мере одну тысячу человек, и обещать им на рядовых против прежних примеров денги и протчее, а таише тому, також и знатым мурзам, дать знатную дачю... Конечно о сем, по всякой возможности, постарайтесь, зело нужно» [Письма... 1951б: 83]. Крупный историк петровской эпохи П. А. Кротов в своей обобщающей работе о Полтавской баталии писал: «Немаловажное значение монарх придавал присоединению к войскам большого отряда калмыцкой конницы» [Кротов 2018: 308]. Аюка выделил 3 300 всадников под командованием своего старшего

сына и наследника Чагдорджаба. Правда, они смогли выступить от Волги лишь 8 июня и дошли к Полтаве 3 июля 1709 г., после разгрома шведской армии. П. А. Кротов этот более чем 1 100-километровый марш-бросок оценил так: *«продвижение калмыков к месту грядущей битвы действительно было столь стремительным, что трудно представить, как так можно гнать лошадей долгое время... Скачка от берега Волги была очень быстрой — конная выездка калмыков в дальнем походе была показана в полной мере — но путь был начат слишком поздно»* [Кротов 2018: 309]. Впрочем, отряд Чагдорджаба внес свой вклад, хоть и косвенно, в Полтавскую баталию. Слухи о скором прибытии *«30-тысячной калмыцкой конницы»* стали одним из факторов, спровоцировавших Карла XII на авантюрную атаку укрепленных позиций русской армии 27 июня.

В Полтавском сражении приняли другие отряды калмыков в составе мощной (до 23 тыс. сабель) группировки иррегулярной конницы. Хотя они не действовали в составе кордебаталии, но своими разведывательно-диверсионными акциями в период осады Полтавы буквально терроризировали противника. *«Непрестанно на неприятельскую сторону партии легкой кавалерии отправляли, как волохов, казаков донских, калмыков, которые всегда неприятелю алярм делали и лошадей отгоняли, и одни разом большие семисот лошадей от обозу неприятельского отогнали, также и многих языков брали»* [цит. по: Иванюк 2019: 294]. На потери шведской кавалерии отразилось и сокращение корма для лошадей, так как невозможно было выехать из лагеря без большой охраны. Один шведский фенрик в поисках хорошей травы для лошадей удалился от лагеря на 7–8 км, но, увидев несколько калмыков, вернулся. При этом офицеры удивлялись храбрости юноши, рискнувшего *«пасти лошадей так далеко»* [Иванюк 2019: 295–296].

По словам того же П. А. Кротова, *«Роль калмыцкой конницы в битве под Полтавой однозначно была велика. О калмыках говорится в немалом числе источников... Казаки и калмыки занимали лесные массивы, окружавшие поля битвы, полевые укрепления к северу от Побыванки, пребывали в лесу у Яковцов. Их*

атака из Малобудищенского леса во фланг двигавшихся следом за шведскими полками для прорыва сквозь редуты запорожцев обратила последних в безостановочное бегство... На левом фланге 2-тысячный отряд казаков, калмыков и татар принял самое серьезное участие в конном сражении и преследовании бегущих до Малобудищенского леса и далее. Казацкие, калмыцкие и татарские наездники преследовали спасавшихся бегством шведов и их союзников вплоть до неприятельского обоза у села Пушкаревка» [Кротов 2018: 316–320]. По мнению К. П. Шовунова, в ходе Полтавской битвы донские калмыки сражались в составе соединения генерал-поручиков К. Э. Ренне и Р. Х. Боура (Бауэра), а чугуевские калмыки — в составе соединения генерал-майора князя Г. С. Волконского [Шовунов 1992: 220].

После победы 27 июня «были посланы указы украинским полковникам и легкому конному войску калмыков, бывшему при фельдмаршал-лейтенанте Гольце, спешно следовать за шведским королем и перехватывать пути его к Турецкой области» [Письма... 1951в: 1009–1010].

Однако после этой кампании использование национальных контингентов в Северной войне фактически прекратилось (если не считать вышеупомянутой тысячи башкир, участвовавших в осаде Риги). По всей видимости, это было связано с тем, что шведская армия теперь не рисковала вести боевые действия в поле, и оставшиеся годы российские вооруженные силы занимались осадами крепостей и операциями на море. Эффективность иррегулярной конницы в таких действиях невелика, и отказ от нее был вполне логичным. В русско-турецкой войне 1710–1713 гг. и Персидском походе 1722–1723 гг. от калмыцкой конницы не отказывались, а, наоборот, старались использовать максимально интенсивно.

Следует подчеркнуть, что в нач. XVIII в. Петр I произвел кардинальные реформы в российских вооруженных силах. Прежнюю армию, в основе которой была иррегулярная поместная конница, состоявшая из дворян (получавших за несение военной службы земельные поместья, призываемых на службу по мере необходимости и обучавшихся самостоятельно) и «полурегулярных» стрель-

цов, сменила регулярная армия. Теперь основу вооруженных сил составляли части, укомплектованные профессиональными военнослужащими, которые несли постоянную военную службу и постоянно упражнялись в военных «экзерцициях». Тем не менее иррегулярная конница (прежде всего, казачья и национальная) по-прежнему занимает важное место в русской армии. Как видится, тому было три причины: численность войск, качество русской кавалерии и дефицит бюджета.

Для безопасности гигантской территории империи и охраны ее протяженных границ России требовались огромные вооруженные силы. Неудивительно, что, начиная с XVIII в., ее армия считалась самой многочисленной в Европе. По данным В. Д. Пузанова, ссылающегося на подсчеты обер-секретаря Сената И. К. Кириллова, к 1725 г. в ней насчитывалось 340 тыс. чел., из которых 106 тыс. были иррегулярными. В состав последних входили 30 тыс. малороссийских, 14 тыс. донских, 12 тыс. слободских, 3 тыс. яицких, 9 тыс. сибирских городовых и линейных казаков. Оставшиеся 38 тыс. конников составляли контингенты из калмыков, казанских татар, башкир и мишарей [Пузанов 2016: 61]. На мой взгляд, количество национальных воинских формирований в подсчетах И. К. Кириллова было явно преуменьшено. В русско-турецкой войне 1735–1739 гг. Дондук-Омбо выставлял до 40 тыс. всадников, притом, что в его правление численность населения Калмыцкого ханства заметно уменьшилась по сравнению со временами Аюки. Но даже если принять цифры обер-секретаря Сената за основу, то очевидно, что к концу правления Петра I иррегулярная конница составляла почти треть армии, а национальные контингенты — девятую часть. В условиях хронического дефицита бюджета использование иррегулярной конницы, которая получала жалование (большой частью явно заниженное) только в период походов и которую не надо было обучать и содержать в мирное время, позволяло экономить огромные финансовые и людские ресурсы.

Кроме того, не следует переоценивать качество русской регулярной кавалерии 1-й пол. XVIII в. Для современной кавалерии европейского типа (особенно кирасиров) требовались рослые и

выученные скакуны, которых в России не разводили. Русские лошади в военном отношении были плохого качества, поэтому для службы в армии использовали низкорослых калмыцких и башкирских скакунов. Неудивительно, что в Северной войне почти вся регулярная кавалерия состояла из драгунских полков, хотя после Тридцатилетней войны их боевое значение в Европе считалось невысоким. Однако это был универсальный вид кавалерии (мог применяться как ездящая пехота), к тому же драгуны могли использовать низкорослых лошадей [Рахимов 2009: 13].

Хотя правительство и руководство российской армии осознавали эту проблему, но качество русской регулярной кавалерии не особо улучшилось и к началу следующей крупной европейской войны — Семилетней. По штатам, введенным в марте 1756 г., в составе русской кавалерии числилось: 6 кирасирских, 6 конно-гренадерских, 27 драгунских (в том числе 7 гарнизонных), 10 гусарских (в том числе 4 поселенных) полков. Однако качество большинства полков согласно воспоминаниям современников было невысоким. Генерал-аншеф (будущий фельдмаршал) А. А. Прозоровский в своих воспоминаниях о русской регулярной коннице того времени отозвался весьма пренебрежительно: *«О коннице же сказать можно, что ее не было»*. Большую часть регулярной кавалерии составляли драгунские полки, *«которые в рассуждении худого их содержания и неучения, почти не употреблялись»*. Вновь образованные (переформированные из драгунских) 6 конно-гренадерских и 3 кирасирских полка были *«мало способны»*, лишь старые кирасирские полки *«могли именоваться изрядною, но несовершенною конницей»* [Прозоровский 2003: 42].

Из 39 полков тяжелой и средней кавалерии для участия в войне было назначено 14 полков, но из них только два старых кирасирских полка *«не подлежали переформированию; 12 же полков должны были стянуться к границе, переменить конский состав, переранжировать людей по росту, перевооружиться холодным оружием (кирасиры огнестрельным и латами), изучить новый устав, а 8 полков — переобмундироваться»* [Масловский 1886: 33–34]. Немало проблем было и с качеством конского состава

ва (тем более что Военная коллегия в 1756 г. потребовала производить закупки лошадей в России, запретив поставки дорогих выученных скакунов из-за рубежа), и с их обучением (так как много времени тратилось на пограничную службу, на поиски пастбищ для подножного корма или сенокошения). К лету 1757 г. три новых кирасирских полка имели в строю лишь треть личного состава (остальные не имели выученных лошадей), а из 6 конно-гренадерских и драгунских полков (по 6 эскадронов в каждом) корпуса М. Г. фон Ливена удалось отобрать лишь 12 эскадронов, годных для участия в бою [Масловский 1886: 29–33]. Неудивительно, что в этих условиях Конференция министров при Высочайшем дворе (коллегиальный орган управления армией и внешней политикой в 1756–1762 гг.) решила более активно использовать иррегулярную конницу, которая не испытывала таких проблем с конским составом и выучкой личного состава. Известный военный историк и профессор Николаевской академии Генштаба Д. Ф. Масловский, который скептически оценивал роль иррегулярной конницы, в своем знаменитом труде о Семилетней войне писал: *«из 23 000 человек «нерегулярных», предназначенных к походу, половина по природным свойствам была неизмеримо выше искусственно воспитанной кавалерии... Совершенное разстройство нашей регулярной конницы во время войны с Фридрихом Великим само собой выдвигает на первое место войска „нерегулярная“»* [Масловский 1886: 52, [прил.] 181].

На самом деле, Конференция предназначила к походу еще больше людей (даже если не учитывать того, что Д. Ф. Масловский включил в число нерегулярной кавалерии 6 гусарских полков). Согласно плану от 6 апреля 1756 г., планировалось призвать на службу 19,5 тыс. сабель: 8 тыс. донских казаков, 541 чугуевского казака (треть из них — калмыки), 4 тыс. украинских казаков, 4 тыс. волжских калмыков, 2 тыс. башкир и мишарей, тысячу казанских татар. Соответствующий указ императрицы Елизаветы от 10 апреля 1756 г. потребовал от наместника Калмыцкого ханства Дондук-Даши собрать отборный 4-тысячный отряд «о двуконь», причем полностью вооруженный огнестрельным оружием.

На заседании 18 апреля было решено призвать дополнительно еще 4 тыс. украинских казаков, 4 тыс. калмыков, тысячу донских казаков, кампанейский полк (1 тыс. сабель) и 500 черкесов [Рахимов 2014: 137–138].

Отряды под командованием нойонов Баахан-Лаванга (внука Чагдорджаба) и Асархи (племянника предыдущего хана Дондук-Омбо) были укомплектованы уже к лету. Однако набор 8-тысячного ополчения (да еще и полностью вооруженного ружьями) в условиях набегов кубанцев и казахов и предстоящей тяжелой зимы показался Дондук-Даши весьма обременительным, и он обратился с просьбой об уменьшении «наряда». 16 февраля 1757 г. императрица уменьшила его численность до 5 тысяч воинов с *«калмыцкого обыкновения оружием»*. 11 марта Военная коллегия приказала отправить в армию С. Ф. Апраксина 2 тыс. калмыков, *«выбрав самых налутчих и сколько возможно панцырных и доброконных»*. Уже 6 июня этот отряд под командованием Баахан-Лаванга прибыл в Ковно и вошел в состав армии Апраксина. Остальные 3 тысячи под командованием Асархи несли службу под Царицыном. Из их состава 2 тыс. калмыков были откомандированы в Сибирь из-за разгрома Джунгарского ханства [Очиров 2009: 417]. Однако сведений, подтверждающих их службу на сибирских линиях в указанные годы, найти пока не удалось. Скорее всего, их вернули с полдороги.

Что касается тюрков, то осенью 1756 г. была сформирована и сразу выступила в армию С. Ф. Апраксина так называемая «разнонародная команда» из четырех пятисотенных полков разных народов, в которых числились: 531 башкир, 519 мишарей, 516 ставропольских калмыков, 500 казанских татар. Командирами полков были назначены местные старшины, например, Ставропольским полком командовал войсковой судья П. Торгоутский, а баширским — старшина Кара-Табынской волости К. Муллакаев [Рахимов 2014: 138]. По словам профессора Д. Ф. Масловского, *«все эти „разнонародныя“ команды оставили по себе память самых лихих наездников»* [Масловский 1886: 51]. Очень любопытны данные об их вооружении, приведенные Р. Н. Рахимовым: ставропольские

калмыки имели 67 сабель, 504 копья, 192 саадака, 333 ружья; башкиры — 58 сабель, 27 панцирей, 119 копий, 494 саадака; мишари — 206 сабель, 246 копий, 431 саадак, 86 ружей [Рахимов 2014: 140]. Как видно, калмыки почти все были вооружены копьями, но луки уже уступают место ружьям. У башкиров и мишарей главенствующим оружием пока остаются луки, при этом у мишарей довольно много копий и сабель.

Таким образом, из общей массы иррегулярных войск (в которые в то время включали и гусарские национальные полки) к тюрко-монголам можно отнести лишь две команды общей численности 4 тыс. всадников. Кроме того, примерно две сотни калмыков было в Чугуевском казачьем полку, 180 — в кампанейском казачьем полку и несколько сот калмыков — в донских казачьих полках. К. Н. Максимов оценил численность последних в 450 сабель [Максимов 2016: 75].

Следует заметить, что к тому времени в российской армии заметно возросла доля офицеров и генералов иностранного (европейского) происхождения, которые рассматривали тюрков и монголов Великой степи как орды ужасных дикарей и плохо представляли их боевые возможности. При отправке калмыцких отрядов в армию большое внимание уделялось тому, чтобы их маршрут пролегал вдали от поселений, а сами отряды сопровождался специальным конвоем из драгун, так как командование опасалось, что кочевники могут по пути разорить русские села. Складывается впечатление, что некоторые генералы российской армии того времени кочевников больше опасались, чем доверяли, хотя аналогичный поход 1 тыс. калмыков под командованием Басурман-тайджи в Лифляндию в 1746 г. прошел без эксцессов. Тем не менее калмыков вызвали на службу, так как главнокомандующий С. Ф. Апраксин настаивал на их включении в армию, поскольку *«звание оных великое у неприятеля уважение имеет»* [цит. по: Масловский 1886: 50–51].

Поначалу калмыков и *«разнонародную команду»* включили в *«легкий корпус»* Я. П. Сибильского, в составе которого они вступили в боевые действия. С первых дней войны легкая конница

вела активную разведку и совершала диверсии, в ходе которых рассеяла конные отряды противника. Население Восточной Пруссии, деморализованное слухами об «ужасных казаках и калмыках», покидало города. В кампании 1757 г. калмыцкие и турецкие отряды принимали участие во взятии Инстербурга и Алленбурга, в сражении при Гросс-Егерсдорфе. Однако вскоре русская армия остановила победное шествие на запад и отступила. За кампанию 1757 г. национальные формирования неоднократно удостоивались похвал и наград. Ставропольский полк получил за 3 месяца боев 3 рубля на бойца *«не в зачет жалованья»*. Главнокомандующий С. Ф. Апраксин писал: *«Я обойтись не могу об отменной храбрости сразившихся казаков, калмыков и гусар не донести»* [цит. по: Шовунов 1992: 227]. Вместе с тем служба в лесах и болотах Восточной Пруссии оказалась для калмыков тяжелой. Наибольшие потери они понесли не от врага, а от болезней. От оспы умер командир отряда нойон Лаванг; 19 февраля его преемник — тысячник зайсанг Бюрюн-Санг. Императрица Елизавета высоко оценила деятельность Баахан-Лаванга и в грамоте от 9 марта 1758 г., направленной Дондук-Даши (а марте 1757 г. возведенного в ханы), *«фамилии умершего владельца Лаванга за его отличные службы учинить высочайшее наше награждение»* [цит. по: Митиров 1998: 225].

Новый командующий В. В. Фермор, в отличие от С. Ф. Апраксина, скептически оценивал возможности иррегулярной конницы и перед началом кампании 1758 г. отправил большую ее часть домой, в том числе «ханских» калмыков, татар, башкир и мишарей. В историографии распространено мнение о том, что калмыки из-за оспы покинули действующую армию, причем этот слух подтверждают и современники [Прозоровский 2003: 49]. Однако сохранившиеся документы показывают, что калмыцкое войско было отпущено домой, при этом его разделили на пятисотенные команды, которые выступили поочередно и в сопровождении офицеров регулярных войск. Мало того, на смену этой команде согласно указу императрицы формировалось новое ополчение (1 тыс. чел.).

Из национальной конницы в армии остался лишь Ставропольский калмыцкий полк, а также Чугуевский казачий полк, треть которого была из калмыков. Они принимали участие во взятии Тильзита 2 января 1758 г., а затем в походе на Кенигсберг. Летом 1758 г. ставропольцы несли службу в составе 2-й дивизии А. М. Голицына, а чугуевцы — в 3-й дивизии П. А. Румянцева. Однако малочисленная иррегулярная конница действовала уже не так эффективно, как в первую кампанию. В последующие годы новый главнокомандующий П. С. Салтыков (бывший командующий украинской ландмилиции) восстановил «летучий корпус». Калмыки в составе отряда Г. фон Тотлебена участвовали в сражении при Пальциге в 1759 г., чугуевские калмыки в составе корпуса З. Г. Чернышева — во взятии Берлина в 1760 г.

Анализируя итоги войны, следует признать, что предвзятое отношение командования к иррегулярной коннице не позволило реализовать все ее возможности в Семилетней войне. Действия иррегулярной конницы в Восточной Пруссии по ведению «малой войны», аналогичные тем, что осуществлялись в Лифляндии в 1701–1704 гг. и в Польше и Украине в 1706–1709 гг. и будут осуществляться в России в 1812 г., теперь осуждались командованием. В самой Пруссии и Силезии «малая война» велась недостаточно активно, при этом командование старалось массировать иррегулярные силы, поручая им порой весьма значимые оперативные задачи. Захват Берлина в 1757 г. и 1760 г. в результате рейдов «летучих» отрядов А. Хадика и З. Чернышева соответственно тому яркое свидетельство. Между тем, основными целями «малой войны» являются не захваты столиц или бои с вражескими армиями, а ведение разведки, силовые действия на коммуникациях, прерывание путей сообщения и снабжения, уничтожение запасов продовольствия и фуража, мелких групп и баз обеспечения с целью истощения противника. Именно в таких боях получил свой первый командный боевой опыт пехотный подполковник А. В. Суворов, но иррегулярная кавалерия российской армии в 1760–1761 гг. была слишком слаба, чтобы повлиять на исход войны.

Складывается впечатление, что генералы российской армии, ведя «малую войну» в родных пенатах с максимальной эффективностью, выходя за границы империи и рефлексируя перед «просвещенной Европой», больше думали о «культурности» своих войск и старались сдерживать масштаб производимых войной разрушений. Именно поэтому они отказывались от наименее дисциплинированных формирований и предпочитали уменьшить силу и численность своих войск, нежели показаться «дикими азиатами» в глазах европейского обывателя. Но как долго смогла бы прусская армия продержаться в укрепленном лагере под Бреслау, если бы многотысячная иррегулярная конница отрезала ее от снабжения и связи со всей Пруссией, как Карла XII под Полтавой? И смог бы Фридрих II восстановить армию после разгрома под Кунерсдорфом, если бы ее бегущие остатки стала преследовать масса легкой кавалерии, подобно той, что была у А. Д. Меншикова под Переволочной? Увы, Семилетняя война для российской армии стала серией упущенных возможностей, которыми блестяще воспользовался Фридрих II, заслуженно получивший славу великого полководца.

В последующие годы российская армия стала усиливаться, особенно в период правления Екатерины II. Был проведен ряд военных реформ, которые значительно усилили боеспособность российских войск, позволив им одержать множество побед в ряде войн 2-й пол. XVIII в. Наиболее значимыми из них стали реформы Г. А. Потемкина, которому удалось наконец создать сильную регулярную кавалерию, способную на равных противостоять любой европейской коннице. Одновременно с этим началось усиление абсолютизма, которое выразилось в том числе и в ликвидации всех автономных образований в империи и выстраивании единой административной иерархии. В этих условиях роль иррегулярной конницы в целом, и национальной конницы в частности, должна была уменьшиться. Действительно, у башкир, мишарей, тептярей и ставропольских калмыков в конце XVIII в. прошла кантонная реформа, которая в значительной степени регламентировала жизнь этих инородцев. С ликвидацией ханства в 1771 г. изменилась и система несения военной службы калмыков в составе российской армии. Если раньше

калмыки самостоятельно формировали свои контингенты, определяли внутреннюю структуру, командный состав, вооружение и т. д., то теперь их стали переводить на общие стандарты иррегулярных войск русской армии. Если в 1783 г. отряд из 3 500 конников под командованием Тюменя-Джиргалана, направленный в состав Кубанского корпуса А. В. Суворова, комплектовался традиционным способом, то уже в 1795–1796 гг. во время 2-го Персидского похода в Кубанский корпус И. В. Гудовича был послан пятисотенный полк Сербеджаба Тюменя, сформированный и вооруженный по разрядам, спущенным из Петербурга.

Следует заметить, что в начале XIX в. в военном ведомстве активно обсуждался вопрос о переводе калмыков в регулярную конницу. Один из офицеров — подполковник А. В. Круль даже направил императору Александру I проект по организации *«необыкновенной конницы из калмыков»*, которые *«являясь по природе своей лихими и бесстрашными наездниками, могут без труда преодолевать реки, горные массивы, огромные расстояния и неожиданно нападать на противника, перехватывать его курьеров, ликвидировать обозы, разрушать мосты на пути и в тылу неприятеля»* [Шовунов 1990: 11–12]. Использовать калмыки должны традиционное вооружение, А. В. Круль даже предлагал вызывать на смотр в столицу 500 калмыков в «кольчугах» и с колчанами. Кроме того, автор проекта утверждал, что *«если научатся полевым и им привычным движениям, превзойдут всегда по легкости своей не только кроатов, но и всякого рода конницы»* [цит. по: Шовунов 1990: 12]. Однако верх в дискуссии одержали сторонники полного сохранения калмыцкой иррегулярной конницы с огнестрельным вооружением.

Следует заметить, что неправота А. В. Круля в данном случае не столь уж и очевидна. Конечно, огнестрельное оружие превосходит лук и стрелы по своему останавливающему действию и бронепробиваемости. Однако в XVIII – нач. XIX в. регулярные войска были вооружены в основном кремневыми гладкоствольными и дульнозарядными ружьями (мушкетами, фузеями и др.), которые стреляли (в зависимости от модели и качества оружия) на 100–

150 м и имели среднюю скорострельность примерно в 2 выстрела в минуту [Земцов 2018: 288]. Нарезные дальнобойные штуцеры для прицельной стрельбы в европейских армиях появились лишь в конце XVIII в., но и они были дульнозарядными, поэтому их скорострельность могла достигать 1 выстрела в 5 минут. Кавалеристы в большинстве случаев имели на вооружении укороченные варианты оружия (мушкетоны, карабины, а то и вовсе пистолеты). Монгольские составные луки били на такое же расстояние и даже дальше — до 200 м. Правда, прицельная дальность стрельбы из лука в реальном бою составляла 40–100 метров, но при стрельбе по скученным массам можно было использовать залпы по площадям. А превосходство лука в скорострельности над мушкетами и фузеями и вовсе было многократным.

Если же говорить о холодном оружии, то тюрко-монгольский всадник в кольчуге или ином доспехе имеет явное преимущество над европейскими кавалеристами (за исключением кирасиров). А ведь, например, калмыки могли еще использовать копейный удар, который в Европе нач. XIX в. практиковался только у уланов. Конечно, не все всадники имели такое вооружение, но воин, вооруженный только луком, ближнего боя избегал. Таким образом, единственной для европейца возможностью одолеть тяжело- или средневооруженного кочевника в ближнем бою был пистолет, который в суতোлке схватки еще надо было как-то зарядить. Главными недостатками иррегулярной конницы были ее слабая дисциплина, не умение держать строй и совершать сложные перестроения (также как и их скакуны).

Наполеоновские войны стали «лебединой песней» иррегулярной конницы, в которых она блестяще показала свои лучшие стороны и боевой потенциал. Особенно больших успехов добились донские казаки под командованием атамана М. И. Платова, однако национальные формирования также продемонстрировали свою эффективность. Я не буду рассматривать в данной статье участие национальных формирований в наполеоновских войнах, поскольку даже краткий обзор их боевого пути займет несколько десятков страниц. Кроме того, в историографии истории национальных ча-

стей российской армии период наполеоновских войн является одним из наиболее изученных, если не самым изученным. Поэтому интересующихся историей формирования и боевого пути национальных полков отсылаю к трудам своим и своих коллег [Калинин 2007; Максимов, Очиров 2012; Рахимов 2013; Рахимов 2014 и др.], а здесь сразу перейду к выводам.

Война 1805 г. хорошо показала значение и важность иррегулярной конницы. Ведь одним из факторов, приведших к поражению русско-австрийских войск, стала нехватка легкой кавалерии: из российской иррегулярной конницы в Австрии сражалось всего 10 донских казачьих полков. В результате они не смогли постоянно и точно вскрывать все передвижения войск Наполеона и направления его коммуникационных линий. Мало того, они не смогли создать плотную завесу прикрытия от разведки противника, что также сыграло свою роль в поражении войск третьей коалиции под Аустерлицем.

Эта ошибка была учтена, и в новой войне, к которой Россия сразу стала готовиться, количество иррегулярных полков увеличилось. В кампании 1806 г. в составе российской армии было уже 14 донских полков (в том числе 8 — в казачьем корпусе М. И. Платова). Кроме того, в армию было вызвано еще 14 донских полков, а в ноябре 1806 г. вышли указы о наборе 10 башкирских, тептярского, 10 калмыцких, Ставропольского калмыцкого, 2 уральских и 2 оренбургских казачьих полков, в январе 1807 г. — еще 10 башкирских полков [Максимов, Очиров 2012: 269, 273; Рахимов 2014: 204]. Как уже говорилось ранее, калмыцкое ополчение еще с конца XVIII в. формировалось и вооружалось по спущенным сверху штатам, которые командование российской армии старалось унифицировать со штатами донских казачьих полков. В калмыцком ополчении 1807 г. было 5 186 всадников, которые имели 10 278 лошадей и 215 верблюдов, 2 850 ружей, 2 424 пики, 866 сабель [Беликов 1965: 115]. Как видно, к тому времени калмыки по-прежнему действовали «о дву-конь», но более половины всадников были вооружены ружьями, которые вытеснили лук и стрелы как вид вооружения. Вместе с тем, пики все еще оставались главным видом

оружия рукопашного боя. Что касается башкир, тептярей и ставропольских калмыков, то и у них переход на полковую организацию окончательно произошел в конце XVIII в. Однако вооружение во многом оставалось традиционное, в том числе луки и стрелы. Именно поэтому французы, впервые столкнувшись с башкирами, прозвали их «северными амурами» или «злыми купидонами» [Рахимов 2014: 222]. Казачьи полки показали себя хорошо, однако национальные части были вызваны в действующую армию слишком поздно. На войну успели попасть лишь 4 башкирские пятисотенные команды и Ставропольский калмыцкий полк, и к тому времени их участие на исход войны, проигранной в сражении 2 июня 1807 г. под Фридландом, никак повлиять не могло.

К войне 1812–1814 гг. обе стороны готовились заранее. В Великой армии, направленной против России в 1812 г., были собраны войска почти со всей континентальной Европы. Кроме французских соединений, в Великой армии числились пять германских и один польский корпус (не считая отдельных дивизий и полков), итальянские дивизии, голландские, датские, швейцарские, хорватские, португальские, испанский полки. Неслучайно вторжение войск Наполеона часто именовали нашествием *«галлов с двенадцать языцы»*. Для его отражения Россия мобилизовала огромные силы, в том числе 31 пятисотенный полк, составленный из тюрко-монгольских народов (20 башкирских, 4 крымско-татарских, 3 калмыцких, 2 мещеряжских, 2 тептярских). Иррегулярная конница (донские, малороссийские, украинские, бугские, черноморские, оренбургские, уральские казаки, калмыки, татары, башкиры, мишари, тептяри и др.) сыграла важную роль в войне 1812–1814 гг., и национальные полки внесли достойную лепту в победу над лучшей армией того времени.

При анализе истории формирования национальных полков в Отечественной войне 1812 г. и Заграничном походе 1813–1814 гг. следует отметить такую деталь. Несмотря на стремление к унификации национальных частей, они имели разное вооружение: калмыцкие полки по настоянию командования были полностью вооружены огнестрельным оружием, вытеснившим лук и стрелы,

в то время как для тюркских частей было характерно преобладание традиционного оружия. С другой стороны, нельзя не согласиться с мнением Р. Н. Рахимова о том, что перевод на полковую организацию приблизил национальные формирования к «европейским стандартам» войны, а почти идентичные штаты позволяли быстрее и эффективнее *«решать вопросы боевого планирования, снабжения и передвижения войск»* [Рахимов 2014: 224].

В кампании 1812 г. иррегулярные полки, отличавшиеся легкостью и мобильностью, прекрасно вписались в так называемую «скифскую» стратегию, избранную командованием российской армии в начале войны. Конечно, особенно блестяще в рамках этой стратегии иррегулярные полки показали себя при ведении «малой войны». Действуя небольшими партиями, отдельными частями или в составе летучих корпусов, национальные формирования приняли участие во многих операциях «малой войны»: проведении разведки и прикрытии своих войск и коммуникаций, прерывании снабжения и связи, уничтожении пополнений, запасов продовольствия и фуража, нападениях на гарнизоны, отряды и даже соединения на флангах и в тылу противника. Эти, казалось бы, мелкие акции в сумме складывались в значимые операции, серьезно влиявшими на исход войны. Например, Ставропольский калмыцкий полк в составе летучего корпуса Ф. Ф. Винцингероде участвовал в налете на Велиж 27 июля, что вынудило Наполеона отвлечь против них большие силы кавалерии и 15-ю дивизию Д. Пино, которая на день опоздала к Бородинской битве. А ведь в том сражении судьба российской армии была, что называется, «на волоске», и лишняя дивизия противника вполне могла бы решить исход битвы и даже войны. Затем летучий корпус сражался с армейским корпусом Богарне под Звенигородом, блокировал Москву с севера, преследовал отступающего противника и принял участие в поражении корпуса Богарне на р. Вопь [Очиров 2020б]. Успех в «малой войне» стал ключевым фактором для того, чтобы Великая армия, которая в первые четыре месяца войны не проиграла ни одного крупного сражения и захватила Москву, на пятом месяце проиграла кампанию и, в конечном итоге, всю войну.

Помимо действий в «малой войне», иррегулярные национальные полки принимали участие во многих батальных вместе с регулярными частями и соединениями (в том во всех генеральных сражениях), в авангардных и арьергардных стычках, в кавалерийских завесах по прикрытию марш-маневров крупных объединений, осадах и блокадах крепостей и т. д. Ряд иррегулярных частей прошли славный боевой путь от России до Франции без переформирования и даже без пополнений. Командный состав национальных полков за отличия мог награждаться орденами и действительными чинами по «Табели о рангах» с соответствующими льготами и привилегиями. Тем самым представители национальных элит успешно интегрировались в имперское сословное общество.

Многие иррегулярные национальные полки по мере накопления опыта успешно противостояли более тяжелой кавалерии, неоднократно наносили поражение пехотным колоннам и захватывали вражеские батареи. Например, 2-й Калмыцкий полк под командованием майора нойона С. Тюменя в кампании 1812 г. в лобовом столкновении опрокинул саксонских шеволежеров в бою 18 июля под Пружанами и литовских улан в бою под Слонимом 7 октября. В кампании 1813 г. полк Тюменя участвовал в блестящем для российской конницы сражении на Кацбахе 14 августа, в бою под Элленбергом 23 сентября истребил два драгунских эскадрона, а в титанической «Битве народов» под Лейпцигом атаковал вражескую батарею, захватив несколько пушек. Наконец, в кампании 1814 г. 2-й Калмыцкой полк в бою под Сезанном 13 февраля разбил два эскадрона кирасиров, в бою под Муа 15 февраля — эскадрон мамилуков Императорской гвардии, в бою при Суассоне 1 марта опрокинул колонну пехоты [Очиров 2020а]. В сражении при Фер-Шампенуазе 13 марта 1814 г. конники Тюменя, *«презирая всю опасность и жертвуя отважно собою несмотря на сильные неприятельские из пушек ядрами, гранатами и картечью выстрелы и ружейные залпы со всею неустрашимостию врубались в неприятельские колонны»* и захватили вражескую батарею [РГВИА. Ф. 103. Оп. 208а. Св. 0. Д. 72. Л. 8, 30, 35об.]. Немало аналогичных примеров можно найти в описаниях боевых действий тюркской конницы [Рахимов 2013; Рахимов 2014].

Как видно, иррегулярные полки (в том числе национальные) в своих действиях фактически приблизились к регулярной кавалерии, что заметно усилило их боевые качества. Однако война 1812–1814 гг. стала последней, в которой народы России столь массово формировали свои национальные части. Усиливающееся «опруссачивание» армии, схоластичное заимствование принципов европейской военной школы, приведшие к распространению доктринёрства, не оставляли места для иррегулярной конницы. Даже казачьи войска подверглись значительным реформам, превратившим их в регулярную кавалерию. Что касается национальных частей, то калмыков (за исключением калмыков-казаков), оказавшихся в начале XIX в. уже довольно далеко от границ постоянно расширяющейся империи, после наполеоновских войн перестали призывать на военную службу. Ставропольское калмыцкое войско в 1842 г. влило в состав Оренбургского казачьего войска и переселили на Новую линию. Башкиро-Мещеряжское войско (с 1855 г. переименовано в Башкирское после присоединения тептярских полков) продолжало нести *«службу трудную»*. Но после Кокандских походов 1850 и 1852 гг., захвата Ак-Мечети и строительства новых пограничных линий нужда в охране Оренбургской линии отпала, и в 1865 г. Башкирское войско было упразднено.

При общем анализе действий тюрко-монгольских кочевников в составе вооруженных сил России в XVIII – нач. XIX в. видно, что они в первую очередь использовались в Великой степи, в районах своего проживания: калмыки — в Северном Причерноморье и Северном Кавказе для борьбы с крымскими татарами и ногайцами; башкиры, мишари, тептяри, ставропольские калмыки, сибирские татары – в Южном Приуралье и Южной Сибири для охраны степной границы; буряты (с эвенками) — в Забайкалье также для охраны границы. Использование других народов (казанские и астраханские татары) на военной службе постепенно сокращалось. Помимо этого, тюрко-монгольская конница принимала участие и в войнах на европейских театрах, в том числе и в трех крупнейших войнах исследуемого периода — Северной 1700–1721 гг., Семи-

летней 1756–1763 гг., Отечественной 1812 г. и Заграничном походе 1813–1814 гг.

Следует подчеркнуть, что наибольших успехов тюрко-монгольская конница добивалась, когда имела возможность полностью реализовать свои преимущества и использовать привычную для кочевников тактику. В стратегическом плане нельзя не отметить роль калмыцкой армии на кубанском театре военных действий в ходе русско-турецких войн. Калмыки при минимальной поддержке союзников (до 5 тыс. сабель) полностью брали на себя ведение боевых действий в этом регионе, благодаря чему Россия могла высвободить силы для основных театров военных действий. После откочевки 1771 г. и ликвидации Калмыцкого ханства на этот театр пришлось вводить регулярные корпуса и дивизии, переселять казачьи войска, строить протяженные укрепленные линии. В течение исследуемого периода тюрко-монгольские воинские формирования российской армии пережили заметную эволюцию. Если в начале XVIII в. указанные народы сами формировали свои воинские контингенты, то уже к концу XVIII в. все национальные формирования были переведены на полковую организацию по примеру донских полков.

В войнах России в XVIII в. тюрко-монгольская конница составляла значительную часть российской армии. Империя с обширной территорией и протяженной границей нуждалась в огромных вооруженных силах (которые были крупнейшими в Европе), и использование иррегулярной конницы позволяло значительно экономить финансовые и материальные ресурсы. Кроме того, военная служба нерусских народов в составе российской армии оказалась одним из самых действенных путей интеграции их национальных элит в имперское общество.

Источники¹

АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи Министерства иностранных дел РФ.

НАРК — Национальный архив Республики Калмыкия.

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив

¹ Список источников и литературы в обеих частях статьи приводится полностью.

- Письма... 1951а — Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 8. Вып. 2 (Примечания к № 2461–2953, напечатанным в первом выпуске VIII тома). М.: АН СССР, 1951. С. 411–1178.
- Письма... 1951б — Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 9. Вып. 1 (Январь–декабрь 1709 г.). М.: АН СССР, 1950. 526 с.
- Письма... 1951в — Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 9. Вып. 2 (Примечания к № 2954–3560, напечатанным в первом выпуске IX тома). М.: АН СССР, 1951. С. 531–1619.
- Разрядная книга 1975 — Разрядная книга 1550–1636 гг. Т. I / сост. Л. Ф. Кузьмина. М.: Наука, 1975. 460 с.

Литература

- Батмаев 2009 — *Батмаев М. М.* Участие калмыков в войнах России с 50-х гг. XVII в. до 1725 г. // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. Т. 1. Элиста: Герел, 2009. С. 377–385.
- Беликов 1965 — *Беликов Т. И.* Калмыки в борьбе за независимость нашей Родины. Элиста: Калмиздат, 1965. 179 с.
- Бичурин 1991 — *Бичурин Н. Я. (Иакинф).* Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. 2-е изд. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. 128 с.
- Бобров 2009 — *Бобров Л. А.* Военное дело и его эволюция в XVII–XVIII веках // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. Т. 3. Элиста: Герел, 2009. С. 83–103.
- Бобров 2014 — *Бобров Л. А.* Калмыцкая конница в Русско-польской войне 1654–1667 годов. Вооружения, тактика, военная стратегия // Історія давньої зброї. Дослідження 2014: зб. наук. пр. / упорядник Д. Тоїчкін; Інститут історії України НАН України; Національний військово-історичний музей України. К.: Ін-т історії України НАНУ, 2014. С. 47–63.
- Бобров 2016 — *Бобров Л. А.* Тактическое искусство крымских татар и ногаев конца XV – середины XVII вв. // История военного дела: исследования и источники. 2016. Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480–2015. Ч. II. С. 210–388.
- Броневский 1834 — *Броневский В. Б.* История Донского войска. Ч. III. СПб.: Типография заготовления Государственных бумаг, 1834. 214 с.
- Волков 2020 — *Волков В. А.* Были и небыли ливонской войны 1558–1583 годов. М.: Прометей, 2020. 412 с.

- Георги 1799 — *Георги И. Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. В 4 ч. Ч. II. О народах татарского племени и других не решенного еще происхождения Северных Сибирских. СПб.: Императорская Академия наук, 1799. 178 с.
- Захаревич 2012 — *Захаревич А. В., Очиров У. Б.* Калмыки и донские казаки на службе в калмыцком ополчении 1808 года на Кавказской линии (к постановке проблемы) // Участие народов России в Отечественной войне 1812 г.: Мат–лы Всерос. науч. конф. (г. Элиста, 11–14 сентября 2012 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2012. С. 121–129.
- Земцов 2018 — *Земцов В. Н.* Великая армия Наполеона в Бородинском сражении. М.: Эксмо, 2018. 640 с.
- Иванюк 2019 — *Иванюк С. А.* Малая война русской армии в период подготовки Полтавского сражения. СПб.: Историческая иллюстрация, 2019. 352 с.
- История... 1995 — История казачества Азиатской России. В. 3 т. Т. 1. XVI – первая половина XIX века. Екатеринбург: Ин-т истории и археологии УРО РАН, 1995. 316 с.
- История... 1988 — История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М.: Наука, 1988. 544 с.
- Калинин 2007 — *Калинин С. Е.* Ставропольское калмыцкое войско // Рейтар. 2007. № 38. С. 26–38.
- Кротов 2018 — *Кротов П. А.* Полтавская битва. Переломное сражение русской истории. М.: Яуза-каталог, 2018. 640 с.
- Лобин 2009 — *Лобин А. Н.* К вопросу о численности вооруженных сил Российского государства в XVI в. // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2009. № 1–2. С. 45–78.
- Максимов 2002 — *Максимов К. Н.* Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России. М.: Наука, 2002. 523 с.
- Максимов 2016 — *Максимов К. Н.* Калмыки в составе донского казачества (XVII – середина XX в.). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2016. 576 с.
- Максимов, Очиров 2012 — *Максимов К. Н., Очиров У. Б.* Калмыки в наполеоновских войнах. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2012. 519 с.
- Маннапов 2008 — *Маннапов М. М.* К вопросу о межэтнических контактах и летних кочевках башкир и калмыков в XVII в. в Степном Завол-

- жье // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4-3 (60). С. 156–159.
- Масловский 1886 — *Масловский Д. Ф.* Русская армия в Семилетнюю войну. Вып. 1-й. Поход Апраксина в Восточную Пруссию (1756–1757 гг.). М.: Типография Окружного штаба, 1886. [678] с. разд. паг.
- Митиров 1998 — *Митиров А. Г.* Ойраты – калмыки: века и поколения. Элиста: Калм. кн изд-во, 1998. 384 с.
- Митиров 2002 — *Митиров А. Г.* Истоки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. 272 с.
- Очиров 2009 — *Очиров У. Б.* Участие калмыков в войнах в 1724–1771 гг. // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. Т. 1. Элиста: Герел, 2009. С. 410–420.
- Очиров 2009 — *Очиров У. Б.* Формирование калмыцкого этноса // Калмыки (серия «Народы и культуры»). М.: Наука 2010. С. 35–47.
- Очиров 2020a — *Очиров У. Б.* 1st and 2nd Kalmyk Regiments in the War of 1812–1814: Military Awards of Their Members // *Bylye Gody*. 2020. Vol. 56. Is. 2: P. 604–613.
- Очиров 2020b — *Очиров У. Б.* Stavropol Kalmyk Regiment in the Napoleonic Wars: Military Awards of Their Members // *Bylye Gody*. 2020. Vol. 57. Is. 3. P. 993–1002.
- Очиров, Лиджиева 2019 — *Очиров У. Б., Лиджиева И. В.* Калмыки в составе Российского царства и империи // Электронный научно-образовательный журнал «История». [Электронный ресурс] 2019. Т. 10. // URL: <https://history.jes.su/s207987840006047-0-1> (дата обращения: 01.10.2020)
- Пенской 2008 — *Пенской В. В.* Военный потенциал Российского государства в конце XV – XVI вв.: количественное измерение // Отечественная история. 2008. № 1. С. 3–13.
- Пенской 2010 — *Пенской В. В.* Военный потенциал Крымского ханства в конце XV – начале XVII в. // Восток (Oriens). 2010. № 2. С. 56–66.
- Потто 1887 — *Потто В. А.* Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях: в 5 т. Т. 1. От древнейших времен до Ермолова. СПб.: Тип. Е. Евдокимова, 1887. 737 с.
- Потто 1912 — *Потто В. А.* Два века терского казачества (1577–1801). В 2 т. Владикавказ: Электропечатня Типографии Терского Областного Правления, 1912. Т. 1. IX+118 с.
- Прозоровский 2003 — *Прозоровский А. А.* Записки генерал-фельдмаршала князя Александра Александровича Прозоровского (1756–1776). М.: Российский архив, 2003. 784 с.

- Прозрителев 1990 — *Прозрителев Г. Н.* Военное прошлое наших калмык. 2-е изд., репринтное. Элиста: Санан, 1990. 144+28+60+44+30+XXXXIII с.
- Пузанов 2016 — *Пузанов В. Д.* Военная служба нерегулярных частей Российской империи в Сибири XVIII в. // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2016. № 4. С. 61–67.
- Рахимзянов 2009 — *Рахимзянов Б. Р.* Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории. Казань: Татар. кн. изд-во, 2009. 207 с.
- Рахимов 2009 — *Рахимов Р. Н.* Традиции Золотой Орды в военном деле башкир XVII–XVIII вв. // Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)» (Казань, 17 октября 2009 г.). Вып. 1. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. С. 170–174.
- Рахимов 2011 — *Рахимов Р. Н.* «Представления барона Игельстрема» как план реформирования Оренбургского корпуса // Человек — текст — эпоха. Сб. науч. статей и мат-лов. Вып. 4. Аналитические практики и перспективы современного источниковедения. Томск: изд-во Томского ун-та, 2011. С. 115–121.
- Рахимов 2013 — *Рахимов Р. Н.* Национальная конница императора Александра I в наполеоновских войнах. 1807–1814 гг. Москва: ИД Клио, 2013. 104 с.
- Рахимов 2014 — *Рахимов Р. Н.* На службе у «Белого царя». Военная служба нерусских народов юго-востока России в XVIII – первой половине XIX в. М.: РИСИ, 2014. 544 с.
- Соловьев 1993 — *Соловьев С. М.* Сочинения. Кн. VIII. История России с древнейших времен. Т. 15–16. М.: Мысль, 1993. 639 с.
- Тепкеев 2016 — *Тепкеев В. Т.* Джунгары на Юге России в конце XVII в. // Вестник КИГИ РАН. 2016. № 1. С. 12–18.
- Чонов 2006 — *Чонов Е.* Калмыки в русской армии XVII, XVIII вв. и 1812 год. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2006. 142 с.
- Шовунов 1990 — *Шовунов К. П.* Во славу Отечества. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1990. 60 с.
- Шовунов 1991 — *Шовунов К. П.* Очерки военной истории калмыков (XVII–XIX вв.). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. 189 с.
- Шовунов 1992 — *Шовунов К. П.* Калмыки в составе российского казачества (вторая половина XVII – XIX вв.). Элиста: КИОН, 1992. 320 с.

УДК 94(47).084.8

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-4-16-40-54

Мемориализация участников Великой Отечественной войны в книгах памяти районов и сел Калмыкии

*Валентина Николаевна Воробьева*¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000
Элиста, Российская Федерация)
младший научный сотрудник
E-mail: valenti9708@gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2020

© Воробьева В. Н., 2020

Аннотация. Статья посвящена анализу процесса мемориализации жителей Калмыцкой АССР — участников Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в книгах памяти районов и сел Калмыкии. На данный момент в региональной историографии имеются книги памяти четырех районов (Приютненского, Целинного, Яшкульского и Черноземельского) и трех сельских муниципальных образований (Чилгира, Эрдниевского и Артезиана). В этих изданиях приведены различные аннотированные и неаннотированные списки участников войны 1941–1945 гг. из соответствующих районов и населенных пунктов. Эти списки имеют разную степень информативности, но там, где составители книг памяти работали в течение долгого времени, методично и добросовестно, составленные ими списки охватывают большинство разыскиваемых ими персоналий. Тем не менее задача полной мемориализации наших земляков, участвовавших в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., и по сей день остается до конца не решенной.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Красная армия, Калмыцкая АССР, Книга памяти, ветераны

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490038-5).

Для цитирования: Воробьева В. Н. Мемориализация участников Великой Отечественной войны в книгах памяти районов и сел Калмыкии // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 4. С. 40–54. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-4-16-40-54

UDC 94(47).084.8

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-4-16-40-54

The Memorialization of the Participants of the Great Patriotic War in the Memorial Books of the Regions and Villages of Kalmykia

*Valentina N. Vorobieva*¹

¹Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, the Russian Federation)

Junior Researcher

E-mail: valenti9708@gmail.com

© KalmSC RAS, 2020

© Vorobieva V. N., 2020

Abstract. The article gives the analysis of the memorialization process of the residents of the Kalmyk ASSR — the participants of the Great Patriotic War 1941–1945 in the memorial books of the regions and villages of Kalmykia. Nowadays, in the regional historiography there are memorial books of the four regions (Priyutnenskiy, Tselinniy, Yashkulskiy and Chernozemelskiy) and the three village municipal units (Chilgir, Erdnievskiy and Artezian). These publications have different annotated and non-annotated lists of the participants of the 1941–1945 war from the respective regions and villages. These lists have varying degrees of informational content, but the lists that have been methodically and conscientiously compiled for a long time cover most of the persons they were looking for. Nevertheless, the task of complete memorialization of our fellow countrymen who participated in the Great Patriotic War of 1941–1945 remains unresolved to this day.

Keywords: The Great Patriotic War, the Red Army, Kalmyk ASSR, Memorial Book, veterans

Acknowledgement. The research was conducted within the scope of government grant – the project “An Integrated Research of Socio-political and Cultural Development Processes of people from the South of Russia (state registration number AAAA-A19-119011490038-5).

For citation: Vorobieva V. N. The Memorialization of the Participants of the Great Patriotic War in the Memorial Books of the Regions and Villages of Kalmykia. In: *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2020. № 4. Pp. 40–54. (In Russ.) DOI: 10.22162/2587-6503-2020-4-16-40-54

Победа в Великой Отечественной войне досталась нашему народу очень дорогой ценой. Сохранение памяти об этом, о миллионах советских воинов, павших в боях за свободу нашей Родины, является одной из наиболее актуальных задач для отечественной историографии. Общеизвестно, что война не считается законченной, пока с почестями не захоронен последний солдат. Многие десятилетия историки, архивисты, поисковики ведут работу по выявлению имен советских воинов, павших на фронтах Великой Отечественной войны, по поиску мест их захоронений, но судьбы сотен тысяч людей так и остаются невыясненными.

Свой вклад в Победу в Великой Отечественной войне внесли и наши земляки — жители Калмыцкой АССР. По данным профессора К. Н. Максимова, опиравшегося на сводки Генштаба, из Калмыкии было призвано 43 210 человек [Максимов 2010: 344]. Следует помнить, что в это число не вошли бойцы истребительных отрядов НКВД, позже ставшие партизанами, и добровольцы, которых зачислили на службу при прохождении воинских частей через калмыцкие села, минуя военкоматы. Если учесть, что по данным Всесоюзной переписи населения 1939 г. в Калмыцкой АССР проживало 220 684 чел. [Всесоюзная... 1992: 24], то получается, что в ряды Красной армии был призван почти каждый пятый житель региона. Следует помнить о том, что в Калмыкии до войны была высокая рождаемость и по данным переписи 1939 г. 38,9 % ее населения составляли дети в возрасте до 14 лет [Всесоюзная... 1992: 32]. К сожалению, мы на данный момент не располагаем точными данными по интересующим нас возрастам, поэтому вынуждены

прибегнуть к экстраполяции и расчетам. Согласно данным переписи 1939 г., почти 107 тыс. жителей Калмыкии были в возрасте от 15 до 49 лет, которые в 1941–1943 гг. гипотетически относились к призывным годам. Если вычесть из этой цифры примерно половину женщин, то получим 53,5 тыс. мужчин, которые могли быть призваны в годы войны. Из этой цифры следует вычесть ценных специалистов, имевших так называемую «бронь». По данным У. Б. Очирова, таких в Калмыкии к маю 1943 г. было 1 033 чел. [Очиров 2013: 59]. Еще 1 210 военнообязанных в возрасте от 51 до 55 лет (в январе 1939 г. им было от 46 до 50 лет) находились на учете в военкоматах, но не были призваны¹ [Очиров 2013: 59]. Нельзя забывать о том, что часть территории Калмыкии в 1942–1943 гг. подверглась оккупации, и несколько тысяч жителей республики (в том числе мужчин призывного возраста) оказались угнаны на запад. Наконец, призыву не подлежали мужчины, имеющие различные заболевания или увечья, или по «политико-моральному состоянию» (в 1939 г. в Калмыкии проживало 4,15 тыс. советских немцев [Всесоюзная... 1992: 66]). Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что Калмыкия направила на фронт максимально возможное количество военнообязанных.

По данным К. Н. Максимова, из 43,2 тыс. наших земляков, воювавших в годы войны, более 14,7 тыс. погибли, умерли от ран или пропали без вести [Максимов 2010: 344]. Задача выявления их имен и сохранения памяти о них стала активно решаться с начала 1990-х гг. в рамках проекта Всесоюзной, а затем Всероссийской «Книги Памяти». Фактически в Калмыкии мемориализация памяти о наших земляках, погибших в годы Великой Отечественной войны, до последнего времени осуществлялась в основном в Книгах памяти, что показывает их большое научное и общественное значение.

Первоначально основные усилия сконцентрировались вокруг региональной Книги «Память — Санл», которая была опубликова-

---

¹ К сожалению, нет возможности выделить точную цифру призванных до июня 1941 г., поскольку опубликованные материалы переписи не дают такой информации.

на в четырех томах (первые два тома — в 1995 г., 3-й — в 2005 г., 4-й — в 2010 г.) [Память 1995а; Память 1995б; Память 2005; Память 2010]. В эту «Книгу Памяти» вошли списки имен наших земляков, погибших, умерших от ран, пропавших без вести. Кроме того, необходимо отметить «тематические» книги памяти, посвященные определенным категориям лиц, например воинам 110-й Калмыцкой кавдивизии, военнопленным, награжденным или ветеранам, дожившим до определенной даты [Манджиев 2015; Солдаты Победы 2007; Солдаты Победы 2010; Солдаты Победы 2015; Цобдаев 2010; Широлаг 2000]. Их достоинства и недостатки разобраны в работах У. Б. Очирова [Очиров 2016а; Очиров 2016б].

Появление первых Книг памяти регионального характера послужило основой для создания аналогичных работ районного уровня и даже отдельных муниципальных образований. Разберем их более подробно. На данный момент мы располагаем книгами памяти или иными книгами, содержащими в себе списки участников Великой Отечественной войны района, по четырем районам и трем сельским муниципальным образованиям.

Самой первой (в 1995 г.) была опубликована работа по Яшкульскому району [Богаев 1995], в которой автор — известный журналист и редактор районной газеты «Искра» Б. А. Богаев привел очерки о 36 ветеранах с биографиями и фотографиями. В основном это были уроженцы Калмыкии, но несколько персоналий прибыло в республику уже после завершения войны. В 2005 г. автор переиздал свою работу в расширенном варианте [Богаев 2005]. В книге опубликованы очерки о 76 ветеранах, в которые вошли их биографии, архивные документы, характеристики, воспоминания родственников и товарищей, которые знали их. Сам автор в предисловии подчеркнул: *«Безусловно, на этом не завершается рассказ об односельчанах, которые много сделали для победы над фашистской нечистью, чьи имена навсегда останутся в наших сердцах. Они достойны того, чтобы мы помнили их, чтобы память о них была увековечена»* [Богаев 2005: 3].

Следует заметить, что Борис Андреевич вплоть до своей безвременной кончины в 2009 г. в своих изысканиях опирался только

на данные, полученные путем индивидуальных изысканий, личных опросов и интервью. Между тем жизнь не стоит на месте, развиваются новые технологии, в том числе и цифровые. Огромным подспорьем в деле мемориализации ветеранов Великой Отечественной войны стали электронные Обобщенные банки данных «Мемориал» (содержащий в себе информацию о погибших, раненых, пропавших без вести, пленных) [ОБД «Мемориал»] и «Подвиг народа» (содержащий в себе информацию о награжденных) [ОБД «Подвиг народа»]. Использование этих баз данных открыло широкие возможности для новых исследований при составлении списков участников войны 1941–1945 гг.

Это хорошо можно увидеть на примере «Книги памяти» Яшкульского района, опубликованной Т. Б. Инджиевой [Книга 2015]. Следует подчеркнуть, что Тамара Босхомджиевна использовала максимально возможный спектр источников для своих изысканий: опубликованные книги памяти («Санл», списки широклаговцев и т. д.), электронные базы данных (ОБД «Подвиг народа» и «Мемориал»), архивные сведения (из Национального и районного архивов, архивов республиканского и районного военкоматов, архивов районного и муниципальных образований), подворные опросы, сведения из периодической печати, работы учащихся. В результате в «Книге памяти» Яшкульского района был опубликован аннотированный список из 1 620 участников Великой Отечественной войны, расположенный в алфавитном порядке с указанием года и места рождения, названия военкомата и даты призыва, места службы, воинского звания и должности, сведений о награждениях, даты убийства или смерти. В работе также приведены аннотированные списки жителей Яшкульского района: умерших в плену (21 чел.), награжденных за ратные подвиги (356 чел.), широклаговцев (149 чел.). Каждая персоналия из этих списков сопровождается краткими биографическими сведениями. Разумеется, в ряде случаев имеют место повторы. Кроме того, в книге приводится ряд статей, фронтовых писем, фотографий и иных материалов, которые позволяют расширить представления о биографии ряда участников Великой Отечественной войны, проследить их судьбу.

В преддверии 65-летия Победы появилась работа В. Башанкаева и В. Папуева «Целинный район» [Башанкаев, Папуев 2008]. Это был своеобразный энциклопедический справочник о районе и входящих в него муниципальных образованиях. Там приводились исторические справки о районе и селах, материалы из газет и т. д. Помимо всего прочего, там также даны списки погибших в годы Великой Отечественной войны по сельсоветам: Троицкое (234 чел.), Аршан-Булг (74 чел.), Бага-Чонос (76 чел.), Верхний Яшкуль (49 чел.), Вознесенка (211 чел.), Ики-Чонос (87 чел.), Найнтахн (106 чел.), Овата (79 чел.), Хар-Бурук (57 чел.), Чагорта (120 чел.). В очерках об Элистинском сельсовете (ныне пос. Аршан, входит в состав Элистинского городского образования) и Ялмате такие списки отсутствуют. Таким образом, всего приведены сведения о 1 093 погибших в годы Великой Отечественной войны. Почти все списки погибших — неаннотированные, ограничиваются только фамилией, именем и отчеством, что снижает их информативную ценность. Неясно, есть ли среди них гражданские лица, военнопленные, угнанные немцами и т. д. Только в списке уроженцев с. Троицкого, погибших во время оккупации, у военнослужащих указаны год рождения и воинское звание. Сведения о жителях Троицкого улуса дополняются письмами, фотографиями, материалами из семейных архивов, воспоминаниями.

К 70-летию Победы вышли еще две книги районного уровня. В 2015 г. была опубликована книга «Памяти живые родники (Приютненский район Республики Калмыкия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.)» [Памяти... 2015]. Этот труд посвящен приютненцам, воевавшим на фронтах, труженикам тыла и детям войны. Большую часть книги составляют газетные статьи, воспоминания, письма с фронта. Если говорить о списках, то в этой работе их много. Здесь приведены списки подпольщиков (18 чел.), партизан (14 чел.), казненных фашистами в период оккупации (14 чел.), а также аннотированные списки ветеранов Великой Отечественной войны (77 чел.) и Героев Социалистического Труда (7 чел.), которые сопровождаются краткой биографией и фотографией. Кроме того, в книге есть неаннотированный список жи-

телей Приютненского улуса, награжденных медалью «За Победу над Германией» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» (3 426 чел.). К сожалению, список сведен в один и отличить участников войны, вернувшихся с фронта, от труженников тыла невозможно. Также неясно, входят ли в указанные списки военно-обязанные Троицкого улуса, которые призывались через Приютненский райвоенкомат. В список не вошли погибшие на фронтах, о чем свидетельствуют письма 23 военнослужащих, чьи имена отсутствуют в списке.

Второй районной книгой памяти стала «Солдаты Великой войны: Списки, биографические справки, фото участников и ветеранов Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Черноземельского района Республики Калмыкия» [Солдаты 2015]. Работа состоит из аннотированных списков ветеранов Великой Отечественной войны из Черноземельского района, разделенных по сельсоветам: Адык (101 чел.), Артезиан (164 чел.), Ачинеры (197 чел.), Комсомольский (211 чел.), Кумской (30 чел.), Нарын-Худук (35 чел.), Прикумский (21 чел.), Сарул (3 чел.). Внутри сельсоветских списков ветераны расположены в алфавитном порядке, при этом большинство сопровождают биографические сведения. Большая часть персоналий — местные уроженцы, но есть и те, кто прибыл в эти села уже после войны. Отдельно приводятся списки с краткими сведениями участников Великой Отечественной войны, в большинстве своем пропавших без вести или данные которых установить не удалось. Материалы дополняются фотографиями, копиями различных документов. Значимость работы усиливает использование данных (особенно для пропавших без вести) из Обобщенных банков данных «Мемориал» и «Подвиг народа» [ОБД «Мемориал»; ОБД «Подвиг народа»].

Очевидно, что эта работа была выполнена сельскими муниципалитетами на основе заранее заданных алгоритмов или трафаретов. Такой метод имеет свои преимущества, и здесь можно согласиться с выводом У. Б. Очирова: *«Подобный подход имеет свои преимущества, главное из которых заключается в том, что в малочисленных селах, где, как говорится, „все друг друга знают“*,

такие списки, как правило, охватывают почти всех земляков и отличаются полнотой сведений. К недостаткам следует отнести тот факт, что значительная часть сел, существовавших до депортации, после возвращения калмыков из Сибири не была восстановлена, поэтому уроженцы этих сел могут „выпадать“ из районных списков» [Очиров 2016а: 36].

Еще одной районной книгой памяти следует считать работу П. Э. Алексеевой о воинах — жителях Калмыцкого района Ростовской области [Солдаты Победы 2005]. В этом труде, основанном на архивных источниках, опубликованных материалах, опросах современников и родственников, она привела аннотированные списки своих земляков: вернувшихся с фронта (991 чел.) и безвозвратных потерь (787 чел.). Однако данный район находится за пределами Калмыкии и к этому региону не относится.

Как уже говорилось выше, помимо книг памяти районного уровня, выходили и книги, в которых имеются различные списки участников войны 1941–1945 гг. уровня сельских муниципальных образований.

Самой ранней книгой памяти такого уровня можно считать работу Н. Ц. Манджиева «Воины из Чилгира», опубликованную в 2011 г. [Манджиев 2011]. По своей сути это научно-популярная книга, посвященная участникам Великой Отечественной войны из Сатхаловского, Зюнгаровского и Чилгирского сельских советов (представителям Зюнгаровского рода). В книге перечислены более 300 выходцев из Чилгира, из которых около 100 вернулись с фронта. В большинстве своем представленные данные носят неаннотированный характер, в редких случаях даются сведения о звании, наградах, месте гибели. Спискам предшествует исторический очерк, в котором раскрывается история Великой Отечественной войны, органично вписан вклад в победу над фашистами уроженцев Чилгира, а также даны фотографии ветеранов.

В 2014 г. вышла работа З. Б. Бюрчиева «Книга Памяти „Солдаты и труженики Эрдниевского“», посвященная жителям села Эрдниевское. Автор, основываясь на сведениях из Книг «Память — Санл», «Солдаты Победы», ОБД «Мемориал», газетных

статей, составил 11 списков эрдниецев — военнослужащих и тружеников тыла: 1) служивших в РККА до 22 июня 1941 г. (13 чел.); 2) пропавших без вести на войне 1941–1945 гг. (49 чел.); 3) погибших и умерших от ран в боях в 1941–1945 гг. (35 чел.); 4) погибших и умерших в плену, освобожденных из плена в 1941–1945 гг. (10 чел.); 5) ширококлаговцев (23 чел.); 6) служивших в 110-й Калмыцкой кавдивизии (12 чел.); 7) участников Сталинградской битвы (11 чел.); 8) офицеров РККА — участников войны 1941–1945 гг. (11 чел.); 9) тружеников тыла в период войны 1941–1945 гг., в том числе строителей железной дороги Астрахань – Кизляр и оборонительных сооружений (5 чел.), тружеников тыла в годы войны (30 чел.) и получивших этот статус в послевоенные годы (4 чел.); 10) солдат, вернувшихся на родину из Сибири после депортации (26 чел.); 11) воинов-фронтовиков, работавших в созданном в 1958 г. каракульсовхозе «Эрдниецкий» (14 чел.). Эти списки частично сопровождаются небольшими аннотациями, в которых приводится минимальный объем сведений. Кроме того, в книге приведен неаннотированный список эрдниецев, ушедших на фронт в 1941–1943 гг., составленный Б. М. Настаевой (Доржиевой) (102 чел.).

В 2015 г. вышла книга «Артезиан. Мы помним и гордимся», составленная известным общественным деятелем И. Н. Басанговым [Артезиан 2015]. широкого охвата участников Великой Отечественной войны, призванных Уланхольским и другими военкоматами, которые прибыли «на жительство в Артезиан из разных городов и сел России» [Артезиан 2015: 4]. В книге можно выделить три больших блока: 1) аннотированный список на 100 участников Великой Отечественной войны в виде биографий с фотографиями; 2) аннотированный список на 77 участников Великой Отечественной войны в виде кратких сведений (год рождения, место призыва, место службы и судьба); 3) аннотированный список 34 ветеранов с указанием их боевых заслуг. При этом участники Великой Отечественной войны в этих списках могут повторяться.

Вполне естественен вопрос о степени охвата этими книгами памяти фронтовиков — жителей того или иного района или села.

К сожалению, сведений о численности призванных из сел у нас нет. Можно лишь предположить, что жители небольших сел, знающие всех соседей, при составлении своих списков оказались близки к полному охвату односельчан-фронтовиков. Однако в больших населенных пунктах степень охвата понижается.

Что касается районных книг памяти, то здесь мы снова прибегнем к экстраполяции данных Всесоюзной переписи населения 1939 г. Предположим, что военнообязанные из всех районов и города Калмыцкой АССР призывались равномерно и вычислим предполагаемое количество призванных по районам и городу, исходя из соотношения мобилизованных ко всему населению региона (19,6 %). Конечно, на самом деле это не так, хотя бы потому, что угон немцами нескольких тысяч человек (в том числе военнообязанных) должен был привести к некоторому дисбалансу между западными и восточными улусами. Однако, на наш взгляд, этот дисбаланс не так уж велик и вполне вписывается в статистическую погрешность. Наши расчеты приведены в табл. 1. Во втором столбце приведено распределение населения по районам республики по данным Всесоюзной переписи населения 1939 г. [Численность... 1941: 139], в третьем — наши расчетные цифры о предполагаемом количестве призванных.

Таблица 1 Расчет количества призванных в июне 1941 – ноябре 1943 гг. в районах Калмыцкой АССР, основанные на данных переписи населения 1939 г.

Название районов (улусов)	Количество населения районов в 1939 г.	Предполагаемое количество призванных
г. Элиста	17,1 тыс.	3,3 тыс.
Долбанский улус	24,9 тыс.	4,9 тыс.
Западный улус	11,4 тыс.	2,2 тыс.
Кетченеровский улус	12,9 тыс.	2,5 тыс.
Лаганский улус	19,2 тыс.	3,8 тыс.
Малодербетовский улус	19,4 тыс.	3,8 тыс.
Приволжский улус	16,3 тыс.	3,2 тыс.

Приютненский улус	16,9 тыс.	3,3 тыс.
Сарпинский улус	12,6 тыс.	2,5 тыс.
Троицкий улус	11,8 тыс.	2,3 тыс.
Улан-Хольский улус	16,2 тыс.	3,2 тыс.
Черноземельский улус	15,8 тыс.	3,1 тыс.
Юстинский улус	8,8 тыс.	1,7 тыс.
Яшалтинский улус	17,5 тыс.	3,4 тыс.

Далее сопоставим данные из районных книг памяти (Приютненского, Целинного, Яшкульского, Черноземельского районов) с расчетными показателями. Здесь следует учесть один нюанс: современное административно-территориальное деление районов республики значительно отличается от деления 1941 г. И если границы Троицкого улуса 1941 г. в целом совпадают с границами современного Целинного района, то границы Приютненского улуса включают почти полностью два современных района (Приютненский и Ики-Бурульский), а границы Черноземельского улуса — один район почти полностью (Яшкульский), значительную часть другого района (Черноземельского) и незначительные части других районов.

В Черноземельском улусе предполагаемое количество мобилизованных составляет примерно 3,1 тыс. чел. В книгах памяти Яшкульского и Черноземельского районов указаны 2 382 чел., из которых следует вычесть жителей Артезиана (164 чел.), Прикумского (30 чел.) и Кумского (21 чел.), которые в годы войны входили в Улан-Хольский улус. В итоге получается, что в двух районных книгах памяти приведено 2 067 персоналий, призванных в годы войны из Черноземельского улуса. Конечно, среди ветеранов могли быть военнослужащие, прибывшие в эти районы уже после войны, но таковых в книгах памяти не так много. Поэтому мы можем оценить охват фронтовиков — жителей района в этих книгах памяти как почти две трети от расчетного количества мобилизованных.

В Троицком улусе предполагаемое количество мобилизованных составляет примерно 2,3 тыс. чел. В книге памяти Целинного

района указаны 1 093 чел., погибших в годы войны. К сожалению, из малоинформативных неаннотированных списков неясно, все ли они были военнослужащими, но если это так, то охват этой книги памяти составляет почти половину от расчетного количества мобилизованных.

К сожалению, расчет охвата по Приютненскому району осуществить невозможно, так как список из районной книги памяти включает в себя и тружеников тыла и отделить их от военнослужащих невозможно.

Таким образом, в региональной историографии сложился отдельный пласт районных и сельских книг памяти, которые в значительной степени не ограничились переписыванием персоналий из региональных и «тематических» книг памяти, а провели дополнительные изыскания в различных архивах, электронных банках данных, средствах массовой информации, опросы местного населения и подворовые обходы. В тех районах и селах, где составители книг памяти добросовестно и методично в течение долгого времени проводили изыскания, мы фиксируем большую степень охвата участников Великой Отечественной войны и, соответственно, их мемориализации. К сожалению, не во всех районах и селах были опубликованы такие книги памяти, хотя активисты и волонтеры проводят соответствующую работу. Поэтому до решения задачи мемориализации всех наших земляков — участников Великой Отечественной войны нам предстоит еще много и долго работать.

Источники

ОБД «Мемориал» — ОБД «Мемориал» [электронный ресурс] // URL: <http://www.obd-memorial.ru>.

ОБД «Подвиг народа» — ОБД «Подвиг народа» [электронный ресурс] // URL: <http://podvignaroda.mil.ru>.

Литература

Артезиан 2015 — Артезиан. Мы помним и гордимся / сост. И. Н. Басангов. Элиста: НПП «Джангар», 2015. 168 с.

- Башанкаев, Папуев 2008 — *Башанкаев В., Папуев В.* Целинный район. Элиста: НПП «Джангар», 2008. 248 с.
- Богаев 1995 — *Богаев Б. А.* Яшкуляне в боях за Родину. Элиста: Санан, 1995. 43 с.
- Богаев 2005 — *Богаев Б. А.* Яшкуляне в боях за Родину. Элиста: АПП «Джангар», 2005. 235 с.
- Бюрчиев 2014 — *Бюрчиев З. Б.* Книга Памяти «Солдаты и труженики Эрдниевского». Элиста: НПП «Джангар», 2014. 192 с.
- Всесоюзная... 1992 — Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги / под ред. Ю. А. Полякова. М.: Наука, 1992. 256 с.
- Книга 2015 — Книга Памяти. 1941–1945. 2-е изд., испр. и доп. / сост. Т. Б. Инжиева и др. Элиста: НПП «Джангар», 2015. 460 с.
- Манджиев 2011 — *Манджиев Н. Ц.* Воины из Чилгира. 2-е изд., испр. и доп. Элиста: НПП «Джангар», 2011. 80 с.
- Манджиев 2015 — *Манджиев Н. Ц.* Достоин награждения. М.: ООО Принт Про, 2015. 498 с.
- Максимов 2010 — *Максимов К. Н.* Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2010. 406 с.
- Очиров 2013 — *Очиров У. Б.* Военные мобилизации в Калмыцкой АССР в 1941–1943 гг. // Коренной перелом в Великой Отечественной войне: к 70-летию освобождения Дона и Северного Кавказа: материалы Международной научной конференции (Ростов-на-Дону, 6–7 июня 2013 г.). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. С. 53–60.
- Очиров 2016а — *Очиров У. Б.* Аннотированные списки участников Великой Отечественной войны, призванных из Калмыкии: историографический обзор // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. № 4 (26). С. 29–40.
- Очиров 2016б — *Очиров У. Б.* Республиканские Книги Памяти Калмыкии как источник по истории Великой Отечественной войны // Гуманитарная наука Юга России: международное и региональное взаимодействие. Материалы II Международной научной конференции, посвященной 75-летию Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (г. Элиста, 14–15 сентября 2016 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2016. С.43–47.
- Памяти... 2015 — Памяти живые родники (Приютненский район Республики Калмыкия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.) / сост. Н. В. Куникина, О. В. Чернышова. Элиста: НПП «Джангар», 2015. 304 с.

- Память 1995а — Память. Санл. Т. I. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. 416 с.
- Память 1995б — Память. Санл. Т. II. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. 442 с.
- Память 2005 — Память. Санл. Т. III. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2005. 156 с.
- Память 2010 — Память. Санл. Т. IV. Элиста: Герел, 2010. 492 с.
- Солдаты 2015 — Солдаты Великой войны: Списки, биографические справки, фото участников и ветеранов Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Черноземельского района Республики Калмыкия. Элиста: РИА Калмыкия, 2015. 120 с.
- Солдаты Победы 2010 — Солдаты Победы. Самара: ИД «Агни», 2010. 420 с.
- Солдаты Победы 2005 — Солдаты Победы. Т. I. Поименный список участников Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., уроженцев Калмыцкого района Ростовской области / сост. П. Э. Алексеева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2005. 203 с.
- Солдаты Победы 2007 — Солдаты Победы. Т. II. Поименный список воинов 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии / сост. П. Э. Алексеева, Л. Ю. Ланцанова. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. 272 с.
- Солдаты Победы 2015 — Солдаты Победы. Т. II. Поименный список воинов 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии / сост. П. Э. Алексеева, А. Т. Баянова, С. А. Заярный, Л. Ю. Ланцанова. Изд. 2-е, перераб. и доп. Элиста: КИГИ РАН, 2015. 373 с.
- Цобдаев 2010 — Цобдаев А. Б. Судьба военнопленного: художественно-документальное повествование. Изд. 2-е, испр. и доп. Элиста: НПП «Джангар», 2010. 464 с.
- Численность... 1941 — Численность населения СССР на 17 января 1939 г. по районам, районным центрам, городам, рабочим поселкам и крупным сельским населенным пунктам / под ред. П. И. Ильина. М.: Госпланиздат, 1941. 267 с.
- Широклаг 2000 — Широклаг. Широкастрой: списки калмыков-военнослужащих рядового и сержантского состава, отозванных с фронтов в 1944–1945 гг. [Книга памяти ссылки калмыцкого народа] Т. III. Кн. 1 / сост. А. Б. Баирова, Т. Ч. Бембева, С. Э. Лиджи-Горяева, Р. В. Неяченко. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2000. 294 с.

УДК 821.512.37

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-4-16-55-78

Об ойратской рукописи «*Coqtu zandan*» из фонда Российской национальной библиотеки

Мирзаева Саглар Викторовна¹, Долеева Айса Олеговна²

¹Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
научный сотрудник
E-mail: saglaramirzaeva@kigiran.com

²Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
младший научный сотрудник, аспирант
E-mail: aisasarga10@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Мирзаева С. В., Долеева А. О., 2020

Аннотация. В статье вводится в научный оборот ойратский рукописный текст «*Coqtu zandan*» (букв. ‘Сияющий сандал’) из фондов Российской национальной библиотеки, представляющий собой перевод распространенной в тибето-монгольской буддийской традиции молитвы покаяния, которая зачитывается во время ритуала восстановления обетов *соджонг*. В перечне переводов Зая-пандиты Намкай Джамцо эта молитва упоминается под № 23 как «Bodhi sadv-yin unal namančilaxui kemekü sudur». Тибетским оригиналом этого сочинения исследователи называют текст «Ltung bshags» или одну из версий «Сутры трех груд» (тиб. phung ro gsum pa'i mdo), включенную в собрание сочинений-терма «Ринчен Тердзо». Стоит отметить, что до нашего времени дошел и санскритский текст сутры «Āryatriskandha sūtram», цифровая копия которого доступна на сайте Digital Sanskrit Buddhist Canon Input Project. Весьма актуальной представляется публикация в рамках данной статьи также параллельных санскритского и тибетского текстов сутры.

Ключевые слова: ойратская рукопись, тибето-монгольский буддизм, молитвы покаяния, «Сияющий сандал», «Сутра трех груд», Зая-пандита Намкай Джамцо

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (номер госрегистрации АААА-А19-119011490036-1).

Для цитирования: Мирзаева С. В., Долеева А. О. Об ойратской рукописи «*Coqtu zandan*» из фонда Российской национальной библиотеки // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 4. С.55–78. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-4-16-55-78

UDC 821.512.37

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-4-16-55-78

About the Oirat manuscript “*Coqtu zandan*” from the fund of the Russian National Library

*Saglara V. Mirzaeva*¹, *Aisa O. Doleyeva*²

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Research Associate

E-mail: saglaramirzaeva@kigiran.com

² Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Junior Researcher, Postgraduate Student

E-mail: aisasarpa10@mail.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Mirzaeva S. V., Doleyeva A. O. 2020

Abstract. The article introduces the Oirat handwritten text “*Coqtu Zandan*” (‘Shining Sandalwood’) from the collections of the Russian National Library. The text “*Coqtu Zandan*” is a translation of the prayer of repentance common in the Tibetan-Mongolian buddhist tradition, which is read out during the ritual of restoring the *sojong* vows. This prayer is mentioned under no. 23 (as “bodhi sadv-yin unal namančilaxui kemekü sudur”) in the list of translations of Zaya

Pandita Namkhajamts. The Tibetan original of this work, researchers call the text “Ltung Bshags” or one of the versions of the “Sutra of the Three Piles” (tib. *phung po gsum pa'i mdo*), included in the collection of the *terma*-works “Rinchen Terdzo”. The Sanskrit text of the Sutra “Aryatriskandha sūtram” has also reached our time, a digital copy of which is available on the website of the Digital Sanskrit Buddhist Canon Input Project. The publication of parallel Sanskrit and Tibetan Sutra texts within the framework of this article is also very relevant.

Keywords: Oirat manuscript, Tibeto-Mongolian Buddhism, prayer of repentance, “Bright sandal”, “Sutra of the three heaps”, Zaya Pandita Namkhajamts

Acknowledgements. The reported study was funded by a government subsidy — project name ‘Oral and Written Heritage of Mongolic Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions’ (state reg. no. AAAA-A19-119011490036-1).

For citation: Mirzaeva S. V., Doleyeva A. O. About the Oirat manuscript “Coqtu zandan” from the fund of the Russian National Library. In: *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2020. № 4. Pp. 55–78. (In Russ.) DOI: 10.22162/2587-6503-2020-4-16-55-78

Введение

В статье вводится в научный оборот ойратский рукописный текст «Coqtu zandan» (букв. ‘Сияющий сандал’) из фондов Российской национальной библиотеки [ОТ], представляющий собой перевод распространенной в тибето-монгольской буддийской традиции молитвы покаяния. Раскаяние как один из ключевых моментов буддийской практики входит в состав текстов многих садхан (от санскр. *sādhana* букв. ‘метод, инструмент’), а также составляет основу ритуала восстановления обетов *соджонг* (от тиб. *gso sbyong*). Как упоминает А. М. Позднеев, молитва «Coqtu zandan» прочитывалась в монгольских монастырях перед принятием монашеского обета гелуна (от тиб. *dge slong*) [Позднеев 1993: 141]. По содержанию эта рукопись представляет собой раскаяние в совершенных прегрешениях, произносимое в присутствии тридцати пяти Будд покаяния, каждый из которых называется по имени [Би-

чеев, Бембеев 2016]. В монгольской письменной традиции молитва также известна под названиями «Qutuγ-tu γurbaṅ ᠵоᠣᠸа neṛetü yeke kölgен sudur» («Святая сутра Махаяны под названием „Три груди“»), «Bodhi sadv-yin unal (aldal) namančilaqu orošiboï» («Раскаяние бодхисаттвы в падениях (нарушениях)»), «ᠰоᠣᠲᠤ ᠴandan-u γučin tabun burqad-un emün-e gem unal namančilaqu yoson orošiba» («Способ раскаяния в проступках перед тридцатью пятью Буддами Сияющего сандала»), «ᠰоᠣᠲᠤ ᠴandan sudur orosiba» («Сутра Сияющего сандала») [Chiodo 2000: 54]. В перечне переводов Заяпандиты Намкай Джамцо эта молитва упоминается под № 23 как «Bodhi sadv-yin unal namančilaxui kemekü sudur» [Лувсанбалдан 1975: 126]. Инициатором перевода назван Джодва, по предположению Х. Лувсанбалдана, сын Эрдэнэбаатара-хунтайджи [Лувсанбалдан 1975: 134]. Тибетским оригиналом этого сочинения исследователи называют текст «Ltung bshags» («Раскаяние в падениях») [Damdinsürüng 1959: 327; Музраева 2013: 59]. Практически идентична ему версия «Сутры трех груд» (тиб. phung po gsum pa'i mdo), включенная в собрание сочинений-*терма* «Ринчен Тердзо» [Ринчен Тердзо] и отличающаяся от канонической версии в составе Кагьюра. Стоит отметить, что до нашего времени дошел и санскритский текст сутры «Āryatriskandha sūtram», цифровая копия которого доступна на сайте Digital Sanskrit Buddhist Canon Input Project. На наш взгляд, большой удачей для исследователя-монголовода является обнаружение санскритского и тибетского текстов, поскольку это дает возможность для сравнительно-сопоставительного изучения разноязычных текстов сутры и анализа переводческой техники, представленной в ойратском тексте. В этой связи весьма актуальной представляется публикация в рамках данной статьи также параллельных санскритского [СТ] и тибетского [ТТ] текстов сутры.

Транслитерация ойратского текста, переложение на калмыцкий язык и русский перевод

Транслитерация ойратского текста	Калмыцкий текст	Русский перевод
согту zandan oroš'iboi:	Цогт зандн оршв	[Сочинение] «Сияющий (славный) сандаловый»
[1a] xamiq amitan nasu ürgüljide biamađu itegemüi: burxan-du itegemüi: nom-du itegemüi: bur<a>sang xuvaraq-tu itegemüi:	[1a] Хамт эмтн нас үрглжд Ламд иткмү, Бурхнд иткмү, Номд иткмү, Бурсң хуварагт иткмү.	Все живые существа [и я] всегда поклоняемся Учителю, поклоняемся Будде, поклоняемся Дхарме, поклоняемся Сангхе.
tögünčilen boluqsan dayini darun sayitur dousuqsan šar-müni burxan-du mürgümüi:	Төгнчлн болсн дээнэ дарн сээгүр дуусен Шар Мүни бурхнд мөргмү.	Кланяюсь Тагхагате, архагу, совершенному Будде Шакьямуни.
tögünčilen boluqsan [2a] očir züreken-yēt sayitur ulr]badeqčidu mürgümüi:	Төгнчлн болсн [2a] очр зүркнәр сээгүр увдгчд мөргмү.	Кланяюсь Тагхагате, всепобеждающему с помощью ваджрной сущности.
tögünčilen boluqsan gerel ʔarxui erdeni-dü mürgümüi:	Төгнчлн болсн герл харх эрдньд мөргмү.	Кланяюсь Тагхагате, Драгоценности, испускающей сияние.
tögünčilen boluqsan klü[=u]yin urketu [=erketü] xañ-du mürgümüi:	Төгнчлн болсн Уркуету хаанд мөргмү.	Кланяюсь Тагхагате, Могущественному царю нагов.
tögünčilen boluqsan baturiyin ai=maqtu mürgümüi:	Төгнчлн болсн баатрин ээмгт мөргмү.	Кланяюсь Тагхагате, Предводителю воинов.

Транслитерация ойратского текста	Калмыцкий текст	Русский перевод
tögünçilen boluqsan soq bayisaxu=lang-du mürgümüi:	Төгнчлн болсн цог бээсхлнд мөргмү.	Кланяюсь Татхагаге, Славному Радостному.
tögün=çilen boluqsan ya [2b] erdeni-du[=ü] mürgümüi:	Төгнчлн болсн һал эрднъд мөргмү.	Кланяюсь Татхагаге, [Подобной] огню Драгоценности.
tögünçilen boluqsan saraуin gere erdeni-du[=ü] mürgümüi:	Төгнчлн болсн сарин герл эрднъд мөргмү.	Кланяюсь Татхагаге, Драгоценному Лунному Свету.
tögünçilen boluqsan üzeqsēt tus[a] tu-du mürgümüi:	Төгнчлн болсн үзгсәр тустд мөргмү.	Кланяюсь Татхагаге, Приносящему пользу видением.
tögünçilen boluqsan sara erdeni-du morgue=müi [=mürgümüi]:	Төгнчлн болсн сар эрднъд мөргмү.	Кланяюсь Татхагаге, Драгоценной Луне.
tögünçilen boluq=san kir ügei-du[=ü] mürgümüi:	Төгнчлн болсн кир угад мөргмү.	Кланяюсь Татхагаге, Незапятнанному.
tögünçilen boluqsan соq ögüçidü mürgümüi:	Төгнчлн болсн цог өгүгчд мөргмү.	Кланяюсь Татхагаге, Дарующему славу.
tögünçilen boluqsan ariun-du mürgümüi:	Төгнчлн болсн әрүнд мөргмү.	Кланяюсь Татхагаге, Чистому.
tögünçilen boluqsan [3a] ariun ögüqsen-du[=ü] mürgümüi:	Төгнчлн болсн әрүн өгснд мөргмү.	Кланяюсь Татхагаге, Даровавшему чистоту.
tögünçilen boluqsan usun tenggeri-du mürgümüi:	Төгнчлн болсн усн теңгрт мөргмү.	Кланяюсь Татхагаге, Божеству воды.
tögünçilen boluqsan usun tenggeriyin tenggeri-du[=ü] mürgümüi:	Төгнчлн болсн усн тедрин теңгрт мөргмү.	Кланяюсь Татхагаге, Повелителю божеств воды.

Транслитерация ойратского текста	Калмыцкий текст	Русский перевод
tögünčilen boluqsan sayın coq-tu mürgümüi:	Төгнчлн болсн сэн цогт мөргмү.	Кланяюсь Татхагате, Прекрасному Славному.
tögünčilen boluqsan zan=дан coqtu mürgümüi:	Төгнчлн болсн зандн цогт мөргмү.	Кланяюсь Татхагате, Сандаловому Славному.
tögünčilen boluqsan kizäu[=г] ügei coq zalı-tu mürgümüi:	Төгнчлн болсн киза уга цог зальг мөргмү.	Кланяюсь Татхагате, Безграничному сиянию.
tögünčilen boluqsan coq gerei-dü mürgümüi:	Төгнчлн болсн цог герлд мөргмү.	Кланяюсь Татхагате, Славному Свяществу.
tögünčilen [3b] boluqsan yasalang ügei coqtu mürgümüi:	Төгнчлн болсн һаслц уга цогт мөргмү.	Кланяюсь Татхагате, Свободному от страданий Славному.
tögün=čilen boluqsan baxa ügeyin köbüün-dü mürgümüi:	Төгнчлн болсн бах үгин көвүнд мөргмү.	Кланяюсь Татхагате, Сыну того, кто свободен от желания.
tögünčilen boluqsan coq ceseq-tü mürgümüi:	Төгнчлн болсн цог цецгт мөргмү.	Кланяюсь Татхагате, Славному цветку.
tögünčilen boluqsan ariun gerei maši cenggeküi u[=i]leḡ=kei ayıladıqčidu mürgümüi:	Төгнчлн болсн әрүн герл маш ценкү үлркә әэлдгчд мөргмү.	Кланяюсь Татхагате, Чистому свету, Наделенному ясной мудростью постижения разнообразных проявлений.
tögünčilen boluqsan padmayın gerei teyin cenggeküi ilerkei ayıladıqčidu mürgümüi:	Төгнчлн болсн падмин герл тейн ценкү илркә әэлдгчд мөргмү.	Кланяюсь Татхагате, Сиянию лотоса, Наделенному ясной мудростью постижения разнообразных проявлений.

Транслитерация ойратского текста	Калмыцкий текст	Русский перевод
tögünçilen boluqsan ed coqtu mürgümüi:	Төгнчлн болсн эд цогт мөргмү.	Кланяюсь Тагхагате, Славному [Обладающему] богатством.
tögün=çilen boluqsan [4a] sanal coqtu mürgümüi:	Төгнчлн болсн санл цогт мөргмү.	Кланяюсь Тагхагате, Славному, [Обладающему] памятованием.
tögünçilen boluqsan belge coqt maşi оубоо алдаршқсан-ду мүргүмүи:	Төгнчлн болсн белг цог маш оһот алдршснд мөргмү.	Кланяюсь Тагхагате, Славному, [Обладающему] знаками, Полностью прославленному.
tögünçilen boluqsan oki il[aj]uqsan belgeyin erketü xān-du mürgümüi:	Төгнчлн болсн оки йилһсн белгин Эркт хаанд мөргмү.	Кланяюсь Тагхагате, Царю знамени Индры (Владыки).
tögünçilen boluqsan maşi teyin daruqçi coqtu mürgümüi:	Төгнчлн болсн маш тейн даргч цогт мөргмү.	Кланяюсь Тагхагате, Славному, Всепобеждающему.
tögünçilen boluqsan bayılduяāni maşi teyin il[aj]uqçi-du mürgümüi:	Төгнчлн болсн бәәлдһнь маш тейн йилһгчд мөргмү.	Кланяюсь Тагхагате, Всепобеждающему во всех сражениях.
tögünçilen boluqsan teyin darun oduqsan coqt-tu mürgümüi:	Төгнчлн болсн тейн дарн одсн цогт мөргмү.	Кланяюсь Тагхагате, Славному, Ушедшему, Всепобеждающему.
tögünçilen [4b] boluqsan бүкү[n]-eсе geүgüi=lün üyiledüqçi coqt-tu mürgümüi:	Төгнчлн болсн бүкүһәс гиигүлн үүлдгч цогт мөргмү.	Кланяюсь Тагхагате, Славному, Всесообщающему.
tögünçilen boluqsan erdeni padma-bēr teyin daruqçi-du mürgümüi:	Төгнчлн болсн эрднь падмар тейн даргчд мөргмү.	Кланяюсь Тагхагате, Побеждающему с помощью драгоценного лотоса.

Транслитерация ойратского текста	Калмыцкий текст	Русский перевод
<p>tögüncïlen boluqsan dayini darun sayitur dousuqsan burxan erdeni radma=du sai=tur souqsan outlayin et=ketüi xa[=a]n-du mürgümüi:</p>	<p>Төгнчлн болсн дээнэ дарн сээгүр дууссн бурхн эрднэ падмад сээгүр суусн уулын Эркт хаанд мөргүмү.</p>	<p>Кланяюсь Татхагате, архагу, полностью совершенному Будде, Восседающему на драгоценном лотосе, Могущественному царю гор.</p>
<p>tede terigüiten arban zügüyin xamuq tögönci [y]ertüncüyin oron-du ilayun tögüsün üleqsen [5a] tögüncïlen boluqsan dayini du[=a]run sayitur dousuqsan burxad ali kedüi soun-yin talaxui xamuq ilayun tögüsüq=sen burxad namai ayiladun soyirxo:</p>	<p>Тед терүгүтн арвн зүгин хамг төгнч ийртмжин орнд илһн төгсн йилһсн [5a] төгнчлн болсн дээнэ дүрн сээгүр дууссн бурхд аль кедү суунин таалх хамг илһн төгссн бурхд нама ээлдн сөөрх.</p>	<p>О все Победоносные, Татхагаты, архаты, полностью совершенные Будды, сколько бы Вас не пребывало, выслушайте меня!</p>
<p>mini ene töröl kigeđ teriün ecüs ügei töröl=ēce orǰilong-du orǰixui xamuq töröl oron-du nuul [=nüül] kilince üyiledüqsen üyiledküyilüqsen üyiledüqsen-dü daxa[n] bayasun[=] saqsan buyu:</p>	<p>Мини эн төрл кегед, терүн эдс уга төрлэс орчлднд орчх хамг төрл орнд нүүл килнц үүлдсн үүлдхүлсн үүлдснд дах бээснцн бую.</p>	<p>Какие бы грехи, неблагие деяния я ни совершил, вращаясь в круговороте сансары, в этом [и других] рождениях, без начала и конца, принуждал других к их совершению или радовался этому,</p>
<p>[5b] takiiyin ed buyu: xuvā=ragiün ed buyu:</p>	<p>[5b] Таклин ед бую. Хуварагин эд бую.</p>	<p>Присвоил себе подношение, Имущество монашеской сангхи,</p>
<p>arban zügüyin xuvaragiün ed bol[=u] laqsan bol[=u]la[r]aqsan bol[=u]la[xui]-du daxan baya=sulcaqsan buyu:</p>	<p>Арвн зүгин хуварагин эд болсн болһсн болхд дахн бээслсн бую.</p>	<p>Имущество монашеской сангхи во [всех] десяти направлениях, принуждал к этому других или радовался этому,</p>

Транслитерация ойратского текста	Калмыцкий текст	Русский перевод
tabun zab<a>sar ügei üyile üi=ledüqsen üyiledküü=lüqsen üyiledüqsen-dü daxan bayasulcaqsan buyu:	Тавн завер уга үүл үүлдсн үүлдхүлсн үүлдснд дахн бөөслсчн бую.	Совершил пять беспромежуточных прегрешений, принуждал к этому других или радовался этому,
arban xara nüüli-yin üüliyi=n mör zo[=ö]b ab<a>xui-du oroqson oroqluqsan oroxui-du daxan bayasulcaqsan [6a] buyu:	Арвн хар нүүлин үүлин мөр зоб авхд орсн орулсн орхд дахн бөөслсчн бую.	Полностью вступил на путь десяти черных недобродетелей, принуждал к этому других или радовался этому,
zayañi tüyid=ker ali tüyidüqsen=yüēi bi tamuyin amitan-du törökü buyu: adu=sumi töröl oron-du törökü buyu: biridi-yin oron-du törökü buyu: kizār küšüin oron-du törökü buyu: cingxa buruu-du törökü buyu: ur=tu nasutu tenggeri=ñertü törökü buyu:	Заяни түүдкр алж түүдснэр би тамин эмтнд төрх бую, Адусна төрл орнд төрх бую, Биридин орнд төрх бую, Кизр күшүн орнд төрх бую, Чинх буруд төрх бую, Урта наста тендртэ төрх бую.	В силу кармических омрачений я рождался в аду, среди живогных, претов, в окраинных землях, среди варваров, богом-долгожителем,
erketen dütuu bolxu buyu: buruu üzel bari [6b]=xu buyu:	Эрктн дуту болх бую, Буру үзл бэрхд [6b] бую.	С неполноценными органами чувств, придерживался ложных взглядов,
burxan ire=küi-dü bayasaxa [=bayasxan] ülü üyiledküi:	Бурхн ирхд бээсх үлү үүлдх.	Не проявлял радости при появлении Будды.

Транслитерация ойратского текста	Калмыцкий текст	Русский перевод
<p>zayāni tüyücker ali bui: tede bügüdei-gi ilayun tögü=sün üleqsen belge bi=liq boluqsan nidün boluq=san: gere [=e]ji boluqsan: kemjil boluqsan: ayila=duqsan üzeqsen tedeni nidüni ömönö gemšin namançilamui: ülü darun ülü nuumui: хойišoduçu tasulun böñ üyiledümüi: [7a] xamuq ilayun tögü=süqsen burxad namai ayiladun soyırxo:</p>	<p>Заяни түүдкр аль буй, Тедн бүгүдиг илһн төгсн үлсн белг билг болсн нүдн болсн, герч болсн, кемжл болсн, ээлдсн үзсн теднэ нүднэ өмн гемшин намнчлму, үлү дарн үлү нууму, хоошдц таслн бон үүлдмү, [7а] хамг илһин төгссн бурхд намаг ээлдн сөөрх.</p>	<p>Во всех кармических омрачениях я раскаиваюсь в присутствии Будд, Победоносных, [являющихся воплощением] высшей мудрости, ставших свидетелями, воочию увидевшими и оценившими все, постигшими и увидевшими. Я раскаиваюсь, не утаивая и скрывая, и обязуюсь не совершать их впредь.</p>

Транслитерация ойратского текста	Калмыцкий текст	Русский перевод
<p>bi ene töröl kigēd teritūn ecūs ügei töröl-ēce orçilong-du orçixu busu töröl-dü öqlol[=j]gu yadaba çu aduusuni töröl o=ton-du töröqsöd- tü nige ümkü idē ögüq=sön buyani ündüsün ali bui kigēd: mini šaqšābād sakiqšan buyani ündüsün ali bui: [7b] mini ariun yabuqšan buyani ündüsün ali bui kigēd: ma[=j]ni amitani oγōto bolbosuruu=lun üyiledüqšen buyani ündüsün ali bui: mini dēdū bodxi-du sedki öüskeqšen buyani ündüsün ali bui kigēd:</p>	<p>Би эн төрл кегэд, терүнэ эсц уга төрлэс орчлндг орчх бус төрдд өглһ ядв цу адусна төрл орнд төргсдт нег үмк идэ өгсн буйна үндсн аль бую кегэд, мини шагшабад сәксн буйна үндсн аль бую, [7b] мини әрүн йовсн буйна аль бую кегэд, мини әмтнэ оһот болвсрлн үүлдсн буйна үндсн аль бую, мини деед бодхид седкл өөсксн буйна үндсн аль бую кегэд.</p>	<p>Какие бы корни добродетели я, вращаясь в круговороте сансары, в этом и других рожденьях, без начала и конца, ни накопил, дав в качестве подношения горсточку еды тем, кто обрел рождение животным, корин добродетели от соблюдения нравственных обетов, корни добродетели от безупречного поведения, корни добродетели от того, что я привел к полному созреванию живых существ, корни добродетели от порождения бодхичитты,</p>
<p>mini dēre ügei belge biligiyn buyani ündüsün ali bui tede бүгүдөйиги nigen-du xurān=γuli [=ā]d xa[=ā] n ne<γ>yilöülji dēre [8a] ügei dēdū ügei:</p>	<p>Мини дээр уга белг билгин буйна үндсн аль бую тедн бүгдиг негнд Хуран Һулид хан нерүлүж дээр [8a] уга деед уга.</p>	<p>Корни добродетели от [развития] высшей мудрости — все, которые есть, я собираю воедино и совершаю наивысшее, непреходящее,</p>
<p>dēdüyin dēdū blamayin blamaду oγōto ire=küi-bēr dēre ügei sayıtur dousuqšan bodxi-du oγōto irōn üyil e demüi:</p>	<p>Деедин деед ламин ламд оһт ирхәр дээр уга сәәтүр дууссн бодхид оһт ирн үүлдмү.</p>	<p>Выше которого нет [посвящение заслуг] и посвящаю их полностью совершенному непреходящему Пробуждению.</p>

Транслитерация ойратского текста	Калмыцкий текст	Русский перевод
noq̄iq̄=sən ilayun tögüsüq̄=sən burxan-noyouud yamāru oyoḡto ir̄q̄=sōn:	Ногчсн илһн төгссн бурхн ноһуд ямр оһт ирсн	Так же, как Будды-Бхагаваны прошлого совершали посвящение заслуг,
ir̄ē ödüi ilaya [=ilayun] tögüsüq̄sen burxan-noyouud yamāru oyoḡ=to ir̄öküi		Так же, как Будды-Бхагаваны будущего будут совершать посвящение заслуг,
ödüge souqsan ilayun tögü [8b]=süq̄sen burxan-noyouud yamāru oyoḡto ir̄ōn üyiledüq̄sen tögün=çilen bi çu oyoḡto ir̄ōn üyiledü=müi:		Так же, как Будды-Бхагаваны настоящего совершают посвящение заслуг, таким же образом совершаю его и я.
xamıq̄ kulıncse [=kilıncse] öböḡö namançı=ıamui:	Хамг килнц эврэ намнчлму.	Я раскаиваюсь в каждом из совершенном мной грехов.
buayan noyouud-tu daxan bayasulçamui:	Буйн ноһудт дахн бээслцму.	Я сораднуюсь добродетелям.
xamıq̄ burxadıtu dura=dun zalbarımui:	Хамг бурхдт дурдн зальврму.	Я прошу Будд [вновь и вновь поворачивать колесо Учения] и молно [их не уходить в nirvanu].
bi dēte ügei belge biligiyin dēdü erkinı olxu bolıruıai:	Би деер уга белг билгин деед эркн олх болгха.	Да обрету я высшую несравненную мудрость.
kümüni dēdü ilayqsan al[i]ba [9a] ödügēd souq̄çim kigēd: alıba [n] öq̄çiq̄=sōn kigēd:	Күүнэ деед йилһсн алв [9a] өдгэд суусн кегэд. алвь өгчсн кегэд.	В высших среди людей, Победоносных, тех, кто пребывает сейчас, в тех, кто ушел,

Транслитерация ойратского текста	Калмыцкий текст	Русский перевод
tögünçilen ire ödüi erdem maq=taqdaqxi kizař ügei dalai metüi bügüdeüi:	Төгнчлн ир өдү эрдм магтдх кизар уга дала мет бүгд.	А также в тех, кто придет в будущем, — в них [всех], подобных океану, восхваления достоинств которых безграничны,
aıxan-bēn xamtudaıxı itegemüi:	Альхан хамтдхж иткмү.	Со сложенными [у сердца] ладонями я принимаю Прибежище.
beyeyin ıa[=u]rba züyil üyile: keleni dög=bön züyil üyile: ali sedkiliyin ıurbañ züyil üyile:	Бийин һарв зүл үүл, Келнэ дөрвн зүл үүл, Аль седклин һурвн зүл үүл.	В трех недобродетелях на уровне тела, в четырех недобродетелях на уровне речи, а также в трех недобродетелях на уровне ума —
arban xara nüüli öbörö öbörö namançı=lamui:.	Арвн хар нүүл эврэ эврэ намнчлмү.	В десяти недобродетелях раскаиваюсь я.
terigüüleři ügei-ēce ödüge kürtele [9b] arban nüül tabun zab<u>sar ügei:	Тергүлш угаһас өдгэ күртл [9b] арвн нүүл тавн завр уга.	Я раскаиваюсь во всех прегрешениях — десяти недобродетелях, пяти беспромежуточных, которые я совершал,
sedkił nis<a>väniři-yin erkēr boluqsañ xamuq kilince öbörö namançılan üyiledümüi:	Седкл нисванишин эркәр болсн хамг килнц эврэ намнчлн үүлдмү.	Когда мой ум находился под влиянием тревожащих эмоций, с безначальных времен вплоть до настоящего времени.

Транслитерация ойратского текста	Калмыцкий текст	Русский перевод
tašingyüi uran mungxagı-yün erkēt: beye kelen kigēd tögünçilen sedkil- yēr çu: mini kilince üyiledüqsen ali bui:	Тачңһу урн муңхһин эркәр, Бий келн кеһәд, төгнчлн седккләр цу, Мини килнц үүлдсн аль бую.	Во всех прегрешениях, которые я совершил, ведомый желанием, алчностью и неведением, на уровнях тела, речи и ума, —
tede bügüdeyügi bi öböřö öbörö namançılamui::	Тедн бүгдүг би эврә эврә намнчлму.	Во всех них я раскаиваюсь.
mürgün takın namançılan daxan bayasun dura=dun zalbarıqsan buyan [10a] mini ücüiken mini yambar xuraqsan: xamugi dousuqsan yeke bodx [=h]i-du irömtü::	Мөргн тәкн намнчлн дахн бәәсн дурдн зальврән буйн [10a] мини үчүкн мини ямр хураһсн, хамгиг дууссн ик бодхид ирмү.	Какие бы незначительные заслуги я ни накопил, совершая поклонение, подношение, раскаяние, сорадование, просьбы к [Буддам поворачивать колесо Учения] и [не уходить в нирвану], все я посвящаю полностью совершенному Пробуждению.

Транслитерация санскритского и тибетского текстов

Транслитерация санскритского текста
Āryatriskandha sūtram
tatreyaṃ(āpatti) deśanā -
ahamevaṃnāmā buddhaṃ śaraṇaṃ gacchāmi / dharma śaraṇaṃ gacchāmi / saṃghaṃ śaraṇaṃ gacchāmi /
namaḥ (bhagavate) śākyamunaye tathāgatāyārhate samyaksambuddhāya /
namo vajra(sāra)pramardine /
namo ratnārciṣe /
namo nāgeśvararājāya /
namo vīrasenāya /
namo vīranandine /
namo ratnāgnaye /
namo ratnacandraprabhāya /
namo 'moghadarśine /
namo ratnacandrāya /
namo nirmalāya /
namaḥ sūradattāya /
namo brahmaṇe /
namo brahmadattāya /
namo varūṇāya /
namo varuṇadevāya /
namo bhadrāśriye /
namaścandanaśriye /
namo 'nantaujase /
namaḥ prabhāsaśriye /
namo 'śokaśriye /
namo nārāyaṇāya /
namaḥ kusumaśriye /
namo brahmajyotirvikrīḍitābhijñāya tathāgatāya /
namaḥ padmajyotirvikrīḍitābhijñāya tathāgatāya /
namo ghanaśriye /

Транслитерация тибетского текста

[1v] byang chub sems dpa'i ltung ba bshags pa

bdag ming zhes bgyi ba bla ma skyabs su mchi'o / sangs rgyas la skyabs su mchi'o / chos la skyabs su mchi'o / dge 'dun la skyabs su mchi'o /

bcom ldan 'das de bzhin gshegs pa dgra bcom pa yang dag par rdzogs pa'i sangs rgyas dpal rgyal ba shā+kya thub pa la phyag 'tshal lo /

de bzhin gshegs pa rdo rje'i snying pos rab tu 'joms pa la phyag 'tshal lo /

de bzhin gshegs pa rin chen 'od 'phro la phyag 'tshal lo /

de bzhin gshegs pa klu dbang gi rgyal po la phyag 'tshal lo /

de bzhin gshegs pa dpa' bo'i sde la phyag 'tshal lo /

de bzhin gshegs pa dpal dgyes la phyag 'tshal lo /

de bzhin gshegs pa rin chen me la phyag 'tshal lo /

de bzhin gshegs pa rin chen zla 'od la phyag 'tshal lo /

de bzhin gshegs pa mthong ba don yod la phyag 'tshal lo /

de bzhin gshegs pa rin chen zla ba la phyag 'tshal lo /

de bzhin gshegs pa dri ma med pa la phyag 'tshal lo /

de bzhin gshegs pa dpal byin la phyag 'tshal lo /

de bzhin gshegs pa tshang pa la phyag 'tshal lo /

de bzhin gshegs pa tshang pas [2r] byin la phyag 'tshal lo /

de bzhin gshegs pa chu lha la phyag 'tshal lo /

de bzhin gshegs pa chu lha'i lha la phyag 'tshal lo /

de bzhin gshegs pa dpal bzang la phyag 'tshal lo /

de bzhin gshegs pa tsan dan dpal la phyag 'tshal lo /

de bzhin gshegs pa gzi brjid mtha' yas la phyag 'tshal lo /

de bzhin gshegs pa 'od dpal la phyag 'tshal lo /

de bzhin gshegs pa mya ngan med pa'i dpal la phyag 'tshal lo /

de bzhin gshegs pa sred med kyi bu la phyag 'tshal lo /

de bzhin gshegs pa me tog dpal la phyag 'tshal lo /

de bzhin gshegs pa tshang pa'i 'od zer rnam par rol pas mngon par mkhyen pa la phyag 'tshal lo /

de bzhin gshegs pa pad ma'i 'od zer rnam par rol pas mngon par mkhyen pa la phyag 'tshal lo /

de bzhin gshegs pa nor dpal la phyag 'tshal lo /

Транслитерация санскритского текста
namaḥ smṛtiśriye /
namaḥ suparikīrtitanāmadheyaśriye /
nama indraketudhvajarājāya /
namaḥ suvikrāntaśriye /
namaḥ suvijitasamgrāmāya /
namo vikrāntagāmine /
namaḥ samantāvabhāsavyūhaśriye /
namo ratnapadmavikrāmiṇe /
namo ratnapadmasupraṭiṣṭhitaśailendarājāya tathāgatāyārhate samyaksaṃbuddhāya /
evampramukhā yāvantaḥ daśadikṣu sarvalokadhātuṣu tathāgatārahantaḥ samyaksaṃbuddhāstiṣṭhanti dhriyante yāpayanti, te māṃ samanvāharantu buddhā bhagavantaḥ /
yanmayā asyāṃ jātau anyāsu vā jātiṣu anavarāgre jātisaṃsāre saṃsaratā pāpakaṃ karma kṛtaṃ syātkāritaṃ vā kriyamāṇaṃ vā anumoditaṃ bhavet,
staupikaṃ vā
sāṃghikaṃ
vā dravyamapahr̥taṃ syāt, hāritaṃ vā hriyamāṇaṃ vā anumoditaṃ bhavet /
pancānantaryāṇi kṛtāni syuḥ kāritāni vā kriyamāṇāni vā anumoditāni bhaveyuh /
daśākuśālān karmapathān samādāya vartitaṃ syāt, pare vā samādāpitāḥ syurvartamānā vā anumoditā bhaveyuryena
karmāvaranēnāvṛto ‘haṃ nirayaṃ vā gaccheyaṃ tiryagyonim vā yamaviṣayaṃ vā gaccheyaṃ pratyantajanapadeṣu mleccheṣu vā pratyājāyeyaṃ dīrghāyuskeṣu deveṣūpapadyeyamindriyavikalatāṃ
vādhigaccheyaṃmithyādṛṣṭim vopagr̥hṇīyāṃ
buddhotpādaṃ vā virāgayeyam,

Транслитерация тибетского текста

de bzhin gshegs pa dran pa'i dpal la phyag 'tshal lo /
de bzhin gshegs pa mtshan dpal shin tu yongs bsgrags la phyag 'tshal lo /
de bzhin gshegs pa dbang po'i tog gi rgyal mtshan gyi rgyal po la phyag 'tshal lo /
de bzhin gshegs pa shin tu rnam par gnong pa'i dpal la phyag 'tshal lo /
de bzhin [2v] gshegs pa g.yul las shin tu rnam par rgyal ba la phyag 'tshal lo /
de bzhin gshegs pa rnam par gnong pa gshegs pa'i dpal la phyag 'tshal lo /
de bzhin gshegs pa kun nas snang ba bkod pa'i dpal la phyag 'tshal lo /
de bzhin gshegs pa rin chen pad mas rnam par gnong pa la phyag 'tshal lo /
de bzhin gshegs pa dgra bcom pa yang dag par rdzogs pa'i sangs rgyas rin po che dang pad ma'i gdan la rab tu bzhugs pa sangs rgyas ri dbang gi rgyal po la phyag 'tshal lo /
na mo de dag la sogs pa phyogs bcu'i 'jig rten gyi khams thams cad na / de bzhin gshegs pa dgra bcom pa yang dag par rdzogs pa'i sangs rgyas bcom ldan 'das gang ji snyed cig bzhugs te 'tsho zhing gzhes pa'i sangs rgyas bcom ldan 'das de dag thams cad bdag la dgongs su gsol /
bdag gis skye ba 'di dang / skye ba thog ma dang tha ma ma mchis pa nas / 'khor ba na 'khor ba'i skye gnas thams cad du sdig pa mi dge ba'i las bgyis pa dang / bgyid du stsal ba dang / bgyid pa la rjes su yi rang ba'am /
mchod rten gyi dkor ram /
dge 'dun gyi dkor ram /
phyogs bcu'i dge 'dun gyi dkor phrogs pa dang / 'phrog tu bcug pa dang / 'phrog pa la rjes su yi rang ba'am /
mtshams ma mchis pa lnga'i las bgyis pa dang / bgyid du stsal ba [3r] dang / bgyid pa la rjes su yi rang ba'am /
mi dge ba bcu'i las kyi lam yang dag par slang pa la zhugs pa dang / 'jug tu stsal ba dang / 'jug pa la rjes su yi rang ba'am /
las kyi sgrib pa gang gis bsgrub nas / bdag sems can dmyal bar mchi ba'am / dud 'gro'i skye gnas su mchi ba'am / yi dags kyi yul du mchi ba'am / yul mtha' 'khob tu skye ba'am / kla klor skye ba'am / lha tshe ring po rnams su skye ba'am /
dbang po ma tshang bar 'gyur ba'am / lta ba log par 'dzin par 'gyur ba'am /
sangs rgyas 'byung ba la mnyes par mi bgyid par 'gyur ba'i

Транслитерация санскритского текста
tatsarvaṃkarmāvaraṇaṃ teṣāṃ buddhānāṃ bhagavatāṃ jñānabhūtānāṃ cakṣurbhūtānāṃ sāksībhūtānāṃ pramaṇabhūtānāṃ jānatāṃ paśyatamagrataḥ pratideśayāmi, āviṣkaromi na praticchādayāmi, āyatyaṃ saṃvaramāpadye / samanvāharantu māṃ te buddhā bhagavanto
yanmayā asyāṃ jātāvanyāsu vā jātiṣvanavarāgre vā jātiṣaṃsāre saṃsaratā dānaṃ dattaṃ bhavedantaśastiryogyonigatāyāpyālopaḥ, śīlaṃ vā rakṣitaṃ bhaved yacca me brahmacaryavāsakuśalamūlam, yacca me sattvapariṣkākuśalamūlam, yacca me bodhicittakuśalam,
yacca me ‘nuttarajñānakuśalamūlam,
tatsarvamaikadhyaṃ piṇḍayitvā tulayitvā abhisamkṣīpya anuttarāyāṃ samyaksambodhau uttarottarayā (gurugurūṇā) pariṇāmanayā,
yathā pariṇāmitamatītairbuddhairbhagavabhdiryathā pariṇāmayiṣyantyanāgatā buddhā bhagavantaḥ,
yathā pariṇāmayanti etarhi daśasu dikṣu pratyutpannā buddhā bhagavantaḥ tathā hamapi pariṇāmayāmi
Соответствующий текст строки отсутствует
sarva pāpaṃ pratideśayāmi /
sarvaṃ puṇyamanumodayāmi /
sarvān buddhānadhyeṣyāmi /
bhavatu me jñānamanuttaram //
ye cābhyatītāstathapi ca ye anāgatā ye cāpi tiṣṭhanti narottamā jināḥ /
anantavarṇān guṇasāgaropamānupaimi
sarvān śaraṇaṃ kṛtāñjaliḥ //
Соответствующий текст строки отсутствует

Транслитерация тибетского текста

las kyi sgrib pa gang lags pa de dag thams cad sangs rgyas bcom ldan 'das ye shes su gyur pa / spyan du gyur pa / dpang du gyur pa / tshad mar gyur pa / mkhyen pas gzigs pa / de dag gi spyan sngar mthol lo bshags so / mi 'chab bo / mi sbed do / slan chad kyang gcod cing sdom par bgyid lags so / sangs rgyas bcom ldan 'das de dag thams cad bdag la dgongs su gsol /

bdag gis skye ba 'di dang / skye ba thog ma dang / tha ma ma mchis pa nas / 'khor ba na 'khor ba'i skye gnas gzhan dag tu / sbyin pa tha na dud 'gro'i skye gnas su skyes pa la zas kham gcig tsam stsal ba'i dge ba'i rtsa ba gang lags pa dang / bdag gis tshul khriims [3v] bsrungs ba'i dge ba'i rtsa ba gang lags pa dang / bdag gis tshangs par spyod pa la gnas pa'i dge ba'i rtsa ba gang lags pa dang / bdag gis sems can yongs su smin par bgyis pa'i dge ba'i rtsa ba gang lags pa dang / bdag gis byang chub mchog tu sems bskyed pa'i dge ba'i rtsa ba gang lags pa dang /

bdag gis bla na med pa ye shes kyi dge ba'i rtsa ba gang lags pa de dag thams cad gcig tu bsdus shing bzlums te / bsdoms nas bla na ma mchis pa dang / gong na ma mchis pa dang / gong ma'i yang gong ma /

bla ma'i yang bla mar yongs su bsngo bas bla na med pa yang dag par rdzogs pa'i byang chub tu yongs su bsngo bar bgyi'o /

ji ltar 'das pa'i sangs rgyas bcom ldan 'das rnams kyis yongs su bsngos pa dang /

ji ltar ma byon pa'i sangs rgyas bcom ldan 'das rnams kyis yongs su bsngo bar 'gyur ba dang

/ ji ltar da ltar bzhugs pa'i sangs rgyas bcom ldan 'das rnams kyis yongs su bsngo bar mdzad pa de bzhin du bdag gis kyang yongs su bsngo bar bgyi'o / sdig pa thams cad ni so sor bshags so /

bsod nams thams cad la ni rjes su yi rang ngo /

sangs rgyas thams cad la ni bskul zhing gsol ba 'debs so /

bdag gis bla na med pa ye shes kyi mchog dam pa thob par gyur cig /

mi mchog rgyal ba gang dag da ltar [4r] bzhugs pa dang / gang dag 'das pa dang dang

de bzhin gang ma byon / yon tan bsngags pa mtha' yas rgya mtsho 'dra kun la /

thal mo sbyar ba bgyis te skyabs su nye bar mchi'o /

lus kyi las ni rnam pa gsum / ngag gi rnam pa bzhi dang ni / gang yang yid kyi rnam gsum po /

Транслитерация санскритского текста
Соответствующий текст строки отсутствует
Соответствующий текст строки отсутствует
Соответствующий текст строки отсутствует
Соответствующий текст строки отсутствует
Соответствующий текст строки отсутствует
Соответствующий текст строки отсутствует
// samāptam // (āryatriskandhamahāyānasūtram samāptam)

Транслитерация тибетского текста
mi dge bcu po so sor bshags /
thog ma med nas da lta'i bar / mi dge bcu dang 'tshams med lnga /
sems ni nyon mongs dbang gyur pa'i / sdig pa thams cad bshags par bgyi /
'dod chags zhe sdang gti mug dbang gis ni / lus dang ngag dang de bzhin yid kyis kyang / sdig pa bdag gis bgyis pa ci mchis pa /
de dag thams cad bdag gis so sor bshags /
phyag 'tshal ba dang mchod cing bshags pa dang / rjes su yi rang bskul zhing gsol ba yi / dge ba cung zad bdag gis ci bsags pa / thams cad rdzogs pa'i byang chub phyir bsngo'o /

Источники

- OT — Coqtu zandan orosiboi (= Сияющий сандал). Российская государственная библиотека. Фонд рукописей. Инв. № Calm5.
- TT — Ltung bshags (= Раскаяние в падениях) // Bla ma mchod pa'i cho ga sogs (= Способ почитания Учителя и др.) [электронный ресурс] // URL: <https://www.tbrc.org/#!rid=W1NLM1364> (дата обращения: 15.09.2020).
- CT — Triskandhasūtra (= Сутра трех груд) // *Shakya M. B. Buddhist Himalaya X. 1. Nepal: Nagarjuna Institute of Exact Methods, 2000. Pp. 1–6* [электронный ресурс] // URL: http://gretil.sub.uni-goettingen.de/gretil/corpustei/transformations/html/sa_triskandhasUtra.htm (дата обращения: 15.09.2020).

Литература

- Бичеев, Бембеев 2016 — *Бичеев Б. А., Бембеев Е. В.* О текстах буддийских молитв покаяний // Монголоведение. 2016. Вып. 8. № 2. С. 111–119.
- Позднеев 1993 — *Позднеев А. М.* Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношением сего последнего к народу. Репринтное изд. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 512 с.
- Лувсанбалдан 1975 — *Лувсанбалдан Х.* Тод үсэг, түүний дурсгалууд (= Ясное письмо и его памятники). Улаанбаатар: ШУАХ, 1975. 356 х.
- Музраева 2013 — *Музраева Д. Н.* Тибето-монгольская повествовательная литература XVII–XVIII вв. (Переводные письменные памятники на монгольском и ойратском языках). Элиста: НПП «Джангар», 2013. 152 с.
- Ринчен Тердзо — Ринчен Тердзо [электронный ресурс] // URL: <https://www.tbrc.org/#!rid=W1KG14> (дата обращения: 01.10.2020).
- Chiodo 2000 — *Chiodo E.* The Mongolian Manuscripts on Birch Bark from Harbuxyn Balgas in the Collection of the Mongolian Academy of Sciences. Part 1. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2000. 305 p.
- Damdinsürüng 1959 — *Damdinsürüng Ts.* Mongyol uran jokiyaal-un degeji jaγun bilig orusibai (= Сто выдающихся образцов монгольской литературы). Улаанбаатар: ШУАХ, 1959. 599 х.

Личный архив калмыцкого писателя

Л. О. Инджиева

*Делгир Юрьевна Топалова*¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
кандидат филологических наук, научный сотрудник
E-mail: topalovady@kigiran.com

© КалмНЦ РАН, 2020

© Топалова Д. Ю., 2020

Аннотация. В статье представлено обзорное описание личного архивного фонда известного калмыцкого писателя, талантливого поэта, переводчика Л. О. Инджиева. Проведенный анализ состава архивных документов, включающих в себя разноплановый материал (литературные произведения, переводы, делопроизводственный материал, письма, личные записи и документы и др.), позволяет проследить динамику творческого пути писателя, его писательскую и переводческую деятельность, а также в полной мере отражает тот значительный вклад, который внес фондообразователь в дело сохранения литературного и духовно-культурного наследия калмыцкого народа. Кроме того, все блоки архивных документов, выделенные в ходе научно-технической обработки, позволяют сделать вывод о литературно-культурном значении фонда, который служит источником малоизвестных и неизвестных фактов о литературной, культурной и общественной жизни Калмыкии второй половины XX в. В материалах личного фонда писателя обнаружено три неопубликованных произведения: «Нерэдлһн дунм» («Песня-посвящение»), «Эвд үүмэнэ цаг» («Жестокое тревожное время»), «Нег мосягч авцасн» («Один из решительных способов»).

Ключевые слова: личный архивный фонд, калмыцкая литература, литературно-культурное наследие, поэзия.

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольских наро-

дов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490036-1).

Для цитирования: Топалова Д. Ю. Личный архив калмыцкого писателя Л. О. Инджиева // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. №. 4. С. 79–103. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-4-16-79-103

UDC 821/9

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-4-16-79-103

Personal archive of the Kalmyk writer L.O. Indzhiev

*Delgir Yu. Topalova*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilshkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Research Associate

E-mail: topalovady@kigiran.com

© KalmSC RAS, 2020

© Topalova D. Yu., 2020

Abstract. The article provides an overview of the personal archive fund of the famous Kalmyk writer, talented poet, translator L. O. Indjiev. The analysis of the composition of archival documents, including diverse material (literary works, translations, office materials, letters, personal records and documents, etc.), allows us to trace the dynamics of the writer's creative path, his writing and translation activities, and also fully reflects the significant contribution made by the fund educator to the preservation of the literary and spiritual-cultural heritage of the Kalmyk people. In addition, all blocks of archival documents allocated during scientific and technical processing make it possible to conclude about the literary and cultural significance of the fund, which serves as a source of little-known and unknown facts about the literary, cultural and social life of the second half of the twentieth century. Three unpublished works were found from unpublished materials in the writer's personal fund: «Neryadlgn dunm» ('Dedication Song'), «Avd uumyanya tsag» ('Cruel Disturbing Time'), «Neg Mosyagch Avtsasn» ('One of the Decisive Ways').

Keywords: personal archive fund, Kalmyk literature, literary and cultural heritage, poetry

Acknowledgements. The reported study was funded by a government subsidy — project name ‘Oral and Written Heritage of Mongolic Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions’ (state reg. no. AAAA-A19-119011490036-1).

For citation: Topalova D. Yu. Personal archive of the Kalmyk writer L. O. Indzhiev. In: *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2020. No. 4. Pp. 79–103. (In Russ.) DOI: 10.22162/2587-6503-2020-4-16-79-103

В истории богатейшей калмыцкой культуры имя Лиджи Очировича Инджиева (1913–1995) — народного писателя республики Калмыкия, прозаика, члена Союза писателей СССР и Российской Федерации, публициста, участника Великой Отечественной войны — по праву занимает одно из самых почетных мест. Л. О. Инджиев был человеком многогранного таланта — известным калмыцким поэтом, прозаиком, драматургом, переводчиком, внесшим большой вклад в развитие культуры и национального искусства калмыцкого народа. Его жизнь мало чем отличается от жизни его сверстников, а также собратьев по перу: М. Б. Нармаева, А. И. Сусеева, Д. Н. Кугультинова, М. В. Хонинова и других. Разделяя судьбу своего родного народа, Лиджи Очирович прошел горнило Великой Отечественной войны, депортацию, однако его сердце не утратило доброты, сострадательного отношения к людям. Для многих он был не только собратом по литературному творчеству, но и Учителем, близким другом. Своим Учителем его считал народный поэт Калмыкии, лауреат государственных премий СССР, РСФСР, Герой Социалистического труда Давид Кугультинов (1922–2006). Их связывала давняя искренняя дружба. Лиджи Очирович перед тем, как уйти на фронт, успел выпустить первый сборник стихотворений Давида Никитича, «Стихи юности» (1940). Наставником редкой доброты, редкого бескорыстия и щедрости называют Лиджи Инджиева народные поэты Калмыкии Владимир Дорджиевич Нуоров (1938) и Эрдни Антонович Эльды-

шев (1959), обязанные ему успехами своей литературной деятельности.

В научный архив Калмыцкого научного центра Российской академии наук личный архив фондообразователя поступил на хранение от супруги литератора, Нины Владимировны Ипполитовой (1932–2008), талантливого писателя, известного в республике журналиста, поэтессы, незадолго до ее ухода. Еще при жизни Лиджи Очирович доверил свой архив своему любимому ученику, народному поэту Калмыкии, Э. А. Эльдышеву. После смерти поэта Эрдни Антонович и вдова писателя приняли совместное решение о передаче фонда в научный архив КалмНЦ РАН. Материалы поступили без сопроводительных документов, но, как показывает проведенный в ходе работы анализ, все они были представлены в полном составе.

На хранении в научном архиве КалмНЦ РАН находятся рукописи стихотворений, рассказов Лиджи Инджиева¹, рабочие материалы, личная, семейная, деловая переписка, поздравительные открытки, приглашения, буклеты, фотографии, записные книжки, личные документы, грамоты, благодарственные письма. Все эти источники в полной мере отражают основные узловые моменты жизни народного писателя. Всего на бумажных источниках представлено в личном фонде представлено 3 422 единицы хранения, фотографий — 42.

Н. В. Ипполитова бережно хранила память о муже, всячески заботясь о продолжении жизни его литературного наследия. Она всегда помогала супругу в работе, была его незаменимым помощником, литературным секретарем: печатала и переписывала исправленные тексты на двух языках, редактировала их, занималась коррективированием. Позже, когда здоровье писателя стало ухудшаться, Нина Владимировна приложила все силы для того, чтобы опубликовать произведения литератора. Она стала быстро записывать все, что рассказывал писатель, в том числе давно заду-

¹ Проблемы творчества Л. Инджиева рассматривались в статьях калмыцких литературоведов (см. [Ханинова 2016; Салдусова 2011; Лиджиев, Лиджиева 2015]).

манные произведения. Так в литературной обработке Н. В. Ипполитовой при жизни Л. Инджиева вышла повесть «Кулацкий бунт», написанная им под впечатлением событий в г. Москве. Она была опубликована за два года до смерти Лиджи Очировича, в ноябре 1993 г., в нескольких номерах газеты «Советская Калмыкия». Уже после ухода супруга в литературной обработке Н. Ипполитовой вышли такие произведения калмыцкого писателя, как «Моя родословная», «Портрет молодого поэта», «Белые хризантемы» (1995), «Фронтовой дневник» (1998–1999), «Из степного родника» (1999).

Н. Ипполитову отличали аккуратное, можно сказать, скрупулезное ведение архива писателя и его хранение. В фонде имеют место небольшие справочно-информационные материалы, подготовленные Ниной Владимировной: хроника жизни Л. Инджиева [НА КалмНЦ РАН. Ф. 37. Оп. 1. Д. 629], дневниковые записи [НА КалмНЦ РАН. Ф. 37. Оп. 1. Д. 1430], документ «Родственники и земляки Л. Инджиева» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1473], среди которых многие известные люди республики («Ботиев Степан Кимович — заслуженный скульптор, близкий друг, Алексеев Тимофей Баатович — ближайший сосед по подъезду, друг семьи, Дорджиева Данара Басанговна — дочь старого друга, директор издательства» и др.) [НА КалмНЦ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1473], номера телефонов и адресов друзей семьи Инджиевых [НА КалмНЦ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 2083], списки лирических песен [НА КалмНЦ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 395], написанных на стихи Лиджи Очировича, перечень его произведений [НА КалмНЦ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1471], книг [НА КалмНЦ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1597], опись писем с адресантами [НА КалмНЦ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1597]. Источник под номером 3296 содержит неполную опись документов из архива писателя: документы периода ссылки, публикации произведений, список писем, фотографий, опись материалов московского периода 1956–1957 гг., а также документов к книге «Возрождение» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 3296]. В отдельную категорию документов Н. Ипполитова отнесла неопубликованные произведения. Речь идет о трех стихотворениях, написанных поэтом на черновике: «Нерэдлһн дунм» («Ээлтэ нүднчнь хэлэцнь»)

«Өвд үүмэнэ цаг», «Нег мосягч авцасн» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 932, 933], на которых рукой Нины Владимировны сделана помета — «публ. нет». Большое количество произведений Л. Инджиева были ею отскерокопированы и хранятся в архиве в нескольких экземплярах.

Подготавливая архив писателя, Н. Ипполитова написала биографию Лиджи Инджиева, раскрывающую его жизненный и творческий путь. Этот материал представлен в фонде в двух вариантах. Так, в источнике «Хроника жизни и творчества», состоящем из пяти листов, Нина Владимировна, придерживаясь хронологического принципа работы, указывая год, месяц, иногда число, детально описывает биографию и творческие искания поэта [НА КалмНЦ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 629]. Во втором варианте прева-лирует материал, касающийся, в основном, писательской работы Л. О. Инджиева [НА КалмНЦ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1457]. Имеется в фонде и краткая автобиография, написанная самим фондообра-зователем. Народный поэт, как рассказывают его современники, всегда неохотно говорил о себе, любил больше рассказывать о других. Вот и в этом документе сухо, лаконично, от третьего лица, Лиджи Очирович изложил свою автобиографию на одном листе. Документ не датирован, написан шариковой ручкой [НА КалмНЦ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1457]. Исходя из содержания всего имеюще-гося архивного материала о жизнедеятельности писателя, приве-дем основные моменты его биографии.

Л. Инджиев родился в 1913 г. в поселке Годжур, ныне Кетче-неровского района, в многодетной семье бедняка. Воспитывался в Малодербетовском детском доме, где в совершенстве изучил рус-ский язык, окончил семь классов. Печататься начал как селькор-комсомолец в 1931 г. — посылал в областные газеты свои стихи и заметки. С 1930 г. по приглашению редактора республиканской молодежной газеты «Улан багчуд» и председателя ассоциации пролетарских писателей А. И. Сусеева был принят в штат редак-ции, где становится ответственным секретарем. Одновременно со-трудничает в ряде областных газет и журналов.

С 1935 г. по 1938 г. вместе с близким другом, впоследствии ученым, журналистом, народным поэтом Калмыкии, Б. О. Джимбиновым, находится на учебе в Москве в Коммунистическом институте журналистики им. «Правды», ректором которого на тот момент был писатель, журналист, общественный деятель Михаил Кольцов (1898–1940). Одновременно заканчивает курсы переводчиков художественной литературы и редакторов общественно-политической литературы при ЦК ВКП (б). Вместе с Бемом Джимбиновым в свободное время Лиджи Очирович подрабатывает корректором издательства. После завершения учебы он возвращается на родину и работает в газете «Ленинский путь».

В 1938 г. был принят в Союз писателей Советского Союза. В 1939 г. участвовал в декаде калмыцкой литературы и искусства в Москве, а также в проведении празднования 550-летия калмыцкого героического эпоса «Джангар». В предвоенные годы один за другим выходят сборники на калмыцком языке «Байр» («Радость») (1940), «Булг» («Родник») (1941), «Чидл» («Сила») (1941).

Когда началась война, Лиджи Очирович пишет заявление с просьбой отправить его на фронт. Заявление было удовлетворено личной резолюцией второго секретаря Калмыцкого обкома ВКП(б) Есина Кокшунова. С января 1942 г. учится на партийно-политических курсах при Сталинском военном округе. Непосредственно боевые действия начинает в составе 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии под командованием В. А. Хомутникова. С боями прошел территорию Ставропольского края Ростовской области, Краснодарского края, участвовал в Керченском десанте в ноябре 1943 г. На фронте исполнял должность комсорга отдельного конно-артиллерийского дивизиона и политинформатора. Как военный журналист был сотрудником дивизионной газеты «Красный кавалерист» 110-й ОККД и «На защиту Отечества» 339-й Таманской стрелковой дивизии Отдельной Приморской армии. За участие в боевых действиях по освобождению Керчи награжден медалью «За отвагу».

В апреле 1944 г. Лиджи Очирович был уволен из действующей армии по национальному признаку. В годы депортации проживал

в городе Рубцовске Алтайского края, где работал на оборонном тракторном заводе. Дисциплинированный, высокочестный и образованный спецпереселенец числился в активе, избирался не раз делегатом партконференции, печатался в заводской многотиражке и городской газете (однако краевая газета «Алтайская правда» закрыла перед ним дверь).

После снятия ограничений в правовом положении калмыков-спецпереселенцев, в марте 1956 г., Лиджи Инджиев уезжает в Москву. Его избирают членом Организационного Комитета по восстановлению автономии калмыцкого народа. Он разъезжает по местам проживания депортированных калмыков, разъясняя суть решений XX съезда КПСС и задачи восстановления республики. В марте 1957 г. назначен первым директором Калмыцкого книжного издательства восстановленной автономной области, через год был избран депутатом Верховного Совета СССР пятого созыва.

Многие издательские проекты конца 1950-х гг. в Калмкнигоиздательстве были осуществлены под его руководством. В московских издательствах выходят сборники произведений калмыцкого фольклора и калмыцких писателей, в которых он участвует вместе с Д. Н. Кугультиновым.

В период возрождения республики Л. Инджиев в разные годы работает ответственным секретарем Союза писателей Калмыкии, заведующим отдела республиканской «Хальмг үнн» и журнала «Теегин герл». Неоднократно избирается членом Правления Союза писателей РСФСР и делегатом писательских съездов. На заслуженный отдых с последней штатной должности ушел в 1991 г., но до последних дней жизни продолжал сотрудничать с органами печати. Умер Лиджи Очирович за письменным столом, оставив ряд незавершенных произведений.

Творчество Лиджи Инджиева отличается жанровым разнообразием. Выступив в начале пути как поэт, в начале 1960-х гг. он стал и одним из зачинателей современной калмыцкой прозы. «Большевики», «Дочь Ольды», сборник рассказов «Очарованные сердца» и другие выдержали несколько изданий в Москве и были там же представлены на неделе калмыцкой литературы и искусства в янва-

ре 1967 г. В них осмысливается исторический путь народа, поднимаются актуальные проблемы того времени. Широкую известность приобрели поэтические сборники Л. О. Инджиева на калмыцком и русском языках: «Радость», «Буря и деревья» (с предисловием С. Липкина), «Чистое небо», «Легенда о лотосе» др. Л. О. Инджиев был автором более тридцати пяти поэтических книг и сборников, ставших подлинной летописью калмыцкого народного жизни.

В конце жизни Лиджи Очирович многое переосмыслял: события истории, изменившееся положение многих вещей в атмосфере конца XX в. Свои размышления и миропонимание он выражал через Слово. Произведения «Молитва», «Дума о Чингис-хане», «Далай-ламин гегэнд» («Посвящение его Святейшеству»), буддийский стихотворный цикл «Бурхн-багшин номар ухаллһн» («Буддийские божественные заповеди», афористические миниатюры, напоминающие японские стихотворения *танка*, в образной форме излагающие религиозные истины), баллада «Проповедник» (о последователе великого учения, тибетском монахе Геше Вангьяле) доказывают, что поэт тонко чувствовал изменение сознания людей, возвращение народа к истокам, духовности, приветствовал его возрождение к новой жизни и буддизму. Будучи всю свою жизнь атеистом, поэт на восьмидесятом году однажды признался супруге: «А ты знаешь, я, оказывается, верующий. Да-да, я всегда верил в Бога, только не догадывался об этом». Вспоминая былые годы совместной жизни, Нина Владимировна писала, что он часто корректировал некоторые ее поступки, объяснял народные обычаи. Сам он никогда не поддавался чувству злобы, мести, вражды, укрощал ее характер, даже если обиды имели основания. Спустя время после его ухода она поняла, что весь жизненный путь он, может сам того не понимая, руководствовался заповедью буддизма: непотивление злу насилием [НА КалмНЦ РАН. Ф. 37. Оп. 1. Д. 1621. Л. 1]. Семья писателя от этого, конечно, не всегда была в выигрышном положении, но жить по-другому Лиджи Очирович не мог, да и не хотел.

Зрелостью таланта отмечены и другие последние произведения постперестроечного периода, в которых писатель делает пере-

оценку ценностей. Усилиями вдовы, а также коллег и учеников поэта завершены и опубликованы другие творения автора: повести «Лихолетье», «Кулацкий бунт», литературное эссе «Портрет молодого поэта». Произведения вышли в печать в литературной обработке Нины Ипполитовой. Все черновики и конечные экземпляры хранятся в архиве писателя.

За успехи в развитии калмыцкой литературы Л. О. Инджиев был удостоен звания народного поэта Калмыкии (1973), Лауреата Государственной премии Калмыцкой АССР им. О. И. Городовикова (1977). Ему были вручены в разные годы правительственные награды: Орден «Знака Почета» (1959), Орден «Отечественной войны» II степени (1985), медали «За отвагу» (1944), «За оборону Кавказа», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина (1970), «Ветеран труда» (1985) и другие юбилейные медали, памятные знаки и Почетные грамоты.

В личном фонде Л. О. Инджиева особого внимания заслуживает документ «Моя родословная» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1209]. В нем Лиджи Очирович пишет о своем роде, делится воспоминаниями о своей некогда большой семье. «Когда меня приняли в Союз писателей СССР, то вся деревенская родня восприняла это, как случай, достойный удивления. Потомственные пастухи крутили головой, прищелкивали языком, на все лады смакуя непривычное слово «бичэч».

— Э–э–э, смотрите-ка: наш племянник, оказывается, грамотный. Он не только читать, но и писать может.

В нашем роду умеющих писать и читать никого до моего поколения не было. Я научился грамоте благодаря тому, что, будучи ребенком из многодетной бедняцкой голодающей семьи, был пристроен в детский дом. Для меня, заморыша, это было такое счастье, словно бы попал в рай. В Малодербетовском детском доме я воспитывался до 1929 г. <...>» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1209. Л. 2]. Семилетнее пребывание в детском доме оторвало его на время от семьи, поэтому о жизни своих родителей он мало что помнил. Знал лишь, что в 1934 г. его отец умер от голода. Мать

поэта, Мария Болиевна, осталась в его «сердце гораздо ближе» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1209. Л. 2]. На всю жизнь запомнил он те нравственные нормы, которые она ему внушала. Эти духовные законы и моральные правила стали для него непреложным материнским заветом. Как он сам понял к концу жизненного пути, именно им и он следовал всю свою жизнь. Основами их была буддийская религия. Пишет Лиджи Очирович и о народных ремеслах, которыми владела Мария Болиевна (валяла войлок, шила тулупы из овчины, стеганные бешметы, каракулевые шубы и др.) и которые пригодились ей в ссылке, когда волевой и энергичной, пришлось стать главой большой семьи и тащить на своих худеньких плечах огромное непосильное бремя — надо было обеспечивать снох (одна из них ослепла), внуков, племянников, так как четыре сына — Санджи, Донду, Лиджи, Бамба — были на войне. Мать Лиджи Очировича так и умерла в ссылке, ничего не узнав об их судьбе. В те годы ее было некому уведомить о том, что ее младший сын (Бамба) погиб, не доехав до линии фронта, так как эшелон с молодыми бойцами, которые ехали на обучение в Грузию, на территории Ставропольского края был полностью разбомблен, что ее средний сын (Донду) — ранен, а старший (Санджи)¹ — попал в плен. Про Лиджи, что интересно, она всегда часто уверенно повторяла: «Лиджи грамотный. Он не должен пропасть. Вот увидите, он обязательно вернется» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1209. Л. 5]. «Наивная логика простой женщины!», — восклицает спу-

¹ Как пишет Л. Инджиев, брат Санджи чудом выжил в плену, много невзгод и лишений пришлось ему пережить. Родина не оказала доверия бывшему пленному солдату. Взамен фашистских его отправили в советские лагеря. Впоследствии, выйдя на волю, женившись, поработав строителем, он заболел и умер. Средний брат Донду тоже воевал, имел награды, в ссылке он оказался рядом с Лиджи, в г. Рубцовске, Алтайского края, и тоже был строителем. «Вот такая у меня родня: простые чабаны, гуртоправы, пахари, шофера, строители. Своим трудом они преобразуют Кетченеровскую землю и вершат бесконечное дело жизни» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1209. Л. 9]. О сестре Лиджи Очирович писал, что она одна воспитала сына. Мальчик стал хорошим сельским механизатором, однако его жизнь рано оборвалась.

стя многие годы Лиджи Очирович. — Как будто безопасность человека на войне зависит от уровня его образования, а, точнее, от способности найти свое место в строю» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1209. Л. 5], — и при этом сам, словно на мгновение глубоко задумавшись, отмечает, что доля истины в этом, конечно, есть.

Интерес представляет хроника в архиве Л. Инджиева, хранящаяся в фонде, составленная вдовой писателя, в форме подробных дневниковых записей [НА КалмНЦ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1430] с указанием конкретных дат (последняя дата — 26 декабря 1998 г.). Этот материал хранится в фонде, как машинописном, так и в рукописном варианте. Приведем записи дневника от 1993 г.: «Ноябрь. 80-летний юбилей Л. О. Инджиева из-за трудностей со здоровьем отмечается скромно. Встреча в республиканской библиотеке им. Амур-Санана. Состоялся выезд в родное село Годжур, где осмотрели освященный курган и памятный родник детства, который был воспет в ряде произведений (рассказ „Родник“, „Баллада о степном роднике“). Собрание в клубе совхоза „Годжур“, встреча со сторожилами и немногочисленными родственниками.

Поздравление Президента Кирсана Илюмжинова народному поэту Л. О. Инджиеву — патриарху литературы. Опубликовано в газете „Хальмг унн“ 28 декабря. Соответственно в „Известиях Калмыкии“ 29 декабря.

Юбилейная статья председателя правления Союза писателей Калмыкии В. Нурова „С доброй ясной улыбкой“ в „Известиях Калмыкии“ 30 октября.

К юбилею выходит второй том злополучного трехтомника (планировался как трехтомник. Вследствие аппаратных интриг и грубого вмешательства отдельных партийных функционеров в дела книжного издательства собрание сочинений дважды перебрасывалось из одной пятилетки в другую. Гонорар за двухтомник, начисленный по дореформированному расценкам, сгорел в финансовой пирамиде „РДС“)» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1430. Л. 32].

Запись от июля 1963 г.: «Гостит с женой в Ленинграде у бывшего заместителя директора Калмыцкого НИИЯЛИ, а затем у сотрудника этнографического музея, кандидата филологических

наук А. П. Конакова. Встречается также с дочерью профессора А. Бурдукова, преподавателем университета Таисией Алексеевной. В бытность директором Калмыцкого книжного издательства Инджиев содействовал ей в издании калмыцко-бурятско-русского словаря. Впечатления от пребывания в Ленинграде легли в основу цикла стихов „Ленинградская тетрадь“» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1430. Л. 38].

Из содержания дневниковых записей видно, что в них нет философских раздумий о жизни, глубоких мыслей о явлениях бытия. Это практически ежедневные, порой совершенно небольшие заметки о событиях, происходящих в жизни Лиджи Очировича вплоть до его ухода. Записи, сделанные его женой, позволяют ближе познакомиться с жизнедеятельностью Л. Инджиева, прикоснуться ко всем фактам и эпизодам, пропуская их через себя, словно ты был свидетелем всей истории его пути. Возможно, для этого Нина Владимировна и вела дневник, адресовав его потомкам: с целью ближе познакомить их с «дорогой судьбы» писателя, с его творческой деятельностью и семейной жизнью. Читателям, знакомым хоть немного с ее публицистическим и художественным творчеством, характерен и узнаваем «почерк» автора, его язык: искренний, до предела откровенный, без прикрас и каких-либо умолчаний, словно она разговаривала с очень хорошо знакомым ей человеком.

Большое место в творческом наследии фондообразователя занимают переводческие работы. В архиве писателя хранится источник, написанный рукой писателя, представляющий собой список произведений, переведенных на русский язык с русского на калмыцкий язык — многочисленные произведения А. Пушкина, М. Лермонтова, С. Есенина, В. Маяковского, Л. Украинки, К. Хетагурова, С. Михалкова, А. Барто, Р. Гамзатова, К. Кулиева, А. Кешокова, М. Карима, М. Бажана, П. Ребро, Э. Межелайтиса, Х. Намсараева, Д. Жалсараева и других. В последние годы жизни писателя, в начале 1990-х гг., в периодической печати стали выходить переводы стихотворений индийских (например, Тагор Рабиндранат), вьетнамских (Нгуен Хоа), африканских (Майкл Дей-Ананг), молдавских (Ливиу Дамиан, Марчела Бенья, Виктор Телеуко и др.) поэтов,

а также произведения других представителей узбекской, бурятской, чеченской, киргизской, армянской, башкирской, татарской, молдавской литератур. С русского на калмыцкий были также переведены «Мудрешкин сын» А. Амур-Санана, «Дед Архип и Ленька» М. Горького, пьесы: «Гроза» А. Островского, «Любовь Яровая» К. Тренева, «Платон Кречет» А. Корнейчука, «Иркутская история» А. Арбузова. Созданные в разные периоды времени, все переводческие работы были опубликованы при жизни автора, при этом большая их часть — в изданиях периодической печати. В архивном фонде не все перечисленные переводческие работы имеют место.

Сам Лиджи Инджиев рассказывал, что подступая к нелегкой задаче перевода любого произведения, вынашивая идею попробовать свои силы, он вначале многократно перечитывал то или иное произведение автора, при этом стараясь вникнуть в суть каждого слова или фразы, читал много книг и материала о его творчестве [НА КалмНЦ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 47. Л. 1]. Одно время он часто перечитывал повесть «Капитанская дочка» А. С. Пушкина, так как считал ее образцом прозаического сочинения. «Сладостная мука перевода» требовала полной самоотдачи и обширного познания [НА КалмНЦ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 47. Л. 1], при этом словарь Даля, признавался переводчик, ему в такие моменты хотелось читать, как роман [НА КалмНЦ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 47. Л. 1]. В писательском архиве сохранился документ «Как я переводил Маяковского» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 49. Л. 2], в частности, речь идет о поэме «Владимир Ильич Ленин». Переводчик рассказывает, с каким большим волнением он начал работу, так как осознавал, какое это сложное, огромное, новаторское и самобытное произведение и как трудно его перевести. Сначала он попробовал старую традиционную форму калмыцкого стихосложения, но дело не пошло, так как звучание и интонация стиха Маяковского пропадали. Тогда Л. Инджиев решил выстраивать калмыцкий стих по форме и размеру русского оригинала. «Калмыцкий язык должен выдерживать все», — говорил он себе [НА КалмНЦ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 49. Л. 2]. По ходу работы уверенность переводчика постепенно крепла, работа шла нелегко, очень медленно, «словно по круто-

му подъему к вершине высокой горы <...> но в этой нелегкой работе я был счастлив», — заключает Инджиев [НА КалмНЦ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 49. Л. 2]. В памяти Лиджи Очировича навсегда оседали точные, емкие поэтические ходы и интонации тех писателей и поэтов, произведения которых он переводил. По словам его учеников, он обладал богатейшим, уникальным словарным запасом. «...Сколько удивительных, редких по красоте и точности слов хранила его память!», — вспоминает Эрдни Эльдышев (цит. по: [Дорджиева 2013: 3]).

В документе дела № 1448 содержатся «Краткие сведения о моей работе, связанной с украинской литературой» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1448. Л. 1], подготовленные самим фондообразователем и датированные от 26 апреля 1971 г. В 1970-е гг. Лиджи Очирович особенно активно работал с украинской литературой. Многие его переводы этого времени были, в основном, опубликованы в республиканской общественно-политической газете «Хальмг үнн» («Калмыцкая правда») и в альманахе «Теегин герл» («Свет в степи»). Три переводных украинских произведения вышли отдельными книгами, изданными Калмыцким книжным издательством: поэма Т. Шевченко «Вечная память Котляровскому», опубликованная в сборнике стихов «Тарасу Шевченко», поэма «Старая сказка» Л. Украинки, стихи «Поспешим к солнцу», «Как цветок» поэта И. Франко, которые вошли в сборник «Благодарность». Лиджи Индживым также были переведены стихи вышеназванных и других авторов: рассказ «Большевики», автором которого был зачинатель украинской литературы И. Микитенко, стихи и поэма «Надднестровские размышления» М. Рыльского. В дни последней Декады украинской литературы и искусства в Москве были также переведены пьеса «Платон Кречет» А. Корнейчука, стихи украинских поэтов М. Бажана, В. Омельченко, П. Ребро, П. Тычина и др. О многих из перечисленных украинских авторах фондообразователем были написаны статьи, хранящиеся ныне в его архиве («Солнечные просторы», «Звучат песни Кобзаря» и др. [НА КалмНЦ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1448. Л. 1]).

Стихотворные произведения самого Лиджи Очировича также выходили в печати на Украине: в газете «Литературная Украина»,

в молодежных журналах УССР, а также в периодических изданиях Запорожья. Переводом произведений народного писателя и поэта на украинский язык занимался близкий друг семьи Инджиевых, украинский поэт, писатель, публицист, переводчик, литературовед Петр Павлович Ребро (1932–2014). Л. Инджиев в свою очередь перевел на калмыцкий язык много произведений украинского автора, посвятил ряд статей его творчеству. Все материалы были опубликованы на страницах украинской и калмыцкой периодической печати. Многолетняя дружба двух семей (Инджиевых и Ребро) привела к общей идее — обмену Неделями братских литератур, которые в 1970-е гг. регулярно проводились в районах и городах ряда республик. Неделя калмыцкой литературы, в которой участвовал народный поэт Л. Инджиев, проводилась на Украине, в Запорожье, в ноябре 1971 г. и в октябре 1977 г. Ответный визит украинских писателей в Элисту состоялся в том же 1977 г.

В разделе фонда, в котором собраны рукописные источники (записные книжки, тетради Л. Инджиева), хранятся четыре фронтовых дневника, которые писатель вел между боями, и еще один источник — конспект, написанный рукой писателя в период войны, под названием «Керчь». Документ датирован от апреля 1944 г. и представлен не в блокноте, а на отдельных листочках. В них фронтовик рассказывает о боях на Керчинском полуострове [НА КалмНЦ РАН. Ф. 37. Оп. 1. Д. 1532].

Среди военных блокнотов Л. Инджиева внимание привлекает записная книжка, сделанная, вероятно, самим Лиджи Очировичем в годы войны. Ее покрытие — уже готовая жесткая обложка, которая была откреплена от типового «Краткого русско-немецкого военного разговорника» коричневого цвета [НА КалмНЦ РАН. Ф. 37. Оп. 1. Д. 3333].¹ В качестве стыковочного элемента (за не

---

¹ Разговорник бы выпущен Военным институтом иностранных языков Красной Армии под грифом издательства ОГИЗ-ГИС — Объединения государственных книжно-журнальных издательств, сокращенно — ГИС — первого большого Советского издательства, которое было организовано ВЦИК. Такой разговорник имели при себе некоторые советские солдаты с целью разведывания информации у пленных немецких солдат.

имением канцелярского клея или скрепок), закрепляющего блок листов и обложку, была использована черная проволока. Записи на пожелтевших от времени страницах, которые поэт вел между боями, были сделаны графитовым карандашом. Два других фронтовых дневника представляют собой старенький блокнот и тетради, без обложек, с пожелтевшими, местами выгоревшими от времени рукописными страничками. Записи писателя были не ежедневные, и это понятно, но регулярные. Их содержание мы не будем приводить, так как подлинный документальный «Фронтовой дневник» был опубликован Н. В. Ипполитовой в виде книги в 2002 г. Он был найден супругой после смерти писателя в его стареньком военном желтом чемодане среди других фронтовых документов. «При жизни Лиджи Инджиев, по-видимому, не придавал никакого значения своим запискам как будущему литературному произведению и никому не показывал» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 200. Л. 18], — анализировала спустя время Нина Владимировна, для которой эта находка была целым открытием. Ей оставалось только перепечатать его, бережно сохраняя «почерк» автора. Знакомство с военным архивом супруга-писателя стало для Н. Ипполитовой толчком для подготовки цикла новелл Лиджи Инджиева «Из блокнота военкора», а также произведения «На войне как на войне». Книги, изданные в литературной обработке Н. Ипполитовой, стали прямым продолжением издания «Фронтовой дневник». После выхода вышеназванных творений вышла книга в форме документально-биографических записок «Серый пакет». Ее содержание Лиджи Очирович при жизни надиктовал Нине Владимировне, как она любила выражаться, «на карандаш». В нем рассказывается, как уволенный с фронта по национальному признаку лейтенант три дня мотался по Москве в поисках правды, задавая один и тот же вопрос: «Почему?» и «За что?». Этот художественный эпизод был в определенном смысле автобиографическим. Вполне возможно, что он имеет хронологическую отсылку — апрель 1944 г. Этот период жизни Л. Инджиева описан в очерке Н. Ипполитовой «Прием в Кремле». Лиджи Очировича принудительно отозвали с Южного фронта к месту поселения — город Ойрат-Тура. На Бар-

наульском вокзале он встретил Давида Кугультинова в военной форме, он тоже направлялся в ссылку, в алтайский город Бийск. Всю ночь друзья бродили по вокзальным улицам, мучаясь неразрешимыми вопросами: «За что?», «Почему?», «Как такое могло произойти?». Решительный Д. Кугультинов решил написать письмо И. В. Сталину. Старший товарищ, в памяти которого гудел «набатом» страшный 1937 г., осторожно предупредил, что надо быть осторожнее. И оказался прав. За свою веру в справедливость офицер Д. Кугультинов поплатился почти двухлетним заключением и Норильскими рудниками [НА КалмНЦ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 200. Л. 18].

Еще одним открытием, сделанным также после смерти писателя, стали найденные в его архиве фронтовые газеты: «Вперед за родину», «Улан багчуд», «Улан хальмг» и др. В номерах этих печатных изданий были выпущены произведения и статьи Лиджи Очировича. Вот что об этом рассказывала Нина Владимировна: «Я очень долго искала фронтовые газеты Лиджи Очировича, писала в четыре государственных архивохранилища. И мне отвечали: «Этого периода нет». <...> И вдруг (вы не поверите!) обнаруживаю в глубине стола шершавую, невзрачную папку, на которой написано: «Отдельные вырезки из газет». Открываю, а там фронтовые газеты, целый комплект, целое сокровище по сравнению с тем, что мне прислали из Подольска. Я только диву даюсь, каким образом он пронес все эти бумаги через фронт и через Сибирь! <...> [Бескрайнее поле жизни 2013: 356]. В фонде Л. Инджиева хранятся как оригиналы номеров дивизионных печатных изданий [НА КалмНЦ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 2. Ед. хр. 1407, 1408, 1409], так их ксерокопии, сделанные Н. Ипполитовой [НА КалмНЦ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 2. Ед. хр. 1543–1545].

В вышеуказанном разделе архива также имеются пять тетрадей писателя, в которых отложились короткие заметки и конспекты из прочитанных книг, которые хронологически относятся к 1941–1950-х гг. Например, тетрадь под единицей хранения 3322 состоит из восьми страниц. На ее обложке имеются пометки, сделанные рукой Нины Владимировны: «1950 гг. Выписки из прочитанных

книг. Рубцовск. Пятая пачка (в столе)». Рукой самого фондообразователя на обложке сделана запись из литературного произведения Джека Лондона «Мексиканец»: «Заведомый победителей Денни Уорд с презрением смотрел на Фелипса Раверу (мекси конец)» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 2. Ед. хр. 3322. Л. 6]. Конспекты, записанные в тетрадке чернилами, относятся к теме литературы и искусства. Например, «О Бетховене» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 2. Ед. хр. 3322. Л. 7] или же «Из статьи Т. Тесс»¹ [НА КалмНЦ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 2. Ед. хр. 3322. Л. 6].

Блокнот под номером 3319 содержит список людей, которые обвинялись в измене родины. Закрытый судебный процесс, исходя из содержания записи на обложке блокнота, сделанной рукой Н. Ипполитовой, проходил на Украине. Лиджи Очирович, выехав на место проведения суда, выступал в качестве общественного обвинителя. Всего в списке значится 192 фамилии, напротив каждой из которой указан год рождения того или иного человека. Имеются правки в виде уточнений и отдельные небольшие конспекты, представляющие собой записи показаний обвиняемых, сделанные писателем шариковой ручкой.

В разделе фонда, где хранятся блокноты, собранные и подготовленные Ниной Владимировной, имеется записная книжка, в которой аккуратно вписаны телефоны и адреса всех друзей Л. Инджиева: К. И. Ерымовского, Б. О. Джимбиева, С. И. Липкина, К. М. Клыкова, В. А. Стрелкова и др. [НА КалмНЦ РАН. Ф. 37. Оп. 1. Д. 3335].

Есть в архиве писателя отдельная группа блокнотов, в которых Лиджи Очирович записывал исключительно свои произведения, некоторые из них имеют хронологическую отметку, представлены выходные данные. Например, «Экин туск дун» 28.12.93; «Өнчнэ хөвнэ өвртнэ» 18.12.93 [НА КалмНЦ РАН. Ф. 37, Оп. 1. Д. 3314. Л. 7, 8.]. Имеются в блокнотах рукописные тексты переводов Инджиева (например, стихотворение Генриха Гейне [НА КалмНЦ

¹ Татьяна Николаевна Сосюра (псевдоним — ТЭСС) (1906–1983) — писательница, журналист, публицист. Автор многочисленных очерков о писателях и художниках.

РАН. Ф. 37. Оп. 1. Д. 3316. Л. 15]), а также произведения других авторов (например, стихи Э. Межелайтиса: «Отчизна», «Замолкла песня на лугу», «Живая земля» и др.) [НА КалмНЦ РАН. Ф. 37. Оп. 1. Д. 3315. Л. 14–16]. Подобных блокнотов насчитывается в архиве тридцать экземпляров.

В личном фонде Л. Инджиева следует отдельно выделить делопроизводственный массив документов, обозначающий тот круг проблем и работы, которыми занимался поэт. Например, в фонде имеется протокол обсуждения и прослушивания гимна Советского Союза от 1 марта 1976 г., автором перевода которого на калмыцкий язык был Лиджи Очирович Впоследствии на калмыцком языке гимн исполнялся хоровой группой Государственного академического ансамбля песни и танца Калмыкии «Тюльпан». Исходя из содержания протокола, переводческая работа была блестяще выполнена в короткие сроки. В обсуждении принимали участие Председатель Президиума Верховного Совета, калмыцкий ученый, общественный деятель И. Е. Намсинов, актриса Сельвина К. Е., народные поэты республики Калмыкия А. И. Сусеев, Б. Б. Сангаджиева, А. М. Кукаев, композитор П. О. Чонкушов и др. [НА КалмНЦ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 2. Ед. хр. 1489. Л. 1].

Есть в разделе план-проспект сборников стихотворений Л. Инджиева (название книг и год издания не указаны) [НА КалмНЦ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 3434–3442], а также структура, список авторов и содержание другого издания — антологии калмыцкой поэзии [НА КалмНЦ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1386, Д. 1387, Д. 1393, Д. 1394], которая изначально должна была называться «Калмыцкая поэзия с древнейших времени до наших дней», как значится в архивных документах Л. Инджиева. Все бумаги составлялись писателем в библиотеке им. В. И. Ленина, во время его работы в Москве, в числе членов инициативной группы по восстановлению республики. Как член Оргкомитета и депутат, Инджиев получил доступ к закрытым фондам ленинской библиотеки и извлек из небытия избранные произведения классиков калмыцкой литературы. Кроме того, по воспоминаниям Нины Владимировны, в личной библиотеке Бема Джимбинова хранились некоторые довоенные издания. Вместе с

Лиджи Очировичем они восстановили имена калмыцких поэтов старшего поколения [НА КалмНЦ РАН. Ф. 37. Оп. 1. Д. 200. Л. 14–15], а также их произведения. Например, произведения Джиргала Ончхаева (1877–1822/1825), поэта-воина, участника первой Отечественной войны 1812 г. Всего было найдено восемнадцать его стихотворений, которым в издании было выделено 690 строк [НА КалмНЦ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 2. Ед. хр. 1386. Л. 1]. Что касается объема сборника в целом, то совместно с другими коллегами по литературному цеху было решено, что он должен был составить 20–22 печатных листа, при этом на каждого представителя калмыцкой советской поэзии будет выделено от трехсот до ста строк. Исключение составляли стихи Д. Н. Кугультинова, для которого было выделено 500 строк. Составителями антологии представлены профессор Б. К. Пашков, поэт А. И. Сусеев, писатель Л. О. Инджиев. Авторами предисловия — профессор Б. К. Пашков, поэт Д. Н. Кугультинов. Редакторы — С. И. Липкин, С. К. Каляев [НА КалмНЦ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 2. Ед. хр. 1393. Л. 3].

Много внимания и сил Л. Инджиев отдавал воспитанию молодой поросли литераторов, работал с их литературными рукописями, встречался, давал советы в творческих вопросах, проводил беседы. В его делопроизводственных бумагах хранятся характеристики и рекомендации принятия в члены Союза писателей СССР, написанные на поэтов Т. Бембеева, А. Кукаева, А. Нусхаева, поэтессу В. Лиджиеву, критика Д. Дорджиеву и др. Отдельный блок составляют рецензии на рукописи книг, написанные фондообразователем (рецензия на книгу романа А. Джимбиева «Темэн үүлн» («Верблужьки облака») и др.).

В этом же разделе фонда представлены различного вида акты (например, акт приема-передачи рабочих документов и книжной продукции при уходе Лиджи Очировича с должности директора Калмыцкого книжного издательства в 1960 г. [НА КалмНЦ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 2. Ед. хр. 1458. Л. 1–2]), отчетные доклады и постановления партийной организации при Союзе писателей Калмыцкой АССР за период с октября 1973 по октябрь 1977 г. [НА КалмНЦ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 2. Ед. хр. 1534. Л. 1–2]. Последние

материалы документируют деятельность самого фондообразователя, который работал в качестве секретаря в указанный период времени, фиксируют непосредственно работу самой партийной организации, констатируют факты и события. Так, можно установить, что в 1970-е гг. в ее составе было девять человек. Все они являлись членами Союза писателей СССР, лауреатами государственных премий (Д. Кугультинов, К. Эрендженов, А. Сусеев), поэт Михаил Хонинов был почетным гражданином города Могилев, Белорусской ССР «за активное участие партизанском движении на территории Белоруссии в годы Великой Отечественной войны», писатель Анджа Тачиев — отличником народного просвещения «за активную деятельность по учительству в школе» [НА КалмнЦ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 2. Ед. хр. 1534. Л. 4] и т. д. В констатирующей части доклада по пунктам излагаются общественные обязанности и работа коммунистов-писателей в отчетный период. Так, выясняется, что писатель Михаил Хонинов создал ряд новых произведений, в том числе сборник «Сказание о степняках-калмыках», выпущенный издательством «Советская Россия»; в «Воениздате» выходит роман «Ты помнишь, земля Смоленская». Аксен Сусеев опубликовал на страницах газеты продолжение своей поэмы «Сын степей» об Оке Ивановиче Городовикове. Его автобиографическая повесть «В гуще народной жизни» переводилась в это время на русский язык. Морхаджи Нармаев сдал в Калмыцкое издательство рукопись стихов и поэм в переводе на русский язык [НА КалмнЦ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 2. Ед. хр. 1534. Л. 6] и т. д. Из всех перечисленных недостатков в работе партийной организации обращает на себя внимание отсутствие обсуждения новых произведений писателей на партийных собраниях, при этом ставился справедливый вопрос о разборе и анализе не только хороших, но и слабых произведений. Было также намечено подыскать соответствующую форму работы для улучшения литературной критики, ставился вопрос о «выращивании» кадров критики молодых литераторов на калмыцком языке [НА КалмнЦ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 2. Ед. хр. 1534. Л. 11] и др.

В разделе «Письма» хранятся десятки писем как частного, так и официального характера, поздравительные открытки, телеграммы. Этот раздел достаточно хорошо освещает творческую деятельность поэта, его деловые и большие дружеские связи с известными людьми, среди которых писатели, журналисты, литературоведы, журналисты, крупные ученые, композиторы: О. И. Микитенко, В. Е. Скоробогатов, П. П. Ребро, И. Корженевская, С. И. Липкин, Т. А. Бурдукова — дочь известного российского монголоведа А. А. Бурдукова, С. М. Голицын, Г. И. Коновалов и многие другие.

В указанном разделе фонда имеется архивный документ объемом в два листа, подготовленный Ниной Владимировной. Он представляет собой неполный список некоторых писем, которые получал Лиджи Очирович. Кроме того, документ включает в себе также своеобразный краткий справочный аппарат, разъясняющий, кем является адресат, его обратный адрес, описание, где возможно найти дополнительную информацию о том или ином отправителе, краткое содержание самой корреспонденции, что существенно облегчает работу исследователя и архивиста при обработке и анализе материала. Однако подобная подробная информация подготовлена не на всю корреспонденцию, а лишь на восемнадцать отправителей. Например, письмо от Надбитова Басанга Педеровича — курсанта курсов усовершенствования командного состава в г. Новосибирске. 2 октября 1944 г. в г. Рубцовск. Обратный адрес: Новосибирск, 17, ОКМЛ Сибирского ВО. Б. П. Надбитов — личный друг и однополчанин Л. Инджиева по 110-й ОККД второго астраханского формирования. См. Лиджи Инджиев — «Фронтовой дневник», журнал «Теегин герл» № 8–98. Нина Ипполитова — за строкой «Фронтowego дневника»: «Возьми мою лошадь» — газета «Время Калмыкии» 26 апреля 2000 [НА КалмНЦ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 2. Ед. хр. 1597. Л. 2]. Или другой пример — «Письмо сына Юрия из Рубцовска в Москву, 7 ноября 1956 г. Папа, скоро ли вы закончите книгу?» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 2. Ед. хр. 1597. Л. 3]. И тут Н. Ипполитова сразу дает пояснение: «... речь идет о составлении первой послевоенной антологии „Современная калмыцкая поэзия“ Москва, 1957 г.». Здесь же ею ука-

зан обратный адрес первой семьи Лиджи Инджиева: г. Рубцовск, АТЗ, ул. Московская, дом 6, кв. 8 [НА КалмнЦ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 2. Ед. хр. 1597. Л. 3].

Из личных документов Лиджи Очировича в фонде находят-ся партийный билет Элистинского ГК КПСС Калмыцкой АССР, депутатский билет, членский билет Литфонда Союза писателей СССР, удостоверение Союза писателей СССР, пенсионная книжка, удостоверение члена КПСС, учетная карточка члена КПСС, зачетная книжка студента Коммунистического института журналистики им. «Правды» от 1935 г., удостоверение лауреата государственной премии Калмыкии им. Б. Городовикова, книжка персонального пенсионера, трудовая книжка, справка в ЦК ВЛКСМ (1973) и другие. Небольшой блок составляют военные бумаги: выписка из приказа (от 5.06.1943), предписание от Политотдела 4-го гвардейского кубанского казачьего кавалерийского корпуса, вещевая книжка командира В.В.С Красной армии, военный билет офицера запаса Вооруженных сил Союза ССР.

Проведенное исследование архива дает наиболее полное представление о творческих исканиях, всей насыщенной и плодотворной работе Лиджи Инджиева как писателя, поэта, переводчика и публициста, жизненный путь которого пересекался с судьбой известных, неординарных личностей, в том числе и калмыцких деятелей, чья жизнь была связана с возрождением и развитием республики в 1956–1957 гг. Кроме того, ценность фонда заключается в том, что он знакомит со страницами истории, служит источником малоизвестных и неизвестных фактов о литературной, культурной и общественной жизни второй половины XX в. В этом смысле интерес представляют хроника жизни Лиджи Инджиева, подготовленная Н. В. Ипполитовой, воспоминания, дневниковые заметки, делопроизводственный материал. Не менее важное историко-литературное значение имеет эпистолярное наследие фондообразователя, которое при условии его систематизации может стать объектом самостоятельного исследования. Письма передают важные моменты процесса восстановления по крупицам духовной культуры калмыцкого народа после его возвращения из тринадцат-

цатилетней ссылки, содержат в себе атмосферу эпохи, «дыхание» времени. В виде издания отдельного сборника следовало бы рассмотреть многочисленные переводческие произведения, а также рукописные тексты Л. И. Инджиева, каждое из которых требует текстологического изучения.

Источники

НА КалмНЦ РАН — Научный архив Калмыцкого научного центра РАН.

Литература

- Дорджиева 2013 — *Дорджиева Д. Б.* Инджиев Лиджи Очирович // Теегин герл. 2013. С. 3–8.
- Бескрайнее поле жизни 2013 — Бескрайнее поле жизни // Нина Ипполитова. Избранное. Элиста: КИГИ РАН, 2013. С. 349–359.
- Лиджиев, Лиджиева 2015 — *Лиджиев М. А., Лиджиева Л. А.* Тематические особенности поэзии Л. Инджиева // Вестник Калмыцкого университета. 2015. № 4 (28). С. 31–36.
- Салдусова 2011 — *Салдусова А. Г.* «Фронтальная тетрадь» Лиджи Инджиева как особенность национального мировидения // Научная мысль Кавказа. 2011. № 1. Ч. 2. С. 78–81.
- Ханинова 2016 — *Ханинова Р. М.* Мотив дерева на войне в книге Л. О. Инджиева «Буря и деревья» и стихотворении Заболоцкого Н. «Одинокий дуб» // Кочевые народы юга России: исторический опыт и современность. Мат-лы Всерос. науч. конф. с междунар. участием (г. Элиста, 16–19 марта 2016 г.). Элиста: КалмГУ, 2016. С. 408–412.

УДК 397.4

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-4-16-104-112

Об убранстве кибитки по материалам калмыцких деловых документов XVIII в.

*Дарья Бадмаевна Гедеева*¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000
Элиста, Российская Федерация)
кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник
E-mail: dgedeeva@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Гедеева Д. Б., 2020

Аннотация. *Введение.* Памятники калмыцкой деловой письменности являются ценными источниками для изучения материальной культуры калмыков. Однако они остаются вне поля зрения этнографов, храня в архивах документально оформленную информацию. В этой связи *актуальной* является исследовательская работа по выявлению и введению в научный оборот ценного этнографического материала. В данной статье мы поставили *цель* — изложить информацию, выявленную в калмыцких деловых текстах XVIII в., о традиционном убранстве калмыцкой кочевой кибитки. *Материалом* послужили официальные документы из фонда И-36 Национального архива Республики Калмыкия, в частности официальные письма и реестры имуществ. *Результаты.* В статье впервые вводится в научный оборот этнографический материал об убранстве кибитки из памятников калмыцкой деловой письменности XVIII в. Материал ценен тем, что он получен из источников на калмыцком языке, написанных самими представителями кочевой культуры.

Ключевые слова: калмыцкая деловая письменность, деловые документы, убранство кибитки, материальная культура калмыков

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490036-1).

Для цитирования: Гедеева Д. Б. Об убранстве кибитки по материалам калмыцких деловых документов XVIII в. // Бюллетень Калмыцкого научного центра Российской академии наук. 2020. № 4. С. 104–112. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-4-16-104-112

UDC 294.321+930.253

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-4-16-104-112

Regarding the Kibitka Decoration based on the materials of the Kalmyk business documents of the XVIII century

*Daria B. Gedeeva*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin Str., Elista 358000, Russian Federation
Cand. Sc. (Philology), Leading Research Associate
E-mail: dgedeeva@mail.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Gedeeva D. B., 2020

Annotation. *Introduction.* The monuments of Kalmyk business writing are valuable sources for studying the material culture of the Kalmyks. However, they remain out of the focus of ethnographers and the documented information is stored in the archives. In this regard, the research work on identifying and introducing valuable ethnographic material into scientific circulation is quite relevant. The goal of this article is to present the information from the Kalmyk business texts of the XVIII century. The article deals with the materials about the traditional decoration of the Kalmyk nomadic kibitka. The article describes such household items as wall and bed curtains, bed sheets, blanket, pillows, felt quilted carpets, chests. The official documents from the I-36 Fund of the National Archives of the Republic of Kalmykia namely the official letters and property registers are used as the materials for this article. *Conclusions.* Thus, the article for the first time introduces into scientific circulation the ethnographic material about the decoration of kibitka from the monuments of

the Kalmyk business writing of the XVIII century. The material is valuable because it is obtained from sources in the Kalmyk language written by the representatives of nomadic culture themselves.

Keywords: Kalmyk business writing, business documents, kibitka decoration, material culture of the Kalmyks

Acknowledgements. The study was conducted within the framework of the state grant-the project “Oral and written heritage of the Mongolian peoples of Russia, Mongolia and China: cross-border traditions and interactions” (state registration number: AAAA19-119011490036-1).

For citation: Gedeeva D. B. Regarding the Kibitka Decoration based on the materials of the Kalmyk business documents of the XVIII century. In: Bulletin of the Kalmyk scientific center of the Russian Academy of Sciences. 2020. No. 4. Pp. 104–112. (In Russ.) DOI: 10.22162/2587-6503-2020-4-16-104-112

Введение. Деловой письменности в истории развития калмыцкого языка принадлежит особое место. Развиваясь в системе литературного языка, она активно использовалась в сфере письменного делового общения между представителями российской и калмыцкой властей.

Под калмыцкой деловой письменностью мы понимаем круг текстов делового характера, написанных национальным вертикальным письмом, которое функционировало у калмыков с 1640 г. по 1924 г. Эти старописьменные тексты хранятся в архивах российских городов, в частности Москвы, Санкт–Петербурга, Астрахани, Элисты.

Являясь важными историческими документами, тексты представляют собой также ценные источники для изучения материальной и духовной культуры калмыков. В этой связи остро стоит вопрос о каталогизации документов, их описании, введения в научный оборот и всестороннего изучения широким кругом исследователей.

При изучении документов выявляется многожанровость калмыцкой деловой письменности. Каждый жанр является источником определенной информации. Так, например, реестр или опись предоставляют материал по предметам быта, широкому кругу ре-

месленных изделий, предметов шитья и рукоделия. Конечно же, предметы в описях только перечисляются и не дают информации о технологии их изготовления. Однако, название, ткань, форма, составляющие изделия являются ценными сведениями для тех, кто изучает историю ручного производства.

В данной статье мы поставили цель описать предметы традиционного убранства калмыцкой кибитки.

Несмотря на то, что этнографической науке многое известно о жизни калмыков из записей, отчетов, книг путешественников и исследователей, сведения, зафиксированные в официальных документах, очень ценны и содержат еще много неизвестной нам информации.

Материалом данной статьи послужили документы из фонда № 36 Национального архива Республики Калмыкия, содержащего материал XVIII в. периода Калмыцкого ханства.

Основная часть. Убранство войлочной кибитки было стандартным. Оно состояло из одной-двух кроватей; сундуков, поставленных друг на друга, и алтарного столика в северной части кибитки; шкафа для продуктов, полок для посуды в левой женской половине жилища. Орудия труда и войны — в правой мужской стороне. В центре кибитки находился очаг. Вся мебель кибитки располагалась вдоль решетчатых стен по кругу.

Благодаря малочисленности мебели, правильной ее расстановке, кибитка была комфортным жилищем для кочевника.

Материалом нашей статьи явились реестры имущества богатых людей. Например, при взаимной имущественной тяжбе в 1765 г. нойоны Бамбар и Еремпель для судебного разбирательства составляли реестры.

Рассмотренные нами реестры составлены хозяевами имущества, обратившимися к представителям российской власти с жалобой на конкретное лицо, нанесшее им материальный ущерб. Документы ценны тем, что по правилам судопроизводства они должны были составляться с описанием цвета, материала, качества, особых примет описываемого имущества.

Красивые и дорогие заморские ткани, которые упоминаются в описях, поступали к калмыкам благодаря торговле, а также заморским подаркам. Калмыки активно вели торговлю с Персией, Крымом, Азовом, Бухарой. Они в основном поставляли туда скот, а привозили ткани, драгоценные камни, ковры и т. д. [Кольцова 2019].

В реестрах указаны следующие российские и заморские ткани, которые использовались для шитья одежды и убранства кибитки знатных калмыков: *luudang* ‘китайский шелк’, *bujirad* ‘дороги, старинная шелковая полосатая ткань’, *torgon* ‘шелк’, *šurkira* ‘тафта, тонкая глянцевиная шелковая или хлопчатобумажная ткань полотняного переплетения’, *magnuq* ‘штоф, тяжелая шелковая ткань’, *xazalbaš* ‘изабаф, персидская ткань’, *cengmen* ‘сукно’, *xutana* ‘кутня, полушелковая ткань’, *bös* ‘бязь, хлопчатобумажная плотная ткань полотняного переплетения, бумажный холст’, *xanabad* ‘кочеват’ [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 373. Л. 381].

Нами выявлены названия кроватного полога, ковра, одеяла, тюфяков, подушек, войлочных ковров для покрытия пола.

köšigü (көшүг) ‘полог’¹

Полог *köšigü* натягивался по внутреннему периметру кибитки, закрывая решетчатые стены. Так же назывался и кроватный полог. Сшитые из красивой ткани, они создавали особый уют в кибитке.

В текстах встретились следующие виды полога: *cengmen tuurya köšigü* ‘суконный полог для войлочных стен’, *ula:n loudang bitüü köšigü* ‘цельный полог из красной ткани с драконами’, *cuudai köšige* ‘чадровый полог’, *killiŋ köbö:töi kökö kitad tuurya köšige* ‘синий китайский настенный полог с бархатной каймой’, *toryon köšige* ‘шелковый полог’, *nayiman termetei gerei bitüü toryon köšigö* ‘шелковый целый (цельный) полог для восьмишестчатой кибитки’, *ömönöür tatadaq toryon köšigö* ‘шелковый полог, натягиваемый спереди (перед кроватью?)’, *toryon köšigö* ‘шелковый полог’,

---

¹ Здесь и далее даются переводы, выполненные переводчиками того времени, переложенные на современную калмыцкую графику и орфографию.

cengmen köšigö ‘суконный полог’, *tuurya denjin köšige* ‘полог для решеток’, *tuurya cengmen köšigö* ‘суконный полог для решетчатой стены’.

***debesker* (девскр, букв. ‘подстилка’) ‘постель’**

К убранству кибитки также можно отнести постельные тюфяки-подстилки, состоящие из 6–8 четырехслойных кошм, простеганных шерстяными нитками, которые в русском переводе описей называются постелью: *kökö kenčir yadartai kiling irmeqtei yeke debesker* ‘большая постель, покрытая синей крашениной и обшитая по краям бархатом’, *kökö kenčir yadartai cengmen irmeqtei debesker* ‘постель, покрытая синей крашениной и обшитая по краям сукном’, *cengmen debesker* ‘суконная постель’, *xutana debesker* ‘кутняная постель’.

***dörböljin* (дөрвөлжин) ‘четыреугольник’**

Дөрбюльджин, являясь постелью в жилище, во время перекочевки служил верблюжьей попоной. Делается он из тонких войлоков, накладываемых один на другой в 3 и 4 листа, простеганных и обитых по краям синим сукном [Бентковский 1868]. В описях упоминаются *поуо:n kiling öröbčitei kiling dörböljin* ‘бархатный четырехугольник с зеленым бархатной окантовкой’, *kökö cengmen dörböljin* ‘синий суконный четырехугольник’.

***boqco* (богц), *tüntüge* (түнтүг), *dere* (дер) ‘виды подушек’**

На кровати лежали удлиненные цилиндрической формы чемоданчики (так их называют переводчики описей), заменяющие подушки, с круглыми доньями, из цветной плотной материи или кожи. Доньшки таких мешков бывают парчовые, разукрашены золотошвейными узорами. Один из таких мешков кладется у изголовья и называется *дер боқцо*, а тот, который в ногах, — *көл боқцо*. В описях упоминаются *utusun zeqtei tonti öröbčitei ula:n kiling boqco* ‘красный бархатный богцо с вышитым орнаментом и с каймой’, *kiling boqco* (килң богц) ‘бархатный богцо’.

Там же на кровати лежали подушки, называемые *түнтүг*, вероятно, набитые шерстью. Эта подушка в словаре Г. Й. Рамстедта

описывается как круглая подушка; маленькая восьмиугольная подушка [Рамстедт 1935: 415], в словаре А. М. Позднеева переводится как продолговатая подушка [Позднеев 1911: 202].

В рассматриваемых нами описях не указана форма подушки, только цвет и ткань: *noyo:n kiling tüntüge* ‘зеленый бархатный тюнтюг’, *kökö cengmen tüntüge* ‘синий суконный тюнтюг’, *kiling tüntüge* ‘бархатный тюнтюг’. В описях упоминается еще одна подушка — *dere (dep)*, название которой функционирует до сегодняшнего дня, в отличие от *богц* и *тюнтюг*: *xutana dere* ‘подушка кутняная’.

könjilö, könjile (көнжл) ‘одеяло’

Поверх тюфяков на постели лежали одеяла, зимние с мехом и летние без меха. В текстах встречаются: *kirsa dotortoi torjon könjilö* ‘шелковое одеяло с корсучьим подкладом’, *ünegen dotortoi torjon yadartai könjile* ‘одеяло с лисьим подкладом и шелковым покрытием’, *üsü ügei torjon könjile* ‘шелковое одеяло без ворса’.

kebes (кевс) ‘ковер’

Деревянная кровать поверх постели покрывалась коврами. В некоторых кибитках устанавливалась большая и длинная платформа, на которой устанавливалась кровать и впереди еще оставалось место для дивана, устланного тюфяками или войлочными попонами и покрытого ковром.

В реестрах нам встретилось одно упоминание о коврах: *paу-iman köbüng kebes* ‘восемь хлопчатобумажных ковров’.

širdaq (ширдык) ‘стеганный войлок’

В кибитке на земле обычно лежал стеганный шерстяными нитками войлочный ковер *ширдык*. Земля в богатых кибитках устилается ширдыками или же покупными коврами. У менее состоятельных ширдыки или ковер лежат лишь около постели и на правой стороне, на месте, предназначенном для почетных гостей и хозяйина, а у бедных земля покрывается ширдыком только при появлении гостя. Зимой в тех местах кибитки, где сидят люди, кроме войлочного ковра, стелятся еще лисьи, бараньи и других животных шкуры [Житецкий 1893: 6].

В реестре нойона Еремпея указываются 40 ширдыков *döçin širdaq*, которые были в составе приданого его жены.

toyiruul (төөрүл) 'войлочный ковер круглой формы'

Земля в кибитке застилалась также кошмовым ковром *toyiruul*, имеющим круглую форму. В описи упоминается *kökö kenčir yadartai išigei toyiruul* 'кошмовый тёрюл покрытый синей краше-ниной'.

abdar, abdara (авдр) 'сундук'

В передней северной части кибитки стояли сундуки, поставленные один на другой, в которых хранилось хозяйское добро. Они покрывались персидским ковром, который создавал определенный уют в жилище. Словом *авдр* называют не только сундук, но и небольшой ящик, ларец. Например, в реестрах упоминаются такие большие и маленькие сундуки: *moduyini kökö kenčire:r бүрүqsen cengmen büre:sütei zurγa:n xalamiq abdara* 'шесть калмыцких сундуков в суконных чехлах, дерево которых покрыто синей краше-ниной', *bičiq zaladaq cengmen büre:sütei ba:xan abdara* 'маленький сундук в суконном чехле для хранения рукописей', *bičixan youtai šüte: bičiq zaladaq cengmen büre:sütei ba:xan abdar* 'небольшой сундучок, обитый сукном, в который кладут изображения божеств в окладе и рукописи'.

Информация о сундуках встретилась также и в деловых письмах, не в реестре. Так, в письме Шакур-ламы перечисляются предметы в сундуках: *nige xara modun dörböljin abdaradu xoyor cang baya youtan basa bei* 'в одном дубовом квадратном сундуке две музыкальные тарелки и еще кое-что', *nige kitad šara abdaradu yučin yurban torγon* 'в одном китайском желтом сундуке тридцать три отреза камки (китайской шелковой узорчатой ткани)' [НА РК. Ф. И-26. Д. 76. Л. 204об.].

Выводы. В статье впервые вводится в научный оборот этнографический материал об убранстве кибитки из памятников калмыцкой деловой письменности XVIII в. Материал ценен тем, что он получен из источников на калмыцком языке, написанных самими представителями кочевой культуры.

Литература

- Бентковский 1868 — *Бентковский И. В.* Жилище и пища калмыков Большедербетовского улуса // Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. Вып. 2. Ставрополь, 1868. С. 82–104.
- Житецкий 1893 — *Житецкий И. А.* Очерки быта астраханских калмыков. Этнографические наблюдения 1884–1886 гг. М.: Тип. Волчанинова, 1893. 73 с. X табл. Репринт. Изд-е: Элиста: Калмыцкая государственная картинная галерея, 1991. 75 с.
- Кольцова 2019 — *Кольцова К. П.* Развитие внешней торговли Калмыцкого ханства в XVII–XVIII вв. // Вестник Калмыцкого университета. 2019. № 1(41). С. 37–43.
- Позднеев 1911 — *Позднеев А. М.* Калмыцко-русский словарь. Петербург: Тип. Имп. Академии Наук, 1911. 306 с.
- Ramstedt 1935 — *Ramstedt G.* Kalmukisches Wotrerbuch. Helsinki, 1935. 560 s.

О рецензии профессора М. М. Зефирова на рукопись «Калмыцко-русский словарь», составленного Ф. Е. Крыловым в 1858 г.

*Лариса Бадмаевна Манджикова*¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000
Элиста, Российская Федерация)
младший научный сотрудник
E-mail: 0862larisa@gmail.com

Аннотация. В Научную библиотеку и архив им. П. Э. Алексеевой Калмыцкого научного центра РАН из ГБУ «Государственный архив Республики Татарстан» поступили электронные копии архивных дел, касающихся истории, языка, культуры калмыков. Представляет интерес дело № 1709, в котором отложилась переписка между Астраханской духовной семинарией и Правлением Казанской духовной академии о рукописи Калмыцко-русского словаря, составленного Ф. Е. Крыловым, учителем Астраханской духовной семинарии, и возможности его издания. Также в деле сохранился репорт М. М. Зефирова (1826–1889), протоиерея, профессора Казанской духовной академии, о возврате рукописи в Правление Казанской духовной академии и его «отзыв о достоинстве» на рукопись калмыцко-русского словаря, составленного Ф. Е. Крыловым. В данной статье автор вводит в научный оборот текст рецензии, писем, а также расскажет о трагической судьбе автора словаря и рукописи.

Ключевые слова: рукопись, калмыцко-русский словарь, репорт, рецензия, Ф. Е. Крылов, М. М. Зефирова, Казанская духовная академия, Астраханская духовная семинария

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Национальные информационные ресурсы в научном и культурном пространстве» (№ госрегистрации: АААА-А19-119090590086-0).

Для цитирования: Манджикова Л. Б. О рецензии профессора М. М. Зефирова на рукопись «Калмыцко-русский словарь», составленного

Ф. Е. КРЫЛОВЫМ в 1858 г. // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 4. С. 113–129. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-4-16-113-129

UDC 811.512.3

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-4-16-113-129

On the review of Professor M. M. Zefirov on the manuscript of the Kalmyk-Russian Dictionary , compiled by F. Ye. Krylov in 1858

*Larisa B. Mandzhikova*¹

¹Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilshkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Junior Research Associate

E-mail: 0862larisa@gmail.com

Abstract. The State Archives of the Republic of Tatarstan transferred to the Scientific Library and Archives named after P. E. Alekseeva of the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences Electronic copies of archival files concerning the history, language, culture of the Kalmyks. In case No. 1709, correspondence between the Astrakhan Theological Seminary and the Board of the Kazan Theological Academy about the manuscript of the Kalmyk-Russian dictionary compiled by F. E. Krylov, a teacher of the Astrakhan Theological Seminary, and the possibility of publishing “ the Kalmyk language is taught “for the period from 1858 to 1862. Also in the file there is a report by M. M. Zefirov (1826–1889), archpriest, professor of the Kazan Theological Academy on November 20, 1862, about the return of the manuscript to the Board of the Kazan Theological Academy and his “review of dignity” on the manuscript of the Kalmyk-Russian dictionary compiled by F. E. Krylov. In this article, the author introduces the text of the review, letters into scientific circulation, and also tells about the tragic fate of the author of the dictionary and manuscript.

Keywords: manuscript, Kalmyk-Russian dictionary, report, review, F. E. Krylov, M. M. Zefirov, Kazan Theological Academy, Astrakhan Theological Seminary

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project name ‘National Information Resources in Scientific and Cultural Space’ (state reg. no. AAAA-A19-119090590086-0).

For citation: On the review of Professor M. M. Zefirov on the manuscript of the Kalmyk-Russian Dictionary, compiled by F. Ye. Krylov in 1858. In: *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2020. No 4. Pp. 113–129. (In Russ.) DOI: 10.22162/2587-6503-2020-4-16-113-129

В Научную библиотеку и архив им. П. Э. Алексеевой Калмыцкого научного центра РАН из ГБУ «Государственный архив Республики Татарстан» поступили электронные копии архивных дел, касающихся истории, языка, культуры калмыков. В деле № 1709 отложилась переписка между Астраханской духовной семинарией и Правлением Казанской духовной академии о рукописи Калмыcko-русского словаря, составленного Ф. Е. Крыловым, учителем Астраханской духовной семинарии, и возможности его издания «для руководства воспитанникам духовно-учебного заведения, в коих преподается калмыцкий язык» за период с 1858 г. по 1862 г. Также в деле сохранился репорт протоиерея, профессора Казанской духовной академии М. М. Зефинова¹ от 20 ноября 1862 г. о возврате рукописи в Правление Казанской духовной академии и его «отзыв о достоинстве» на рукопись калмыcko-русского словаря, составленного Ф. Е. Крыловым. Дело № 1709 оформлено с указанием заголовка дела, крайних дат документов, количества листов, архивного шифра (фонд, опись, дело). Согласно листу заверителя, в архивном деле № 1709 прошито и пронумеровано 6 листов, из них 5 с оборотными листами. Документы написаны на писчей бумаге черными чернилами. В некоторых местах чернила выцвели, что затрудняет чтение текстов. В текстах имеются исправления, вставки.

Цель данной статьи — введение в научный оборот указанных материалов.

---

¹ Зефилов Михаил Михайлович (1826–1889) — протоиерей, профессор Казанской духовной академии [Здр-в].

Одним из первых составителей калмыцко-русского словаря был Федор Егорович Крылов (?–17.06.1862)¹, уроженец Астрахани, кандидат богословия, воспитанник Астраханской духовной семинарии [Алексеева 2010: 68]. По окончании учебы в семинарии Ф. Е. Крылова как лучшего воспитанника отправляют для получения высшего образования в Казанскую духовную академию. Еще в семинарии он изучал калмыцкий язык и свое обучение продолжил в академии. Также Ф. Е. Крылов начал изучать монгольский язык, историю, быт калмыков, их религию, нравы и обычаи в «научной системе по первоисточникам» [Лебединский² 1893].

После окончания Казанской духовной академии (1850) Ф. Е. Крылов вернулся в Астраханскую духовную семинарию и стал учителем калмыцкого языка. На следующий год его назначили преподавателем латинского языка. В период с 19 мая 1853 г. по 18 апреля 1858 г. замещал должность помощника инспектора семинарии и одновременно работал библиотекарем.

Ф. Е. Крылов занимался не только преподавательской, но и научной деятельностью. Так как в семинарии студентов готовили к миссионерской деятельности среди калмыков, необходим был словарь, который соответствовал бы потребностям воспитанников. За основу своего словаря Ф. Е. Крылов взял словарь О. М. Ковалевского и составил его сокращенный вариант, но дополнил его словами разговорного калмыцкого языка и буддийскими терминами. Словарь был подготовлен в 1857 г., и в январе 1858 г. направлен на рассмотрение в Казанскую духовную академию. Подлинник письма Астраханской духовной семинарии от 16 января 1858 г. № 17 с заглавием «О представлении калмыцко-русского словаря» входит в состав дела № 1709. В тексте письма говорится о том, что учитель Астраханской духовной семинарии по классу калмыцкого языка, кандидат Федор Крылов, составил калмыцко-русский сло-

¹ Дата рождения неизвестна, дата смерти Ф. Е. Крылова указана в тексте статьи Я. Лебединского «Несколько слов о Ф. Е. Крылове и его ученых трудах», опубликованной в Астраханской Епархиальной ведомости [Лебединский 1893].

² Лебединский Яков Васильевич (1835–1899), инспектор Астраханской Духовной семинарии, статский советник, кандидат богословия, член-учредитель Петровского Общества исследователей Астраханского края [Лебединский].

варь и представил его в Семинарское Правление с просьбой рассмотреть рукопись и об издании словаря за счет Духовно-учебных капиталов. Именно поэтому Правление Астраханской Семинарии представило калмычко-русский словарь на рассмотрение Правления Казанской Духовной Академии и с просьбой «учинить зависящее распоряжение об отпечатании этого словаря, в случае годности его, на счет духовно-ученых капиталов для руководства воспитанникам Духовно-учебного заведений, в коих преподается калмыцкий язык» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1709. Л. 1]. В журнале¹ от 10 марта 1858 г. имеется запись о передаче рукописи экстраординарному профессору Зефирову, преподавателю монгольского и калмыцкого языков в миссионерском отделении против буддизма в Казанской духовной академии², с тем, чтобы он рассмотрел словарь и представил обстоятельное мнение о его достоинстве.

М. М. Зефиров (1826–1889) — протоиерей, профессор Казанской духовной академии, читавший лекции по буддизму, но также являвшийся специалистом в разных областях, связанных с изучением религии. Он родился в Шацком уезде Тамбовской губернии. Учился в Тамбовской духовной семинарии (1840–1846), затем в Казанской духовной академии (1846–1850). В академии он изучал немецкий язык, словесность и монголоведение. Перевел с немецкого ряд богословских статей, полный курс христианской морали Гиршера. Написал кандидатское сочинение по миссионерскому предмету на тему «Духовное пестунство, или Частное попечение священника о своих пасомых».

После окончания учебы работал в Саратовской духовной семинарии преподавателем логики, психологии и патристики. Через год М. М. Зефиров перевелся в Казанскую духовную академию на кафедру патрологии. В 1854 г. он был посвящен в священники и служил в приходской Богоявленской церкви (г. Казань). После приня-

---

¹ В тексте написано слово журнал, по сути это резолюция о назначении ответственного лица за исполнение поручения ректора.

² Миссионерские отделения в Казанской духовной академии существовали с 1842 по 1858 гг. [Хабибулин]. Одно из них называлось «миссионерское отделение против буддизма».

тия священного сана его вернули в академию с условием подготовить к изданию полную систему пастырского богословия. Он стал читать лекции по патристике и пастырскому богословию. В 1859 г. М. М. Зефиров закончил работу по подготовке к изданию полной системы пастырского богословия и направил рукопись на рассмотрение в Петроград к митрополиту Григорию. В связи со скоропостижной смертью митрополита рукопись не была рассмотрена и пропала. Условия перевода М. М. Зефирова в академию не были выполнены и, несмотря на обстоятельства потери рукописи, он был освобожден от чтения патристики и пастырского богословия. Ему поручили читать лекции по буддизму, пастырскому и нравственно-богослужению. В ноябре 1862 г. он уволился из академии.

Именно эта дата указана в репорте М. М. Зефирова в адрес Правления Казанской духовной академии о возврате рукописи Калмыцко-русского словаря, составленного Ф. Е. Крыловым. М. М. Зефиров также представил отзыв на словарь.

В своей рецензии М. М. Зефиров писал, что словарь Ф. Е. Крылова «есть удачное сокращение громадного словаря г. Ковалевского». К достоинствам словаря он относил:

- исключение из словаря технических терминов;
- исключение слов, переведенных с китайского языка и неизвестных в живом языке монголов и калмыков;
- исключение производных форм глагола;
- дополнение словаря словами, не вошедшими в словарь О. М. Ковалевского;
- внесение уточнений в определения значений слов.

М. М. Зефиров считал, что Ф. Е. Крылов значительно сократил объем словаря О. М. Ковалевского и сделал его весьма полезным при чтении буддийских сочинений и для воспитанников духовно-учебных заведений, готовящихся к миссионерской деятельности среди калмыков.

В то же время он сделал несколько замечаний о недостатках словаря. Во-первых, М. М. Зефиров считал излишним давать в словаре для примера доказательства и объяснения известных слов. Он писал, что «исключение подобных фраз из лексикона повело

бы к сокращению его объема, а это одно из первых достоинств подручного словаря» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1709. Л. 4].

Во-вторых, в словаре встречаются разные написания одного и того же слова, что затрудняет определение его истинного правописания и произношения.

В-третьих, М. М. Зефилов отмечал, что вопрос о монгольском и калмыцком расположении букв еще не решен и просил автора обратить внимание на расположение слов в алфавите и необходимость построить их по порядку, а не «по близости начертаний букв».

В-четвертых, во избежание ошибок при печатании Михаил Михайлович рекомендовал Ф. Е. Крылову переписать свой словарь и изобразить «все слова калмыцкие самым точным образом на манер печатного шрифта» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1709. Л. 4об.].

В заключении рецензии М. М. Зефилов просил извинить его, если он ошибался, считал свои замечания и предложения не обязательными и предлагал автору их в виде совета. Он положительно оценил калмыцко-русский словарь Ф. Е. Крылова, считая его «весьма полезным для учащихся калмыцкому языку, и особенно для наших духовно-учебным заведениям» [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1709. Л. 5об.].

К сожалению, автор словаря «...не дожил до того времени, чтобы иметь утешение видеть, что он не напрасно так долго трудился над составлением словаря» [Лебединский 1863]. Ф. Е. Крылов скончался 17 июня 1862 г.

Правление Астраханской духовной семинарии получило положительный отзыв Казанской духовной академии на калмыцко-русский словарь Ф. Е. Крылова, рукопись с правками М. М. Зефилова и направило письмо от 26.12.1862 г. за № 527 в Казань с сообщением о получении рукописи Ф. Е. Крылова, а также и о его смерти [ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1709. Л. 6].

Известно, что Правление Астраханской духовной семинарии приняло решение о необходимости издания словаря и поручило Михаилу Здравосмыслову¹, этническому калмыку по имени Цеден,

---

¹ Здравосмыслов (Здравомыслов) Михаил Константинович (1836 или 1837–1912), протоиерей, крещеный калмык, в миру Цеден [Здравосмыслов].

принявшему христианский сан после окончания Астраханской духовной семинарии, учителю калмыцкого языка и географии в духовном училище и имевшего солидное духовное образование [Баянова 2020: 93] доработать словарь по замечаниям Казанской духовной академии.

Но судьба калмыцко-русского словаря оказалась такой же печальной, как и судьба его автора. Словарь был потерян и, несмотря на тщательные поиски со стороны Правления Астраханской духовной семинарии, не найден.

Позже вопрос о рукописи снова был поднят и Правление запросило семинарский архив об имеющихся сведениях о словаре. Стало известно, что в архиве нашлась расписка в получении словаря, подписанная священником Алексеевым, воспитанником семинарии, калмыком по происхождению. В 1864 г. он с разрешения ректора архимандрита Ианнуария получил рукопись словаря. Так как священник Алексеев в то время служил в Кавказской епархии, началась продолжительная переписка о возврате рукописи.

Епископ Кавказский и Екатеринодарский Герман¹ сообщил о том, что по распоряжению его предшественника Феоноста Кавказского и при участии одного священника был произведен осмотр всех бумаг в доме священника Алексеева, но словаря не оказалось [Лебединский 1863]. До настоящего времени судьба рукописи калмыцко-русского словаря Ф. Е. Крылова не известна.

Известно, что Ф. Е. Крылов работал не только над составлением калмыцко-русского словаря, но и калмыцкой грамматики, занимался исследованием религии, быта калмыков и др. После смерти Федора Егоровича бывший сослуживец С. Л. Никольский передал рукописи его сочинений в Астраханскую духовную семинарию. Среди них труды «Будда» и «История калмыцкого народа», которые затем были опубликованы в газете «Астраханские епархиальные ведомости».

---

¹ Первосвященник Герман (Осецкий) (1828–1895), в миру Осецкий Александр Кузьмич, родился 19.02.1828 в селе Богородском Любимского уезда Ярославской губернии. Окончил Ярославскую духовную семинарию (1847), Санкт-Петербургскую духовную академию (1851) [Герман (Осецкий)].

Л. 1

Дело 1858 года

по представлению Астраханского Семинарского правления
о рассмотрении словаря калмыцко-русского, составленного
учителем Крыловым

Началось 8 февраля

Окончилось 16 января¹ 1863 года

На 5 писанных² листах

Ведомость Православного Исповедования Духовно-Учебное Управление при Святейшем Синоде Казанский Духовно-Учебный округ Астраханская Духовная Семинария № 17 16 января 1858 г. С представлением калмыцко-русского словаря	В Правление Казанской Духовной Академии
--	--

Учитель Астраханской Семинарии по классу калмыцкого языка, кандидат Федор Крымов, составив калмыцко-русский словарь, представил оный в Семинарское Правление, с тем, чтобы, если Словарь этот окажется по рассмотрению годным к классическому

¹ Слово декабря зачеркнуто и слово января вписано над строкой.

² Так в источнике.

употреблению, отпечатать его на счет Духовно-Учебных капиталов.

В следствие сего Правление Астраханской Семинарии благопочтеннейшие представляя означенный калмыцко-русский словарь на рассмотрение Правления Казанской Духовной Академии покорнейше просит учинить зависящее распоряжение об отпечатании этого словаря, в случае годности его, на счет духовно-учебных капиталов для руководства воспитанникам Духовно-учебного заведений, в коих преподается калмыцкий язык.

Ректор Семинарии Архимандрит Нил
Иконнику Семинарии Игумен (?)¹
эконом семинарии Григорий (?)².
Секретарь Василий Соколов

Л. 1об.

Журнал 10 марта 1858 года. Ст. II. Присланный при отношении калмыцко-русский словарь передать при выписке Экстраординарному Профессору Зефинову, назначенному для преподавания языков монгольского и калмыцкого в миссионерстве отделении против Буддизма, с тем, чтобы он рассмотрел сей словарь и представил обстоятельное мнение о его достоинстве.

Выписка эк[страординарному] проф[ессору] Зефинову
от 14 марта за № 120.

Л. 2

В Правление Казанской
Духовной Академии
Бывшего экстраординарного
Профессора оной Священника
Михаила Зефирова
Репорт

Во исполнение предписания оного Правления, объявленного

---

¹ Слово (имя или фамилия Игумена) написано неразборчиво.

² Слово написано неразборчиво.

мне в выписке от 14 марта 1858 года № 120, честь имею при сем
возвратить калмыцко-русский словарь Крылова с моим отзывом о
достоинстве.

Священник Михаил Зефиров

Ноября 20 дня
1862 год

Копии языков
Учитель Астр[аханской] Семинарии¹ Федор Крылов скончался
16-го июня 1862 года, КП (?)² Астрах Семинар Прав
Акад Правлению в представл свели³ от 24 июня № 206.

Журнал 24 ноября 1862 года.

Оп. VII разс. Рукопись калмыцко-русского словаря Федора
Крылова.

Об отзыве Зефирова препроводит в Правлении Астраханской
Семинарии для передачи ея по (?)⁴ и проект уведомления о полу-
чении ея.

В Астраханское Сем[инарию] Правлен[ие] отношений вместе
с рукописью

От 4 декабря за №543.

Л. 3

Необходимость необъемистого, но в тоже время достаточного
на первый раз для начинающих читать монгольские и калмыцкие
книги словаря давно чувствуется всеми, кто только принимался за
изучение литературы этих языков. Первый изданный в печати мон-
гольский словарь г. Шмидта, как и естественно ожидает от первого
опыта оказался весьма недостаточным, особенно при чтении буд-
дийских книг. Явился затем громадный словарь г. Ковалевского в

---

¹ Вписано слово. Слово написано неразборчиво.

² Слово написано неразборчиво.

³ Так в источнике.

⁴ Слово написано неразборчиво.

350 с лишком листов, оказал пособие делу, но в тоже время оказался весьма неудобным по своим гигантским размерами и дорогой цене. О других недостатках этого огромного труда я не буду говорить, так как дело не об нем; но не могу не упомянуть о том, что для чтения произведений калмыцкой письменности он почти бесполезен, особенно для начинающих. Тот, кто переходит к изучению калмыцкого наречия после знакомства с монгольским, еще может им руководствоваться, но при обратном начинании нужно быть небывалым гением филологии, чтобы не встречать затруднений и чисто непобедимых. Поэтому краткий калмыцкий словарь необходим для занимающихся этим языком, и нужен даже для занимающихся и монгольским языком, потому что определительность калмыцкого алфавита дорогое пособие для тех, кто изучает язык по книгам и хочет знать истинное произношение слов, которые по-монгольски пишутся так, что можно сделать несколько чтений и часто получить разные значения.

Л. Зоб.

С этой точки зрения труд г. Крылова нельзя не признать дорогим подарком для учащихся калмыцкому и даже монгольскому языку по книгам и особенно в виду его достоинств.

Словарь этот есть удачное сокращение громадного лексикона г. Ковалевского. Автор выпустил из своего словаря множество технических слов, большей частью неизвестных в живом языке и монголам, тем более калмыкам, и употреблявшихся в разных переводах с китайского. Взамен того он дополнил словарь значительным количеством слов, не вошедших в словарь г. Ковалевского, а в новейшей калмыцкой письменности употребительным. В отношении определения значения слов он сделал много уточнений против определенных Ковалевского. Нельзя не одобрить и того, что он исключил из своего словаря производные формы глагола, удобно разлагаемых и определяемых всяким знакомым с грамматикой, и тем сумел сделать весьма значительное сокращение объема словаря, если сравнить его с словарем г. Ковалевского. И еще одно достоинство: словарь этот может быть весьма полезен при чтении буддийских со-

чинений, что особенно важно для воспитанников духовно-учебных заведений, приготавлиющихся к миссионерскому званию, и чего не доставало во всех известных мне рукописных словарях калмыцких, приспособленных исключительно к обыденному языку.

Но отдавая заслуженную честь большому в малом объеме труду г. Крылова я долгом считаю сделать несколько замечаний о недостатках его словаря, ко-

Л. 4

которые мне представлялись при внимательном и сравнительном рассмотрении его.

1. Автор, увлекаясь, вероятно, примером г. Ковалевского, вставляет часто для примера ход словами фраз в доказательство и объяснении придаваемого им известным словом. Значение: дело в наибольшей части случаев совершенно излишни. Можно было ограничиться лишь¹ немногими самыми характеристичными фразами. Доказывать из фраз изречений значение известного слова — долг наставника в классе, а лексикографу ученики верят на слово, и должен верить. К чему лексикографу доказывать правильность понимания им слов? Если показанные им значения известного слова прилагиваются к встретившемуся тексту, справляющийся в лексикон остается доволен им, а если указанное значение не объяснить того текста, где встречается это слово, то фраза доказательная ни к чему не послужит. По моему мнению лексикограф должен только высказать свое понятие о слове, а доказательства, особенно очевидно, как это то и дело бывает у автора, оставить при себе. Исключение подобных фраз из лексикона повело бы к сокращению его объема, а это одно из первых достоинств подручного словаря.

2. Автор допускает в своем словаре повторение одних и тех же слов по поводу случайного их изображения, которое пришлось ему встретить в рукописях. Мне известно, что калмыки, не менее наших полуграмотных простолюдинов, коверкают слова, изображая их в письме на несколько ладов. Но это не закон для лексикографа. Законы

¹ Слово лишь вписано над строкой.

Л. 4об.

звуков калмыцких и их должное, по Зая Пандите изображение достаточно показаны в грамматике г. Бобровникова и совершенно оправдываются лучшими, т.е. грамотными рукописями. Зачем же вносить в лексикон ошибки и описки, сделанные полуграмотными писцами? Не согласится же автор внести в свой словарь такие орфографические формы, какие к изумлению, мы видим в грамматике г. Попова, хоть напр[имер] после ѣ (ү) ставить удан, а это не книга печатная, а грамматика!! Еще менее оснований вносить в словарь орфографические ошибки калмыцких писцов под тем только предлогом, что они встретились в какой-нибудь рукописной сказке. Исключение их сократит еще несколько словарей и сделает его еще удобнее; и с тем вместе он делается для малознакомых с живыми звуками языка удобными для справок о правописании и произношении слов. А если встретивший неправильно написанное слово не найдешь его тот же час в словаре, это небольшая беда и искупляется вторично тем, что он должен будет для отыскания его посоветоваться с грамматикой и с звуковыми законами языка. Я по своему опыту рекомендую учащимся эту манеру отыскивать слова в лексиконах; посоветовавший с грамматикой, я не встречал больших затруднений в отыскании слов, напротив остался недоволен лексиконом г. Ковалевского, который также несколько раз повторяет слова из уважения к безграмотным рукописям, напр[имер] слово цурга у него повторено пять раз. При таком множестве изображений одного и того же слова затрудняется определить его истинное правописание и произношение.

3. В расположении алфавита автор придержи-

Л. 5

вается порядка русской азбуки, за исключением гласных букв. Вопрос о монгольском и калмыцком расположении букв еще не решен. Это задача для лексикографа. Г. Бобровников принять порядок по близости начертаний букв, другие принимали по-своему, кому как вздумалось, а монголы и калмыки не дали своему алфави-

ту порядка, определенного филологически. Я извиняю г. Бобровникова, что он, увлекаясь грамотой и грамматикой, дал свой порядок алфавиту; но от лексикографа я желал бы больше соображений при расписании по порядку слов. Дело в том, что по принятому во всех известных словарях порядку алфавита, слова прямо и близко производится отбрасываются иногда друг от друга на несколько листов, а логически смысл требует, чтобы они стояли друг за другом. Но это вопрос трудный, и я указываю на него автору словаря не в виде возражения, но в виде желания, чтобы он обратил на него внимание.

4. В рукописи этого словаря принято за правило откидывать уданы и разные другие значки на манер скорописный и (?)¹, а потому если эта рукопись будет отдана в руки наборщика орфографических ошибок будет тьма, и словарь к делу не годиться. Поэтому желательно, чтобы автор прежде печатания переписал вновь свой словарь и изобразил все слова калмыцкие самым точным образом на манер печатного шрифта.

Половину рукописи я измарал карандашом.

Л. 5об.

Надеюсь, что автор не сочтет для себя это обидой. В этих своих заметках я выразил автору свои мнения по множеству вопросов, которые вызвал во мне лексикон и о которых я считаю излишним говорить подробно в рецензии в той надежде, что автор сам поймет, к чему я сделал ту или другую пометку, и извините меня, если я ошибался. Таким образом мнения эти не обязательны, и я их предлагаю автору только в виде совета. За всем тем считаю долгом рекомендовать труд г. Крылова весьма полезным для учащихся калмыцкому языку, и особенно для наших духовно-учебным заведениям.

Священник Михаил Зефиров

Ноября 20 дня 1862 года.

---

¹ Слово написано неразборчиво.

Ведомство Православного Исповедования Правление Астраханской Духовной Семинарии № 527 26 декабря 1862 г.	В Правление Казанской Духовной Академии
--	--

Во исполнение предписания Казанской Духовной Академии от 7 декабря 1862 г. №543, Правление Астраханской Духовной Семинарии, честь имеет донести, что Калмыцко-русский словарь, составленный умершим наставником Астраханской Семинарии Ф. Крыловым, получен Семинарским Правлением в 1862 г. декабря 22 дня.

Исправляющий должность Ректора Семинарии Протоирей Иоанн¹
 Исправляющий должность Инспектора Семинарии Стефан Никольский.

Эконом Семинарии Григорий (?)².

Секретарь Дмитрий Казанский.

Л. 6об.

Журнал 16 января 1863. Ст. XVI³.

¹ Епископ Иоанн (в миру Владимир Сергеевич Соколов) в 1857–1864 гг. являлся ректором и профессором Казанской духовной академии [Иоанн (Соколов)].

² Слово (фамилия) написано неразборчиво.

³ Слова написаны неразборчиво.

Источники и литература

- Алексеева 2010 — *Алексеева П. Э.* О людях и времени. Элиста: КИГИ РАН, 2010. 176 с.
- Баянова 2020 — *Баянова А. Т., Сибгатуллина Р. Р.* Материалы о калмыках из фонда 10 «Казанская духовная академия» в Государственном архиве Республики Татарстан // Монголоведение. 2020. Том 12. № 1. С. 90–104.
- ГА РТ — ГБУ «Государственный архива Республики Татарстан».
- Герман (Осецкий) — Герман (Осецкий) // Древо. Открытая православная энциклопедия [электронный ресурс]. URL: // <https://drevo-info.ru/articles/13672236.html> (дата обращения: 01.10.2020).
- Здр-в — *К. Здр-в.* Зефилов Михаил Михайлович // Русский биографический словарь: в 25 томах. Т.7. СПб.: тип. Гл. упр. уделов, 1916. С. 367–368.
- Здравомыслов — Здравомыслов Михаил Константинович // Духовенство Русской Православной церкви в XX веке. Биографическая база данных и собрание материалов [электронный ресурс]. URL: <https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/person/4497/> (дата обращения: 01.10.2020).
- Иоанн (Соколов) — Иоанн (Соколов) Смоленский. // Древо. Открытая православная энциклопедия [электронный ресурс]. URL: // <https://drevo-info.ru/articles/17528.html> (дата обращения: 01.10.2020).
- Лебединский — Лебединский Яков Васильевич // Авторы трудов об Астраханском крае [электронный ресурс]. URL: http://astrakhanica-personalia.ru/Лебединский,_Яков_Васильевич (дата обращения: 01.10.2020)
- Лебединский 1893 — *Лебединский Я. В.* Несколько слов о Ф. Е. Крылове и о его ученых трудах: [бывш. преподаватель Астрах. дух. семинарии] // Астраханские епархиальные ведомости. 1893. № 2. Отд. неофиц. С. 35–43.
- Хабибуллин — *Хабибуллин М. З.* Миссионерские отделения казанской духовной академии в 1842–1883 гг. // Tatarstan today [электронный ресурс]. URL: https://tat-t.ru/bibliot/kaz_schule/miss_otd/ (дата обращения: 01.10.2020).

Древности и этнографические реалии Монголии в описании путешествий И. А. Ефремова («Дорога ветров», 1955)

*Алексей Алексеевич Бурькин*¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор филологических наук, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

E-mail: albury@rambler.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Бурькин А. А., 2020

Аннотация. *Введение.* И. А. Ефремов (1907–1972), известный как писатель-фантаст, был в первую очередь выдающимся ученым-геологом и палеонтологом. *Материалы.* Книга И. А. Ефремова «Дорога ветров» (1955), неоднократно издававшаяся, представляет собой обработанные дневники палеонтологических экспедиций и путешествий ученого по Монголии в 1946, 1948 и 1949 гг. *Результаты.* И. А. Ефремов в своей книге следует сложившейся традиции описания путешествия по степям, горам и пустыням. В книге присутствует описание старого Улан-Батора, Хангайских гор, дается характеристика дорог Монголии в их состоянии и исторической перспективе, фиксируются антропологические и археологические находки. Ценность представляют разнообразные наблюдения ученого, относящиеся к этнографии монголов, часто он обращает внимание на те явления культуры, которые отсутствуют в этнографических исследованиях. На описание путешествий И. А. Ефремова по Монголии оказали влияние как способы передвижения по стране (экспедиции перемещались на грузовиках), так и время, пришедшееся на преобразования экономики, культуры и быта Монголии.

Ключевые слова: древности, этнографические реалии, Монголия, И. А. Ефремов, описание путешествий

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490036-1).

Для цитирования: Бурькин А. А. Древности и этнографические реалии Монголии в описании путешествий И. А. Ефремова («Дорога ветров», 1955) // Бюллетень Калмыцкого научного центра Российской академии наук. 2020. № 4. С. 130–148. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-4-16-130-148

UDC 39

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-4-16-130-148

Antiquities and Ethnographic Realia of Mongolia in I.A. Efremov’s Travel Notes (“The Road of Winds”, 1955)

*Aleksey A. Burykin*¹

¹Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilshkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Dr. Sc. (History), Leading Research Associate

E-mail: albury@mail.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Burykin A. A., 2020

Abstract: *Introduction.* I. A. Efremov (1907–1972) known as the science-fiction writer was first of all a prominent geoscientist and palaeontologist. *Goal.* The goal of the article is to analyze the descriptions of antiquities and ethnographic descriptions of Mongolia in I. A. Efremov’s book “The Road of Winds” (1955), that represents the edited notes of the scientist’s paleontological expeditions and travels in Mongolia in 1946, 1948 and 1949. *Results.* I. A. Efremov in his book follows the established tradition of the descriptions of travels along the steppes, mountains and deserts. The book contains the description of the old Ulan-Bator, Khangai Mountains, the characteristics of the roads in Mongolia in their conditions and historical perspective, the recordings of the

anthropological and archaeological findings. The different observations of the scientist related to the Mongolian ethnography are of great value, the author often points out the cultural phenomena that were not found in ethnographic research. I. A. Efremov's travel notes were influenced by the way of traveling in the country (during the expeditions people traveled by trucks) as well as the time of reorganization of the economy, culture and lifestyle in Mongolia.

Keywords: antiquities, ethnographic realia, Mongolia, I. A. Efremov, travel notes

Acknowledgement. The study was conducted within the framework of the state grant-the project "Oral and written heritage of the Mongolian peoples of Russia, Mongolia and China: cross-border traditions and interactions" (state registration number: AAAA19-119011490036-1).

For citation: Burykin A. A. Antiquities and Ethnographic Realia of Mongolia in I.A. Efremov's Travel Notes ("The Road of Winds", 1955). In: *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2020. No. 4. Pp. 130–148. (In Russ.) DOI: 22162/2587-6503-2020-4-16-130-148

Большинству читателей И. А. Ефремов (1907–1972) известен как писатель-фантаст. Однако он был в первую очередь выдающимся ученым-геологом (он своими идеями причастен к открытию якутских алмазов) и палеонтологом. Те, кто знает его творчество, начинают понимать, что он был оригинальным философом, имеющим свои взгляды на эволюцию природы и общества и обладающим особым пониманием искусства, что отразилось на «лекционных», как он сам назвал форму изложения своих идей, страницах романов «Лезвие бритвы» и «Час Быка» (2 журнальные публикации, не менее 25 отдельных изданий, тома в двух собраниях сочинений 1986 и 1992 годов). См. о нем [Брандис, Дмитревский 1963; Чудинов 1987; Неелов 1991; Ерёмина, Смирнов 2013].

Книга И. А. Ефремова «Дорога ветров» (1955), неоднократно издававшаяся, представляет собой обработанные дневники палеонтологических экспедиций и путешествий ученого по Монголии в 1946, 1948 и 1949 гг.

Описания путешествий по Центральной Азии и Монголии, составленные Н. М. Пржевальским (1839–1880), Г. Н. Потани-

ным (1835–1920), М. В. Певцовым (1846–1902), В. И. Роборовским (1856–1910), И. В. Мушкетовым (1850–1902), Г. Е. Грумм-Гржимайло (1860–1936), П. К. Козловым (1866–1935), В. А. Обручевым (1863–1956). Б. И. Имшенецким (1875–1920), П. А. Ровинским (1831–1916) и другими учеными и путешественниками, сформировали оригинальную традицию описания путешествия по степям, горам и пустыням. И. А. Ефремов в своей книге определенно следует сложившейся традиции.

На описание путешествий И. А. Ефремова по Монголии оказали влияние и способы передвижения по стране — экспедиции перемещались на грузовиках, и время, пришедшееся на преобразования экономики, культуры и быта Монголии. Новые явления в жизни страны подаются глазами И. А. Ефремова, хорошо знавшего историю и культуру Востока [Бурыкин 2005].

В книге присутствует описание старого Улан-Батора [Ефремов 1986: 15] (далее ссылки на это издание в тексте), созвучное описанию других ученых, бывавших в Монголии [Монголия 2019] и представляющее интерес для историков.

Значительное место в книге ученого уделено описанию Хангайских гор. Он сам замечает, что название Хангай означает «сытый, обильный» [Ефремов 1986: 39, 332]. В современных справочниках даются следующие объяснения: «Хангай стал широко используемым термином среди монголов для описания всей пышной лесостепи на севере, в отличие от южной пустыни, которая называется Гови (Гоби). Промежуточный степной район называется Хир или Тал. Слово *Khangaï* состоит из глагола „*khanga-*“, что означает «обеспечивать, снабжать необходимым», и монгольского номинального суффикса „*-ai*“. Слово Хан (Король) также является возможным корнем, вероятно, даже связанным с глаголом „*ханга-*“¹. Поэтому Хангай обычно интерпретируют как предусмотрительно-го владыку, щедрого царя, щедрого милостивого властителя или щедрого царя. Древнее название указывает на священность горы и особое место, которое она занимает в сердцах тех, кто от нее зависит. Подобное монгольское слово для священных гор — Хайрхан,

¹ С этим сопоставлением, понятно, согласиться нельзя. — А. Б.

что означает любящий царь (например, Асралт Хайрхан, особенно интимное имя, означающее заботливый любящий царь). Запрещено произносить имя Хайрхана, когда гора находится на виду. Если гора видна, ее следует называть просто Хайрхан, а не полное название. Этот строгий обычай действует во всех регионах Монголии. Любая гора или холм, приятные на вид или в любом другом смысле приятные, хвалят словами „это действительно особенный Хайрхан“ или „Какой величественный Хайрхан!“ и т. д. Любой участок горной лесостепи, понимаемый отдельно или вместе со всем, что он содержит (реки, источники, растения, животные), можно похвалить словами «„это действительно великий Хангай“ или „нельзя отрицать, что это уникальный Хангай!“ и т. п.» [Хангайские горы]. Сам И. А. Ефремов пишет об этом несколько иначе: «При подобострастном отношении древних путников к горам, посылавшим то необоримые ветры, то снег и жестокую стужу, то губительные ливни, подлинные имена гор нельзя было произносить, и они были забыты. Поэтому самые большие горы до сих пор носят «обобщенные» названия: Сайхан, Богдо, Хаирхан — Прекрасный, Святой, Милостивый, к которым добавляется какое-нибудь отличительное прилагательное» [Ефремов 1986: 27]. Эти разъяснения представляют большую ценность для изучения оронимики Центральной Азии и смежных регионов, объясняя лингвистическую прозрачность многих названий. Он же отмечал: „Лучше быть хангайским быком, чем гобийской девушкой“, — говорила старая пословица, отражая исконное стремление скотоводов к более привольной жизни в травянистых степях Хангая, изобилующих речками, родниками и ключами» [Ефремов 1986: 5]. Надо отметить, что практически все топонимы, встретившиеся в описании путешествий И. А. Ефремова, снабжены весьма точными переводами на русский язык, что делает его книгу ценным источником по монгольской топонимии и особенно оронимии.

Характеристика дорог Монголии в их состоянии и исторической перспективе интересует И. А. Ефремова постоянно, он не раз отмечает, что автомобильные дороги современной ему Монголии проходят по старым караванным тропам [Ефремов 1986: 84, 147, 238, 279, 308]. Он пишет: «Обо — когда-то бывшее своеобразной

жертвой духу горы — стало потом указателем пути кочевникам и караванам в однообразной местности» [Ефремов 1986: 20]. Им же отмечено, как модернизируется традиционный облик обо за счет современных реалий: «Монголы проявили свою любовь к воздвиганию обо и здесь, обставив въезд на автомобильную станцию горками камней или буддийскими ступами с воткнутыми в них коленчатыми валами, полуосями, валиками, рычагами коробки скоростей и другими вполне современными предметами, как-то слившимися с общим ансамблем старых обо, субурганов и прочих остатков монастыря в забавную и характерную смесь» [Ефремов 1986: 167] (см. также [Ефремов 1986: 190]).

О появлении дорог на местности ученый замечает: «Дорога в каменистой Гоби получается очень просто: когда несколько десятков машин пройдут по следу, растительность выбивается, кочки исчезают и дорога готова. Сохраняется такая дорога, за исключением мест, проходящих по сухим руслам или глинистым котловинам, очень долго. Подобно старым караванным тропам, старая автодорога может быть замечена на равнине издалека: колеса машин, так же как и ноги верблюдов, уничтожая местную растительность, разносят по дороге семена принесенных издали растений. По сероватой, стальной поверхности полынной степи дорога стелется светло-желтой полосой ковылька или дериса (дерис чаще всего — для верблюжьих троп) или выделяется блеклой зеленой карликовой караганы. Если степь ковыльковая, то соотношение цветов дороги и местности может быть обратным. Дорога заросла уже засохшей редкой солянкой. Оказалось, что сомон ранее находился значительно восточнее и ближе к хребту Цзолэн, куда и вела дорога» [Ефремов 1986: 96].

И. А. Ефремов, внимательный и к монгольскому фольклору, приводит загадку о дороге «Верблюд без шеи, без ног, за холмы идет (дорога)» [Ефремов 1986: 111]. Он отмечает и сравнивает возможности ориентирования на местности в условиях с разным рельефом: «Горы могли служить лишь второстепенными указателями дороги из-за ограниченной видимости в лесах и во влажном климате с низкой облачностью. В высоких горах Средней Азии или

Алтая, несмотря на отсутствие лесов, речки тоже были главными ориентирами проводников. Здесь же, в открытых на сотни километров монгольских степях и пустынях, речки не могли играть роль указателя дорог, да их почти и не было. Зато каждая гора, холм или воздвигнутое руками человека обо носили свои названия. По ним, как по маякам, вели караваны опытные проводники, как ведут капитаны корабли в морском просторе...

Дальше трава стала еще реже, а равнина еще более ровной. Ничего живого не замечалось на десятки километров вокруг. Рядом с тропой едва возвышались с той и с другой ее стороны небольшие холмики по метру высоты. На вершинах этих холмов, как древние развалины или белые кости исполинских, сказочных верблюдов, лежали стяжения белого песчаника. Несомненно, что тропа и была проведена мимо этих холмов как ориентиров. Много верблюжьих костей валялось у одного из холмов, а дальше, в гряде песчаниковых плит, жил небольшой голубовато-серый сыч. Таким и запомнилось урочище Хонгор: холмики с белыми песчаниками, древняя тропа, прочерченная через однообразные равнины светлыми оторочками ковылька, и одинокий, безмолвный сыч — единственный обитатель этого, прежде оживленного, старого пути старой Монголии» [Ефремов 1986: 149].

В соответствии со своими разносторонними научными интересами и долгом путешественника по неисследованным местам И. А. Ефремов отмечает антропологические находки — череп [Ефремов 1986: 52], а также разнообразные археологические находки [Ефремов 1986: 55–56, 106].

Очень ценны разнообразные наблюдения ученого, относящиеся к этнографии монголов, часто он обращает внимание на те явления культуры, которые отсутствуют в этнографических исследованиях. Так, он отмечает необычные способы ориентировки: «Мы находились на месте лагеря отряда Комитета наук и могли тут же начинать поиски. Но почему-то Цзун-Ширэ находился на западе, а обрыв Барун-Ширэ, на котором мы стояли, располагался к востоку от первого... Здесь, не в пример другим местностям Монголии, восток и запад были обозначены с ориентировкой на

север, а не на юг, как обычно. Поэтому „барун“, то есть „правый“, обычный синоним запада, находящегося направо от человека, стоявшего лицом к югу, здесь, в Ширэгин-Гашуне, обозначал восток, а „левый“ — „цзун“ стал названием западной возвышенности. Оставалось лишь предположить, что эти названия даны путниками какой-то другой народности, ориентировавшейся на север, а не на юг, не так, как древние народы» [Ефремов 1986: 86-87].

Интересно следующее наблюдение: «Под одной из кубических черных глыб были воткнуты в песок кусочки кварца, очерчивавшие круг около полуметра диаметром. В центре круга лежали пестрые халцедоны. По-видимому, где-то здесь стояла юрта, и дети оставили по себе память на этой сейчас безжизненной равнине, одной из древних хаммад — каменистых участков пустыни, сейчас зарастающей с наступлением, пока еще очень робким, более влажного периода» [Ефремов 1986: 114]. Такие каменные выкладки на месте ранее стоявших юрт, приписывающиеся детям, встречаются на севере Магаданской области в местах кочевий эвенов.

Как путешественник, И. А. Ефремов не мог не обратить внимание на разницу в способах ориентирования на разных ландшафтах у местных жителей: «Не раз уже я замечал, что проводники, уверенно ориентировавшиеся в горах или холмистой местности, начинали путаться, теряться и сбиваться в равнинах, где при быстроте езды от них требовалось мгновенное решение, в корне отличное от неспешного раздумья во время медленного передвижения на верблюде или коне. Опять, как много раз до этого, техника требовала от человека новой психологии, иной реакции на внешний мир, не оставляя времени на глубокое, во всех деталях законченное знакомство» [Ефремов 1986: 147].

На страницы книги ученого попал и забавный случай, связанный с бродячим ламой-бадарчином: «Неделю спустя в айкоме нам рассказали и о причине возникновения слухов. Один бывший лама, случайно попавший в аймак, бродя от юрты к юрте за даровой пищей, не преминул воспользоваться случаем и стал распространять выдумку собственного сочинения, чуть ли не как очевидец гибели нашей экспедиции» [Ефремов 1986: 98].

И. А. Ефремов неоднократно отмечает гостеприимство монголов, что, как мы знаем, становится устойчивым мотивом в повествованиях о путешествиях по Монголии и Калмыкии: «Вскоре на пути появилась юрта. Порыжелая и рваная кошма на ее крыше свидетельствовала о бедности владельца. Никто не выскочил в панике и не побежал в степь, как это бывало иногда в труднодоступных уголках Гоби. Степенно и медленно из юрты вышла молодая женщина с чайником и пиалой. Мы остановились, и аратка поднесла нам горячего чая по прекрасному старинному обычаю монгольского народа. Следом за женщиной выбежали два ее маленьких сына. Один, поменьше, вцепился в дели матери, а другой, лет восьми, осторожно подошел к невиданному огромному чудовищу. Мы отблагодарили хозяйку сахаром» [Ефремов 1986: 274].

Еще одно интересное наблюдение автора касается ездовых животных у жителей Гоби: «Мы с радостью устремились к веселой равнине, большие зеленые квадраты на которой явно обрабатывались человеком. Справа от дороги виднелся небольшой сарай, и невдалеке за ним мы встретили группу дюрбютов. Один ехал верхом на осле — редком для Гоби верховом животном. Угрюмые, дочерна загорелые лица равнодушно осмотрели нашу машину, когда мы остановились, чтобы расспросить дорогу. То ли они не знали путей на запад, то ли с ними не сумел сговориться наш переводчик Намнан Дорж, заносчивый и нередко путавший наши намерения, но мы не отъехали и десяти километров, как безнадежно увязли в огромных кочках и мокрой почве» [Ефремов 1986: 277].

Интересно замечание автора, касающееся разделения домашнего скота на две категории у монголов, имеющее семиотическую значимость. «По монгольским обычаям домашний скот разделяется на тепломордый и холодномордый. Дарить тепломордый — значит выражать теплую дружбу. Подарки холодномордого скота вообще не делаются, потому что такой дар оскорбителен. Тепломордый скот — это овцы и лошади, холодномордый — козы, верблюды и рогатый скот. Этот обычай настолько еще силен в Монголии, что когда в период Отечественной войны монголы посылали скот в дар Советской Армии, то просили пересчитать всех коров

и яков по весу на овец и записать как дар овцами, дабы не дарить холодномордых» [Ефремов 1986: 351–352].

Обращение к традиционному счету времени у монголов уже во время путешествий раскрывает причину появления позднейшего романа И. А. Ефремова «Час Быка»: «Я вышел из юрты, стараясь не разбудить хозяев. Было самое глухое время — „час быка“ (два часа ночи) — власти злых духов и черного (злого) шаманства, по старинным монгольским суевериям» [Ефремов 1986: 371]. Работая над одноименным романом, И. А. Ефремов-писатель воспользовался этим образом для характеристики эпохи, мрачной в социально-политическом отношении.

И еще одно этнографическое наблюдение ученого: «У хозяина станции я увидел тощую кошку — животное, редко встречающееся у монголов. На мой вопрос, почему в Монголии не держат кошек, хозяин улыбнулся и рассказал старинное поверье о собаке и кошке. Собака будто бы каждое утро приходит посмотреть, жив ли ее дорогой хозяин, а кошка по утрам смотрит — не умер ли хозяин. Возможно, что это старинное поверье и сыграло какую-либо роль в отсутствии кошек. Однако, я думаю, дело проще. Кошка при кочевом хозяйстве бесполезна: нет запасов зерна, которые надо охранять от грызунов» [Ефремов 1986: 352]. В фольклоре монголоязычных народов кошка выступает как охранитель буддийских книг от мышей, калмыки считают кошку гелюнгом всех животных [Бурыкин 2019], у монголоязычных народов и китайцев есть похожие сюжеты о конфликте кошки и собаки из-за действий по отношению к хозяину, но версия, приведенная И. А. Ефремовым, оригинальна.

Большую ценность представляют собой описания находок предметов и обследования культовых мест, связанных с буддизмом. Вот одно из таких описаний: «Это был прежде довольно большой монастырь Талаин-Чжисахурал („Монастырь долинной святости“). Мы пошли посмотреть развалины — иногда удавалось находить в таких монастырях бронзовые или глиняные статуэтки богов. Каждому хотелось найти что-нибудь на память о путешествии. Орлов нашел несколько книг: пачки удлиненных листов между двух деревянных дощечек, стянутых шелковыми лентами.

Книги оказались на тибетском и старомонгольском языках. По уверению Данзана, это был какой-то древний роман, и мы решили взять книги для Комитета наук. Я подобрал деревянные тибетские печати-клише для изготовления листов с молитвами» [Ефремов 1986: 120]; «На уступе правой стены стояла плита серого песчаника с тибетской надписью „Ом мани падме хум“. Под плитой аккуратными рядками лежали кусочки халцедона, позеленевшие монеты, обрывки истлевшего шелка» [Ефремов 1986: 123]; «...мы с Громовым нашли рядом несколько очень хорошо сохранившихся изображений тонкой работы» [Ефремов 1986: 124]; «На ближнем холмике оказался разбитый арслан — фантастический лев в виде барельефа из обожженной глины. Такие арсланы украшают цоколи больших субурганов, и этот был, несомненно, похищен из Улугэй-хида, но на перевале, видимо, стало невмоготу тащить его дальше. Эглон собрал и упаковал находку. Теперь этот арслан, склеенный и вделанный в деревянную рамку, приветствует входящих в мою московскую квартиру...» [Ефремов 1986: 125]. Надпись, содержащая буддийскую молитву, оформляется в обрядности местных жителей как традиционное культовое место — обо.

И. А. Ефремов среди древностей Монголии обнаруживал и тюркские рунические надписи: «Недалеко от вулкана Ноян-Богдо есть древние рисунки на скалах, изображающие архаров и янгеров (козерогов). В пятнадцати километрах к юго-востоку от Сэвэрэй сомона на плоской равнине стоят два огромных обтесанных белых камня с какими-то надписями, похожими на европейские буквы. Вероятно, это были рунические надписи древних тюркских народов» [Ефремов 1986: 256].¹

И. А. Ефремов отмечает, хотя в этой книге без топографической привязки, древние захоронения, представляющие интерес для археологов: «Едва мы выбрались из русла Баян-Хобур, как у тропы перед нами предстала древняя могила. Необтесанная длинная глыба серого слюдястого мрамора была поставлена вертикаль-

---

¹ Как рассказывал автору статьи С. Г. Кляшторный (1928–2014), много путешествовавший по Монголии как археолог и исследователь тюркских древностей, И. А. Ефремов рассказывал ему о ряде тюркских надписей, которые он сам находил в своих экспедициях.

но и у подножия окаймлена квадратом из четырех поставленных ребром плит. Почти стершиеся китайские иероглифы, написанные черной тушью, покрывали вертикальными столбиками все четыре стороны обелиска» [Ефремов 1986: 282]. Ученый обращает внимание и на петроглифы: «Правее, на выпуклой и гладкой мраморной скале, были высечены древние „писаницы“ — раскоряченные человеческие фигурки с копьями в руках и след лошадиного копыта. „Писаницы“ принадлежали, видимо, людям конца каменного века. Рядом были высечены и крупные китайские иероглифы. Посередине скалы проходил желобок с гладко отполированной поверхностью, совершенно как детская ледяная горка» [Ефремов 1986: 282]. Перспективно для изучения архаической архитектуры и стилей искусства следующее суждение: «Тысячи мелких ниш, обрамленных снизу и сверху выступами более плотных слоев, испещряли отвесные стены. Иногда по сторонам ниш были как бы выточены маленькие колонны. Я подумал, что, может быть, подобные местности послужили прототипом буддийских храмов с сотнями маленьких ниш, украшенных статуями будд и бодисатв» [Ефремов 1986: 284].

И. А. Ефремов обнаружил в одном из мест целую мастерскую по изготовлению каменных орудий, оценив их эстетические качества: «Внизу, под обрывом базальта, валялось множество каменных орудий, вернее, отходов производства орудий — нуклеусов и отломков. Пристальный осмотр окончательно убедил меня в находке мастерской каменных орудий. Здесь, непосредственно у месторождения яшмы и халцедона, доисторические обитатели Гоби занимались своим, требовавшим большого искусства делом. У мастеров каменного века чувствовался художественный вкус. Они разделяли разноцветные слойки, выделявая орудия — ножички и стрелы какого-нибудь одного цвета, или же в более крупных орудиях — рубилах, ножах — красиво подбирали цвета, используя природную полосчатость. Я нашел несколько таких двухцветных красно-бежевых или бежево-белых стрел» [Ефремов 1986: 304].

Путешественник отмечает связь сакральных элементов с дорогой и ее ориентирами на местности. Он пишет: «За Онгон-Хаир-

ханом потянулись гряды высоких холмов. На вершинах перевалов стояли среди полей зеленой травы плиты светлого гранита с художественно высеченными тибетскими надписями — буддийской священной формулой „Ом мани падме хум“. Такая плита с красивыми и четкими буквами, одиноко стоящая среди пустой степи на плоском гребне холма, производит сильное впечатление. Что-то величественное и подвижническое есть в этом свидетельстве труда человека, воздвигнутом на безлюдном просторе у древней тропы и как бы ободряющем путника в его стремлении вперед» [Ефремов 1986: 319].

На страницах книги И. А. Ефремова неоднократно встречаются описания полуразрушенных или разрушающихся буддийских монастырей, приспособленных новыми хозяевами к запросам новой жизни: «К вечеру мы проехали два сомона, которые находились в бывших монастырях и отличались великим множеством складов. Эти склады были устроены в бесчисленных деревянных домишках — некогда отдельных кельях лам» [Ефремов 1986: 20]; «Мы сделали остановку на обед у разрушенных глинобитных стен развалин Олдаху-хида („Найденный монастырь“). Длинный ряд разбитых белых чаш субурганов отгораживал развалины от плоских щебнистых гряд с севера. С юга прямо к стенам подходила огромная, совершенно мертвая равнина» [Ефремов 1986: 25]; «Разрушенный монастырь Цаган-Дерисуни отличался от тех деревянных монастырей, которые я видел в Средней Гоби и в Центральном аймаке, а также от глинобитных развалин Олдахухида, построенного китайскими архитекторами. Здесь высокие, сложенные из синих кирпичей стены были наклонены внутрь, и на всех развалинах лежал отпечаток тибетского стиля. Характерно, что монастырь стоял среди угрюмых черных холмов, у подножия хребта Цзолэн, где темные голые скалы то лезли толпой друг на друга, как каменные волны, то выдавались острыми пиками, то скалились колоссальными челюстями, то поднимали зазубренные гребни. Это место вызывало тревожное ощущение и производило впечатление замкнутости и угрозы. Монастырь был поставлен в таком месте не случайно — все способствовало возникновению

безотчетного страха в душе простодушного сына степей, приближавшегося к такому монастырю... Но сейчас только ряды желтых стен напоминали о бывшем здесь очаге мрачной религии. Чистые юрты посреди выметенного двора, уцелевшие башенка и маленькая кухня служили фоном для наших выстроившихся ряд машин. Чай уже был готов, и приветливо улыбающийся заведующий привыкливо распахнутую дверь юрты» [Ефремов 1986: 41].

Необычно описание одного из монастырей, демонстрирующее характер приспособления окружающего ландшафта к буддийским реалиям: «Размытый гранит тяжело громоздился гребнями, башнями, хребтами и головами чудовищ, грозными мордами. Зрелище было поистине удивительное и устрашающее. Отдельно стоявшие глыбы были похожи на грубые статуи сидящих и стоящих людей. Все эти естественные „изображения“ искусно использовались ламами — кое-где уцелевшие подмалевки краской оттеняли демонические черты слепого камня или умело положенные кучки камней превращали безмянные глыбы в обо и субурганы. Тибетские надписи, палки с хвостами яков, укрепленные в расщелинах камней, еще местами сохранились по сторонам дороги, указывая путь к монастырю. Почти все постройки монастыря были разобраны на дрова, только три-четыре здания были заняты под жилье и склады. Огромные толстые балки, разгораживавшие двор, указывали на былую солидную постройку. Бронзовые вазы старинной китайской работы использовались под сосуды для воды. Во дворе стояли две юрты, из них крайняя — деревянная, была огромной, по меньшей мере в два раза» [Ефремов 1986: 167].

«Внезапно слева показался целый город развалин крупного монастыря Амор-Буянтин-хид („Обитель Спокойной Добродетели“). Хорошо сохранившиеся стены и башенки ступенями поднимались по склону. Окружавшие монастырь горные увалы производили странное впечатление необыкновенной чистотой своих склонов. Благочестивые паломники когда-то собрали вокруг все камни до последнего. Из этих камней были сложены основания расставленных всюду — и у тропы, и на вершинах горных увалов — своеобразных часовенок — каменных ниш из высоких гранитных или

сланцевых плит. Внутри ниш яркими красками — синей, красной, желтой — были написаны изображения святых и выведены вертикальные ряды разноцветных тибетских букв.

Несмотря на дождь и пронизывающий ветер, мы решили осмотреть монастырь. В хмуром, бессолнечном свете, под нависшими облаками монотонные ступени глинобитных стен производили печальное впечатление. Полное безмолвие, ни малейшего признака жизни не было в узких переулках и на маленьких площадях, перерезанных низкими ступеньками из темно-серых камней. Времени у нас было мало, и ничего достопримечательного мы не обнаружили. Самое большое впечатление на нас, как на гобийцев, произвели огромные, до трех метров в поперечнике, колодцы, заполненные глубокой и чистой водой. По краям низких стен, обрамлявших каждый колодец, были положены продолговатые гранитные бруски.

В твердом камне на ладонь в глубину врезались многочисленные канавки — следы от веревок, которыми вытаскивали ведра с водой. По одному этому можно было судить о древности колодцев. Приходилось поскорее выбираться отсюда, потому что мы попали отнюдь не на Легин-гольскую тропу, а на старую дорогу к монастырю» [Ефремов 1986: 279–280].

«Там и сям встречались группы деревянных построек — бывших монастырей. Как правило, это скопление маленьких избушек — келий, окружающих двухэтажный храм. Все помещения умно приспособлены к новой жизни Монголии — заняты сомонами, складами и мастерскими» [Ефремов 1986: 38].

Одно из описаний монастыря с интересными буддийскими изображениями дано внутри характеристики аймачного центра: «Цецерлэг — самый приятный из всех виденных мною аймаков. Это настоящий городок, есть и двухэтажные каменные постройки. Много домов с садами и кустарниками в палисадах, везде заборы из распространенной в Улан-Баторе неокоренной лиственницы. Над городком господствуют серые кручи гор — обнаженные скалы, кое-где утыканные редкими лиственницами. У этих круч — большой монастырь с четырьмя храмами тибетской архитектуры.

Теперь от них остались только пустые стены, окруженные множеством крохотных деревянных домиков — отдельных келий. Над монастырем, на середине высоты скалистой кручи, большое изображение бурхана — Будды, высеченное внутри овала из какой-то удивительно прочной красной краски, покрывающей поверхность скалы. Рядом еще два меньших изображения» [Ефремов 1986: 331].

И. А. Ефремов искренне и глубоко переживает за судьбу древних буддийских памятников Монголии, погибающих на его глазах: «В разрушенном монастыре Олдаху-хид все расписные деревянные постройки, виденные нами в 1946 году, бесследно исчезли. Цепь субурганов — белых башенок на кубических основаниях — по-прежнему стояла у края темно-серой, поразительно плоской и безотрадной равнины, а позади — цепь голубых гор и красное запыленное небо с низкими тучами» [Ефремов 1986: 212].

Интересно, что ученый обращает особое внимание на письменность и грамотность монголов: «Я писал тексты, этикетки, составлял таблицы геологической истории и геохронологии. Это все переводилось на монгольский язык и тщательно писалось местными каллиграфами старомонгольской вязью, пока еще более доходчивой для пожилого населения. Параллельно писался текст недавно введенным русским алфавитом» [Ефремов 1986: 172]; «Даже моя, весьма сухая, должность в Академии наук, где я заведовал отделом древних позвоночных Палеонтологического института, после перевода на монгольский звучала, как „лууны яс хэлтэс дарга“ — „начальник отдела драконовых костей“!» [Ефремов 1986: 170]. Книга И. А. Ефремова содержит указание на одну публикацию ученого по материалам экспедиции, которая незнакома русскоязычным исследователям: «Я написал большую статью об экспедиции, переведенную на монгольский язык и напечатанную в газете „Унэн“ („Правда“), и несколько популярных информационных для лекционного бюро Комитета наук» [Ефремов 1986: 171].

Образ дороги даже в прагматическом восприятии ученого-путешественника выступает как средство не только пространственной, но и временной связи локусов мира: следы автомобильных

колес ложатся на старые караванные тропы, где появляются растения, принесенные копытами верблюдов, а детали машин соседствуют с верблюжьими костями (см. выше).

Однако в восприятии автора дорога проявляет себя как средство связи и граница между четырьмя сторонами мира, объединяя пространственные сферы по сторонам дороги и выступая в качестве границы между ними. Он пишет: «Дорога взвилась на перевал, и мы очутились в фантастическом мире причудливых гранитных скал: башен, животных, статуй, идолов, навесов. Все — серое, мокрое и в серой же дымке тумана. Слева обнаженный бок гранитной горы был усажен, как щеткой, наклонными конусовидными утесами — получилась невероятных размеров колючая чешуя. Под навесом скалы промаячила священная тибетская надпись синими, черными и зелеными буквами. С другой стороны дороги непрерывной цепью по-прежнему шли древние могильники. Между этими древнейшими и старыми, отжившими отзвуками религиозных эпох оказались мы на ЗИСах с московскими номерами. Три мира, три измерения времени встретились тут, на подоблачном перевале в далеком пути!» [Ефремов 1986: 357–358].

И. А. Ефремов, неоднократно помещая на страницах своей книги зарисовки с натуры — описания жителей Монголии, сам не ставит вопрос о разграничении своих и чужих в географическом и социальном пространстве, ставшем популярной темой (см. [Смирнов 2020]), но этот вопрос по-своему решают его спутники и собеседники. Вот как это выглядит в его изложении: «Я слушал старика, точнее, перевод Намнан Доржа с живейшим интересом. Вдруг Намнан Дорж насупился и умолк. Но старик продолжал говорить, и нашему переводчику ничего не оставалось, как следовать за его речью. „Старик спрашивает, откуда вы родом?“ — начал Намнан Дорж. Я ответил, что родился под Ленинградом, далеко на северо-западе от Монголии. „Он говорит, что вы — русский, а чувствуется, что вы любите Гоби больше, чем я — монгол“, — криво усмехаясь, объявил Намнан Дорж.

Старик попал в точку: наш переводчик, родом из Хенте, не любил пустынь Южной Монголии... „Он удивляется, как мы хо-

дим по всей Гоби без проводников?“ — продолжал переводчик. Старик повернул ко мне доброе лицо и, глядя прямо на меня потускневшими глазами, убежденно сказал: „Потому и ходишь, что любишь страну!“ Мы с Рождественским переглянулись, глубоко польщенные признанием наших успехов. Теперь мы действительно почувствовали, что Гобийская Монголия не чужая для нас земля. Долго мы еще беседовали со старым вожаком караванов, пили чай и обсуждали дальнейший путь...» [Ефремов 1986: 283-284].

Книга И. А. Ефремова, выходящая за рамки его литературного и научного наследия, составляет замечательное наследие для современных ученых-гуманитариев разных стран. Как оказывается при ближайшем рассмотрении, она дает ответы на сложнейшие междисциплинарные гуманитарные вопросы нашего времени.

Литература

- Брандис, Дмитревский 1963 — *Брандис Е. П., Дмитревский В. И.* Через горы времени. Очерк творчества И. Ефремова М.; Л.: Сов. писатель, 1963. 220 с.
- Бурыкин 2005 — *Бурыкин А. А.* Буддизм и культура Востока в поздних романах И. А. Ефремова // Буддийская традиция: история и современность. Юбилейные чтения, посвященные 150-летию со дня рождения А. Доржиева / отв. ред. А. О. Бороноев. СПб.: изд-во С.-Петербургского института истории РАН, 2005. С. 221–228.
- Бурыкин 2019 — *Бурыкин А. А.* Кошка в фольклоре калмыков, других монголоязычных народов и народов Дальнего Востока // *Oriental Studies*. 2019. № 6. С. 1221–1231.
- Ерёмина, Смирнов 2013 — *Ерёмина О., Смирнов Н.* Иван Ефремов. Серия «Жизнь замечательных людей». М.: Молодая гвардия, 2013. 688 с.
- Ефремов 1986 — *Ефремов И. А.* Дорога ветров (Гобийские заметки) // Ефремов И. А. Собрание сочинений в 5 тт. Т. 2. М.: Молодая гвардия, 1986. 414 с.
- Монголия 2019 — Монголия в жизни Л. К. Герасимович: Воспоминания, письма, фотографии / автор-сост. Р. А. Ивлева, отв. ред. М. П. Петрова, гл. ред. И. В. Кульганек. СПб.: ИПК «НП-Принт», 2019. 180 с.
- Неелов 1991 — *Неелов Е.* Заветы мудреца Эрфа Рома // Ефремов И. А. Час Быка. Петрозаводск, Карелия, 1991. С. 420–429.

- Смирнов 2020 — *Смирнов Е. С.* «СВОИ» И «ЧУЖИЕ» в традиционной лингвокультуре Северного Приангарья (на материале устных текстов конца XX — начала XXI вв.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2020. 23 с.
- Хангайские горы — Хангайские горы [электронный ресурс]. URL: https://ru.qaz.wiki/wiki/Khangai_Mountains (дата обращения: 01.10.2020).
- Чудинов 1987 — *Чудинов П. К.* Иван Антонович Ефремов (1907–1972). М.: Наука, 1987. 226 с.

УДК 294.321+930.253

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-4-16-149-175

Б. Бергман и его труд о калмыках и калмыцкой культуре

*Бембя Леонидович Митруев*¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000

Элиста, Российская Федерация)

научный сотрудник, аспирант

E-mail: bemitrouev@yahoo.com

© КалмНЦ РАН, 2020

© Митруев Б. Л., 2020

Аннотация. *Введение.* В период с 1898 по 1901 гг. исследователь немецкого происхождения Бенджамин Бергман совершил путешествие в калмыцкие степи, где собрал большое количество исторического, литературного и фольклорного материала. Результатом этой поездки стала публикация в 1804–1805 гг. в Риге четырехтомного издания «Кочевнические скитания среди калмыков в 1802–1803 годах» Б. Бергмана, представляющего собой важный источник сведений о литературе и культуре калмыков XIX в. Среди переводов текстов, опубликованных в этом издании, был представлен перевод двух песен эпоса «Гесер» с калмыцкого на немецкий язык. Этот перевод является первым переводом песен «Гесера» на европейский язык и представляет интерес для исследования истории бытования «Гесера» в Калмыкии. *Цель* статьи – представить более полные биографические сведения о Бенджамине Бергмане как об исследователе калмыков и калмыцкой культуры. *Материалы.* В статье использованы источники о семье Бергманов на немецком языке, а также материалы четырехтомного издания «Кочевнические скитания среди калмыков в 1802–1803 годах». *Результаты.* В 1804–1805 гг. по результатам совершенного путешествия в калмыцкие кочевья Б. Бергман опубликовал свой знаменитый четырехтомный труд, в котором не только предоставил большое количество информации о калмыках, но и предпринял попытку

развезть множество неверных представлений о калмыках. Его работа до сих пор не потеряла свою актуальность для исследователей калмыцкой культуры, истории и литературы. Именно поэтому она снова была переиздана в Европе в 1969 г.

Ключевые слова: Калмыкия, «Гесер», тодо бичиг, Б. Бергман, Сарепта
Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-512-93002 «Памятники „ясного письма“ как культурное наследие России и Китая». Материалы статьи апробированы на Международной научной онлайн-конференции «Монголоведение в начале XXI в.: современное состояние и перспективы развития – II», проведенной при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-22004) и частичной поддержке гранта Правительства РФ (№ 075-15-2019-1879). Автор выражает благодарность Н. А. Дегтяренко за помощь в переводе немецкого текста.

Для цитирования: Митруев Б. Л. Б. Бергман и его труд о калмыках и калмыцкой культуре // Бюллетень Калмыцкого научного центра Российской академии наук. 2020. № 4. С. 149–175. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-4-16-149-175

UDC 294.321+930.253

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-4-16-149-175

B. Bergman and his work on the Kalmyks and Kalmyk Culture

Bembya L. Mitruev¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Research Associate Post-graduate student

E-mail: bemitrouev@yahoo.com

© KalmSC RAS, 2020

© Mitruev B. L. 2020

Abstract. Introduction. During the period from 1898 till 1901 the German researcher Benjamin Bergman travelled to the Kalmyk steppes where he collected a lot of historical, literature and folklore materials. The result of this travel was the publication of the four-volume book “The Nomadic Roaming among Kalmyks in 1802–1803” by B. Bergman in 1804–1805 in Riga, this book is an important source of the information about the literature and culture of Kalmyks of the XIX century. Among the translations of the texts, this publication contains the translation of two songs of Geser from Kalmyk into German. This translation is the first translation of the Geser songs in Kalmykia. Goal. The goal of the article is to give to the fullest extent possible the bibliographic information about Benjamin Bergman as the researcher of the Kalmyk ethnos and highlight the nature of his translation of the two songs of Geser. Materials. Materials about Bergman family in German and four-volume book “The Nomadic Roaming among Kalmyks in 1802–1803” are used in the article. Results. In 1804–1805 on the results of the travel to the Kalmyk nomad roaming, Bergman published his famous four-volume work where he not only presented a lot of information about Kalmyks but also tried to dispel several wrong perceptions about Kalmyks. His work is still relevant for the researchers of Kalmyk culture, history and literature. That is why it was republished in Europe in 1969.

Keywords: Kalmykia, Geser, todobichig, B. Bergman, Sarepta

Acknowledgments. The research was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project No. 20-512-93002 «Monuments of ‘clear writing’ as the cultural heritage of Russia and China». The article was presented at the international scientific online conference “Mongolian Studies at the beginning of the 21st century: Current State and Development Prospects – II”, held with the financial support of RFBR (project № 20-09-22004) and partial support of the Russian Government Grant (№ 075-15-2019-1879). The author expresses his gratitude to N. A. Degtyarenko for help in translating the German text.

For citation: Mitruiev B. L. B. Bergman and his work on the Kalmyks and Kalmyk Culture. In: *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2020. No. 4. Pp. 149–175 (In Russ.) DOI: 10.22162/2587-6503-2020-4-16-149-175

Введение¹

В современной литературе при всей скупости информации о Бенджамине Бергмане циркулирует часто неверная информация о нём, его путешествии в калмыцкую степь и его работе. Например, утверждают, что Б. Бергман был одним из гернгутеров, но это не так: Б. Бергман был лютеранским пастором и изучал калмыцкий язык в колонии гернгутеров в Сарепте. Кроме того, его путешествие в калмыцкие кочевья в 1802 г. названо первым, хотя на самом деле впервые он посетил Сарепту, познакомился и стал изучать калмыцкий язык под руководством Конрада Нейца еще в 1799 году.

Илл. 1. Бенджамин Бергман

Мы хотели бы пролить свет на личность этого исследователя калмыков, который одним из первых в Европе попытался рассеять слухи и предрассудки об этом народе и представить их литературу и культуру, сделав их доступными для западного исследователя.

Б. Бергман был не только первым, кто перевел на европейский язык отрывок из калмыцкого эпоса «Джангар», но и тем, кто первым перевел отрывок эпоса «Гесер» на европейский язык.

Хотя обычно говорят, что первый перевод эпоса «Гесер» на европейский язык осуществил И. А. Шмидт, сначала — на русский в 1836 г., а затем — на немецкий язык в 1839 г. [Schmidt 1836, 1839], это верно лишь отчасти, потому что до И. А. Шмидта перевод двух песен «Гесера» с ойратского на немецкий сделал Бенджамин

---

¹ Иллюстрация заимствована с вебсайта цифрового архива латвийского фольклора (Digital archives of Latvian folklore). URL: <http://garamantas.lv/en/illustration/1361264/Drawing-on-Benjamin-von-Bergmann#w5-tabfile> (дата обращения: 9. 10. 2020).

Бергман, опубликовав этот перевод в своем четырехтомном труде «Кочевнические скитания среди калмыков в 1802–1803 годах» [Bergmann 1804–1805]. Б. Бергман перевел песнь об оживлении богатырей и песнь о войне с Андулма-ханом.

Полное имя Бергмана — Бенджамин Фюрхтеготт Бальтазар фон Бергман (нем. Benjamin Fürchtegott Balthasar von Bergmann). Другой вариант имени — Вениамин Густавович Бергман. Бенджамин Бергман родился в 1772 году в Лифляндской губернии Российской империи, а умер в 1856 г. в Риге, в Лифляндской губернии Российской империи.

Бергманы были выходцами из Пруссии. Самым древним предком, о котором сохранилась информация, является Амбросий Бергман (нем. Ambrosius Bergmann; 1641–1677), проживавший в городе Пиллау в Восточной Пруссии. Семья Бергманов, видимо, жила там издавна, так как эта фамилия упоминается в записях 1581 г. [Buchholtz 1911: 5].

Затем Бергманы переселяются в Ливонию и практически все мужчины в этой семье становятся протестантскими священниками. Кроме того, традиционно многие из них обучаются в Йене и Лейпциге.

Занятия отца Бенджамина и дяди по отцу не могли не оказать влияние на характер и интересы молодого Бенджамина, поэтому мы уделим им немного внимания.

Отец Бенджамина Бергмана, Густав Бергман (1749–1823), учился в Лейпциге на богословском факультете, где, помимо богословия, слушал лингвистические и естественнонаучные лекции. Дрался на дуэли на шпагах с И. Гёте, в ходе которой И. Гёте был ранен в плечо. Густав Бергман был одним из самых известных ученых Лифляндии, был одним из лучших знатоков латышского языка и одним из самых читаемых латышских писателей. Он опубликовал христианское учение для латышей, собрал их народные песни, участвовал в издании латышских гимнов и оставил после себя рукопись латышско-немецкого Лексикона. Густав Бергман был первым, кто написал историю Ливонии, предназначенную для широких кругов, которую он издал в собственной типографии. Привезя

прессы и шрифты из Галле, поставил сыновей к наборному столу для набора текста и печатал книги сам. С 1782 по 1810 г. из ручного станка Салисбурга и Руйена вышло около двухсот изданий. Во время эпидемии брюшного тифа, которая вспыхнула в пасторате, он спас жизнь всех пациентов, за что император Александр I наградил его золотой медалью с посвящением «Пастору Густаву Бергману». В 1787 г. император Иосиф Второй¹ возвел его в дворянство Римской империи одновременно с его братьями Бальтазаром и Либори-ем. Густав Бергман умер в июне 1814 г. [Buchholtz 1911: 12].

Младший брат Густава и дядя Бенджамин — доктор Либорий фон Бергман (1754–1823), старший пастор в Риге, получил образование в лейпцигском университете, где изучал богословие и философию. В Лейпциге он дружил с семьями Брайткопф и Шток. Позже Дора Брайткопф стала невестой Людвиг Фердинанда Хубера², который порвал с ней ради Терезы Форстер³, а Минна вышла замуж за друга Шиллера⁴ Кёрнера⁵ и стала матерью Теодо-

---

¹ Иосиф II (нем. Joseph II.; 13 марта 1741, Вена – 20 февраля 1790, Вена) — король Германии с 27 марта 1764 г., избран императором Священной Римской империи 18 августа 1765 г., старший сын Марии Терезии, до конца ноября 1780 г. был её соправителем; после смерти матери 29 ноября 1780 г. унаследовал от неё владения Габсбургов — эрцгерцогство Австрийское, королевства Богемское и Венгерское. Выдающийся государственный деятель, реформатор, яркий представитель эпохи просвещённого абсолютизма.

² Людвиг Фердинанд Хубер (нем. Ludwig Ferdinand Huber; 14 сентября 1764 г. – 24 декабря 1804 г.), немецкий писатель, родился в Париже, в семье Михаэля Хубера (1727–1804), сделавшего многое для изучения немецкой литературы во Франции.

³ Тереза Хубер (нем. Therese Huber; 7 мая 1764 г. – 15 июня 1829 г.) в замужестве Форстера (нем. Forster). Тереза Хубер была немецким писателем. Она была одной из так называемых *Universitätsmamsellen*, группы из пяти академически активных женщин середины XVIII и начала XIX веков.

⁴ Иоганн Кристоф Фридрих фон Шиллер (нем. Johann Christoph Friedrich von Schiller; 10 ноября 1759 г. – 9 мая 1805 г., Веймар) — немецкий поэт, философ, теоретик искусства и драматург, профессор истории и военный врач, представитель направлений «Буря и натиск» и романтизма в литературе.

⁵ Христиан Готфрид Кёрнер (нем. Christian Gottfried Körner; 2 июля 1756 г., Лейпциг – 13 мая 1831 г., Берлин) — немецкий писатель и юрист. Х. Г. Кёрнер был первым издателем полного собрания сочинений своего друга Фридриха Шиллера и поэтического наследия своего сына Теодора Кёрнера.

ра Кёрнера¹. Его вдохновляли также отношения с Адамом Фридрихом Эзером², директором Лейпцигской академии живописи, хорошо известным из «Поэзии и правды»³ И. Гёте, и гравером Баузе⁴. Либорий основал в 1816 г. в Риге лифляндский музей искусств. [Buchholtz 1911: 21]. Либорий стал масоном в лейпцигской ложе «Минерва к трём пальмам», там он познакомился с Великим Магистром масонских лож, герцогом Фердинандом фон Брауншвейгом. По окончании учебы в 1778 г. Б. Бергман в течение года путешествовал по Германии, Эльзасу, Швейцарии, Франции и Англии [Buchholtz 1911: 21; Русский биографический словарь 1900: 718–719]. В ходе путешествия он посетил Лессинга⁵ в Вольфенбюттеле, познакомился с Клопштоком⁶, Гершелем⁷, Лафатером⁸ и Кантом⁹. Лафатер включил в свою знаменитую ра-

---

¹ Карл Теодор Кёрнер (нем. Carl Theodor Körner; 1791–1813) — немецкий писатель, драматург и поэт-патриот.

² Адам Фридрих Эзер (нем. Adam Friedrich Oeser; 17 февраля 1717 г., Братислава – 18 марта 1799 г., Лейпциг) — немецкий художник, скульптор, график и иллюстратор книг. В 1765–1768 гг. учеником Эзера в Академии был студент И. В. Гёте.

³ «Поэзии и правде» (нем. Dichtung und Wahrheit: aus meinem Leben) — автобиографическое сочинение Иоганна Вольфганга Гёте.

⁴ Баузе Иоганн-Фридрих (нем. Johann Friedrich Bause; 5 янв. 1738 г. – 3 января 1814 г.) — выдающийся гравер по меди.

⁵ Готхольд Эфраим Лессинг (нем. Gotthold Ephraim Lessing; 22 января 1729 г., Каменц, Саксония – 15 февраля 1781 г., Брауншвейг) — немецкий поэт, драматург, теоретик искусства и литературный критик-просветитель.

⁶ Фридрих Готлиб Клопшток (нем. Friedrich Gottlieb Klopstock; 2 июля 1724 г., Кведлинбург – 14 марта 1803 г., Гамбург) — один из важнейших немецких поэтов.

⁷ Фредерик Уильям Гершель (англ. Frederick William Herschel), до переезда в Англию именовался Фридрих Вильгельм Гершель (нем. Friedrich Wilhelm Herschel; 15 ноября 1738 г., Ганновер – 25 августа 1822 г., Слау близ Лондона) — английский астроном, оптик и композитор немецкого происхождения.

⁸ Иоганн Каспар Лафатер (нем. Johann Caspar Lavater; 15 ноября 1741 г., Цюрих – 2 января 1801 г., Цюрих) — швейцарский писатель, богослов и поэт, писал на немецком языке. Заложил основы криминальной антропологии.

⁹ Иммануил Кант (нем. Immanuel Kant; 22 апреля 1724 г. – 12 февраля 1804) — немецкий философ, родоначальник немецкой классической философии, стоящий на грани эпох Просвещения и романтизма.

боту «Эссе о физиогномике» (франц. *Essai sur la physiognomie*) гравюру с изображением губ своего юного друга. В Швейцарии Либорий также посетил старого Бодмера¹ и наслаждался из его дома, окружённого садами, прекрасным видом на город, озеро и Альпы [Buchholtz 1911: 21].

Либорий был великим коллекционером монет и медалей, рукописей и книг. Его нумизматическая коллекция в настоящее время входит в состав Рижского монетного двора, а обширная и ценная коллекция книг и рукописей является основой Библиотеки Ливонского рыцарства. Он внес большой вклад в ливонские исторические исследования, купив кодекс Ливонской рифмованной хроники² середины XIV века, который был вывезен из Ливонии за границу. Будучи занятым проповедником, он ещё находил время, чтобы читать лекции о магнетизме, электричестве и явле-

¹ Иоганн Якоб Бодмер (нем. *Johann Jakob Bodmer*, 19 июля 1698 г., Грейфензее, близ Цюриха, – 2 января 1783 г., Цюрих) — швейцарский писатель, филолог, литературный критик.

² Ливонская рифмованная хроника (нем. *Livländische Reimchronik*) — древний письменный исторический памятник XIII в.

Описывает историю действий немецких рыцарских орденов в Прибалтике с середины XII в. до примерно 1291 г. Составлена в самом конце XIII в.. Автор хроники неизвестен: первоначально она атрибутировалась некоему Дитлебу фон Альнпеке (нем. *Ditleb von Alnpeke*), чьё имя значилось в приписке к одной из сохранившихся копий, но затем было доказано, что эта приписка поздняя и недостоверная; однако из текста хроники ясно, что она составлена непосредственным очевидцем военных действий 1280-х гг.

Начальная часть хроники, описывающая удалённые от хрониста события, малодостоверна. События середины XIII в. представляют больший интерес, поскольку описаны либо со слов очевидцев, либо, частично, по материалам не сохранившихся до нашего времени хроник дерптского епископата. К этой части относится и описание Ледового побоища — единственное в западноевропейских исторических источниках. Наиболее интересно и достоверно описание в «Рифмованной хронике» событий 1280-х гг.

«Рифмованная хроника» содержит 12 017 стихов. Имеются две её копии: рижская, сделанная в середине XIV в., и гейдельбергская, относящаяся к XV в. Обе копии лишены окончания (видимо, не очень значительного по объёму), в рижской отсутствует один фрагмент в середине. Текстуальные различия между копиями ограничиваются орфографией.

Хроника написана на средневерхненемецком языке. Поэтические её достоинства, как считают исследователи, невелики, её стиль, по мнению историка Яниса Зутиса, — «высокопарные трескучие фразы».

ниях в воздухе [Buchholtz 1911: 21]. В 1794 г. он основал Николаевский дом трудолюбия, в котором до 1800 г. был старшиною; в 1803 г. учредил словесно-практическое общество граждан в Риге и в течение нескольких лет был его директором. Лейпцигский университет почтил Б. Бергмана в день 25-летнего юбилея его службы дипломом на звание доктора философии. Либорий Бергман является автором многочисленных сочинений. После смерти в июле 1823 г. он оставил после себя только дочерей, самая младшая из которых, Ева Вендула, вышедшая замуж за купца Эрнста Иоганна Крюгера, стала бабушкой по материнской линии известного хирурга Эрнста фон Бергмана¹ [Buchholtz 1911: 21].

Бенджамин фон Бергман, старший сын Густава, родившийся в 1772 г., вырос в рабочем кабинете отца среди книг и рукописей, обучаемый им и репетиторами, в конце в рижских школах. По просьбе отца он изучал богословие в Лейпциге, но вскоре переехал в Йену, где присоединился к уже знакомому ему кругу соотечественников, среди которых были и родственники. Несмотря на все предоставленные ему свободы, он сумел преодолеть искушения необузданного поведения, о чем говорит то, что среди его друзей была такая выдающаяся личность, как Эрнст Мориц Арндт² [Buchholtz 1911: 25]. Он ни в коем случае не вел жизнь отшельника и даже дрался на дуэли на шпагах с неким Лангенбеком [Buchholtz 1911: 21].

Автор биографии упомянутого выше известного хирурга Эрнста фон Бергмана Аренд Бухгольц³ описывает Бенджамина

---

¹ Эрнст фон Бергман (нем. Ernst von Bergmann; 4 декабря 1836 г. – 25 марта 1907 г.) — немецкий хирург, основоположник асептики, автор одних из первых классических руководств по проблемам нейрохирургии и военно-полевой хирургии. В различное время занимал должности профессора Дерптского, Вюрцбургского и Берлинского университетов. Цитируемая здесь книга Бухгольца представляет собой воспоминания Эрнста Бергмана о своих предках.

² Эрнст Мориц Арндт (нем. Ernst Moritz Arndt; 26 декабря 1769 г. – 29 января 1860 г.) — немецкий писатель и депутат Франкфуртского национального собрания.

³ Аренд Бухгольц (29 марта 1857 г., Рига – 29 октября 1938 г., Берлин) был помощником библиотекаря и редактором в Рижском городском бюллетене, членом-корреспондентом Общества истории и археологии балтийских провинций России и первым директором Берлинской городской библиотеки.

как человека маленького роста, но сильного мышечного телосложения, с яркими глазами и острым зрением [Buchholtz 1911: 26].

В Йене Бенджамин также завязал близкую дружбу с земляком, который был самым дорогим для него всю его жизнь: Карлом Петерсеном¹, единственным популярным поэтом балтийских стран того времени. Судьба разлучила двух друзей: Петерсен переехал в Галле, Бенджамин вернулся в Ливонию, где его с нетерпением ждал отец. Весной 1795 г. он взял курс на Ригу через Любек [Buchholtz 1911: 26].

Гораздо больше, чем богословская учеба ради заработка, его привлекла лингвистика и история, а также магия новой немецкой поэзии. Он сидел у ног Шиллера в Йене, особенно в те дни, когда тот крепко сдружился с Гёте, и пример Шиллера возродил его интерес к истории и литературе, который он вынес из дома отца. По возвращении в Ливонию неприязнь к проповедованию была в нем настолько глубока, что он предпочел скудную участь наставника завидному месту деревенского священника. Три года он преподавал в Риге, после чего отправился в Москву, чтобы попытать счастья. Но даже опыт первых месяцев был таков, что он жаждал оставить суету большого города и вернуться в сельское уединение своей родины. Преобладающий дух кабалы был несовместим с его характером, который мог вписаться только в независимую жизнь [Buchholtz 1911: 27].

В этот период времени Бенджамин жил очень просто, постелью ему служил твердый стол, еда была жалкой, чай и кофе неизвестными удовольствиями; он утолял жажду квасом, но он отказался даже от этого, когда узнал, что купцы, чтобы держать напиток прохладным, бросали в него лягушек. В общем, отсутствие чистоты часто приводило его в отчаяние. Он покинул дом богатого генерала, потому что в комнатах в глаза бросалась грязь, а дети во время уроков искали друг у друга паразитов на головах. Наконец,

---

¹ Карл Петерсен (нем. Karl Petersen) — известный латвийский поэт.

он поступил в другой дом, генерала Лунина¹, где после многих лишений и оскорблений, наслаждался счастливыми и приятными временами. Лето 1799 г. он провел в имении генерала в тысяче верст от Москвы под городом Сарепта [Buchholtz 1911: 27].

Находясь в Сарепте, Б. Бергман познакомился с евангелистскими братьями, от которых он узнал о калмыках, их языке и культуре. Вот что об этом пишет сам Б. Бергман²:

В этом поселении братьев-евангелистов я познакомился калмыками, в какой-то степени сам, а частично узнал он них из сведений местных протестантских братьев. Контраст монгольского образа жизни с нашим, самобытность, которую я увидел в характере и образе мышления калмыков: все это побудило меня еще ближе познакомиться с этими интересными людьми. Усилия г-на Нейца из Сарепты, который благодаря своему глубокому знанию монгольского языка и тщательному изучению нескольких монгольских книг, смог дать наилучшую информацию о мифологии монголов, позволили мне написать несколько заметок по этому вопросу. Этот достойный человек зашел так далеко в своей любезности, что продиктовал мне начало монгольского произведения, чтобы я мог впоследствии более тщательно проработать его в соответствии с духом оригинала³ [Beniamin Bergmann 1804–1805: 19–20].

---

¹ Вероятно, здесь имеется в виду Лунин Пётр Михайлович (1746–1822) — генерал-лейтенант (24 ноября 1796 г.), младший брат генерал-лейтенанта Александра Михайловича Лунина (1745–1816). Генерал П. М. Лунин был знаком с Николаем Николаевичем Новосильцевым, при чьем посредничестве Б. Бергман был снабжён деньгами императором Александром I для изучения калмыцкого языка среди калмыков.

² Здесь и далее перевод автора статьи.

³ Ich lernte in dieser Niederlassung der evangelischen Brüder, die Kalmuken theils selbst, theils aus Nachrichten der dortigen evangelischen Brüder kennen. Der Contrast der mongolischen Lebensart mit der unsrigen, das Originelle, welches ich bey den Kalmuken in Charakter und Denkungsart gewahr wurde: alles dies stößte mir den Wunsch ein, mich mit diesem interessanten Volke, noch genauer bekannt zu machen. Die Bemühungen des Herrn Neiz in Sarepta, welcher bey seinen gründlichen Kenntnissen der mongolischen Sprache und bey feinem Studium mehrerer mongolischer Bücher, die beste Auskunft über die Mythologie der Mongolen geben konnte, setzten mich in den Stand, einige Bemerkungen darüber aufzusetzen. Dieser würdige Mann ging in seiner Gefälligkeit so weit, daß er mir den Anfang eines mongolischen Werkes diktierte, damit ich dasselbe in der Folge sorgfältiger dem Geiste des Originals gemäß ausarbeiten könnte.

Таким образом, Б. Бергман начал изучение калмыцкого языка в 1799 г. у Конрада Нейца (Konrad Neitz). Нейц, о котором здесь идет речь, хорошо изучил язык и быт калмыков [Rosén 2008–2009; Баянова, Куканова 2016]. Его знание калмыцкого языка позволило ему перевести на калмыцкий язык молитву «Отче наш», которую он записал на латинице вместе с немецким надстрочным переводом и опубликовал в 1806 г. в труде И. К. Аделунга «Митридат, или Всеобщее языкознание». Текст латиницы, вероятно, является транскрипцией изначального варианта, записанного на используемом в то время особом вертикальном письме *тодо бичиг*, т. е. «ясном письме» [Кондаков 2018: 153].

Моравские миссионеры даже переняли калмыцкое платье и образ жизни, чтобы быть принятыми среди них. Они без труда вступали в религиозные дискуссии с калмыцкой знатью. Но, оказавшись вовлеченными, они к своему удивлению обнаружили, что религия калмыков совсем не примитивна. Высокоразвитая и тщательно разработанная ветвь буддийского ламаизма, она рассматривала христианство как примитивную и ограничительную религию. Моравские миссионеры сокрушались, что образованные калмыки заявляли о своем восхищении христианством лишь затем, чтобы добавить, что они желали бы, чтобы христиане расширили свои религиозные горизонты и обогатили свою веру, следуя примеру калмыков в уважении ко всему живому. И если обращение казалось неизбежным, ламы-священники вмешивались и использовали угрозу изгнания племени, чтобы удержать свою паству от ереси [Kohls 1971: 86–87].

Интересно отметить, что брат Конрад Нейц, служа миссионером среди калмыков, узнал у кочевников рецепт приготовления домашней горчицы. После многих лет усилий ему удалось разработать целесообразный с коммерческой точки зрения метод производства горчицы для нужд Сарепты. Со своим зятем, братом Глитчем, Нейц создал местный бизнес. В этот момент английская горчица, которая до этого занимала практически монопольное положение, стала недоступной из-за континентальной блокады. Баночка сарептской горчицы попала на обеденный стол Алексан-

дра I, который остался доволен ее изысканным вкусом. С этого момента сарептская горчица начала свой путь, завоевывая внутренний рынок за счет английского продукта. Семья Глитч, которая в конечном итоге стала единственным владельцем фабрики, каждую весну бесплатно раздавала семена горчицы крестьянам этого района при условии, что урожай должен быть продан им по заранее определенной цене. К 1834 г. горчичный завод Сарепты зарабатывал от 50 до 70 тысяч рублей в год. Около 1850 г. завод получил первые паровые машины, которые были установлены в этом районе Российской империи, и стал самым современным промышленным предприятием региона. К 1860-м гг. производство увеличилось до более чем 540 тонн в год [Kohls 1971: 91–92].

Вернувшись в Москву, Б. Бергман показал свои переводы знакомым:

Через несколько месяцев в Москве я показал свой перевод разным знакомым, чье неожиданное одобрение так взбудрило меня, что я решил заняться монгольской литературой. Множество материалов, скопившихся для такой работы в библиотеке Российской Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге и в архивах Коллегии иностранных дел в Москве, естественно, должны были укрепить эту решимость во мне еще больше, и побудить меня исполнить это стремление¹ [Beniamin Bergmann 1804–1805: 21].

Эта жизнь в поволжских степях определила следующие годы Бенджамина: он узнал о монгольском кочевом калмыцком племени, их языке, религии, обычаях и традициях, и их тщательное исследование заняло его вплоть до возвращения в Ливонию. Тем временем, однако, у него также был неудачный опыт работы у генерала П. М. Лунина, что заставило его отказаться от занимаемой

---

¹ Einige Monate darauf zeigte ich in Moskwa meine Uebersetzung verschiedenen dortigen Bekannten, deren unerwarteter Beifall mich so aufmunterte, daß ich den Entschluß faßte, mich mit der mongolischen Literatur zu beschäftigen. Die vielen Materialien, die zu einer solchen Arbeit in der Bibliothek der russisch kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in St. Petersburg und in den Archiven des Collegiums der auswärtigen Angelegenheiten in Moskwa aufgehäuft waren, mußten natürlicher Weise diesen Entschluß noch mehr in mir befestigen, und mich Koch begieriger machen, denselben auszuführen.

должности. Только третий московский дом, куда он приехал, предложил ему приятную и комфортную жизнь среди образованных, добрых и порядочных людей. Хозяева не жалели средств, чтобы поддержать единственного сына семьи, мальчика, увлеченного музыкой, искусством и наукой. Три придворных мастера, несколько учителей и оркестр из тридцати-сорока музыкантов сформировали для этого окружение. Позже Николай Гончаров¹ стал известным в России музыкантом и отличным виолончелистом, одна из его дочерей вышла замуж за поэта А. С. Пушкина. Многие годы спустя проведенного Бенджамином в доме Н. А. Гончарова времени, он оставался в дружеских отношениях и переписке со своим бывшим учеником. Но комфортная жизнь в благородном доме, где к нему относились как к хорошему другу, не отвлекала его от планов продолжить исследования калмыков [Buchholtz 1911: 28].

Вот что пишет сам Бенджамин об этом:

Моя первая попытка исполнить этот самый план заключалась в том, что я обратился в Российскую Императорскую Академию наук, и, хотя я получил отрицательный ответ на свое обращение, это было сделано таким образом, что больше воодушевило, чем удержало меня от второй попытки. В результате я был счастлив познакомиться с любезным поляком², чьё благородное отношение ко мне, так же, как и обширные знания наполнили меня восхищением и уважением; я рассказал ему о моем плане, и он был достаточно любезен, чтобы самому ходатайствовать об успешном исходе этого плана. Перевод монгольского фрагмента, который он сам представил нынешнему президенту Академии наук³, был так хорошо принят этим выдающимся пропагандистом просвещения, что вскоре после этого, милостью монарха,

---

¹ Николай Афанасьевич Гончаров (1787–1861).

² Возможно, здесь имеется в виду Потоцкий Ян Непомук (Jan Nepomuck Potocki), другое его имя Потоцкий Иван Осипович (1761–1815) — польский этнолог, египтолог, лингвист, путешественник и писатель. В 1797 г. с целью проверки повествований Геродота о Скифии предпринял путешествие на Кавказ, где провёл этнографические исследования племён ногайских и астраханских татар, калмыков, чеченцев и осетин. Затем поселился в Санкт-Петербурге. Почетный член Императорской Академии Наук с 29.01.1806.

³ Здесь имеется в виду Н. Н. Новосильцов, являвшийся президентом Петербургской Академии наук на момент написания этого предисловия.

я обнаружил себя способным осуществить свой план отправиться из Москвы в калмыцкую степь¹ [Beniamin Bergmann 1804–1805: 21].

В 1802 г. получил должность академического адъюнкта и отправился к калмыкам для изучения их языка и обычаев, снабжённый деньгами императором Александром I при посредничестве тайного советника Н. Н. Новосильцова² [Bergmann 1886: 62].

Добившись финансовой поддержки от императорской казны, он в феврале 1802 г. снова отправился в трудное путешествие в низовья Волги. Он путешествовал день и ночь, с многочисленными опасностями жизни, пока, наконец, не достиг Сарепты. Оттуда он отправился в степь к своим друзьям-кочевникам, среди которых прожил пятнадцать месяцев, попеременно останавливаясь, делясь едой и напитками калмыков, не боясь препятствий степной жизни: зимой он жил в обшарпанной хижине без укрытия и малейшего уюта, без теплых сапог и только небольшим количеством теплой одежды, и при этом чувствовал себя как будто бы на двадцать лет моложе. Общение с кочевниками не было для него трудным, так как он овладел монгольским языком. С упорным усердием он все глубже и глубже проникал в их фольклор. «Расширение изучения человека — великая цель, к которой я стремлюсь», — писал он отцу [Buchholtz 1911: 28].

---

¹ Mein erster Versuch zur Ausführung desselben war, daß ich mich an die russisch kaiserliche Akademie der Wissenschaften wandte, und ob ich hier gleich auf meinen Antrag eine abschlägige Antwort erhielt, so geschah dies doch auf eine Art, die mich, mehr aufmunterte als abschreckte, einen zweiten Versuch zu wagen. Ich war in der Folge so glücklich, mit einem liebenswürdigen Polen Bekanntschaft zu machen, dessen edle Gesinnungen mich eben so sehr als seine vielumfassende Kenntnisse mit Bewunderung und Hochachtung erfüllten; man hatte ihm von meinem Plane gesagt, und er war gefällig genug, sich selbst für dessen glücklichen Erfolg zu verwenden. Die Uebersetzung des mongolischen Fragments, welche er selbst dem jetzigen Präsidenten der Akademie der Wissenschaften überreichte, wurde von diesem erlauchten Beförderer der Aufklärung so gut aufgenommen, daß ich mich bald darauf durch die Huld des Monarchen in den Stand gesetzt sah, zur Verfolgung meines Plans aus Moskwa nach der kalmükischen Steppe abzureisen.

² Новосильцов Николай Николаевич (1768–1838, Петербург) — государственный деятель; почетный член Петербургской АН (1801), президент Петербургской АН (1803–1810).

Снова попав в калмыцкие степи, Б. Бергман испытывал огромную радость. Здесь он продолжил свой труд по изучению калмыцкого языка и литературы:

Ничто не могло сравниться с моей радостью, когда после трехлетнего отсутствия я снова обнаружил себя в окрестности Сарепты и увидел в этом городе мистера Нейца, который так любезно учил меня монгольскому языку. Благодаря упорному труду вскоре я смог перевести самостоятельно весь религиозный монгольский труд, из которого до этого я лишь разобрал начало по нескольким продиктованным листам. Я пробыл в Сарепте два месяца и покинул этот город, чтобы отправиться в калмыцкую орду, собирать материалы, необходимые для исполнения моих проектов¹ [Beniamin Bergmann 1804–1805: 22].

К сожалению, недостаток финансовых средств заставил Б. Бергмана после года пребывания в калмыцкой степи отказаться от своего плана [Beniamin Bergmann 1804–1805: 22]. Однако даже тот материал, который Б. Бергман собрал за эти пятнадцать месяцев, составил четыре тома, опубликованные им в Риге.

Б. Бергман желал продолжить свое исследование религии, языка, образа жизни и истории калмыцкого народа, чтобы проложить путь к исключительно научной деятельности и должности, предпочтительно в Петербургской академии наук. Но именно петербургские власти упорно молчали в ответ на его просьбы о дальнейшей скромной поддержке калмыцких путешествий, заставляя его, против его воли и желания, отказаться от планов, на которые он возлагал все свои надежды — в том числе, на экспедицию в Ти-

---

¹ Nichts glich meiner Freude als ich, nach einer Abwesenheit von dritthalb Jahren, wieder in die sareptische Gegend versetzt wurde, und in dem Herrn Neiz den Mann wiederfand, der sich ein Vergnügen daraus machte, mich die mongolische Sprache kennen zu lehren. Durch anhaltende Bemühungen sah ich Mich bald in den Stand gesetzt, die ganze Religionsurkunde selbst zu übersetzen, von welcher ich vorher bloß den Anfang nach einigen dictirten Bogen ausgearbeitet hatte. Ich hielt mich zwey Monate in Sarepta auf, und verließ diesen Ort, um in der kalmukischen Horde zur Ausführung meines Plans, die nothwendigen Vorkenntnisse und Materialien einzusammeln.

бет, Монголию и на Байкал, вернуться домой и занять место возле своего отца в качестве пастора-адьюнкта.

Это было началом великой трагедии его жизни: он был вынужден заниматься профессией, от которой хотел сбежать. Сначала он наслаждался свободой редактирования своего тщательно и живописно написанного трехтомного путеводителя «Кочевнические скитания среди калмыков в 1802–1803 годах» для печати; они были изданы в Риге в 1804 году и сделали его имя известным за пределами его родины [Buchholtz 1911: 29].

Отрывки этого сочинения на русском языке были опубликованы в 1826 г. в «Азиатском вестнике» и «Вестнике Европы». Этот труд Бергмана был настолько важен для европейской науки, что в 1825 он был переведен на французский М. Мори и в виде сокращенного издания был издан под названием «Voyage de Benjamin Bergmann Chez les Kalmuks» [Bergmann 1825].

В 1969 г. его работа снова была переиздана в одном томе в Остерхауте, Нидерландах с введением, написанным Зигфридом Хуммелем (стр. V–VIII) [Bergmann 1969]. Кроме того, она послужила источником сведений для новеллы Томаса де Квинси «Восстание татар» [De Quincey 1899]. В заметках к новелле Уильям Симондс пишет, что сам Де Квинси указывает на это в своей работе «Гомер и Гомериада», где он пишет, что почерпнул информацию о калмыках у Б. Бергмана [De Quincey 1899: 67–68].

В предисловии к своему четырехтомному труду Б. Бергман пишет, почему он выбрал для своих дорожных заметок форму повествования в виде писем:

Для первого очерка в этом томе я выбрал эпистолярный стиль, отчасти потому, что это дало мне больше свободы в изложении обычаев и традиций калмыков без систематического порядка, а отчасти потому, что я думал, что это больше привлекает внимание читателя. Между прочим, я адресовал эти письма одному из моих самых близких друзей, память о котором тем более запечатлелась в моей душе неизгладимыми чертами, поскольку он один из тех редких людей, среди сотни прекрасных черт характера которых я не за-

метил ни одного изъяна. Фёдор Давидович Дюбуа (Feder Dawiditsch Dubois)!¹ [Beniamin Bergmann 1804–1805: 22–23].

Следует сказать о некоторых сочинениях, опубликованных в четырёх томах.

1 том

Первый том открывается предисловием, после которого идут письма 1–15, написанные Б. Бергманом во время его пребывания у калмыков. Эти письма продолжают в четвертом томе, их общее количество равно тридцати семи. Они содержат этнографические наблюдения о калмыках: «Письма из калмыцкой степи» — «Briefe aus der Kalmüken steppe» (том 1, стр. 32–138).

В первом томе также представлена история возвращения торговцев из России в Китай в 1771 г.: «Попытка к составлению истории бегства калмыков с Волги» — «Versuch zur Geschichte der Kalmükenflucht von der Wolga» (том 1, стр. 140–246). Это повествование Бергмана остается одним из важных источников, поскольку ему удалось получить многие подробности от очевидца М. С. Веселова, который был взят торговцами в плен.

Первый том также содержит перевод тринадцати рассказов «Сиддхи кюра»: «Сиддхи кюра. Монгольские сказки» — «Ssiddi-Kür. Mongolische Erzählungen» (том 1, стр. 248–351).

В конце тома помещены образцы «ясного письма», по всей видимости, написанные рукой Б. Бергмана, вместе с надписанным переводом и транскрипцией.

2 том

Второй том содержит подробное описание жизни и обычаев калмыков: «Калмыки между Волгой и Доном. Описание обы-

---

¹ Zu dem ersten Aufsätze dieses Bandes wählte «ich die Form von Briefen, theils weil mir diese mehr Freiheit gab ohne systematische Ordnung die Sitten und Gebräuche der Kalmuken darzustellen, theils auch, weil ich dadurch die Aufmerksamkeit Lesers mehr zu reizen glaubte. Uebrigens bestimmte ich diese Briefe für einen meiner theuersten Freunde, dessen Andenken sich um so mehr mit unauslöschlichen Zügen in meine Seele gegraben hat, da er einer vor den seltenen Menschen ist, an welchen ich unter hundert schönen Charakterzügen, keine Charakterflecken bemerkt habe. Feder Dawiditsch Dubois!

чаев» — «Die Kalmüken zwischen der Wolga und dem Don. Ein Sittengemälde» (том 2, стр. 1–322).

Том также содержит краткую информацию о калмыцкой медицине, хронологии и астрологии: «Из науки калмыков» — «Von den Wissenschaften der Kalmücken» (стр. 324–340).

«Калмыцкие анекдоты» — «Kalmükische Anekdoten» (том 2, стр. 342–352).

3 том

В третьем томе содержатся описание буддийской религиозной системы: «Идеи для описания тибетско-монгольской системы обучения» — «Ideen zu einer Darstellung des tibetanisch-mongolischen Lehr systems» (том 3, стр. 22–70).

В томе также находится трактат о религиозных обрядах калмыков: «Религиозная служба калмыков» — «Die Religionsdienst der Kalmüken» (том 3, стр. 72–184).

Том содержит текст по космологии, известный на монгольском как Yertüncü-yin toli: «Зеркало мира. Монгольский документ» — «Der Weltspiegel. Eine mongolische Urkunde» (том 3, стр. 186–230).

Б. Бергман перевел на немецкий две главы из эпоса «Гесер»: «Богдо Гесер-хан. Монгольское религиозное сочинение в 2 книгах» — «Bokdo Gässärchan. Eine mongolische Religionsschrift in 2 Büchern» (том 3, стр. 232–284).

В этом же томе находится перевод монгольской версии популярной Вишвантара-джатаки, на монгольском «Ушандар-хан»: «Ушандар-хан. Монгольское религиозное сочинение» — «Uschandarchan. Eine mongolische Religionsschrift» (том 3, стр. 286–302).

4 том

Четвертый том содержит сказку, известную под названиями «Oyouн čiketü хāн күböүн» и «Guу хāн күböүн»: «Го чикиту. Религиозное сочинение в четырех книгах, с монгольского» — «Goh Tschikitu, eine Religionsurkunde in vier Büchern, aus dem Mongolischen» (том 4, стр. 14–180).

В том же томе опубликована одна из глав калмыцкого эпоса «Джангар»: «Героическая песня из Джангариады» — «Ein Heldengesang aus der Dschangariade» (том 4, стр. 182–214).

Том закрывают письма с 16 по 37, о которых говорилось выше: «Письма из калмыцкой степи. (Завершение)» — „Briefe aus der Kalmükten steppe. (Beschluß)“ (том 4, стр. 216–355).

Спустя два года после публикации этого важного труда у него появилась еще одна возможность принять участие в запланированной министром графом Н. П. Румянцевым¹ экспедиции, на этот раз вглубь Азии. Сам министр желал уговорить Бенджамина к участию, так что он сам должен был поставить свои условия. Но и этот прекрасный план окончился безрезультатно, и таким образом было решено будущее Бенджамина: в 1806 г. он стал пастором в Эрлаа в Венденском округе, а еще до смерти отца — его преемником в Руйене [Buchholtz 1911: 29].

Единственное, что давало ему удовольствие и полное удовлетворение — это спокойная работа над бумагами. Глубоко вникнув в свои лингвистические и исторические исследования за рабочим столом, он забывал о своих намерениях и желаниях, даже кофе по утрам и еду во время обеда. Он устроил работу и спальню в маленьком домике, в построенном в саду его отцом «общезитии». Там, в библиотеке отца, где во время своих визитов размещались только лучшие друзья, был его мир, «пять прохладных маленьких комнат, вдали от стука тарелок и чашек, а также завывания собак и домашнего гоготания» [Buchholtz 1911: 29–30].

Уже в московское время Бенджамин много занимался историей Петра I; предварительным произведением были «Новые анекдоты Петра I»², которые он отредактировал, основываясь на труде

---

¹ Граф Николай Петрович Румянцев (Румянцов) (3 (14) апреля 1754 г. — 3 (15) января 1826 г.) — русский государственный деятель, в годы Наполеоновских войн занимавший пост министра иностранных дел.

Известен также как меценат, коллекционер, основатель Румянцевского музея, покровитель первого русского кругосветного плавания. Почётный член Императорской Российской академии (1819). Сын военачальника Петра Александровича Румянцева.

² Neue Anekdoten von Peter d. Grossen, gesammelt durch J. Golikow. Nach d. ruse. Original bearbeitet. Riga u. Leipzig, 1802. 8°. — 2-е изд. съ перепечетвою заглавия, 1810.

автора писателя Голикова¹. В Эрлаа он заинтересовался историей Ливонии. Когда-то широко читались его изданные в 1806 г. «Исторические труды: «Паткуль перед судом потомков»² и «Календарные волнения в Риге в 1585–1590 годах». В Руйене, однако, он вернулся к своему Петру, и родился план подробного биографического труда о великом реформаторе своей империи и народа, особенно смелое дело в удалении от архивов и библиотек [Buchholtz 1911: 30].

Но железное усердие, которое не жалеет усилий, позволило ему достичь амбициозной цели за годы непрерывной работы. Сегодня мы едва ли сможем получить реальную картину тревог и трудностей, которые были у писателя в то время. Хотя друг Бенджамина Петерсен охотно снабжал Бенджамина книгами и журналами из библиотеки Дерптерского университета, которую он администрировал, и пытался как можно больше помочь ему преодолеть трудности с цензурой, бедный писатель часто впадал в отчаяние из-за препятствий, которые продолжали накапливаться. Но что его еще больше ранило, так это то, что даже его самый верный друг, который метко судил все литературные вопросы,

---

¹ Иван Иванович Голиков (1735, Курск – 1801, село Анашкино, Звенигородский уезд, Московская губерния) — русский историк, предприниматель, надворный советник (1799). Известен главным образом исследованием «Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России» — одной из первых попыток систематизировать данные о петровских преобразованиях. Дед переводчицы А. В. Каразиной, прапрадед художника Н. Н. Каразина. По преданию, он, стоя на коленях перед Медным всадником, поклялся самому себе написать историю Петра Великого.

Жил в Москве, у дочери Бланкеннагель Пелагеи Ивановны в селе Анашкине. Переселившись в Москву, он все остальные годы жизни работал над выполнением своего обещания. Большую помощь ему оказали И. И. Неплюев, П. И. Рычков, И. И. Шувалов, Крекшин, граф А. Р. Воронцов, княгиня Е. Р. Дашкова, особенно Г. Ф. Миллер и Н. Н. Бантыш-Каменский. Голиков использовал народные предания, материалы московских букинистов и различных архивов, включая архив Академии наук и архив Иностранной коллегии (не ранее 1789 г.). Свой *magnum opus* И. И. Голиков издал в 1788–1789 гг. под названием Деяния Петра Великого; в 1790–1797 гг. выпустил 18 томов «Дополнений».

² Первая часть, Извлечение на русс, в Вестнике Европы. Ч. 30, № 21, 1806 г. и на франц. в Archives litteraires 1806, Т. X–XII.

медлил со своей критикой «Петра» и прятался за всевозможными остроумными оправданиями: он скорее пожертвует свою пешку или встанет на колени на зерно, чем прочитает опус, посвященный русской истории, или же он понимал столько же об историческом стиле, сколько курица понимает геральдику. Бенджамин требовал искренности, но Петерсен знал только слишком хорошо чувствительность старого друга, которую он боялся оскорбить открытым суждением, так как недостатки произведения были так же мало скрыты от него, как и от ученого петербургского академика Ф. И. Круга¹, который вылил свою неумолимую критику в адрес автора, как горькое зелье с откровенной уверенностью на благо ему и произведению. Шесть томов «Петра Великого как человека и правителя», вышедших между 1823 и 1830 гг., могут претендовать только на заслугу сборника, который, однако, был очень тщательно составлен [Buchholtz 1911: 30].

Поэтому он был вдвойне разочарован: работа была принята более чем прохладно, даже там, где следовало ожидать благосклонного интереса, расходы на печать утопили его в долгах; все получилось совершенно иначе, чем он ожидал. Награда за усилия, в которые автор вложил пол своей жизни, отдавая дань уважения великому царю, досталась переводчику² [Buchholtz 1911: 31].

За популяризацию истории Петра издатель был награжден императором Николаем I двумя перстнями [Казакова 2009: 79]. Перевод с немецкого, в отличие от немецкого оригинала, был настолько благосклонно принят русскими критиками, что Аладьину удалось устроить второе сокращенное издание своего перевода в 1840 г.

После смерти своего лучшего друга Петерсона, жизнь Бенджамина стала беднее и более одинокой. Если до этого, будучи по своей природе затворником, он любил уединение, то теперь ему не

¹ Филипп Иванович Круг (нем. Johann Philipp Krug, 1764–1844) — археолог, нумизмат и историк.

² Аладьин Егор Васильевич (1796–1860), писатель, издатель альманахов. В 1833 г. издал перевод с немецкого сочинения Б. Бергмана «История Петра Великого», 6 частей. Второе издание «Истории Петра Великого» (1840 г.) имело большой успех. Экземпляр «Истории Петра» первого издания 1833 г. был в библиотеке А. С. Пушкина.

хватало единственного друга, которому он мог, не таясь, открыть свою душу. Чувствительность в паре с легко вызываемым недоверием, быстро ранимое чувство чести заставляли его держать людей как можно дальше от себя [Buchholtz 1911: 32].

В 1804 г. он женился на Элеоноре Вильгельмине Польхов (1780–1846) [Bergmann 1886: 62], дочери советника юстиции Полхова, который эмигрировал из Пархима¹ в Мекленбург и жил в качестве юриста и герцогского придворного чиновника в Аренсбурге, Риге и Митау. Бенджамин был счастлив в браке благодаря самоотверженности и непоколебимой любви своей жены. Он оставил своей жене всю заботу о доме и управление и воспитание его детей [Buchholtz 1911: 33].

В этом браке у них родилось шестеро детей:

1) Рихард (2 июля 1805 г., в Риге² – 13 января 1878 г. в Дерпте).
2) Элеонора Элизабет (10 февраля 1807 г., р. в Эрлаа – 11 сентября 1867 г., в Эльберфельде).

3) Каролина Амалия (5 июня 1808 г., в Эрлаа – декабрь 1872 г., в Эльберфельде, незамужняя в доме своего зятя Фельднера).

4) сестра-близнец Полин Шарлотта (23 августа 1813 г. в Медершофе – ?).

5) сестра-близнец Минна (Вильгельмина) Августа (23 августа 1813 г. в Медершофе – 1840 г. в Биеновице в Силезии).

6) Карл Густав (27 августа 1816 г. – 1 декабря 1836 г. в Биеновице в Силезии у своей сестры Вильгельмины Августы в замужестве Коппен) [Eduard Bergmann 1886: 62–63, 65].

Но даже в своей семье он много страдал. Его младший сын Густав был особенно дорог ему. Богато одаренный и любимый всеми за свои приятные качества, он разделял научные интересы своего отца, который хотел открыть ему профессию, от которой сам когда-то был вынужден отказаться. Густав изучал классическую

¹ Пархим (нем. Parchim) — город в Германии, административный центр района Людвигслуст-Пархим, относящегося к земле Мекленбург-Передняя Померания, расположенный на реке Эльда в 40 км юго-восточнее административного центра федеральной земли.

² На его погребальном камне по ошибке написано «родившийся в Эрлаа», но он родился в Риге [Eduard Bergmann 1886: 62].

и восточную филологию в Берлине, среди его друзей были Эрнст Курций, великий эллинист, и Генрих Крузе, публицист и поэт. Но Густав умер от туберкулеза зимой 1836 г., еще будучи студентом, и две сестры, которые вышли замуж молодыми и счастливыми, последовали за ним к смерти, так что старый отец, испытывая боль, говорил, что у него выбили землю из-под ног [Buchholtz 1911: 33].

В свои 70 лет он передал свой пост сыну Рихарду, покинул Руйен и ушел на пенсию в свое маленькое поместье Блюссен под Венденом¹, которое он приобрел на наследство от Мекленбурга, которое перешло к его жене. Там он, самая трагическая фигура среди предков Эрнста фон Бергмана, скончался в августе 1856 г. почти в возрасте восьмидесяти четырех лет, психически активный и физически подвижный до самой смерти [Buchholtz 1911: 32].

Бенджамин Бергман написал много работ на разных языках, их список, следующий (список дан по Киммель Н. «Сочинения о России на иностранных языках. Антикварный каталог № 68» [Киммель 1910]):

– Chiwa. Schicksale d. Persers Wassilij Michailow unter den Kalmücken, Kirgisen und Chiwensern. Riga 1804. Ppbd.

– Johann Reinhold von Patkul vor dem Richterstuhle der Nachwelt. Leipzig 1806. Hldr. d. Zeit. 5 – Auf dem Titel eine Rasur, sonst schönes Exemplar des seltenen Buches.

– Historische Schriften. 2 Bde. Riga 1806. 4 – I.: Patkul vor dem Richterstuhl der Nachwelt. II: Kalenderunruhen in Riga 1585–90.

– Neue Anekdoten von Peter d. Grossen, gesammelt durch J. Golikow. Nach d. ruse. Original bearbeitet. Riga u. Leipzig, 1802. 8°. 2-е изд. съ перепечетвою за-главия, 1810.

– Miscellen der Russiechen und mongoliechen Literatur. 2 Stücke Riga u. Leipzig, 1802. 8°.

– Taschenbuch für Freunde der deutschen Literatur in Russland. Riga u. Leipzig, 1802. 8°. (История малтийского ордена).

---

¹ Ныне Цēсис[4] (латыш. Звук Cēsis, др.-рус. Кесь, польск. Kieś, эст. Võnnu), Венден (нем. Wenden, лив. Venden) — город в Латвии, административный центр Цесисского края. Расположен на реке Гауя, в 90 км к северо-востоку от Риги. Население — 17,2 тыс. жителей (2016).

– Schiksale des Persers Wassili Michailow unter den Kalmücken, Kirgisen u. Chiwensern. Riga, 1804. 8°.

– Nomadische Streifereien unter den Kalmücken in den J. 1802 u. 1803. 4 Th. Riga, 1804–1805. (Переведено на языки: голландский, Leeuwarden, 1815. 8°; Французкий: Voyage chez les Kalmouks, trad, par Moris, 1825, 8°. Avec 11 pi. Прежде еще тот же переводчик издал; Exposé des principaux dogmes des Tibétains-Mongols, extrait de l'ouvrage de Bergmann. Paris, 1823. 8°. (На русском известие о нем в Вестнике Европы, т. XXIV).

– Historische Schriften. 2 Bde. Leipzig. 1806. 8°.

– Въ 1-й ч. J. R. von Patkul vor dem Richterstuhle der Nachwelt. (Извлечете на русс, в Вестнике Европы. Ч. 30, № 21, 1806 г. и на франц. въ Archives littéraires 1806, Т. X–XII).

– Во 2-й части: Die Kalenderunruhen in Riga in den J. 1585–1590. (Прежде въ Schroder's St. Petersb. Monatsschrift, 1805, № 2 и 3).

Peter der Grosse ale Mensch u. Regent dargestellt. 1. Th. Königsberg, 1823; 2. Mitau, 1824; 3. Riga, 1826; 4. 5. u. 6. Mitau, 1829–1830. — История Петра Великаго. Перев. Ег. Аладьина; 6 ч. II. 1833.

2-е сжатое издание, испр. и умнож. II. 1840–41. 8°.

Magazin für Russlands Geschichte, Länder u. Völkerkunde. 2 Bde. Mitau, 1825 и 1826. 8°. (Въ каждомъ томе три выпуска. Программа вышла в Дерпте, в 1823 г.).

Kristiga mahziba jauneem deewgald neekeem par lobbu sarakstita. Mitau, 1833. 8°.

Ueber den Ursprung der Lettischen Sprache. (Magazin der Lettisch-litt. Gesel. 1838. VI, 1–425).

Denkmal den Mitbefreiern Teutech-lands gewidmet. Oder Beschreibung der Kosakes, Tataren, Kalmücken etc. Altona. 12°.

Кроме того, отрывки из Истории Петра Великого и разные статьи в периодических изданиях прибалтийской губернии; они указаны при его биографии: Recke u. Napiereky Lexicon, 1, 129–132 u. Nachtrag I, 61.

Napiersky'e Beiträge zur Geseh. der Kirchen una Prediger in Livland, Heft II, 17. — Некрологъ (сына его) въ Ulmanns Mittheilungen u Nachrichten für die Lvang. Geistlichkeit Russlands, XII, (1856), 481–487.

Литература

- Баянова, Куканова 2016 — *Баянова А. Т., Куканова В. В.* Ранние словари: история книги и книга в истории (на примере рукописных словарей калмыцкого языка) // Полевые исследования. Элиста: КалМНЦ РАН, 2016. С. 92–103.
- Киммель 1910 — *Киммель Н.* Сочинения о России на иностранных языках: Антикварный каталог № 68, книжный магазин и антикварная торговля в Риге. Рига, 1910. 172 с.
- Кондаков 2018 — *Кондаков А. П.* Краткий обзор переводов Библии на калмыцкий язык. Родной язык Лингвистический журнал 2, Москва: Институт перевода Библии 2018. С. 150–166.
- Русский биографический словарь 1900 — Русский биографический словарь: Алексинский — Бестужев-Рюмин / Изд. под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического Общества А. А. Половцова. Т. 2. Санкт-Петербург: тип. Главного упр. уделов, 1900 [2]. 796 с.
- Bergmann 1825 — *Bergmann Benjamin.* Voyage de Benjamin Bergmann, chez les Kalmuks. Traduit de l'Allemand par M. Moris. Chatillon-sur-Seine, C. Cornillac, 1825. Pp. XXVIII, 361.
- Bergmann 1969 — *Bergmann Benjamin.* Nomadische Streifereien unter den Kalmücken in den Jahren 1802 und 1803. Mit einer Einführung von Siegbert Hummel. Oosterhout, Anthropological Publications. 1969. VIII + 342 p
- Bergmann 1886 — *Bergmann Eduard von.* Des Palm Bergmann Nachkommen 1672–1886. Riga: N. Kymmell, 1886. 95 p.
- Bergmann 1804–1805 — *Benjamin Bergmann.* Nomadische Streifereien unter den Kalmüken in den Jahren 1802 und 1803. Erster Theil, Riga, 1804, 352 pp., 12 facs.; zweiter Theil, Riga, 1804, 352 pp.: dritter Theil, Riga, 1804, 302 pp.; vierter Theil, Riga, 1805, 356 pp.
- Bergmann 1896 — *Bergmann Ernst von.* Von unseren Vorfahren: eine Familienchronik. Zwei Theil. Berlin: Schumacher 1896. p. 646.
- Buchholtz 1911 — *Buchholtz Arend.* Ernst von Bergmann. Mit Bergmanns Kriegsbriefen von 1866, 1870/71 und 1877. Leipzig: Verlag von F. C. W. Vogel. 1911. 646 p.
- De Quincey 1899 — *De Quincey Thomas.* De Quincey's Revolt of the Tartars. New York; London; Bombay: Longmans, Green, and Co., 2899. Boston: Ginn & Company, Publishers, 1899. XVI + 96 p.

- Kohls 1971 — *Kohls Winfred A.* German settlement on the Lower Volga; a case study: the Moravian community at Sarepta, 1763–1892. Nazareth: Moravian Historical Society. Transactions of the Moravian Historical Society, 1971, Vol. 22, No. 2 (1971). Pp. 47–99.
- Rosén 2008–2009 — *Rosén Staffan.* The Translation History of the Mongolian Bible. *Mongolian Studies*, 2008 and 2009, Vol. 30/31 (2008 and 2009). Bloomington: Mongolia Society. 2008–2009. Pp. 19–41.
- Schmidt 1836 — *Schmidt Isaak Jakob.* Die Thaten des Vertilgers der zehn Übel in den zehn Gegenden, des verdienstvollen Helden Bogda Gesser Chan: eine mongolische Heldensage: nach einem in Peking gedruckten Exemplare / Podvigi ispolnennago zaslug geroja Bogdy Gesser Chana. St. Petersburg, 1836. 287 p.
- Schmidt 1839 — Schmidt Isaac Jacob. Die Thaten Bogda Gesser Chan's, des Vertilgers der Wurzel der zehn Übel in den zehn Gegenden: eine ostasiatische Heldensage, St. Petersburg, Leipzig. 1839. 287 + 16 p.

УДК 398

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-4-16-176-199

О рукописных списках ойратско-калмыцкого «Гесера», хранящихся в архивных собраниях России и Европы, а также их собирании, описании и публикации

Дамринджав Б.¹, Цаган Бадмаевна Селеева²

¹ Институт национальных литератур Китайской академии общественных наук (5, Цзяньго мэнь нань дацзе, 100732 Пекин, КНР)
доктор филологических наук, профессор
E-mail: damrinjab@yandex.ru

² Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
кандидат филологических наук, научный сотрудник
E-mail: tsagana007@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Бальджин Дамринджав, Селеева Ц. Б., 2020

Аннотация. Эпос «Гесер» в виде устных и письменных сводов известен на огромной территории — от Тибета и Монголии до Южной Сибири и Нижней Волги. По предположению исследователей, монгольская Гесериада сформировалась у древних монгольязычных племен Кукунора на основе устной тибетской версии памятника. Гесер — это не только герой эпоса, с его образом связаны мифологические, религиозные, фольклорные и литературные традиции. Данная статья посвящена истории публикации и хранения рукописных текстов «Гесера» на «ясном письме» в России и в Европе, а также истории записи и публикации устных версий сказания.

Ключевые слова: ойраты, калмыки, эпос «Гесер», устная и книжная традиция, история записи и публикации

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Академии общественных наук Китая в рамках научного проек-

та № 19-512-93002 «Фольклор народов Шелкового пути: ойрат-монголы Китая и калмыки России (от сказки к эпосу)». Материалы статьи апробированы на Международной научной онлайн-конференции «Монголоведение в начале XXI в.: современное состояние и перспективы развития – II», проведенной при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-22004) и частичной поддержке гранта Правительства РФ (№ 075-15-2019-1879).

Для цитирования: Дамринджав Б., Селеева Ц. Б. О рукописных списках ойратско-калмыцкого «Гесера», хранящихся в архивных собраниях России и Европы, а также их собирании, описании и публикации // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 4. С. 176–199. (На ойрат.) DOI: 10.22162/2587-6503-2020-4-16-176-199

UDC 398

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-4-16-176-199

On the handwritten lists of the Oirat-Kalmyk “Geser” kept in the archive collections of Russia and Europe, as well as their collection, description and publication

Danbuer Jiafu¹, Ts. B. Seleeva²

¹ Institute of Ethnic Literature, Chinese Academy of Social Sciences (5 Jiannei Dajie, Beijing 100732 People’s Republic of China)

Ph.D., Professor

E-mail: damrinjab@yandex.ru

² Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Research Associate

E-mail: tsagana007@mail.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Danbuer Jiafu, Seleeva Ts. B. 2020

Abstract. The epos “Geser” in the form of oral and written vaults is known over a vast territory — from Tibet and Mongolia to southern Siberia and the Lower Volga. According to the researchers, the Mongolian Geseriad was established among the ancient Mongol-speaking tribes of Kukulnor on the basis of the oral Tibetan version of the monument. Geser is not only the hero of the epos, his image is also associated with the mythological, religious, folklore and literary traditions. This article is devoted to the history of publication and storage of the handwritten texts of “Geser” in “clear script” in Russia and Europe, as well as the history of recording and publication of oral versions of the legend.

Keywords: Oirats, Kalmyks, epos “Geser”, oral and book traditions, history of recording and publication

Acknowledgement. The research was funded by RFBR and Academy of Social Sciences of China under the scope of research project № 19-512-93002 “The Folklore of the peoples of the Silk Road: Oirat-Mongols of China and Kalmyks of Russia (from fairy tale to epos)”. The article was presented at the international scientific online conference “Mongolian Studies at the beginning of the 21st century: Current State and Development Prospects – II”, held with the financial support of RFBR (project № 20-09-22004) and partial support of the Russian Government Grant (№ 075-15-2019-1879).

For citation: Danbuer Jiafu, Seleeva Ts. B. On the handwritten lists of the Oirat-Kalmyk “Geser” kept in the archive collections of Russia and Europe, as well as their collection, description and publication. In: *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2020. No. 4. Pp. 176–199. (In Oirat) DOI: 10.22162/2587-6503-2020-4-16-176-199

(1) Երևանի քաղաքում 1886 թվականին հիմնադրված «Երևանի քաղաքային խորհուրդ»-ը հիմնականում զբաղվել է քաղաքի տնտեսական և մշակութային կյանքի կարգավորմամբ։ Ինչպես նաև 1886 թվականին հիմնադրված «Երևանի քաղաքային խորհուրդի»-ն իր օրակարգում ներառել էր նաև քաղաքի մշակութային կյանքի կարգավորումը։ Ինչպես նաև 1886 թվականին հիմնադրված «Երևանի քաղաքային խորհուրդի»-ն իր օրակարգում ներառել էր նաև քաղաքի մշակութային կյանքի կարգավորումը։

3. Երևանում հիմնադրված «Երևանի քաղաքային խորհուրդ»-ը հիմնականում զբաղվել է քաղաքի տնտեսական և մշակութային կյանքի կարգավորմամբ։ Ինչպես նաև 1886 թվականին հիմնադրված «Երևանի քաղաքային խորհուրդի»-ն իր օրակարգում ներառել էր նաև քաղաքի մշակութային կյանքի կարգավորումը։

8) «Երևանի քաղաքային խորհուրդի»-ն իր օրակարգում ներառել էր նաև քաղաքի մշակութային կյանքի կարգավորումը։ Ինչպես նաև 1886 թվականին հիմնադրված «Երևանի քաղաքային խորհուրդի»-ն իր օրակարգում ներառել էր նաև քաղաքի մշակութային կյանքի կարգավորումը։

9) «Երևանի քաղաքային խորհուրդի»-ն իր օրակարգում ներառել էր նաև քաղաքի մշակութային կյանքի կարգավորումը։ Ինչպես նաև 1886 թվականին հիմնադրված «Երևանի քաղաքային խորհուրդի»-ն իր օրակարգում ներառել էր նաև քաղաքի մշակութային կյանքի կարգավորումը։

10) «Երևանի քաղաքային խորհուրդի»-ն իր օրակարգում ներառել էր նաև քաղաքի մշակութային կյանքի կարգավորումը։ Ինչպես նաև 1886 թվականին հիմնադրված «Երևանի քաղաքային խորհուրդի»-ն իր օրակարգում ներառել էր նաև քաղաքի մշակութային կյանքի կարգավորումը։

11) «Երևանի քաղաքային խորհուրդի»-ն իր օրակարգում ներառել էր նաև քաղաքի մշակութային կյանքի կարգավորումը։ Ինչպես նաև 1886 թվականին հիմնադրված «Երևանի քաղաքային խորհուրդի»-ն իր օրակարգում ներառել էր նաև քաղաքի մշակութային կյանքի կարգավորումը։

УДК 398

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-4-16-200-212

Текстуализация эпических текстов и формирование функциональных глав: текстологический анализ песни о воскрешении богатырей в монгольском «Гэсэре»

Юлан¹, Цаган Бадмаевна Селеева²

¹ Институт национальных литератур Китайской академии общественных наук (5, Цзяньго мэнь нань дацзе, 100732 Пекин, КНР)
старший научный сотрудник
E-mail: yulan_003@163.com

² Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
кандидат филологических наук, научный сотрудник
E-mail: tsagana007@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Юлан, Селеева Ц. Б., 2020

Аннотация. Монгольский «Гэсэр» представляет собой эпический цикл, состоящий из многих песен, который первоначально состоял из одной или нескольких глав. В процессе формирования цикла некоторые главы обретают структурные и функциональные особенности, отличные от традиционных монгольских эпосов, и эти нетипичные черты характеризуют уникальность процесса формирования и функционирования некоторых глав эпоса. Одним из таких текстов с нетипичными чертами в структуре, теме и сюжете является глава о воскрешении богатырей Гэсэра. В данной статье на основе структурного анализа дан сравнительный анализ этой главы с текстом монгольской исторической летописи «Алтан тобчи». Предполагается, что формирование нетипичной структуры этой главы ориентировано на ее уникальную функцию, то есть происходит трансформация традиционных функций как повествовательной, так и лириче-

ской частей этой главы. Повествовательная часть несет дискурсивную функцию соединения других самостоятельных глав и логическую функцию соединения «Гэсэра» с монгольской героической эпической традицией, в то время как лирическая часть раскрывает самостоятельность и героичность сюжета, позволяя тем самым простому сюжету стать самостоятельной героической эпической главой.

Ключевые слова: «Гэсэр», мотив воскрешения, ода, функция

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Академии общественных наук Китая в рамках научного проекта № 19-512-93002 «Фольклор народов Шелкового пути: ойрат-монголы Китая и калмыки России (от сказки к эпосу)». Материалы статьи апробированы на Международной научной онлайн-конференции «Монголоведение в начале XXI в.: современное состояние и перспективы развития – II», проведенной при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-22004) и частичной поддержке гранта Правительства РФ (№ 075-15-2019-1879).

Для цитирования: Юлан, Селеева Ц. Б. Текстурализация эпических текстов и формирование функциональных глав: текстологический анализ песни о воскрешении богатырей в монгольском «Гэсэре» // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 4. С. 200–212. (На ойрат.) DOI: 10.22162/2587-6503-2020-4-16-200-212

UDC 398

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-4-16-200-212

Textualization of Epic Texts and the Formation of Functional Chapters: Textual Analysis of the Song about the Resurrection of Heroes in the Mongolian “Geser”

Yu Lan¹, Tsagan B. Seleeva²

¹Institute of Ethnic Literature, Chinese Academy of Social Sciences
(5 Jiannei Dajie, Beijing 100732, People’s Republic of China)
Cand. Ph. (Philology), Senior Researcher
E-mail: yulan_003@163.com

² Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Research Fellow

E-mail: tsagana007@mail.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Yu Lan, Seleeva Ts. B., 2020

Abstract. The Mongolian “Geser” is an epic cycle consisting of many songs, which originally consisted of one or more chapters. In the process of forming the cycle, some chapters acquire structural and functional features that differ from traditional Mongolian epics, and these atypical features characterize the uniqueness of the process of formation and functioning of some chapters of the epic. One of these texts with atypical features in the structure, theme and plot is the chapter on the resurrection of the heroes of Gesar. In this article, on the basis of structural analysis, a comparative analysis of this chapter with the text of the Mongolian historical chronicle “Altan Tobchi” is given. It is assumed that the formation of an atypical structure of this chapter is focused on its unique function, that is, there is a transformation of the traditional functions of both the narrative and lyrical parts of this chapter. The narrative part has the discursive function of connecting other independent chapters and the logical function of connecting “Geser” with the Mongolian heroic epic tradition, while the lyrical part reveals the independence and heroism of the plot, thereby allowing the simple plot to become an independent heroic epic chapter.

Keywords: “Geser”, motif of the resurrection, ode, function

Acknowledgement. The research was funded by RFBR and Academy of Social Sciences of China under the scope of research project № 19-512-93002 “The Folklore of the peoples of the Silk Road: Oirat-Mongols of China and Kalmyks of Russia (from fairy tale to epos)”. The article was presented at the international scientific online conference “Mongolian Studies at the beginning of the 21st century: Current State and Development Prospects – II”, held with the financial support of RFBR (project № 20-09-22004) and partial support of the Russian Government Grant (№ 075-15-2019-1879).

For citation: Yu Lan, Seleeva Ts. B. Textualization of Epic Texts and the Formation of Functional Chapters: Textual Analysis of the Song about the Resurrection of Heroes in the Mongolian “Geser”. In: *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2020. No. 4. Pp. 200–212. (In Oirat.) DOI: 10.22162/2587-6503-2020-4-16-200-212

- [9] 石泰安：《西藏史诗和说唱艺人》，耿胜译，中国藏学出版社，2012年，第178页。
- [8] 谢·尤·涅克留多夫：《蒙古人民的英雄史诗》，徐昌汉、高文凤等译，内蒙古大学出版社，1991年。
composer who is above tradition. Nagy Gregory. 1996. Homeric Questions. University of Texas Press. p19.
- [7] Unity and organization of the Homeric poems is a result of the performance tradition itself, not a cause effected by a
- [6] 谢·尤·涅克留多夫：《蒙古人民的英雄史诗》，徐昌汉、高文凤等译，内蒙古大学出版社，1991年，第204页。
- [5] 石泰安：《西藏史诗和说唱艺人》，耿胜译，中国藏学出版社，2012年，第6期。
- [4] 玉兰：《隆福寺格尔斯尔与木刻本格尔斯尔的双重关系：隆福寺格尔斯尔第十、十二章文本对比分析》，《民间文化论坛》
- [3] 石泰安：《西藏史诗和说唱艺人》，耿胜译，中国藏学出版社，2012年，第114页。
- [2] 谢·尤·涅克留多夫：《蒙古人民的英雄史诗》，徐昌汉、高文凤等译，内蒙古大学出版社，1991年，第2页。
144.
- [1] Дамдинсүрэн Ц. 2017. Эрдэм Шинжилгээний Бүтээлийн Чуулган, Боти. "Соёмбо принтинг" ХХК-д хэвлэв. Х. 117-
дугуй хуудас:
- ор тус тусад нь "ХХК" "Соёмбо принтинг" ХХК-д хэвлэв. Х. 117-дугуй хуудас.
- "ХХК" "Соёмбо принтинг" ХХК-д хэвлэв. Х. 117-дугуй хуудас.
- "ХХК" "Соёмбо принтинг" ХХК-д хэвлэв. Х. 117-дугуй хуудас.

УДК 398.22 + 821.581

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-4-16-213-230

Элементы китайской культуры в сказании о «Боди Мерген-хане»

*Чао Гету*¹

¹ Центральный университет национальностей (д. 27, Южный проспект Чжунгуаньцунь, район Найдянь, 100081 Пекин, КНР)
доктор филологических наук, профессор
E-mail: chaogetu1964@163.com

© КалмНЦ РАН, 2020

© Чао Гету, 2020

Аннотация. Восемнадцать глав эпического сказания «Покоритель западных земель Боди Мерген-хан» (краткое название — «Боди Мерген-хан») были записаны в середине прошлого века академиками Б. Ринченом и Ц. Дамдинсурэном у знаменитого чахарского сказителя и музыканта Олзейин Лубсан-хуурчи (1949–2019) из Внутренней Монголии. В 1960 г. текст этого сказания был опубликован Б. Ринченом в Германии. Однако работ, посвященных анализу содержания этого сказания, оказалось не так много. В данной статье рассматриваются заимствования из китайского языка, влияние китайской устной и письменной традиций, которые нашли свое отражение в тексте сказания «Боди Мерген-хан». Среди других заимствований из китайской культурной традиции следует указать на присутствие в тексте китайских регалий у разного уровня правителей, традиционное для китайской культуры представление о правителе как продолжателе рода дракона, о первопредках, вознесшихся на небеса и ставших гениями-хранителями народа, а также традиционного для китайской простонародной литературы мотива «продажи волос (косы)».

Ключевые слова: Лобсан-хуурчи, эпос «Боди Мерген-хан», заимствования из китайского языка, влияние устной и письменной китайской культуры

Благодарность. Материалы статьи апробированы на Международной научной онлайн-конференции «Монголоведение в начале XXI в.: совре-

менное состояние и перспективы развития – II», проведенной при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-22004) и частичной поддержке гранта Правительства РФ (№ 075-15-2019-1879).

Для цитирования: Чао Гету. Элементы китайской культуры в сказании о «Боди Мерген-хане» // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 4. С. 213–230. (На ойрат.) DOI: 10.22162/2587-6503-2020-4-16-213-230

UDC 398.22 + 821.581

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-4-16-213-230

The Elements of Chinese Culture in the Legend of Bodi Mergen-Khan

*Chaogetu*¹

¹Central University for Nationalities (27, Zhongguancun St., Haidian Distr., Beijing 100081, China)
Ph.D. (Philology), Professor
E-mail: chaogetu1964@163.com

© KalmSC RAS, 2020

© Chaogetu, 2020

Abstract. The eighteen chapters of the epic legend “The Conqueror of the Western Lands BodiMergen-Khan” (a short title — “Bodi Mergen-Khan”) were recorded in the middle of the last century by the academicians B. Rinchen and Ts. Damdysuren from the famous Chakhar story-teller and musician Olzein Lubsan-khuurchi (1949–2019) from Inner Mongolia. In 1960, the text of the legend was published by B. Rinchen in Germany. However, there are not many works on the content analysis of the legend. This article discusses the Chinese loan words, the influence of the Chinese oral and written traditions that were reflected in the text of the legend “Bodi Mergen-Khan”. Among other borrowings from Chinese cultural traditions, one should point out the Chinese regalia of the rulers of different levels, the Chinese traditional perception of the ruler as the successor of the Dragon line, the forefathers who ascended to

heaven and became geniuses-guardians of the people, as well as the motif of “selling hair (braids)” traditional for Chinese folk literature.

Keywords: Lobsan-khuurchi, epos “Bodi Mergen-Khan”, Chinese loan words, the influence of Chinese oral and written culture

Acknowledgement. The article was presented at the international scientific online conference “Mongolian Studies at the beginning of the 21st century: Current State and Development Prospects – II”, held with the financial support of RFBR (project № 20-09-22004) and partial support of the Russian Government Grant (№ 075-15-2019-1879).

For citation: Chaogetu. The Elements of Chinese Culture in the Legend of Bodi Mergen Khan. In: *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2020. No. 4. Pp. 213–230. (In Oirat.) DOI: 10.22162/2587-6503-2020-4-16-213-230

(1) 𠄎𠄎 𠄎𠄎 (𠄎 jīn) 𠄎𠄎 𠄎𠄎 .. (P83) 𠄎𠄎 (𠄎 jīn) 𠄎 𠄎𠄎𠄎𠄎 𠄎 𠄎𠄎𠄎𠄎
𠄎𠄎𠄎 (𠄎𠄎𠄎 𠄎 𠄎𠄎𠄎 𠄎𠄎𠄎𠄎 𠄎𠄎 𠄎𠄎𠄎𠄎𠄎 𠄎𠄎𠄎𠄎 .. 𠄎𠄎𠄎𠄎𠄎𠄎 :

𠄎𠄎𠄎𠄎 𠄎𠄎𠄎𠄎𠄎 𠄎𠄎 (𠄎𠄎𠄎𠄎) 《 𠄎𠄎 𠄎𠄎𠄎 𠄎𠄎𠄎𠄎 》 𠄎 𠄎𠄎𠄎𠄎 𠄎𠄎 𠄎𠄎𠄎 𠄎𠄎 𠄎𠄎𠄎𠄎𠄎
(𠄎𠄎𠄎) 𠄎𠄎𠄎 (𠄎𠄎𠄎𠄎 𠄎𠄎𠄎𠄎 𠄎𠄎 𠄎𠄎𠄎𠄎 𠄎𠄎𠄎𠄎 𠄎𠄎𠄎𠄎𠄎 𠄎𠄎𠄎𠄎)

𠄎𠄎𠄎 𠄎 𠄎𠄎𠄎 𠄎 𠄎𠄎𠄎 𠄎𠄎𠄎 𠄎𠄎𠄎𠄎𠄎𠄎𠄎𠄎 .

𠄎𠄎𠄎𠄎𠄎𠄎𠄎 𠄎𠄎 𠄎𠄎𠄎𠄎𠄎 𠄎𠄎𠄎𠄎𠄎 𠄎𠄎𠄎𠄎 . 𠄎𠄎 𠄎 𠄎𠄎𠄎𠄎 𠄎𠄎𠄎𠄎𠄎 𠄎𠄎 𠄎𠄎𠄎 𠄎𠄎𠄎𠄎𠄎 𠄎𠄎𠄎𠄎𠄎
𠄎𠄎𠄎𠄎𠄎 𠄎𠄎𠄎𠄎 𠄎𠄎𠄎𠄎 𠄎𠄎𠄎𠄎 𠄎𠄎𠄎𠄎 𠄎 《 𠄎𠄎 𠄎𠄎𠄎 𠄎𠄎𠄎𠄎 》 𠄎 𠄎𠄎𠄎𠄎 𠄎𠄎 𠄎𠄎 𠄎𠄎
𠄎𠄎𠄎 𠄎 𠄎𠄎𠄎𠄎𠄎 𠄎𠄎𠄎 𠄎𠄎𠄎 𠄎𠄎𠄎𠄎𠄎 𠄎𠄎𠄎𠄎𠄎 𠄎𠄎𠄎 𠄎𠄎𠄎 𠄎𠄎𠄎 𠄎𠄎𠄎𠄎 𠄎𠄎𠄎𠄎𠄎 𠄎𠄎𠄎𠄎 𠄎𠄎𠄎
𠄎𠄎𠄎𠄎 𠄎𠄎𠄎 𠄎𠄎 𠄎𠄎𠄎𠄎 𠄎 𠄎𠄎𠄎 𠄎𠄎𠄎𠄎𠄎 𠄎𠄎𠄎 𠄎𠄎𠄎𠄎 𠄎𠄎𠄎𠄎 𠄎𠄎𠄎𠄎𠄎 𠄎𠄎𠄎𠄎 𠄎𠄎𠄎 𠄎𠄎
𠄎𠄎𠄎𠄎𠄎𠄎 𠄎𠄎𠄎𠄎 . 𠄎𠄎𠄎 𠄎𠄎𠄎 𠄎𠄎𠄎𠄎𠄎 𠄎𠄎𠄎𠄎𠄎𠄎𠄎𠄎 𠄎𠄎𠄎 𠄎𠄎𠄎 𠄎𠄎𠄎 . 𠄎𠄎𠄎𠄎 𠄎𠄎𠄎𠄎
𠄎𠄎𠄎𠄎 . 𠄎𠄎𠄎𠄎 𠄎𠄎𠄎𠄎𠄎𠄎𠄎 𠄎𠄎𠄎 𠄎𠄎𠄎𠄎𠄎 𠄎𠄎𠄎𠄎 𠄎𠄎𠄎𠄎 . 𠄎𠄎𠄎 𠄎 𠄎𠄎𠄎𠄎 𠄎𠄎𠄎𠄎𠄎 𠄎𠄎𠄎
𠄎𠄎𠄎𠄎 𠄎𠄎𠄎𠄎 𠄎𠄎𠄎𠄎 𠄎𠄎𠄎 𠄎𠄎𠄎 𠄎 𠄎𠄎𠄎 𠄎 𠄎𠄎𠄎 𠄎 𠄎𠄎𠄎 𠄎 𠄎𠄎𠄎𠄎𠄎

(14) 𠄎𠄎 𠄎𠄎 𠄎 𠄎𠄎𠄎𠄎 . 𠄎𠄎 𠄎 𠄎𠄎𠄎 (𠄎 pèn) 𠄎 𠄎𠄎𠄎𠄎𠄎 (P24)

(13) 𠄎𠄎 𠄎𠄎 (𠄎 qīng chá) 𠄎 𠄎𠄎𠄎𠄎 . 𠄎𠄎 𠄎 𠄎𠄎𠄎 𠄎 𠄎𠄎𠄎𠄎𠄎 (P24)

(12) 𠄎𠄎𠄎 (𠄎 gào shì) 𠄎𠄎𠄎 𠄎𠄎 . (P20)

𠄎𠄎𠄎 𠄎 𠄎𠄎 𠄎𠄎𠄎𠄎𠄎 . (P4)

𠄎𠄎𠄎 𠄎𠄎𠄎 𠄎𠄎𠄎 (𠄎) 𠄎𠄎𠄎𠄎 𠄎𠄎 𠄎𠄎 𠄎𠄎 (𠄎 wáng) 𠄎𠄎𠄎 𠄎𠄎

(11) 𠄎𠄎𠄎/𠄎𠄎 𠄎𠄎𠄎 𠄎𠄎𠄎 𠄎𠄎 (𠄎 wáng) . 𠄎𠄎 𠄎𠄎𠄎 𠄎𠄎𠄎 𠄎 𠄎𠄎𠄎𠄎
P69)

𐎠𐎢𐎪𐎫𐎠𐎡𐎢𐎡 𐎡𐎢𐎣𐎤𐎥𐎦𐎧𐎨𐎩𐎪𐎫𐎬𐎭𐎮𐎯𐎰𐎱𐎲𐎳𐎴𐎵𐎶𐎷𐎸𐎹𐎺𐎻𐎼𐎽𐎾𐎿𐏀𐏁𐏂𐏃𐏄𐏅𐏆𐏇𐏈𐏉𐏊𐏋𐏌𐏍𐏎𐏏𐏐𐏑𐏒𐏓𐏔𐏕𐏖𐏗𐏘𐏙𐏚𐏛𐏜𐏝𐏞𐏟𐏠𐏡𐏢𐏣𐏤𐏥𐏦𐏧𐏨𐏩𐏪𐏫𐏬𐏭𐏮𐏯𐏰𐏱𐏲𐏳𐏴𐏵𐏶𐏷𐏸𐏹𐏺𐏻𐏼𐏽𐏾𐏿𐐀𐐁𐐂𐐃𐐄𐐅𐐆𐐇𐐈𐐉𐐊𐐋𐐌𐐍𐐎𐐏𐐐𐐑𐐒𐐓𐐔𐐕𐐖𐐗𐐘𐐙𐐚𐐛𐐜𐐝𐐞𐐟𐐠𐐡𐐢𐐣𐐤𐐥𐐦𐐧𐐨𐐩𐐪𐐫𐐬𐐭𐐮𐐯𐐰𐐱𐐲𐐳𐐴𐐵𐐶𐐷𐐸𐐹𐐺𐐻𐐼𐐽𐐾𐐿𐑀𐑁𐑂𐑃𐑄𐑅𐑆𐑇𐑈𐑉𐑊𐑋𐑌𐑍𐑎𐑏𐑐𐑑𐑒𐑓𐑔𐑕𐑖𐑗𐑘𐑙𐑚𐑛𐑜𐑝𐑞𐑟𐑠𐑡𐑢𐑣𐑤𐑥𐑦𐑧𐑨𐑩𐑪𐑫𐑬𐑭𐑮𐑯𐑰𐑱𐑲𐑳𐑴𐑵𐑶𐑷𐑸𐑹𐑺𐑻𐑼𐑽𐑾𐑿𐒀𐒁𐒂𐒃𐒄𐒅𐒆𐒇𐒈𐒉𐒊𐒋𐒌𐒍𐒎𐒏𐒐𐒑𐒒𐒓𐒔𐒕𐒖𐒗𐒘𐒙𐒚𐒛𐒜𐒝𐒞𐒟𐒠𐒡𐒢𐒣𐒤𐒥𐒦𐒧𐒨𐒩𐒪𐒫𐒬𐒭𐒮𐒯𐒰𐒱𐒲𐒳𐒴𐒵𐒶𐒷𐒸𐒹𐒺𐒻𐒼𐒽𐒾𐒿𐓀𐓁𐓂𐓃𐓄𐓅𐓆𐓇𐓈𐓉𐓊𐓋𐓌𐓍𐓎𐓏𐓐𐓑𐓒𐓓𐓔𐓕𐓖𐓗𐓘𐓙𐓚𐓛𐓜𐓝𐓞𐓟𐓠𐓡𐓢𐓣𐓤𐓥𐓦𐓧𐓨𐓩𐓪𐓫𐓬𐓭𐓮𐓯𐓰𐓱𐓲𐓳𐓴𐓵𐓶𐓷𐓸𐓹𐓺𐓻𐓼𐓽𐓾𐓿𐔀𐔁𐔂𐔃𐔄𐔅𐔆𐔇𐔈𐔉𐔊𐔋𐔌𐔍𐔎𐔏𐔐𐔑𐔒𐔓𐔔𐔕𐔖𐔗𐔘𐔙𐔚𐔛𐔜𐔝𐔞𐔟𐔠𐔡𐔢𐔣𐔤𐔥𐔦𐔧𐔨𐔩𐔪𐔫𐔬𐔭𐔮𐔯𐔰𐔱𐔲𐔳𐔴𐔵𐔶𐔷𐔸𐔹𐔺𐔻𐔼𐔽𐔾𐔿𐕀𐕁𐕂𐕃𐕄𐕅𐕆𐕇𐕈𐕉𐕊𐕋𐕌𐕍𐕎𐕏𐕐𐕑𐕒𐕓𐕔𐕕𐕖𐕗𐕘𐕙𐕚𐕛𐕜𐕝𐕞𐕟𐕠𐕡𐕢𐕣𐕤𐕥𐕦𐕧𐕨𐕩𐕪𐕫𐕬𐕭𐕮𐕯𐕰𐕱𐕲𐕳𐕴𐕵𐕶𐕷𐕸𐕹𐕺𐕻𐕼𐕽𐕾𐕿𐖀𐖁𐖂𐖃𐖄𐖅𐖆𐖇𐖈𐖉𐖊𐖋𐖌𐖍𐖎𐖏𐖐𐖑𐖒𐖓𐖔𐖕𐖖𐖗𐖘𐖙𐖚𐖛𐖜𐖝𐖞𐖟𐖠𐖡𐖢𐖣𐖤𐖥𐖦𐖧𐖨𐖩𐖪𐖫𐖬𐖭𐖮𐖯𐖰𐖱𐖲𐖳𐖴𐖵𐖶𐖷𐖸𐖹𐖺𐖻𐖼𐖽𐖾𐖿𐗀𐗁𐗂𐗃𐗄𐗅𐗆𐗇𐗈𐗉𐗊𐗋𐗌𐗍𐗎𐗏𐗐𐗑𐗒𐗓𐗔𐗕𐗖𐗗𐗘𐗙𐗚𐗛𐗜𐗝𐗞𐗟𐗠𐗡𐗢𐗣𐗤𐗥𐗦𐗧𐗨𐗩𐗪𐗫𐗬𐗭𐗮𐗯𐗰𐗱𐗲𐗳𐗴𐗵𐗶𐗷𐗸𐗹𐗺𐗻𐗼𐗽𐗾𐗿𐘀𐘁𐘂𐘃𐘄𐘅𐘆𐘇𐘈𐘉𐘊𐘋𐘌𐘍𐘎𐘏𐘐𐘑𐘒𐘓𐘔𐘕𐘖𐘗𐘘𐘙𐘚𐘛𐘜𐘝𐘞𐘟𐘠𐘡𐘢𐘣𐘤𐘥𐘦𐘧𐘨𐘩𐘪𐘫𐘬𐘭𐘮𐘯𐘰𐘱𐘲𐘳𐘴𐘵𐘶𐘷𐘸𐘹𐘺𐘻𐘼𐘽𐘾𐘿𐙀𐙁𐙂𐙃𐙄𐙅𐙆𐙇𐙈𐙉𐙊𐙋𐙌𐙍𐙎𐙏𐙐𐙑𐙒𐙓𐙔𐙕𐙖𐙗𐙘𐙙𐙚𐙛𐙜𐙝𐙞𐙟𐙠𐙡𐙢𐙣𐙤𐙥𐙦𐙧𐙨𐙩𐙪𐙫𐙬𐙭𐙮𐙯𐙰𐙱𐙲𐙳𐙴𐙵𐙶𐙷𐙸𐙹𐙺𐙻𐙼𐙽𐙾𐙿𐚀𐚁𐚂𐚃𐚄𐚅𐚆𐚇𐚈𐚉𐚊𐚋𐚌𐚍𐚎𐚏𐚐𐚑𐚒𐚓𐚔𐚕𐚖𐚗𐚘𐚙𐚚𐚛𐚜𐚝𐚞𐚟𐚠𐚡𐚢𐚣𐚤𐚥𐚦𐚧𐚨𐚩𐚪𐚫𐚬𐚭𐚮𐚯𐚰𐚱𐚲𐚳𐚴𐚵𐚶𐚷𐚸𐚹𐚺𐚻𐚼𐚽𐚾𐚿𐛀𐛁𐛂𐛃𐛄𐛅𐛆𐛇𐛈𐛉𐛊𐛋𐛌𐛍𐛎𐛏𐛐𐛑𐛒𐛓𐛔𐛕𐛖𐛗𐛘𐛙𐛚𐛛𐛜𐛝𐛞𐛟𐛠𐛡𐛢𐛣𐛤𐛥𐛦𐛧𐛨𐛩𐛪𐛫𐛬𐛭𐛮𐛯𐛰𐛱𐛲𐛳𐛴𐛵𐛶𐛷𐛸𐛹𐛺𐛻𐛼𐛽𐛾𐛿𐜀𐜁𐜂𐜃𐜄𐜅𐜆𐜇𐜈𐜉𐜊𐜋𐜌𐜍𐜎𐜏𐜐𐜑𐜒𐜓𐜔𐜕𐜖𐜗𐜘𐜙𐜚𐜛𐜜𐜝𐜞𐜟𐜠𐜡𐜢𐜣𐜤𐜥𐜦𐜧𐜨𐜩𐜪𐜫𐜬𐜭𐜮𐜯𐜰𐜱𐜲𐜳𐜴𐜵𐜶𐜷𐜸𐜹𐜺𐜻𐜼𐜽𐜾𐜿𐝀𐝁𐝂𐝃𐝄𐝅𐝆𐝇𐝈𐝉𐝊𐝋𐝌𐝍𐝎𐝏𐝐𐝑𐝒𐝓𐝔𐝕𐝖𐝗𐝘𐝙𐝚𐝛𐝜𐝝𐝞𐝟𐝠𐝡𐝢𐝣𐝤𐝥𐝦𐝧𐝨𐝩𐝪𐝫𐝬𐝭𐝮𐝯𐝰𐝱𐝲𐝳𐝴𐝵𐝶𐝷𐝸𐝹𐝺𐝻𐝼𐝽𐝾𐝿𐞀𐞁𐞂𐞃𐞄𐞅𐞆𐞇𐞈𐞉𐞊𐞋𐞌𐞍𐞎𐞏𐞐𐞑𐞒𐞓𐞔𐞕𐞖𐞗𐞘𐞙𐞚𐞛𐞜𐞝𐞞𐞟𐞠𐞡𐞢𐞣𐞤𐞥𐞦𐞧𐞨𐞩𐞪𐞫𐞬𐞭𐞮𐞯𐞰𐞱𐞲𐞳𐞴𐞵𐞶𐞷𐞸𐞹𐞺𐞻𐞼𐞽𐞾𐞿𐟀𐟁𐟂𐟃𐟄𐟅𐟆𐟇𐟈𐟉𐟊𐟋𐟌𐟍𐟎𐟏𐟐𐟑𐟒𐟓𐟔𐟕𐟖𐟗𐟘𐟙𐟚𐟛𐟜𐟝𐟞𐟟𐟠𐟡𐟢𐟣𐟤𐟥𐟦𐟧𐟨𐟩𐟪𐟫𐟬𐟭𐟮𐟯𐟰𐟱𐟲𐟳𐟴𐟵𐟶𐟷𐟸𐟹𐟺𐟻𐟼𐟽𐟾𐟿𐠀𐠁𐠂𐠃𐠄𐠅𐠆𐠇𐠈𐠉𐠊𐠋𐠌𐠍𐠎𐠏𐠐𐠑𐠒𐠓𐠔𐠕𐠖𐠗𐠘𐠙𐠚𐠛𐠜𐠝𐠞𐠟𐠠𐠡𐠢𐠣𐠤𐠥𐠦𐠧𐠨𐠩𐠪𐠫𐠬𐠭𐠮𐠯𐠰𐠱𐠲𐠳𐠴𐠵𐠶𐠷𐠸𐠹𐠺𐠻𐠼𐠽𐠾𐠿𐡀𐡁𐡂𐡃𐡄𐡅𐡆𐡇𐡈𐡉𐡊𐡋𐡌𐡍𐡎𐡏𐡐𐡑𐡒𐡓𐡔𐡕𐡖𐡗𐡘𐡙𐡚𐡛𐡜𐡝𐡞𐡟𐡠𐡡𐡢𐡣𐡤𐡥𐡦𐡧𐡨𐡩𐡪𐡫𐡬𐡭𐡮𐡯𐡰𐡱𐡲𐡳𐡴𐡵𐡶𐡷𐡸𐡹𐡺𐡻𐡼𐡽𐡾𐡿𐢀𐢁𐢂𐢃𐢄𐢅𐢆𐢇𐢈𐢉𐢊𐢋𐢌𐢍𐢎𐢏𐢐𐢑𐢒𐢓𐢔𐢕𐢖𐢗𐢘𐢙𐢚𐢛𐢜𐢝𐢞𐢟𐢠𐢡𐢢𐢣𐢤𐢥𐢦𐢧𐢨𐢩𐢪𐢫𐢬𐢭𐢮𐢯𐢰𐢱𐢲𐢳𐢴𐢵𐢶𐢷𐢸𐢹𐢺𐢻𐢼𐢽𐢾𐢿𐣀𐣁𐣂𐣃𐣄𐣅𐣆𐣇𐣈𐣉𐣊𐣋𐣌𐣍𐣎𐣏𐣐𐣑𐣒𐣓𐣔𐣕𐣖𐣗𐣘𐣙𐣚𐣛𐣜𐣝𐣞𐣟𐣠𐣡𐣢𐣣𐣤𐣥𐣦𐣧𐣨𐣩𐣪𐣫𐣬𐣭𐣮𐣯𐣰𐣱𐣲𐣳𐣴𐣵𐣶𐣷𐣸𐣹𐣺𐣻𐣼𐣽𐣾𐣿𐤀𐤁𐤂𐤃𐤄𐤅𐤆𐤇𐤈𐤉𐤊𐤋𐤌𐤍𐤎𐤏𐤐𐤑𐤒𐤓𐤔𐤕𐤖𐤗𐤘𐤙𐤚𐤛𐤜𐤝𐤞𐤟𐤠𐤡𐤢𐤣𐤤𐤥𐤦𐤧𐤨𐤩𐤪𐤫𐤬𐤭𐤮𐤯𐤰𐤱𐤲𐤳𐤴𐤵𐤶𐤷𐤸𐤹𐤺𐤻𐤼𐤽𐤾𐤿𐥀𐥁𐥂𐥃𐥄𐥅𐥆𐥇𐥈𐥉𐥊𐥋𐥌𐥍𐥎𐥏𐥐𐥑𐥒𐥓𐥔𐥕𐥖𐥗𐥘𐥙𐥚𐥛𐥜𐥝𐥞𐥟𐥠𐥡𐥢𐥣𐥤𐥥𐥦𐥧𐥨𐥩𐥪𐥫𐥬𐥭𐥮𐥯𐥰𐥱𐥲𐥳𐥴𐥵𐥶𐥷𐥸𐥹𐥺𐥻𐥼𐥽𐥾𐥿𐦀𐦁𐦂𐦃𐦄𐦅𐦆𐦇𐦈𐦉𐦊𐦋𐦌𐦍𐦎𐦏𐦐𐦑𐦒𐦓𐦔𐦕𐦖𐦗𐦘𐦙𐦚𐦛𐦜𐦝𐦞𐦟𐦠𐦡𐦢𐦣𐦤𐦥𐦦𐦧𐦨𐦩𐦪𐦫𐦬𐦭𐦮𐦯𐦰𐦱𐦲𐦳𐦴𐦵𐦶𐦷𐦸𐦹𐦺𐦻𐦼𐦽𐦾𐦿𐧀𐧁𐧂𐧃𐧄𐧅𐧆𐧇𐧈𐧉𐧊𐧋𐧌𐧍𐧎𐧏𐧐𐧑𐧒𐧓𐧔𐧕𐧖𐧗𐧘𐧙𐧚𐧛𐧜𐧝𐧞𐧟𐧠𐧡𐧢𐧣𐧤𐧥𐧦𐧧𐧨𐧩𐧪𐧫𐧬𐧭𐧮𐧯𐧰𐧱𐧲𐧳𐧴𐧵𐧶𐧷𐧸𐧹𐧺𐧻𐧼𐧽𐧾𐧿𐨀𐨁𐨂𐨃𐨄𐨅𐨆𐨇𐨈𐨉𐨊𐨋𐨌𐨍𐨎𐨏𐨐𐨑𐨒𐨓𐨔𐨕𐨖𐨗𐨘𐨙𐨚𐨛𐨜𐨝𐨞𐨟𐨠𐨡𐨢𐨣𐨤𐨥𐨦𐨧𐨨𐨩𐨪𐨫𐨬𐨭𐨮𐨯𐨰𐨱𐨲𐨳𐨴𐨵𐨶𐨷𐨹𐨺𐨸𐨻𐨼𐨽𐨾𐨿𐩀𐩁𐩂𐩃𐩄𐩅𐩆𐩇𐩈𐩉𐩊𐩋𐩌𐩍𐩎𐩏𐩐𐩑𐩒𐩓𐩔𐩕𐩖𐩗𐩘𐩙𐩚𐩛𐩜𐩝𐩞𐩟𐩠𐩡𐩢𐩣𐩤𐩥𐩦𐩧𐩨𐩩𐩪𐩫𐩬𐩭𐩮𐩯𐩰𐩱𐩲𐩳𐩴𐩵𐩶𐩷𐩸𐩹𐩺𐩻𐩼𐩽𐩾𐩿𐪀𐪁𐪂𐪃𐪄𐪅𐪆𐪇𐪈𐪉𐪊𐪋𐪌𐪍𐪎𐪏𐪐𐪑𐪒𐪓𐪔𐪕𐪖𐪗𐪘𐪙𐪚𐪛𐪜𐪝𐪞𐪟𐪠𐪡𐪢𐪣𐪤𐪥𐪦𐪧𐪨𐪩𐪪𐪫𐪬𐪭𐪮𐪯𐪰𐪱𐪲𐪳𐪴𐪵𐪶𐪷𐪸𐪹𐪺𐪻𐪼𐪽𐪾𐪿𐫀𐫁𐫂𐫃𐫄𐫅𐫆𐫇𐫈𐫉𐫊𐫋𐫌𐫍𐫎𐫏𐫐𐫑𐫒𐫓𐫔𐫕𐫖𐫗𐫘𐫙𐫚𐫛𐫜𐫝𐫞𐫟𐫠𐫡𐫢𐫣𐫤𐫦𐫥𐫧𐫨𐫩𐫪𐫫𐫬𐫭𐫮𐫯𐫰𐫱𐫲𐫳𐫴𐫵𐫶𐫷𐫸𐫹𐫺𐫻𐫼𐫽𐫾𐫿𐬀𐬁𐬂𐬃𐬄𐬅𐬆𐬇𐬈𐬉𐬊𐬋𐬌𐬍𐬎𐬏𐬐𐬑𐬒𐬓𐬔𐬕𐬖𐬗𐬘𐬙𐬚𐬛𐬜𐬝𐬞𐬟𐬠𐬡𐬢𐬣𐬤𐬥𐬦𐬧𐬨𐬩𐬪𐬫𐬬𐬭𐬮𐬯𐬰𐬱𐬲𐬳𐬴𐬵𐬶𐬷𐬸𐬹𐬺𐬻𐬼𐬽𐬾𐬿𐭀𐭁𐭂𐭃𐭄𐭅𐭆𐭇𐭈𐭉𐭊𐭋𐭌𐭍𐭎𐭏𐭐𐭑𐭒𐭓𐭔𐭕𐭖𐭗𐭘𐭙𐭚𐭛𐭜𐭝𐭞𐭟𐭠𐭡𐭢𐭣𐭤𐭥𐭦𐭧𐭨𐭩𐭪𐭫𐭬𐭭𐭮𐭯𐭰𐭱𐭲𐭳𐭴𐭵𐭶𐭷𐭸𐭹𐭺𐭻𐭼𐭽𐭾𐭿𐮀𐮁𐮂𐮃𐮄𐮅𐮆𐮇𐮈𐮉𐮊𐮋𐮌𐮍𐮎𐮏𐮐𐮑𐮒𐮓𐮔𐮕𐮖𐮗𐮘𐮙𐮚𐮛𐮜𐮝𐮞𐮟𐮠𐮡𐮢𐮣𐮤𐮥𐮦𐮧𐮨𐮩𐮪𐮫𐮬𐮭𐮮𐮯𐮰𐮱𐮲𐮳𐮴𐮵𐮶𐮷𐮸𐮹𐮺𐮻𐮼𐮽𐮾𐮿𐯀𐯁𐯂𐯃𐯄𐯅𐯆𐯇𐯈𐯉𐯊𐯋𐯌𐯍𐯎𐯏𐯐𐯑𐯒𐯓𐯔𐯕𐯖𐯗𐯘𐯙𐯚𐯛𐯜𐯝𐯞𐯟𐯠𐯡𐯢𐯣𐯤𐯥𐯦𐯧𐯨𐯩𐯪𐯫𐯬𐯭𐯮𐯯𐯰𐯱𐯲𐯳𐯴𐯵𐯶𐯷𐯸𐯹𐯺𐯻𐯼𐯽𐯾𐯿𐰀𐰁𐰂𐰃𐰄𐰅𐰆𐰇𐰈𐰉𐰊𐰋𐰌𐰍𐰎𐰏𐰐𐰑𐰒𐰓𐰔𐰕𐰖𐰗𐰘𐰙𐰚𐰛𐰜𐰝𐰞𐰟𐰠𐰡𐰢𐰣𐰤𐰥𐰦𐰧𐰨𐰩𐰪𐰫𐰬𐰭𐰮𐰯𐰰𐰱𐰲𐰳𐰴𐰵𐰶𐰷𐰸𐰹𐰺𐰻𐰼𐰽𐰾𐰿𐱀𐱁𐱂𐱃𐱄𐱅𐱆𐱇𐱈𐱉𐱊𐱋𐱌𐱍𐱎𐱏𐱐𐱑𐱒𐱓𐱔𐱕𐱖𐱗𐱘𐱙𐱚𐱛𐱜𐱝𐱞𐱟𐱠𐱡𐱢𐱣𐱤𐱥𐱦𐱧𐱨𐱩𐱪𐱫𐱬𐱭𐱮𐱯𐱰𐱱𐱲𐱳𐱴𐱵𐱶𐱷𐱸𐱹𐱺𐱻𐱼𐱽𐱾𐱿𐲀𐲁𐲂𐲃𐲄𐲅𐲆𐲇𐲈𐲉𐲊𐲋𐲌𐲍𐲎𐲏𐲐𐲑𐲒𐲓𐲔𐲕𐲖𐲗𐲘𐲙𐲚𐲛𐲜𐲝𐲞𐲟𐲠𐲡𐲢𐲣𐲤𐲥𐲦𐲧𐲨𐲩𐲪𐲫𐲬𐲭𐲮𐲯𐲰𐲱𐲲𐲳𐲴𐲵𐲶𐲷𐲸𐲹𐲺𐲻𐲼𐲽𐲾𐲿𐳀𐳁𐳂𐳃𐳄𐳅𐳆𐳇𐳈𐳉𐳊𐳋𐳌𐳍𐳎𐳏𐳐𐳑𐳒𐳓𐳔𐳕𐳖𐳗𐳘𐳙𐳚𐳛𐳜𐳝𐳞𐳟𐳠𐳡𐳢𐳣𐳤𐳥𐳦𐳧𐳨𐳩𐳪𐳫𐳬𐳭𐳮𐳯𐳰𐳱𐳲𐳳𐳴𐳵𐳶𐳷𐳸𐳹𐳺𐳻𐳼𐳽𐳾𐳿𐴀𐴁𐴂𐴃𐴄𐴅𐴆𐴇𐴈𐴉𐴊𐴋𐴌𐴍𐴎𐴏𐴐𐴑𐴒𐴓𐴔𐴕𐴖𐴗𐴘𐴙𐴚𐴛𐴜𐴝𐴞𐴟𐴠𐴡𐴢𐴣𐴤𐴥𐴦𐴧𐴨𐴩𐴪𐴫𐴬𐴭𐴮𐴯𐴰𐴱𐴲𐴳𐴴𐴵𐴶𐴷𐴸𐴹𐴺𐴻𐴼𐴽𐴾𐴿𐵀𐵁𐵂𐵃𐵄𐵅𐵆𐵇𐵈𐵉𐵊𐵋𐵌𐵍𐵎𐵏𐵐𐵑𐵒𐵓𐵔𐵕𐵖𐵗𐵘𐵙𐵚𐵛𐵜𐵝𐵞𐵟𐵠𐵡𐵢𐵣𐵤𐵥𐵦𐵧𐵨𐵩𐵪𐵫𐵬𐵭𐵮𐵯𐵰𐵱𐵲𐵳𐵴𐵵𐵶𐵷𐵸𐵹𐵺𐵻𐵼𐵽𐵾𐵿𐶀𐶁𐶂𐶃𐶄𐶅𐶆𐶇𐶈𐶉𐶊𐶋𐶌𐶍𐶎𐶏𐶐𐶑𐶒𐶓𐶔𐶕𐶖𐶗𐶘𐶙𐶚𐶛𐶜𐶝𐶞𐶟𐶠𐶡𐶢𐶣𐶤𐶥𐶦𐶧𐶨𐶩𐶪𐶫𐶬𐶭𐶮𐶯𐶰𐶱𐶲𐶳𐶴𐶵𐶶𐶷𐶸𐶹𐶺𐶻𐶼𐶽𐶾𐶿𐷀𐷁𐷂𐷃𐷄𐷅𐷆𐷇𐷈𐷉𐷊𐷋𐷌𐷍𐷎𐷏𐷐𐷑𐷒𐷓𐷔𐷕𐷖𐷗𐷘𐷙𐷚𐷛𐷜𐷝𐷞𐷟𐷠𐷡𐷢𐷣𐷤𐷥𐷦𐷧𐷨𐷩𐷪𐷫𐷬𐷭𐷮𐷯𐷰𐷱𐷲𐷳𐷴𐷵𐷶𐷷𐷸𐷹𐷺𐷻𐷼𐷽𐷾𐷿𐸀𐸁𐸂𐸃𐸄𐸅𐸆𐸇𐸈𐸉𐸊𐸋𐸌𐸍𐸎𐸏𐸐𐸑𐸒𐸓𐸔𐸕𐸖𐸗𐸘𐸙𐸚𐸛𐸜𐸝𐸞𐸟𐸠𐸡𐸢𐸣𐸤𐸥𐸦𐸧𐸨𐸩𐸪𐸫𐸬𐸭𐸮𐸯𐸰𐸱𐸲𐸳𐸴𐸵𐸶𐸷𐸸𐸹𐸺𐸻𐸼𐸽𐸾𐸿𐹀𐹁𐹂𐹃𐹄𐹅𐹆𐹇𐹈𐹉𐹊𐹋𐹌𐹍𐹎𐹏𐹐𐹑𐹒𐹓𐹔𐹕𐹖𐹗𐹘𐹙𐹚𐹛𐹜𐹝𐹞𐹟𐹠𐹡𐹢𐹣𐹤𐹥𐹦𐹧𐹨𐹩𐹪𐹫𐹬𐹭𐹮𐹯𐹰𐹱𐹲𐹳𐹴𐹵𐹶𐹷𐹸𐹹𐹺𐹻𐹼𐹽𐹾𐹿𐺀𐺁𐺂𐺃𐺄𐺅𐺆𐺇𐺈𐺉𐺊𐺋𐺌𐺍𐺎𐺏𐺐𐺑𐺒𐺓𐺔𐺕𐺖𐺗𐺘𐺙𐺚𐺛𐺜𐺝𐺞𐺟𐺠𐺡𐺢𐺣𐺤𐺥𐺦𐺧𐺨𐺩𐺪𐺫𐺬𐺭𐺮𐺯𐺰𐺱𐺲𐺳𐺴𐺵𐺶𐺷𐺸𐺹𐺺𐺻𐺼𐺽𐺾𐺿𐻀𐻁𐻂𐻃𐻄𐻅𐻆𐻇𐻈𐻉𐻊𐻋𐻌𐻍𐻎𐻏𐻐𐻑𐻒𐻓𐻔𐻕𐻖𐻗𐻘𐻙𐻚𐻛𐻜𐻝𐻞𐻟𐻠𐻡𐻢𐻣𐻤𐻥𐻦𐻧𐻨𐻩𐻪𐻫𐻬𐻭𐻮𐻯𐻰𐻱𐻲𐻳𐻴𐻵𐻶𐻷𐻸𐻹𐻺𐻻𐻼𐻽𐻾𐻿𐼀𐼁𐼂𐼃𐼄𐼅𐼆𐼇𐼈𐼉𐼊𐼋𐼌𐼍𐼎𐼏𐼐𐼑𐼒𐼓𐼔𐼕𐼖𐼗𐼘𐼙𐼚𐼛𐼜𐼝𐼞𐼟𐼠𐼡𐼢𐼣𐼤𐼥𐼦𐼧𐼨𐼩𐼪𐼫𐼬𐼭𐼮𐼯𐼰𐼱𐼲𐼳𐼴𐼵𐼶𐼷𐼸𐼹𐼺𐼻𐼼𐼽𐼾𐼿𐽀𐽁𐽂𐽃𐽄𐽅𐽆𐽇𐽋𐽍𐽎𐽏𐽐𐽈𐽉𐽊𐽌𐽑𐽒𐽓𐽔𐽕𐽖𐽗𐽘𐽙𐽚𐽛𐽜𐽝𐽞𐽟𐽠𐽡𐽢𐽣𐽤𐽥𐽦𐽧𐽨𐽩𐽪𐽫𐽬𐽭𐽮𐽯𐽰𐽱𐽲𐽳𐽴𐽵𐽶𐽷𐽸𐽹𐽺𐽻𐽼𐽽𐽾𐽿𐾀𐾁𐾃𐾅𐾂𐾄𐾆𐾇𐾈𐾉𐾊𐾋𐾌𐾍𐾎𐾏𐾐𐾑𐾒𐾓𐾔𐾕𐾖𐾗𐾘𐾙𐾚𐾛𐾜𐾝𐾞𐾟𐾠𐾡𐾢𐾣𐾤𐾥𐾦

УДК 398.22 + 821.581

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-4-16-231-264

Традиция и трансформация монгольской версии «Истории Арджи Бурджи-хана»

*Цагаан*¹

¹ Синьцзянский государственный университет (д. 14, ул. Шенгли, 830046 Урумчи, СУАР, КНР)
доктор филологических наук, доцент
E-mail: Chaha@163.com

© КалмНЦ РАН, 2020

© Цагаан, 2020

Аннотация. На монгольском языке известны три текста, в которых повествуется история жизни царя Бигармиджиды, — «История Бигармиджид-хана», «История Арджи Бурджи-хан» и «История Гесне-хана». Трилогия связана единым сюжетом, построена на основе рассказов тридцати двух деревянных человечков волшебного царского трона. Считается, что эта трилогия происходит из Индии, но нет никаких данных о том, была ли она передана в устной или письменной форме, кем и когда она была переведена. В данной статье дается сравнительный анализ монгольских (монгольской, бурятской и калмыцкой) версий «Истории Арджи Бурджи-хана».

Ключевые слова: «История Арджи Бурджи-хана», триада, монгольская версия, бурятские сказки «Арджи Бурджи-хан» версия, калмыцкие сказки «Арджи Бурджи-хан»

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке Академии общественных наук Китая в рамках научного проекта № 14СМЗ015 «Фольклор калмыков: сюжетный указатель сказок». Материалы статьи апробированы на Международной научной онлайн-конференции «Монголоведение в начале XXI в.: современное состояние и перспективы развития – II», проведенной при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-22004) и частичной поддержке гранта Правительства РФ (№ 075-15-2019-1879).

Для цитирования: Цагаан. Традиция и трансформация монгольской версии «Истории Арджи Бурджи-хана» // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 4. С. 231–264. (На монг.) DOI: 10.22162/2587-6503-2020-4-16-231-264

UDC 398.22 + 821.581

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-4-16-231-264

The Tradition and Transformation of the Mongolian Version of “The History of Arji Burji Khan”

*Chahan*¹

¹ Xinjiang State University (14, Shengli Road, Urumqi, Xinjiang 830046, China)

Ph.D. (Pilology), Associate Professor

E-mail: Chaha@163.com

© KalmSC RAS, 2020

© Chahan, 2020

Abstract. There are three texts in the Mongolian language which tell the story of the life of King Bigarmidzhid — “History of Bigarmijid Khan”, “History of Arji Burji Khan” and “History of Gesne Khan”. The trilogy connected by a single plot is built on the basis of the stories of thirty-two wooden men of the magical royal throne. It is believed that the trilogy originated in India, but there are no records on whether it was transmitted orally or in writing and on who and when translated it. This article gives a comparative analysis of the Mongolian (Mongolian, Buryat and Kalmyk) versions of the “History of Arji Burji Khan”.

Keywords: “History of Arji Burji-khan”, triad, Mongolian version, Buryat tales “Arji Burji-khan”, Kalmyk tales “Arji Burji-khan”

Acknowledgement. The research was funded by the Academy of the Social Studies of China under the scope of the research project № 14CMZ015 “Folklore of the Kalmyks: a subject index of fairy tales”. The article was

presented at the international scientific online conference “Mongolian Studies at the beginning of the 21st century: Current State and Development Prospects – II”, held with the financial support of RFBR (project № 20-09-22004) and partial support of the Russian Government Grant (№ 075-15-2019-1879).

For citation: Chahan. The Tradition and Transformation of the Mongolian Version of the “History of Arji Burji Khan”. In: *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2020. No. 4. Pp. 231–264. (In Mong.) DOI: 10.22162/2587-6503-2020-4-16-231-264

I. Монгол “Арж Борж хааны намтар”-ыг эмхтгэж хэвлэж судласан байдал

Монгол хэлээр “Бигэрмижэд хааны намтар”, “Арж Борж хааны намтар”, “Гэсэнэ хааны намтар” хэмээх гурван гар бичмэл зохиол байдаг. Энэ гурван номд Бигэрмижэд хааны явдал, түүний эрдэний ширээн дэхь гучин хоёр модон хүний өгүүлсэн үлгэрүүд гарах тул энэ гурвуулыг нэг хэлхээ зохиол гэж нэрлэдэг юм байна. Энэ гурван зохиолыг Энэтхэг гаралтай зохиол гэдэг боловч эдгээр зохиолууд нь Энэтхэгийн ямар номоос орчуулагдсан?, мөн түүнчлэн амаар уламжлагдсан юм уу?, бичгээр уламжлагдсан юм уу?, гэдгийн тухай тодорхой түүх сураг чимээгүй мөрдөх эрдэмтдийн үзэлтээс адил бус байх жишээтэй. Энэ тухай монгол судлалын нэрт эрдэмтэн академич Ц. Дамдинсүрэнгээс “Энэтхэг ардын уран зохиолын түүх судлалыг үзэхэд\ гучин хоёр модон хүний үлгэр\ Арж Борж хааны намтар\ гэдэг ном байдаг боловч \ Бигэрмижэд хааны цэцэг хатнаа авсан намтар\, Гэсэнэ хааны намтар\ гэдэг ном байдаггүй бололтой юм. Эдгээр гурван зохиолыг төвд хэлнээс орчуулсан боловч уу гэхэд эдгээрийн төвд хэл дээрх хуучин эх зохиол огт үзэгдэхгүй бөгөөд харин монгол хэлнээс төвд хэл рүү орчуулсан гурван намтар монгол улсын номын санд хадгалагдаж байна” [Дамдинсүрэн, Чанту 1983: 586] гэж тодорхойлсноос үзэхэд Энэтхэгийн Бигэрмижэд хааны үйл явдалтай холбоотой цуврал олон үлгэр домогууд англи эхдээ монголд амаар уламжлагдаж, монголчуудын оюун ухаанаар дамжин дахин боловсруулагдаж, монгол бичигт тэмдэглэгдсэний дараагаар төвд хэлд орчуулагдсан

байж болох талтай. “Бигэрмижэд хааны намтар”-ын тухай академич Ц. Дамдинсүрэн судалсны үр дүндээ: “Вигэрмадита гэдэг нэгэн шударга хаан одоогоос хоёр мянган жилийн өмнө Энэтхэг оронд байсан гэдэг боловч түүний намтар түүх тодорхойгүй, үлгэр домогийн чанартай үг өгүүлэл байдаг байна”. Монголын “Бигэрмижэд хааны намтар”-ыг Энэтхэгийн Вигэрмадита хаантай холбоотой болов уу гэдэг байна. “Бигэрмижэд хааны монгол намтар” мэт ийм зохиол Энэтхэг оронд байсан байж болох бөгөөд түүнээс уламжлан монголд нэвтэрсэн байж болох юм. Гэвч Энэтхэг оронд монгол “Бигэрмижэд хааны намтар”-ын адил ийм зохиол олддоггүй гэнэ. Энэтхэгийн аман үлгэр домог Монголд нэвтэрээд түүнийг Монгол оронд бичиж зохиол болгосон ч байж болох юм. Монгол “Бигэрмижэд хааны намтар” нь үнэхээр Энэтхэг гаралтай байлаа ч гэсэн өдий төдий сунжирч Монголын ахуй байдалд зохицож өөрчлөгдсөн байна. Ийм учраас эхийг Монголын уран зохиолын түүхэнд багтаах нь зүйтэй юм” [Дамдинсүрэн, Чанту 1983: 589] гэж үзсэн нь бидний таамаглалын нэгэн баримт болж байх нь тодорхой юм. Аль ч үндэстний аман зохиолын уламжлалд иймэрхүү үзэгдэл түгээмэл оршиж байдагийг эрдэмтэн та бүхэн яахан андах ажээ. Энэтхэгийн Бигэрмижэд хааны үйл явдал буюу нэртэй холбоотой энэхүү гурван цуврал олон үлгэр үүдээс Монгол оронд бичгээр буюу амаар хамагаас өргөн дэлгэр уламжласан нь “Арж Борж хааны намтар” нь болох юм. Иймээс энэхүү үлгэрийн тухай гадаадын эрдэмтэд нилээд эртнээс анхааралдаа авч, түүнийг хэвлэж судласан байдаг. Монгол “Арж Борж хааны тууж”-ийг хамгийн түрүүнд Буриадын эрдэмтэн Гомбын Галсан орос хэлэнд орчуулжээ, 1858 онд “Арж Борж, Монгол тууж” хэмээх нэрээр Петербурgt хэвлэжээ. Үүний дараагаар Германы эрдэмтэн Б. Юлг монгол ба Герман хэлээр орчуулж 1867 онд хэвлэсэн бөгөөд 1868 онд мөн Юлг бас “Арж Борж хааны тууж”-ийн үлгэрийг “Шидэт хүүрийн үлгэр”-ийн хамт дан Герман хэлээр хэвлэжээ. 1923 онд Оросын эрдэмтэн Жамсраны Цэвээнээс «Арж Борж хааны тууж»-ийн нэр үл мэдэгдэх хүний Орос орчуулгыг “Монгол үлгэрүүд” гэх нэрээр хэвлэсэн бөгөөд 1928 онд “Бигэрмижэд хааны намтарыг Арж Борж хаанд модон хүний өгүүлсэн үлгэрүүд оршибой” гэдэг

нэрээр Улаанбаатарт тус тус хэвлэж гаргасан байна. 1960 онд Английн монголч эрдэмтэн Ч. Бауденаас Арж Борж хааны арван дөрвөн бүлэг үлгэрийг Улаанбаатарын 1928 оны хуулж матан галиг үсгээр бичээд Англи орчуулгаа тайлбарын хамт Энэтхэгийн шинэ Дели хотноо хэвлүүлжээ. 1937 онд монголч эрдэмтэн А. Мостертоос “Ордосын аман зохиол” гэдэг том номдоо “Арж Борж хааны намтар”-ын есөн үлгэр оршил үлгэртэйгээ арван үлгэр-ийг тухайн үлгэрчийн амнаас бичиж аваад латин галиг үсгээр хэвлэжээ. 1961 онд Энэтхэгийн эрдэмтэн Рагху Вирагаас монгол “Арж Борж хааны намтар”-ын 14 бүлэгийг 1928 оны хэвлэлээс хуулж уйгаржин монгол үсгээр хэвлэсэн байна. Ингээд Хятад хэлний шинэ орчуулгаа монгол хэлнээс төвд хэлэнд орчуулсан Монгол Улсын номын санд байгаа эх орчуулгыг хавсарган хэвлэжээ. Үүнээс гадна “Арж Борж хааны намтар”-ын гар бичмэлийн хэд хэдэн хувилбарууд монгол улсын номын санд хадгалагдаж байгаа ажээ. 1958 онд Өвөр монголын ардын хэвлэлийн хорооноос “Тучин хоёр модон хүний үлгэр” гэх нэрээр “Арж Борж хааны намтар”-ын үргэлжлэл болох — “Гэсна хааны намтар” хэвлэгджээ. Энэхүү намтарын эцэст “...Бандида Ачира Энэтхэгийн хэлнээс Монгол хэлэнд орчуулав” [Дамдинсүрэн, Чанту 1983: 1910] гэх орчуулгын тухай тэмдэглэл байдаг боловч Энэтхэг хэл дээрх уул номын тухай мэдээ жишээ одоо болтол тодорхойгүй байдаг.

Монгол “Арж Борж хааны намтар”-ын судалгааны талаар гадаадын эрдэмтэдээс ихээхэн үүрэг гүйцэтгэжээ. Үүнд Оросын эрдэмтэн А. Н. Веселовский Славын домог яриаг судлахдаа Гомбын Галсан, Б. Юүлэг нарын орчуулгыг Энэтхэгийн санскрит хэлний “Тучин хоёр модон хүний үлгэр”-тэй харьцуулан судласан байна. А. Н. Веселовский монгол “Арж Борж хааны намтар”-ын уг сурвалж болох Энэтхэгийн нэгэн тиймэрхүү үлгэрийн цоморлиг эрт цагт байсан бололтой гээд тэр сурвалж цоморлиг өдий олдохгүй болсон тухай онцлон тэмдэглэхийн зэрэгцээ тэрээр бас “бидний мэдэж байгаа санскрит хинди хэлний хувилбар нь монгол Арж Боржийн шууд үүсэл байж чадахгүй” [Веселовский 1930: 63] гэх үзэлтийг дурьдсан байдаг. Мөн энэ тухай дорно дахиныг судлагч Б. Лауферээс “Монгол утга зохиолын найруулал” гэх

номдоо “Гучин хоёр модон хүний үлгэр”-ийн тухай өгүүлэхдээ “Жинхэнэ нь монголын боловсруулсан зүйл” [Лауфер 1927: 63] гэж үзсэн байна. Английн монголч эрдэмтэн Ч. Бауденаас монгол “Арж Борж хааны тууж”-ийн 14 бүлэг үлгэрийг англи орчуулгаа тайлбарын хамт Энэтхэгт хэвлүүлэхдээ монгол “Арж Борж”-ийн зарим бүлгүүдийг бусад зохиолтой харьцуулан жишсэн ба уг зохиолыг монгол шинжтэй болгосон тухай сонирхолтой оршилыг бичсэн байна. Энэтхэгийн эрдэмтэн Рагху Вира монгол “Арж Борж хаан”-ы 14 үлгэрийг 1961 онд хэвлэсэн номын оршилдоо уг үлгэрийг Энэтхэг гаралтай гэж таамаглан бичсэн боловч монгол үлгэр гэдгийг үгүйсгэсэнгүй. Харин батлаж мөн номын эхний хуудсанд “Агуу монголын эрхэм түүхүүд” гэж нэрлэсэн байна [Дамдинсүрэн, Чанту 1983: 677].

“Монгол Арж борж хааны намтар”-ын талаар маш нарийлаг мөртөө сонирхолтой шинжилгээ хийсэн эрдэмтэн бол Монгол Улсын академич Ц. Дамдинсүрэн болох юм. Тэрээр 1977 онд Улаанбаатар хотноо хэвлэсэн “Монголын уран зохиолын тойм” гэх томоохон бүтээлдээ “Бигармижид хааны тухай гурван ном” гэх тусгай сэдвээр “Монголын Бигармижид хааны намтар”, “Арж борж хааны намтар”, “Гэсэнэ хааны намтар” гэдэг гурван номын тухай нарийн шинжилгээ хийсэн байдаг. Энэхүү өгүүлэлд дээр дурдсан гурван номын тухай нарийлан танилцуулахын зэрэгцээ уг номын үүсэл гарлыг ч нарийвчлан судалж цаашид уг номын тодорхой зарим нэгэн үлгэрийг бусад бичмэл үлгэртэй харьцуулж, энэтхэг гаралтай үлгэр нь хэрхэн монгол үлгэр болон улиран хувиссан жам хуулийг тодорхойлохоор үндсэн зорилтоо болгосон байна.

Академич Ц. Дамдинсүрэнгийн энэхүү судалгаа нь анх удаа “Бигармижид хааны тухай гурван ном”-ыг дэлхийн монголч эрдэмтдийн сонирхолд хүргэж, энэ тухай судалгааг олон улсын түвшинд хүргэсэн төлөөлөгч бүтээл болох юм. Академич Ц. Дамдинсүрэн “Бигармижид хааны тухай гурван ном” гэдэг бүтээлээ гурван хэсэгт хувааж бичжээ. Энэ нь даруй Монгол хэл дээрх “Бигармижид хааны намтар”, “Арж борж хааны намтар”, “Гэсэнэ хааны намтар” гэх гурван номыг тус бүрд нь танилцуулан

судалсан байна. Өгүүллийн эхэн хэсэгт монгол хэл дээрх “Бигармижид хааны намтар”-ын товч агуулгаас түүний судлалын тухай товч танилцуулахын зэрэгцээ тэрээр хэлэхдээ «Бигармижид хааны намтар» «Бигармижид хаан Цэцэн хатнаа авсан түүх, түүнээс салж зовсон явдал гарна. Энэ намтар бол бурханы шашны тоос халдсан янаг амрагийн зохиол болох юм» [Дамдинсүрэн, Чанту 1983: 633] гэжээ. Эрдэмтэн Ц. Дамдинсүрэнгийн судалгаанаас ойлгоход Викрамадити гэдэг нэгэн шударга сайн хаан одоогоос хоёр мянган жилийн өмнө энэтхэг оронд байсан гэдэг боловч түүний намтар түүх тодорхойгүй мөртөө Энэтхэг оронд ч монголын Бигармижид хааны намтартай адил зохиол байдаггүй юмсанжээ. “Бигармижид хааны намтар” нь Монгол оронд бичмэлээр тархасан бөгөөд 1923 онд Улаанбаатарт “Энэтхэгийн газрын Бигармижид хааны тууж оршвой” гэдэг нэрээр хэвлэсэн байна. Монгол хэлнээс орос ба европын ямар ч хэлэнд орчуулагдсангүй мөртөө ерөөс судлагдсангүй ажээ.

Өгүүллийн хоёрдугаар хэсэгт “Арж борж хааны намтар” энэтхэгээрээ “Ража Боожа хааны намтар буюу” “32 модон хүний үлгэр”-ийн санскрит хэлт агуулгын товч, Монгол “Арж Борж хааны намтар”-ыг хэвлэж судалсан байдлаас түүний агуулга, үзэл санаа, өвөрмөц онцлог шинж гээд монгол энэтхэгийн Арж борж хааны намтрын харьцуулал гэх зэрэг хэдэн талаас монгол энэтхэгийн Арж Борж хааны намтрын нийтлэг болон өвөрмөц онцлог шинжийн тухай нарийвчлан судалгааг хийсэн байна. Эрдэмтэн Ц. Дамдинсүрэнгийн судалснаар “Бигармижид хааны тухай гурван ном” монгол хэлээр байдгаас ганц “Арж борж хааны намтар”-тай төсөөтэй ном санскрит хэлээр байдаг [Дамдинсүрэн, Чанту 1983: 591].

Энэтхэгийн “Раажа Боожа хааны намтар” буюу 32 модон хүний үлгэрийг санскрит хэлнээс орос хэлэнд оросын эрдэмтэн П. А. Гринцер орчуулж, 1960 онд хэвлэсэн байна. Эрдэмтэн П. А. Гринцер уул номын оршилд “Викрамын намтар” буюу “32 модон хүний үлгэр” бол Викрамадити хааны гавьяа зүтгэл, баатар зоригт зориулсан олон зохиолын дотроос онцгой чухал нь юм. Тэр хааны өгөөмөр өршөөл, баатарлагийн тухай домог уламжлал их

байдаг. Эдгээр зохиолд Викрамадити хааныг хүчтэй, шударга эзэн ялагдашгүй баатар ядуу доордсыг өмгөөлөгч хүн бүхнийг өршөөн хайрлагч гэж дүрсэлсэн байна гэж бичжээ [Дамдинсүрэн, Чанту 1983: 601].

Эрдэмтэн Ц. Дамдинсүрэн энэтхэгийн “32 модон хүний үлгэр” буюу “Раажа Боожа хааны намтар”-ыг монголын “Арж борж хааны намтар”-тай харьцуулж үзээд: «Энэтхэгийн 32 модон хүний үлгэрийн хэлсэн арга буюу хажилга нь монгол „Арж борж хааны намтар“-ын хажлагатай адил бөгөөд мөн 32 үлгэрээс нэг үлгэр монгол олон гар бичмэлийн нэгэнд буй ба энэтхэгийн аль нэгэн үлгэр түүхийн дотор монгол «Аарж борж хааны намтар»-тай адил төстэй зүйл ганц хоёр байгаа баримт бол монгол цоморлиг нь энэтхэг үлгэртэй ямар нэгэн холын төрө садан холбоотойн баримт болж чадах боловч, монгол “Арж борж хааны үлгэр”-ийг монгол үлгэр биш болгох баримт болж үл чадна гэсэн дүгнэлтийг хийсэн байдаг [Дамдинсүрэн, Чанту 1983: 602]. Тэрээр мөн цаашид “Монгол Арж борж хааны намтар” энэтхэг гаралтай байлаа ч гэсэн монголд нэвтрэх замдаа ба нэвтэрч ирсэн хойноо өдий төдий өөрчлөгдсөөр танихын аргагүй хувирсанаар үл барам монгол ахуй байдлыг тусгасан өөр үлгэриг нэмж оруулсан бололтой байна гэж үзсэн байна [Дамдинсүрэн, Чанту 1983: 635].

Өгүүллийн гуравдугаар хэсэгт “Гэсэнэ хааны намтар”-ын товч агуулгыг танилцуулахын зэрэгцээ түүнийг энэтхэг хэлнээс монгол хэлэнд орчуулсан тухай асуудлыг тодорхойлохоор үндсэн зорилтоо болгосон байна. Эрдэмэн Ц. Дамдинсүрэнгийн судалснаар “Гэсэнэ хааны намтар” бол “Бигармижид хааны тухай гурван ном”-ын сүүлийнх нь болно. Энэ зохиолыг энэтхэгийн санскрит буюу ямар нэгэн хэлнээс монгол хэлэнд хоёр удаа орчуулсан байна. Үүний нэг орчуулгыг “32 модон хүний үлгэр” нэртэйгээр Чуулалт хаалган хотод 1958 онд хэвлэж гаргасан байна. Үүнд ижил нэг гар бичмэл Монгол Улсын номын санд бий [Дамдинсүрэн, Чанту 1983: 628].

Энэ хоёр орчуулгын нэгийг Багахан бандид гэдэг хүн орчуулсан бөгөөд нөгөөхийг нь Бага бандида гэдэг хүн орчуулсан ажээ. Энэ тухай тэрээр «миний санаанд „Гэсэнэ хааны намтар“ гэж хэрвээ тийм бичмэл зохиол Бага бандида нарын гарт байсан бол тэр нь жинхэнэ (цэвэр) энэтхэг байгаагүй. Харин Балба, Төвд оронд их

улирч хувирч өөрчлөгдсөн зохиол байсан бололтой» гэж үзсэн байна [Дамдинсүрэн, Чанту 1983: 629].

Академич Ц. Дамдинсүрэн энэхүү судалгааны үр дүнд дараах дүгнэлтийг хийсэн байдаг: “Бигармижид хааны намтар”, “Арж борж хааны намтар”, “Гэсэнэ хааны намтар” гэх гурван ном хэлбэрийн талаар энэтхэгийн 32 модон хүний үлгэртэй төстэй. Зохиолын баатрын нэлээд нь энэтхэг нэртэй. Үлгэрийн зарим нь энэтхэг үлгэрээс гаралтай байна. Гэвч энэтхэг хэлнээс орчуулсан энэтхэг зохиол гэж үзэж болохгүй. Харин монгол ардын түмний уран бүтээл гэж үзэх хэрэгтэй болно. Зарим энэтхэг гаралтай үлгэр байвч тэр нь монголын ард түмний дунд олон зуун жилээр оршиж, монгол ахуй байдалд нийцэж жигд хувирсан байна. Эдгээр гурван ном бол монгол-энэтхэгийн ард түмний эртний уламжлалт соёлын холбооны гэрч болсон монгол үлгэрийн цоморлигууд болно гэжээ [Дамдинсүрэн, Чанту 1983: 673].

Манай улсад “Арж борж хааны намтар”-ыг тусгай сэдвээр судалсан бүтээл хараахан үгүй гэж хэлж болно. Үүнд нэгэн зүйлийг дурдахад Шинжааны их сургуулийн Ч. Бат профессор «„Нарандалай хаан ба түүний хоёр хөвүүн“-ээс сэдэвлэн өгүүлэх нь» гэдэг өгүүлэл нийтэлжээ [Мөнх, Бат 1998: 122]. Ойрадын “Нарандалай хаан” гэх туулийг монгол “Арж борж хааны намтар”-ын зарим нэгэн бүлгийн үйл явдалтай харьцуулж, тус тууль нь энэтхэгийн “Арж борж хааны намтар”-аас үүсэлтэй гэх үзэлтийг дурьдсан байна.

Бидний үзэхээр энэхүү өгүүлэлд дараах хэдэн талын сэжиглэлтэй асуудал оршиж байх шиг санагдана. Үүнд:

1. Энэтхэгийн “Раажа Боожа хааны намтар” буюу “32 модон хүний үлгэр” нь монгол “Арж борж хааны намтар”-тайгаа өсөд өөр, үйл явдалтай байгааг сайтар судалж үзсэнгүй бололтой. Монгол “Арж борж хааны намтар” нь хэдийгээр энэтхэгийн “Раажа Боожа хааны намтар”-аас эх гаралтай гэдэг боловч үлгэрийн доторх үйл явдал нь эрс өөр байдаг ажээ.

2. Монгол “Арж борж хааны намтар” нь энэтхэг намтартайгаа нэрийдэл, зохиолчийн талаараа адил байдаг боловч, зохиолын үйл явдал нь монгол амьдралаар баялагжсан монгол зохиол болох юм.

Монгол үлгэрээр зохиогдсон монгол уран бүтээл нь хоорондоо үлгэрийн гэх шинж болон мотивын талаараа адилавтар зүйл олон байх нь аяндааны хэрэг. Тэр ч байтугай хоорондоо ямар ч харилцаа холбоогүй улс үндэстний аман зохиол ч хоорондоо адилавтар зүйл олон тохиолддогийг хэн бүхэнд мэдээж юм.

3. Адилавтар зүйл бүхнийг заавал нэг нь нөгөөгөөсөө зээллээ гэдэг нь учир дутагдалтай болдог тухай академич Ц. Дамдинсүрэн багш маш шинжлэх ухаанч өөрөөр заан гаргасан байдаг.

Бидний ойлгосноор зарим нэг эрдэмтдээс явган болон тууль хоорондоо ямар нэг хэрмээр зааглагдсан юм шиг хэн нь хэнээсээ ямар нэгэн мотивыг зээлж авдаг гэж үздэг нь учир утагдалтай болсон шиг санагдана. Учир юу гэвэл аливаа үлгэр үйл явдалтай аман бүтээлүүд нь хамтдаа тогтсон нэг хэв загварт яригддаг. Өөрөөр хэлбэл тэдгээрийн үйл явдлууд нэг ерөнхийдөө тогтонгуй байдаг мөртөө тодорхой хэмжээний хэв шинж мотивуудаас бүтдэг. Тэдгээр үйл явдлууд нь хэрхэн хоорондоо нийлэлдэн бүтэж ямар нэгэн стилийн зохиолыг бүтээнэ гэдэг нь үлгэрч болон туульчийн ур мэргэжилтэй холбогддог. Үүнд үлгэрийн ямар нэгэн үйл явдлын хэв гэх шинж болон мотивууд нь аль нь алиных нь гэсэн тодорхой ялгаа байдаггүй. Нэн тодорхойлж хэлэхэд туулийн мотив явган үлгэрийн мотив гэж хэн нь хэнээсээ зээллээ гэдэгтодорхой тогтсон зааг байдаггүй. Тэгэх мөртөө эдгээр үлгэрийн үйл явдлын гэх шинж болон мотивууд нь улс үндэстэн алслан хоорондоо адил зүйл арвин байдгийг АТ-ны ангилал бидэнд тодорхой зааж харуулсан байдаг. Сүүлийн үед Оросын Буриад, Халимаг, Монгол улсаас манай улсын Өвөр монгол, Шинжаан, Хөх нуур зэрэг монголчуудын төвлөрөн суурьшиж байгаа орноос “Арж Борж хааны намтар”-ын зарим нэг хэсэг үлгэрийн аман хувилбаруудыг эмхтгэн цуглуулж, тухайн нутаг орны аман зохиолын түүвэрт оруулан хэвлэсэн нь бидний судалгаанд туйлын ховор нандин эх хэрэглэгдэхүүнийг хангасан гэдгийг энд тэмдэглэхэд таатай байна. Жишээлбэл: Оросын Буриадаас хоёр хувилбар олдож буй. 1-р хувилбар нь 1973 онд Улаан-Үдэд хэвлэсэн “Буриад ардын үлгэрүүд” гэх номонд орж хэвлэгджээ. Тус хувилбарыг 1945 онд

Буриад улсын Түнхэн аймгийн Замчок тосгоны М. А. Алексееваас тэмдэглэж авсан байна (Үүнийг бид хувилбар гэж нэрлэнэ.)

Хоёрдугаар хувилбарыг “Буриад ардын аман зохиолын түүвэр” гэх номонд орж Улаан-Үдэд хэвлэгджээ. Энэхүү хувилбар нь 1945 онд Буриад улсын Аг мужийн Ботала тосгоны Т. Чимитовагаас тэмдэглэн авч (эхийг нь бид Б хувилбар гэж нэрлэнэ). Халимагаас гурван хувилбар олдож буй. Энэхүү гурван хувилбараас нэг хувилбар нь бидний судлах гэж байгаа монгол “Арж борж хааны намтар”-ын нэгэн хэсгийн хувилбар биш тул энд танилцуулахгүй. Нөгөө хоёр хувилбарын нэг нь “Арж борж хаан” гэсэн нэртэйгээр “Халимаг туульс” гэх номонд хоёрдугаар ботид оржээ. 1968 онд Элстэй хотноо “Халимаг хэвлэлийн хороо” хэвлэжээ. Тус хувилбарыг Манжийн Санжаас тэмдэглэн авч, гэхдээ хэзээ тэмдэглэж авсан нь тодорхойгүй (эхийг бид А хувилбар гэж нэрлэнэ). Нөгөөх нэг хувилбар нь “Долоон настай заргач” гэдэг нэрээр «Халимаг туульс» гэх номын I-р ботид сонгогдон орж, 1961 онд Элстэй хотноо Халимаг хэвлэлийн хороонд хэвлэжээ. Энэ хувилбарыг хэзээ хэнээс тэмдэглэн авсан нь тодорхойгүй. (үүнийг Б хувилбар гэж нэрлэнэ).

Монгол Улсаас одоо болтол сүүлийн үеийн аман хувилбарууд олдоогүй боловч 1928 онд Улаанбаатар хотноо хэвлэгдсэн монгол “Арж борж хааны намтар”-ын бичмэл эх олдож буй. Хэзээ тэмдэглэгдсэн нь тодорхойгүй.

Үүнээс гадна манай улсын Ордос, Өвөр Монголын, Шинжаан, Хөх нуур зэрэг газраас “Арж борж хааны намтар”-ын зарим нэг хувилбарууд олдож буй. Тухайлбал: Шинжааны Ховог сайраас “Арж борж хан” гэдэг нэртэй Арж борж хааны оршил бүлгийн хувилбар олдож буй. Энэхүү хувилбарыг манай улсын НШУА-ийн судлаач Б. Дамиранжав 1980-аад онд Ховогсайр сианы III малын талбайн малчин Б. Тогтохоос тэмдэглэн авч, “Зургаадай мэргэн” гэх номдоо сонгон оруулж, 1988 онд ӨМСХХ-оос хэвлүүлсэн байна. Хөх нуурын хувилбар нь “Зандан ширээ” гэдэг нэртэйгээр “Хаашийн явган үлгэр” “Хятад дотоод хэвлэл” гэх номонд сонгогдон орж, 1990 онд хэвлэгджээ. 1988 онд Оюунбилэг Хөх нуурын Голмуд хотын Урт мөрөн сианы Хашаат тосгоны малчин

67 настай Жамсрангаас тэмдэглэн авч, энэ нь мөн монгол “Арж борж хааны намтар”-ын оршил үлгэрийн хувилбар болох юм.

Өвөр Монголын Ордосоос хоёр хувилбар олджээ. I хувилбар нь 2009 онд ҮХХ-ноос хэвлэгдсэн “Морин цагаан сувд” гэх ордос ардын явган үлгэрийн цуглуулгад орсон “Товцогийн долоон хүү” (үүнийг бид А хувилбар гэж нэрлэнэ) гэх хувилбар болно. Энэ хувилбарыг 1980-аад онд Ордосын ахмад үлгэрч Цограваас тэмдэглэж авсан байна. Тэмдэглэсэн хүн нь тодорхойгүй.

II хувилбар нь 1937 онд Белгийн монголч эрдэмтэн А. Мостэроос “Ордосын аман зохиол” гэдэг том номдоо “Арж борж хааны намтар”-ын 9 үлгэр (оршил үлгэртэйгээ 10 үлгэр)-ийг тухайн үлгэрчийн нарын амнаас бичиж аваад, латин галиг үсгээр хэвлэжээ. Бидний энд шинжлэх гэж байгаа хувилбар (үүнийг Б хувилбар гэж нэрлэнэ) бол 1982 онд ҮХХ-оос хэвлэсэн А. Мостэрын “Арж борж хаан” гэх номонд доторх “Арж борж хааны оршил үлгэр” нь болох юм. Дээр дурьдагдсан хувилбаруудаас үзэхэд монгол улс болон Ордосын хувилбарыг гаргавал бусад хувилбарууд нь олонхидоо сүүлийн үед цуглуулагдсан монгол “Арж борж хааны үлгэр”-ийн эхний хэсгийн аман хувилбарууд болох нь тодорхой юм. Өөрөөр хэлбэл 32 модон хүнээс Арж борж хаанд өгүүлсэн үлгэрүүдийн эхлэлтийн хэсэг нь болох юм. (Бид дорогш “Арж борж хааны намтар”-ын оршил үлгэр гэж товчилно.) Иймээс бид энэхүү өгүүлэлдээ голдуу монгол Арж борж хааны намтарын оршил үлгэрийн аман буюу бичмэл хувилбаруудыг хооронд нь харьцуулахаар дамжин доторх нэг үлгэр нь уламжлалын явцдаа хэрхэн улиран хувьсдаг жам хуулийг эрэлхийлэхээр үндсэн зорилтоо болгосон болно.

II. Монгол оронд уламжилсан Арж борж хааны үлгэрийн аман буюу бичгийн хувилбаруудыг харьцуулах нь

Бидний ойлгосноор монгол “Арж борж хааны намтар” нь ХХ зууны эхний үед Монгол газраар машинд дэлгэрч байсан нь тодорхой мэдэгдэж буй. Нэн ялангуяа Монгол улс, Оросын Буриад, Халимаг цаашлаад манай улсын Ордос, Шинжаан зэрэг

газар орноор аман буюу бичгээр жигд уламжилж байсан бололтой. Сүүлийн үе болж ирээд энэхүү уламжлал нь бараг тасрах зүгтээ хандаж, энэхүү үлгэрийг мэдэх үлгэрч цөөрөхийг дагалдан үлгэрийн үйл явдлын зохиомжинд ихээхэн хувиралт гарч, уулын цуврал олон хэлхээ үлгэрүүд нь нийлэх буюу өөр шинэ нэгэн үлгэрийн хэв шинжээр баялагжиж, Монгол маягийн эхийг нэгэн явган үлгэрийн шинжтэй болсон байдалтай. Үүний нэг тодорхой жишээ гэвэл сүүлийн үед Монгол орноос тэмдэглэж авсан хувилбаруудаас үзэхэд олонхдоо монгол “Арж борж хааны намтар”-ын оршил үлгэрийн хувилбар буюу “намтар”-ын доторх зарим нэгэн үлгэрийг оршил үлгэртэй нь нийлүүлэн, эхний нэгэн биеэ даасан үлгэрээр ярих болсон нь тодорхой мэдэгдэж буй. Бүүр сүүлдэж ирэхэд “Арж борж” гэдэг энэтхэг нэр нь хэлэхгүйгээр ярих болсон байх жишээтэй. Дахин жишээлэхэд бидний мэдээчээр энэтхэгийн Раажа боожа хааны намтар буюу “32 модон хүний үлгэр” нь 32 үлгэрээс бүтсэн байдаг бол харин монгол “Арж борж хааны үлгэр”-ийн эл хувилбарууд нь хамаг олондоо зөвхөн 14 үлгэрээс бүтсэн байдаг ажээ. Энэ нь энэ хоёр үндэстний дунд адил нэртэй адил зохиомжтой, үйл явдал нь өсөд өөр үлгэрүүд зохиогдсон гэдгийг тодорхой харагдаж байна. Энэ нь анх эхэндээ энэтхэгийн Раажа Боожа хааны намтар буюу “32 модон хүний үлгэр” нь аман уламжлалын хэлбэртэй, монголчуудын дунд уламжилж урт удаан оны аман уламжлалын явц дунд монголчууд өөрийн ахуй амьдралдаа зохицуулан энэтхэг үлгэрийн хэв загварыг ашиглан шинээр дахин зохиосон монгол үлгэр болохыг гэрчилж буй. Энд бид зөвхөн “Арж борж хааны намтар”-ын эхний хэсгийн оршил үлгэрийн хувилбаруудыг харьцуулахаар дамжуулан, энэтхэгийн тухайн үлгэр нь хэрхэн монгол үлгэр болоод хувиссан тухай асуудлыг авч хэлэлцэх болно. Академич Ц. Дамдинсүрэн энэ үлгэрийн тухай судлахдаа голдуу нэлээд дээр үед тэмдэглэгдсэн бичгийн хувилбарууд дээр суурилж судалсан бол бид энд голдуу сүүлийн үе болтол монгол газар орноор уламжлан яригдаж байсан аман хувилбар дээр тулгуурлан бичгийн хувилбартай нь харьцуулан судалж, тухайн үлгэр нь уламжлалын явцдаа хэрхэн улиран хувиссан жам хуулийг нь эрэлхийлэх болно.

Сүүлийн үеийн аман хувилбаруудаас үзэхэд монгол “Арж борж хааны үлгэр”-ийн эхэн хэсгийн оршил үлгэр нь дангаараа биеэ даасан үлгэр болон яригддаг юм байна. Өөрөөр хэлбэл уулын бичигт тэмдэглэгдсэн хувилбаруудтай адил 32 модон хүний өгүүлсэн үлгэрийн оршил үлгэрээр яригддаггүй, харин биеэ даасан үлгэрийн хэлбэрээр яригддаг. Энэ нь ямар нэгэн үлгэрийн уламжлалын түүх нь урт болох тусмаа тухайн үлгэрийн үйл явдал нь тасралтгүй өөрчлөгдөж, өөрийн үндэстний эх хэл соёл түүх зан заншилдаа зохицон уламжлагддаг гэсэн жам ёсыг харуулж буй. Дараа нь бид бичгийн болон аман хувилбаруудын үйл явдалд тус бүрд нь дөхөм тоочилт хийж, хооронд нь харьцуулж үзье.

Халимагийн аман хувилбар: (А хувилбар)

1. Хэзээний бас нэгэн Уу цагт таван хошуу малтай Арж борж хаан гэдэг нэг хаан байжээ. Тэр хаан буруу гаргасан хүний заргыг шүүдэг хаан байжээ гэнэ.

2. Нэгэн залуу гадаад далайгаас морин толгойтой эрдэнэ олж нөгөөх нэг нөхдүүддээ өгч, манай эхнэрт өгчих гээд явуулахад нөгөө хүүд нь өгсөнгүй дундаас нь авсан байжээ. Ингээд Арж борж хаанд зарга мэдүүлэхэд, Арж борж хаан буруугаар шүүсэнд уул толгойд (нуугдаж байсан) тугал, хонь, ямаа хариулж байсан хөвгүүдээс морин толгойтой эрдэнэ нь хэний болохыг зөвөөр шүүж, чадсан гэнэ.

3. Нэгэн үхэрчин айлын цэрэгт явсан хөвгүүн нь хоёр ав адилхан төрсөн хөвгүүн болоод гэртээ харьж иржээ. Хөвгүүдийн ааваас нь хүүгээ таньж чадах үгүй, Арж борж хаанаар шүүлгэхэд хаан буруу шүүж, ингээд уулын толгойд тугал, хонь, ямаа хариулж наадаж байсан хөвгүүдээс аль жинхэнэ хөвгүүн болохыг зөвөөр шүүж хөвгүүнд хувилсан шулмыг лонхонд оруулан дарсан гэнэ.

4. Арж борж хаан гайхаш алдаж, тэр хөвгүүдийг өдөр болгон нуугдаж байдаг уулын толгойг малтуулсанд найман хөлтэй цагаан өнгөтэй ширээ гарч ирж гэнэ. Арж борж хаан тэр ширээн дээр сууснаас их ой ухаантай сайн заргач хаан болж гэнэ.

Бидний ойлгосноор “Арж борж хааны намтар” нь халимаг монголоос гадна, оросын буриад, монгол улс нэн цаашдын Өвөр Монгол, Шинжаан, Хөх нуур зэрэг газар орны монголчуудын

дунд ч өргөнөөр тархсан байх жишээтэй. Тэгэх мөртөө “Арж борж хааны үлгэр”-ийн оршил үлгэр нь янз бүрийн хувилбартайгаар монгол оронд ихээхэн тархсан нь бидний анхаарлыг ихээхэн татаж байна. Бид эдгээр газар орны “Арж борж хааны үлгэр”-ийн оршил үлгэрээс хамгийн онцлогтой гэсэн хэдэн хувилбарыг авч үзье.

Оросын буриадын аман хувилбар

А хувилбар

1. Сүн далай нуур байхад Сүмбэр уул нь болдог (уул довцог) байхад Арж борж хаан суу гэнэ. Хэргийг нь хөтлөх хоёр түшмэлтэй гэнэ. Баруун хойноо нүцгэн болдогтой юм гэнэ. Болдог дээр нь айлын хүүхдүүд уралдаж нааддаг гэнэ. Нэг нь уралдсан нь ардын ноён болж нааддаг гэнэ.

2. Арж борж хааны нэг албатын Зүг гэдэг нэртэй хөвгүүн алсад явж, шижир алтан улаан өөрийн айлын Аврам гэдэг нэртэй хөвгүүнд өгч гэртээ өгчих гээд явуулахад тэр хөвгүүн нь алтыг нь өгөлгүйгээр өөрөө худалдаж идсэн гэнэ. Ингээд Зүг хөвгүүн Арж борж хаанд Аврам хөвгүүнийг заалджээ. Хаан заргыг буруугаар шийдсэнд болдог дээр нуугдсан хөвгүүнээс заргыг зөвөөр шүүлгэж чадсан гэнэ.

3. Арж борж хааны нэг түшмэлийн хөвгүүн нь цэргийн албанд 3 жил яваад гэртээ хүрч ирэхэд бас нэг ав адилхан төрсөн хөвгүүн ирэхэд ааваас нь хоёр хөвгүүнийг ялган таньж чадсангүй, хаанаар зарга шүүлгэхэд хаан шулам хөвгүүнийг нь жинхэнэ хөвгүүн болгож буруугаар шүүхэд болдог дээр нуугдсан хүү заргыг дахин шүүж, шулам хөвгүүнийг лонхонд оруулж галдаж алсан гэнэ.

4. Арж борж хаан өдөр туршид мах иддэг зуршилтай юмсанжээ. Нэг удаа хааны иддэг мах нь барагдсанд тогооч нь мах бэдэрч (хайж) үхсэн хүүхдийн махыг авчирч чанаж өгчээ. Хаан үхсэн хүүхдийн мах идээд: “амттай сайхан мах байна” гээд түүнээс хойш айлын хүүхдийн махаар хооллох болсон гэнэ.

5. Айлын хөвгүүд баригдаж ховор болоход болдог дээр нуугдсан хөвгүүн гайхалдаж, айл болгоны гадаа сахиул тавьсанд хааны тогооч айлын хүүхдүүдийг алаад явж байхыг барьж аваад махчин хаанаа алж болдог дээр нуугдсан хөвгүүдээс хоёр нь ноён болж, ард зоноороо амар сайхан жаргаж гэнэ.

Шинжааны аман хувилбар

1. Эрт урьд цагт Арж борж гэдэг нэгэн хаан байсан гэнэ. Тэр хааны гэрийн өмнө биед нэг бага уул байх бөгөөд тэр уулан дээр өдөр бүр зарцынх нь 7 хөвгүүд салж (ээлжилж) хан сууж нааддаг гэнэ.

2. Нэг өдөр 7 хөвгүүн наадаж байтал нь тором хөтөлсөн хүн нь дуулж, нөгөө хүн нь уйлж явахыг хан сууж нуугдаж байсан хөвгүүн үзээд тэднийг дуудаж, та хоёрын нэг нь яагаад дуулж, нөгөө нь яагаад уйлж байна вэ? гэж асуусанд уйлж явсан нь энэ хүн миний торомыг аваад өөрийн тором гэв. Тэгээд арж борж хаанд хүргэсэнд хаан буруугаар шүүж, түүнд өгөв. Хан суугч наадаж байсан хүн үүнийг сонсоод тэгвэл торомын эхийг нь авчир гээд явуулжээ. Тэгэхэд хөвгүүн маргааш нь торомын эхээр нь тормын жинхэнээс нь хэн болохыг нь таньж, хаанд чимээ илгээжээ. ... Учир явдлыг шүүвэл тань шиг сүйтгэл болохгүй гэж донгодсон гэнэ.

3. Маргааш нь хөвгүүн тугалаа тууж, уулын өвөрт хан түшмэд болоод наадаж байтал, хоёр хүний нэг нь уйлж, нэг нь дуулсан ирж явна гэнэ. Хаан суугч наадаж байсан хөвгүүн үзээд тэднийг дуудуулжээ... та хоёр яагаад нэг нь уйлж, нөгөө дуулж явна вэ гэхэд уйлж яваа нь би хэддэн жил цэрэгт яваад гэртээ харьж ирэхэд энэ хүн надаас түрүүлж ирээд аав ээж хоёрын минь хөвгүүн болж сууж орхижээ. Тэгээд аав ээж ч танихгүй болжээ. Тэгээд Арж борж хаанд одсонд намайг сүүлд ирсэн учраас аав ээжийн хөвгүүн биш гэж хэлэв гэжээ. Хөвгүүнүүнийг сонсоод маргааш нь тэр хоёрыг холоос уралдуулж, шулам залууг лонхонд оруулж бөхлөөд хаанд хүргэжээ. Учир явдлыг шүүвэл ингэж шийтгэдэг гэж тунхаглаж гэнэ.

4. Арж борж хаан гайхаш алдаж, хүүхдийн нааддаг уул оройг малтуулсанд дороос нь нэг 32 хөлтэй модон ширээ гарч, хаанд ... энэ ширээ бол Бигармижид хааны суух ширээ юм гээд нисэн гарахад хаан цавчихад нэг хөл нь унаж иржээ. Энэ хөлийг нь нэг баян айл аваад үүдэндээ шаантаг тавьсан гэнэ. Тэгээд энэ шаантаг нь олон бүгдэд тусалсан гэнэ.

Хөх нуурын аман хувилбар

1. Эрт урьдын цагт нэг голын тохойд хоёр айл суудаг юм байж гэнэ. Нэг айл нь эвэртэй үхэр, нөгөө айл нь мухар үхэртэй гэнэ.

2. Нэг өдөр мухар үхэртэй эзэн нь үхрээ үзэхээр очиход мухар үхэр нь нэг барсыг мөргөөд алсан байжээ. Мухар үхрийн эзэн нь баярлаад барсын арьсыг нь өвчиж аваад гэртээ харихад эвэртэй үхрийн эзэн нь сонсоод ... Эвэргүй үхэр яагаад ч барсыг мөргөж алах юм. Миний эвэртэй үхэр мөргөж алсан гээд хоёулаа зөрчил үүсгэж ханд зарга мэдүүлэхээр явжээ.

3. Хааны ордонд явах замын хажууд нэг довцог дээр 7, 8 хүүхэд өдөр болгон хан түшмэл болон нааддаг юм гэнэ.

4. Үхрийн хоёр эзэн хаанд өөрийн учир явдлаа хэлэхэд хан сонсоод ... Мухар үхэр яагаад ч барсыг мөргөж алах юм. Лав эвэртэй үхэр нь мөргөж алсан гээд барсын арьсыг нь эвэртэй үхрийн эзэнд өгчээ.

5. Үхрийн хоёр эзэн гэртээ харих замдаа довцог дээр наадаж байсан хүүхдүүдийн хажуугаар гарахдаа тэдний заргыг тэгээд шүүх болжээ. Хүүхдүүд тэр хоёрт та хоёр харьж өөр өөрийн үхрээ хөтөлж ир гээд явуулсны дараа барсын арьсанд нь өвс чихэж босгож зогсоож гэнэ. Эвэртэй үхэр нь энэхүү хуурмаг барсыг үзэнгүүтээ зугатааж эвэргүй мухар нь мөргөж унагасан тул барсын арьсыг нь мухар үхрийн эзэнд өгсөн гэнэ.

6. Тэр үест нэг газарт ядуу эмгэн өвгөн хоёр амьдардаг юм гэнэ. Эмгэн өвгөн хоёр цорын ганц хөвгүүнтэй юм гэнэ.

7. Ганц хөвгүүн нь гадагш гарч юм хайж яваад нэг морин толгойтой болор эрдэнэ олжээ. Гэртээ харих замдаа өөрт нь ав адилхан төрсөн залуутай тааралдаж, болор эрдэнээ тэр залууд өгч, манай гэрт хүргээд өгчих гээд өөрөө үргэлжлэн эрдэнэ хайхаар явж гэнэ.

8. Шулам залуу нь нөгөөх залуугийн аав ээж дээр ирж эрдэнийг нь өгөөд өөрийн хөвгүүн нь болж амьдарч гэнэ. Жинхэнэ хөвгүүн нь яваад юм олсонгүй, гэртээ харьж ирэхэд өнөөх шулам залуу нь аав ээжийнх нь хөвгүүн болсон байжээ. Аав ээж нь энэ хоёр хөвгүүнийг ялган таньж чадахгүйдээ хаандаа зарга мэдүүлэхэд хаан шулмыг жинхэнэ хөвгүүн гэж шийджээ.

9. Гэртээ буцах жилдээ довцог дээр нааддаг хүүхдүүдийн хажуугаар гарахад тэдний дуудаж, заргыг дахин шүүнэ гэжээ. Ингээд шулам залууг шивэр лонхонд оруулж амсарыг нь бөглөөд ийнхүү залуу аав ээжид нь таниулан өгсөн гэнэ.

10. Хан үүнийг сонсоод гайхаш алдаж хүүхдүүдийн наадддаг довцогийг малтсанд нэг зандан ширээ гарч гэнэ. Тэр хаан энэхүү зандан ширээн дээр сууснаас хойш элдэв хэрэг заргыг зөвөөр шүүж чадах болсон гэнэ. Уул нь тэдгээр хүүхдүүд заргыг зөвөөр шүүж чаддагийн шалтгаан нь тэрхүү зандан ширээнээс болсон гэнэ.

Өвөр монголын Ордосын аман хувилбар

А хувилбар

1. Эрт урьдын цагт нэг довцог толгойн ойр орчимд тойрон суусан олон айл байжээ. Тэр айлын олон хүүхдүүд малдаа явахдаа довцогийн өөд уралдан гарч, ноён түшмэл болж нааддаг гэнэ.

2. Нэг айлын 7 настай хүү нь алга болоод 7 жилийн дараа хүрч ирэхдээ бас нэг ав адилхан төрсөн хүү иржээ. Хоорондоо аав ээжээ булаацалдаж, аав ээж нь аргагүй заалдсанд яамны ноёноос хуурмаг хүү нь жинхэнэ хүү болгож шүүхэд довцогийн 7 хөвгүүд ноёноос заргыг дахин шүүж, чөтгөр хүү нь лонхонд орж дарагдсан гэнэ.

3. Дахиж байтал довцогийн нэг айл нь нөгөөх айлын минь молор эрдэнийг хулгайлав гэж яаманд заргалджээ. Ноёноос заргыг буруу шүүсэнд нөгөө хүүхдүүдийн ноён дахин шүүж, молор эрдэнийн эзэн нь хэн болохыг зөв шүүж чадав гэнэ.

4. Дахиж байтал мухар үхрийн эзэн болон эвэртэй үхрийн эзэн хоёр нэгэн үхүүлсэн барсын арьсыг булаацалдаж яамны ноёнд заалдсанд ноён буруу шийдэж, нөгөө 7 хөвгүүн дахин шүүж, мухар үхэр барсыг мөргсөн нь үнэн болохыг баталж, арьсыг мухар үхрийн эзэнд өгөв гэнэ.

5. Довцогийн 7 хүүхдийг яамны ноён болгосноос хойш тэр хавийн айлын ард ийм тийм хэрэг заргад учирсангүй, сайхан жаргасан гэнэ.

Өвөр монголын Ордосын аман хувилбар

Б хувилбар

1. Эрт нэгэн цагт Арж борж нэртэй нэг их хаан байж гэнэ. Тэр хааны үр 7 айлын 7 хөвгүүн нэг довцог дээр цугларч тоглоод, малаа адгуулдаг юм байна. Тэр хэдүүлээ өдөр болгон тэр довцог руу уралдаж гэнэ. Хэн нэг түрүүлсэн нь хаан болж, бусад түшмэл болж нааддаг юм гэнэ.

2. Тэр үест тэр газрын нэгнийх нь нэр нь Зууны, нэгнийг нь нэр нь Нэтгэ гэдэг хоёр хүн эрдэнэ худалдаж авахаар далайн чанадад очоод эрдэнэ худалдаж аваад, Нэтгэ нь харих болсонд Зууны нь худалдаж авсан эрдэнээ Нэтгэд өгч, миний эхнэрт өгчих гээд явуулжээ. Нэтгэ харьж ирэхдээ Зууны өнөөх эрдэнийг эхнэрт нь өгөлгүй, дундаас нь өөртөө авсан гэнэ. Хэдэн сар болоод зууны гэртээ харьу ирэхэд эхнэрээсээ эрдэнийг асууж, эрдэнэ аваагүйг мэдэн хаанд заалдтал, хаан буруу шүүв. Энэ үед довцог дээр тоглож байсан 7 хүүхэд заргыг зөв шүүж, эрдэнийг Зууныд буцааж гэнэ.

3. Ингэж байтал нэг айлын хүү цэрэгт яваад харьж ирэхэд нь бас нэг ав адилхан төрсөн хүү гэрт нь иржээ. Аав ээж нь тэр хоёр хөвгүүнийг ялган таньж чадалгүй Арж борж хаанд зарга мэдүүлтэл хаан шулам хүүг нь жинхэнэ хүү нь болгож буруугаар шүүв. Довцог дээрх нааддаг хүүхдүүдээс заргыг дахин шүүж, шулам хүүг лонхонд оруулж, Арж борж хаанд илгээхэд, хаан түүнийг түлж алж гэнэ.

4. Энэ хэрэг барсан хойно хаан гайхаш алдаш, довцогт учир буй гээд малтсанд 32 модон шүдтэй, шүд бүрт нь нэг модон хүүхэд хатгасан алтан ширээ гарчээ. Хаан тэр ширээг үзээд маш их баярлаж ширээн дээр суух гэтэл 32 модон хүүхдийн нэг нь үг хэлж, түүнийг хориглоод Бигармижид хааны үлгэрийг хаанд хэлж гэнэ.

Монгол улсын бичигт тэмдэглэгдсэн хувилбар

1. Эрт урьд Энэтхэгийн оронд Арж борж нэрт нэгэн их хаан байж гэнэ. Тэр хааны улсын хүүхдүүд тугал хариулан наадахдаа нэг довцог толгой дээр гарч бүгдээрээ уралдаж, түрүүлсэн нь хаан, бусад нь сайд түшмэл хиа болж нааддаг гэнэ.

2. Ингэж байтал тэр их хааны нэг албат далайгаас эрдэнэ олоод Зүг нэрт таних хүндээ өгч гэртээ өгчих гээд явуулахад тэр хүн эрднийг нь өгөлгүй өөрөө худалдаж идсэн гэнэ. Эрдэнээ явуулсан хүн нь гэртээ харьж бүх учрыг мэдээд, Зүгийг хаанд заалджээ. Хаан заргыг буруу шүүсэнд довцог толгой дээр нааддаг хүүхдүүд зөв шүүж чадсан гэнэ.

3. Арж борж хааны нэг түшмэлийн ганц хөвгүүн нь цэргийн албанд 2 жил яваад гэртээ харьж ирэхэд бас нэг адилхан хүү гэрт нь ирсэн байж гэнэ. Аав ээж нь танилгүй хаанд заалдтал хаан заргыг буруу шийджээ. Гэтэл довцог дээрх хүүхдүүд зөв шүүж, шулам хүүг барьж хаанд илгээхэд, хаан түймэрдэж алсан гэнэ.

4. Ингээж Арж борж хаан гайхаш алдаж тэрхүү довцог толгойд учир буй гээд малтсанд нэгэн 32 гишгүүртэй, гишгүүр бүрт 32 модон хүнийг сийлэн хатгасан алтан ширээ гарч гэнэ. Хаан үзээд баярлаж суух гэхэд 32 модон хүн үг хэлж, хаан ширээнд суулгахыг хориглож, Бигармижид хааны үлгэрийг хаанд өгүүлсэн гэнэ.

Дээрх газар орны хувилбаруудын харьцууллаас юуны өмнө бид монгол Арж борж хааны намтар монголын газар нутгаар өргөн уламжлан тархсан гэдэг байдлыг тодорхой ойлгож болох юм. Нэн түүний дотор монгол Арж борж хааны намтрын оршил үлгэр нь маш олон хувилбартайгаар уламжлагдаж ирсэн гэдгийг ч ойлгож болох байлтай. Дээрх газар орнуудын монгол Арж борж хааны намтрын оршилын үлгэрийн хувилбаруудыг харьцуулж дээрх хэдэн хэв шинжээс нийлж бүтээсэн нийлмэл үлгэр болох нь тодорхой юм. Бид эл хувилбаруудын агуулгыг нь үндэслэн дараах хэдэн хэв шинжүүдэд хувааж болох шиг санагдана.

1. “Молор эрдэнэ нь хэний болохыг шүүсэн нь” гэх хэв шинж. Иймэрхүү хэв шинжээр яригддаг хувилбарын дотор халимагийн нэг хувилбар (А), буриадын нэг хувилбар, Ордосын хоёр, Монголын нэг хувилбар буй.

2. “Шулам хөвгүүнийг лонхонд оруулж дарсан нь” гэх хэв шинж. ... Иймэрхүү хэв шинжээр яригддаг хувилбарын дотор халимагийн хоёр хувилбар, буриадын нэг хувилбар, Шинжааны 1, Ордосын хоёр, Монголын нэг, Хөх нуурын 1 хувилбар буй. Энэхүү хэв шинж нь бидний одоогоор олдоод байгаа бүх хувилбаруудтай давхцаж байдаг.

3. “Махчин хаанаа дарж болдгийн хөвгүүдээс ноён болгосон” гэх хэв шинж. ... Иймэрхүү хэв шинжээр яригддаг хувилбарын дотор зөвхөн буриадын хувилбарт яригддаг билээ.

4. “Торомын эхээр нь жинхэнэ эзнийг нь таньсан нь” гэх хэв шинж. ... Иймэрхүү хэв шинжээр яригддаг хувилбарын дотор зөвхөн Шинжааны хувилбар яригддаг билээ.

5. “Мухар үхэр барсыг мөргөж алсан нь” гэх хэв шинж. ... Иймэрхүү хэв шинжээр яригддаг хувилбарын дотор Ордосын 1 (А), Хөх нуурын 1 хувилбар буй.

6. “Уул довцогийн нууц” гэх хэв шинж. ... Иймэрхүү хэв шинжээр яригддаг хувилбарын дотор халимагийн 1, Шинжааны 1, Ордосын 1 (Б) Хөх нуурын 1, Монголын 1 хувилбар буй. Энэхүү хэв шинжийн үйл явдал нь их төлөвдөө уулын оройд нааддаг хөвгүүд зарга шүүхдээ онцгой мэргэн болдог тул хаан гайхаш алдаж, малтсанд онцгой нэгэн зүйлийн ширээ гарч ирдэг байна. Энэ нь мөн ч хүүхдүүд зарга шүүхдээ мэргэн байдгийн нууц нь ч ийнхүү үүндээ байдаг ажээ.

Дээр дурдсан газар орны монгол хувилбаруудад яригддаг “Уул оройгоос гаргасан ширээний тухай” мотивууд нь хоорондоо ялгаатай яригддаг нь энэхүү хэв шинжийн үлгэр нь уламжлалын явцдаа хэрхэн улиран хувьссан гэдгийг харуулж чадахуйц тодорхой жишээ болох юм. Жишээ нь халимаг хувилбарт “Найман хөлтэй цагаан өнгийн ширээ” гэж байхад буриадын хувилбарт иймэрхүү мотив байдаггүй. Шинжааны хувилбарт “32 хөлтэй модон ширээ” гэж яригдаж байхад Хөх нуурын хувилбарт “зандан ширээ” гэж яригддаг.

1928 онд Улаанбаатарт хэвлэгдсэн бичмэл эхэд “Нэгэн 32 гишгүүртэй, гишгүүр болгонд нь 32 модон хүний нэжгээд хатгасан алтан ширээ” гарч ирсэн гэж ярьж байхад 1937 онд хэвлэгдсэн Ордос хувилбарт “32 модон шаттай, шат бүр нь нэг модон хүүхэд хатгасан алтан ширээ” гарчээ гэж хоорондоо бараг адилаар яригдаж байдаг. Нэн сонирхолтой нь сүүлийн үед Ордосоос тэмдэглэгдэж авсан А хувилбарт энэхүү мотив нь яригддаггүй. Энэ нь сүүлийн үеийн хувилбаруудтай энэхүү мотив нь туйлын хувиралттай яригддаг болсон гэдэг нь харагдаж байна. Дээр бид нэгэнт энэхүү оршил

үлгэрийн хувилбарууд нь нийт ярианы хэв шинжээ үлгэрүүдээс нийлж бүтээсэн гэдгийг ойлгож мэдлээ. Дараа бид дэлхий нийтийн явган үлгэрийн АТ-ны эхлэлийн ангиллын аргыг үндэслэн эдгээр 6 хэв шинжийн үлгэрийн дотор аль нэг нь дэлхий нийтийн шинжтэй үлгэрийн хэв шинж болох, аль нь улс үндэстний онцлогтой хэв шинж болох, аль нь орон нутгийн онцлогтой үлгэрийн хэв шинж болохыг тус бүрд нь тодорхойлж, түүний нийтлэг буюу өвөрмөц онцлог шинжийг тодорхойлохыг хичээе.

Дэлхий нийтийн явган үлгэрийн ангиллын системээс үзэхэд энэхүү монгол оршил үлгэрийн хувилбаруудтай давтагдан яригддаг. “Шулам хөвгүүнийг лонхонд оруулан дарсан нь” гэх хэв шинж нь АТ-ны үлгэрийн хэв шинжийн ангилалд 926 А-гийн “Мэргэн шүүгч хүүхэд лонхон дахь шулам” гэх хэв шинжтэй адил хэв шинжийн үлгэр болох нь тодорхой байдаг. Тэр мөртөө энэхүү хэв шинж нь дэлхий нийтийн шинжтэй явган үлгэрийн хэв шинж болох нь тодорхой юм. Дараа нь бид АТ-ны ангиллын 926 А-гийн хэв шинжийн үлгэрийн үйл явдалтай дөхөм танилцая.

926 А. “Мэргэн шүүгч хүүхэд лонхон дахь шулам”

1. Нэг шулам айлын гоё бүсгүйг авахын төлөө түүний эр нөхөртэй нь адилхан дүрээр хувилан ирээд өнөөх бүсгүйг болиулдаг.

2. Бүсгүйн жинхэнэ залуу болон шулам хоёр өөр өөрийнхөө жинхэнэ залуу гэж маргах мөртөө өөр хүмүүс хэн ч хэд тэдний үнэн худлыг нь ялгаж чадахгүй.

3. Эцэстээ нэг шүүгч “Хаан буюу шүүгч болж тухлан суугч тоглон наадагч байсан бяцхан хүү, хар лам, зэрлэг туулай, чоно, тоть шувуу” тус заргыг шүүнэ.

4. Тэгээд шүүгчээс хэн хэрвээ жинхэнэ залуу бол энэ лонхонд орж чадна гэсэнд шулам тэр дор нь лонхонд үсэрч орно. Гэтэл бүсгүйн жинхэнэ залуу нь орж чадсангүй.

5. Шулам лонхонд ормогц лонхны амыг бөглөн шулмыг барьж авна. Тэгээд жинхэнэ залуу бүсгүйтэйгээ гэртээ харина.

Энэхүү хэв шинжийн үлгэр нь Болгар, Араб, Тува, Леван, Индиан, Непал, Дундад улс, Индонези, Япон, Египт, Судан зэрэг

улс үндэстний дунд уламжилж байдгаас үзэхэд энэ нь дэлхийн нийтийн шинжтэй үлгэрийн хэв шинж болох нь тодорхой юм. Үүнд нэгэн зүйлийг тодорхойлж хэлэхэд монгол газар орны хувилбарууд хүүхэд олон улсын хэцээн дэх хаувилбаруудын ялгаатай нэг зүйл гэвэл монгол хувилбаруудтай “хоёр ав адилхан төрсөн хөвгүүд аав ээж ба булаалддаг” бол олон улсын хувилбаруудад “ав адилхан төрсөн хоёр залуу нэгэн гоё бүсгүйг булаалддаг. Өөрөөр хэлбэл тухайн хэв шинжийн үлгэрт гардаг дүр нь адилгүй боловч түүнээр үйлдүүлэгч байгаа үйл ажиллагаа нь адил байдаг. Энэ нь яг В. Я. Проппын хэлсэн шигээр “үлгэрийн доторх цаг орон газар хүмүүсийн дүрийн хувиралттай байдаг боловч харин зохиолын дүрээр гүйцэтгүүлдэг үйл ажиллагаа үйл явдал нь хувиралтгүй” гэсэн үзэлтэй яг сайхан нийцэж очдог [Пропп 2006]. Энэ нь даруй ямар нэгэн хэв шинжийн үлгэрийн доторх цаг газар орон дүр нь адилгүй байдаг ч харин зохиолын дүрээр гүйцэтгүүлдэг үйл ажиллагаа нь адил бол тэр нь даруй нэг хэв шинжийн үлгэрт багтдаг гэснийг харуулж буй.

Монгол Арж борж хааны оршил үлгэрийн доторх “Молор эрдэнэ хэний болохыг шүүсэн нь” гэх хэв шинж нь дэлхий нийтийн явган үлгэрийн хэв шинжийн ангилалд байдаггүй боловч, харин Америкийн эрдэмтэн Диннай Тонны найруулан зохиосон “Дундад улсын явган үлгэрийн хэв шинжийн товъёог” (926 L) дугаар дахь “хуурмаг гэрч хүн” гэх хэв шинжид ойролцоо хэв шинжээр жагсаагаад оруулсан байдаг. Эхээс үзэхэд энэхүү хэвшинжийн үлгэр нь дэлхий нийтийн шинжтэй үлгэрийн хэв шинжид багтдаггүй боловч, дундад улсын явган үлгэрт байдаг юм байна. Иймээс бид энэхүү үлгэрийн хэв шинжийг улс үндэстний онцлогтой үлгэрийн хэв шинжид авч үзсэн байна. Дараа нь бид энэхүү хэв шинжийн үлгэрийн үйл явдалтай дөхөм танилцая.

926 L хуурмаг гэрч хөвгүүн

1. Нэг лам сүмээс нэг хэсэг алтыг хулгайлан авч нэг шинэ лам ирж тэр сүмийг хамаарах болсон гэнэ. Алт хулгайлсан лам шинэ ирсэн ламыг сүмийн алтыг хулгайлсан гэж заалдсанд бусад нар нь ч бүр түүнтэй тэмцэж заалджээ.

2. Нэгэн нутгаасаа салсан хүн нэг хэсэг эрдэнийн чулууг олоод танил нөхөддөө өгч ээждээ явуулжээ. Тэр нөхөд нь эрдэний чулууг ээжид нь өгөлгүй өөртөө авчээ. Үүнийг мэдээд заалдсанд тэр нөхөд нь хоёр ноёныг хуйвалдуулж, өөртөө гэрч болгожээ.

3. Хаталж эсвэл залуу ноёноос заалдагч болон заалдуулагч нар нь шүүх газар дуудаж, гэрч болох хүмүүсүүдийг хооронд нь хол зогсоож, тэдэнд нэг хэсэг шивэр өгөөд тэднээрээ алтан буюу эрдэнийн чулууны загварыг хийлгэжээ. Тэдгээр гэрч болох хүмүүс нь өнөөх алтан буюу эрдэнийн чулууг ерөөс үзсэнгүй тул тэд нарын хийсэн нэг ч хэлбэр нь хоорондоо бүр адилгүй болжээ. Худалч ноёноос тэд нарын хуурмаг гэрч болж байгааг илчилж эрдэнийн чулууг жинхэнэ эзэнд буцааж өгөхийг заргалджээ. Энэхүү хэв шинжийн үлгэрийн загвар нь БНХАУ-ын хэдэн үндэстний дунд (Монгол, Төвд, Хятад зэрэг) уламжилж байх төлөвтэй. Тийм мөртөө энэхүү хэв шинжийн үлгэр нь маш олон хувилбартайгаар уламжилж байх шинжтэй.

Монгол Арж борж хааны үлгэрийн оршил үлгэрийн доторх “Уул довцгийн нууц” гэх хэв шинжийг энэтхэгийн Ража Боожа хааны намтрын үлгэрийн хэв шинжтэй харьцуулж үзэхэд энэ хоёр хэв шинжийн үлгэр нь хоорондоо нэлээд ойролцоо байдаг тул бид үүнийг энэтхэг үлгэрийн дэд хэв шинж гэж үзсэн байна. Дараа нь бид энэтхэгийн Раажа Боожа хааны намтрыг 32 модон хүний үлгэрийн оршил үлгэрийн хэв шинжтэй танилцая.

Бид энэхүү оршил үлгэрүүд үндсэн агуулгыг нь үндэслэл тухайн үлгэрийн хэв шинжийн гарчгийг нь “32 хөлтэй эрдэнийн ширээний нууц” гэж гарчиглая.

32 хөлтэй эрдэнийн ширээний нууц

1. Эрт урьдын цагт Энэтхэг оронд Викрамадити хаан гэж байжээ. Хаан тэнгэрийн дагиныг хатан болгон авсанд Хурмаст дахин баясчээ. Хаан 32 хөлтэй, хөл бүрдээ модон хүнтэй ширээгээ соёрхжээ. Хаан нас барсны дараа түүний нялх хүү нь хаан суусан боловч ширээг эзлэх заяагүй гээд 32 хөлтэй эрдэнийн ширээг газар булжээ.

2. Олон он жил өнгөрсөн хойно Ража Боожа хааны үед нэг бярманы тарианы газарт нэг довтой юмсанж. Эзэн бярман нь тэр

дов дээр гарахдаа өгдөгч сайн сэтгэлтэй, буунгуут харамч муу сэтгэлтэй болдог гэнэ.

3. Раажаа Боожа хаан түүнийг мэдээд довыг малтсанд 32 модон хүнтэй эрдэнийн ширээ гарч гэнэ. Хаан тэр ширээнд суух гэтэл, ширээний хөлд байгаа 32 модон хүн хориглож, Викрамадити хааны суусан ширээ гэж 32 модон хүн тус бүр “Викрамадити хааны намтар”-аас өгүүлж, “Тийм буянтай сайн бол суу, үгүй бол битгий суу хэмээн ингээд 32 модон хүний үлгэр эхэлдэг байна”. Энэтхэгийн Раажа боожа хааны намтрын оршил үлгэрийн хэв шинж нь Монгол Арж Борж хааны үлгэрийн оршил үлгэрийн зарим нэг хувилбарт яригддаг юм байна. Гэхдээ нэлээд дээр үед тэмдэглэгдсэн хувилбаруудад яригддаг нь сонирхолтой санагдана. Жишээ нь 1928 онд Улаанбаатар хотноо хэвлэгдсэн монгол Арж Борж хааны намтарын бичмэл эхийн оршил үлгэрт иймэрхүү хэв шинж байдаг бөгөөд 1937 онд А. Мостэрын хэвлүүлсэн “Ордосын Арж Борж хааны намтар” үлгэрт иймэрхүү хэвшинж байдаг нь бидний санааг улам тодорхой болгож буй. Иймээс энэхүү хэв шинж нь энэтхэг үлгэрийн уул хэв шинж гэдэг нь мэдэгдэж буй. Харин сүүлийн үеийн хувилбаруудад нэлээд хувиралттайгаар яригддаг байна. Учир нь монголчууд иймэрхүү үлгэрийн хэв шинж байдаггүй тул аль болохоор өөрийн үлгэрийн хэв намбадаа зохицуулан ярьдаг юм байна. Жишээ нь: халимагийн А хувилбарт “тэр хөвгүүдийн өдөр болгон наадаж байдаг уулын толгойг малтсанд хөлтэй цагаан өнгөтэй ширээ гарчирж гэнэ. Арж Борж хаан тэр ширээн дээр сууснаас их ой ухаантай сайн заргач хаан болж гэнэ” гэж яригддаг бол буриадын А хувилбарт иймэрхүү мотив байдаггүй [Халимаг туульс 1968: 116].

Шинжааны хувилбарт Арж Борж хаан гайхаш алдаж, хүүхдүүдийн нааддаг уул оройг малтсанд доороос нь 32 хөлтэй модон ширээ гарч Арж Борж хаанд энэ ширээ болвол Бигармижид хааны суух ширээ мөн гээд нисэн гарахад, хаан цавчсанд нэг хөл нь унаж иржээ [Ринчиндорж, Дамринжав 1988] гэж иймэрхүү өгүүлдэг бол Хөх нуурын хувилбарт “Хаан үүнийг сонсоод гайхаш алдаж, хүүхдүүдийн нааддаг довцогийг малтсанд нэг зандан ширээ гарч, хаан тэр ширээнд сууснаас хойш гарсан заргыг зөвөөр

шийддэг болсон гэнэ” гэж зандан ширээний нууцыг тайлбарласан маягаар яригддаг [Зандан ширээ 1990: 441–442]. Харин сүүлийн үед тэмдэглэгдсэн Ордосын А хувилбарт иймэрхүү мотив байдаггүй. Дээрх задлалтаас бид монгол Арж Борж хааны намтрын оршил үлгэр нь дэлхий нийтийн явган үлгэрийн хэв шинж болох “Мэргэн шүүгч хүүхдүүд лонхон дахь шулмас” болон улс үндэстний явган үлгэрийн хэв шинж “Хуурмаг гэрч хүн” энэтхэг үлгэрийн хэв шинж 32 хөлтэй эрдэнийн ширээний нууц зэрэг хэв шинжээс нийлүүлж бүтсэн гэдгийг ойлгож мэдсэн байна.

Үүнээс гадна энэхүү оршил үлгэрүүд доторх “Махчин хаанаа дарж болдгийг хөвгүүдээс ноён болгосон нь”, “Торомын эхээр жинхэнэ эзнийг нь танисан нь”, “Мухар үхэр барсыг мөргөж алсан нь” гэх 3 хэв шинжийн үлгэр нь дэлхий нийтийн болон үлгэр бусад улс үндэстний явган үлгэрт илэрхий хэв шинжүүд байдаггүй мөртөө монголчуудын зарим нэг онцгой газар орноор яригддаг тул бид үүнийг газар орны онцлог бүхий явган үлгэрийн хэв шинж гэж үзсэн байна. Эдгээр хэв шинжийн үлгэрүүд нь монголчууд өөрийн ахуй амьдралдаа зохицуулан шинээр зохиосон үлгэр болох нь тодорхой юм.

Бид дээрх задлалтаас дараах тохиолдлыг олж болох байлтай. Юу гэвэл монгол Арж Борж хааны намтрын оршил үлгэр нь уламжлалын явцдаа дараах үлгэрүүдийн хэв шинжийг онцлогуудаас нийлж бүтсэн байдаг. Даруй дэлхий нийтийн шинжтэй явган үлгэрийн хэв шинж монгол үндэстний онцлогтой үлгэрүүдийн хэв шинж орон нутгийн онцлог бүхий үлгэрийн хэв шинжүүдээс нийлэлдэн бүтсэн нийлмэл бүтэцтэй үлгэр болох юм. Дээрх харьцууллаас монгол Арж Борж хааны намтарыг энэтхэгийн Арж Борж хааны намтраас шууд орчуулсан зохиол гэхэд туйлын хүчиртэй гэдгийг үзэн гаргаж болно.

Зохиолын баатрын нэр болон зарим нэгэн үйл явдал нь хэдийгээр энэтхэг хувилбараас гаралтай боловч, олонх үйл явдлын хэв шинж мотивууд нь монголчуудын дунд уламжлахдаа шинээр зохиогдсон монгол үлгэр болох нь тодорхой юм. Нэн тодорхойлж хэлэхэд энэхүү оршил үлгэр нь энэтхэг үлгэрийн хэв шинж мотивоос гадна дэлхий нийтийн явган үлгэрийн хэв шинж улс үндэстний онцлог

бүхий явган үлгэрийн хэв шинжээс нийлэлдэн бүтсэн байдаг. Иймээс ямар нэгэн улс үндэстний явган үлгэр нь өөр бусад улс үндэстний дунд уламжлагдахдаа өөрий хэв шинжээ ямар нэгэн хэмжээнд хадгалахын зэрэгцээ тухайн улс үндэстнийхээ үлгэрийн үйл явдалтай зохицож, улиран хувьсдаг гэдгийг дээрх жишээнээс тодорхой ойлгож болох юм.

Миний сэдвийн жолоодогч Цэцэнмөнх “Явган үлгэр нь анхлан судлагдсан тэр цаг үеэс эхлээд хүмүүст нэгэн зүйлийг ойлгуулагдсан юм. Юу гэвэл зөвхөн үлгэр нь дэлхий нийтийн хэвцээнд улс үндэстний дунд нийтмэл уламжилж байхаар барахгүй тооны талаар ч маш олон байдаг” гэснийг ойлгож мөн үүний зэрэгцээ адил нэг үлгэр нь маш олон адил бусын газар орон буюу адил бусын улс үндэстнүүдийн дунд уламжилж байдгийг ч ойлгож мэдсэн байна. Үүний дундаас эрдэмтэд явган үлгэрийн уламжлалын түгээмэл нэг онцлогийг сурч мэдсэн юм. Энэ нь даруй явган үлгэрийн тоо нь хэдийгээр олон боловч, түүний доторх олонх үйл явдал нь ямар нэгэн адил үйл явдлын хувилбарууд байдаг гэснийг олж мэдсэн байна. Энэ тухай зарим нэг улсын бүрэн бус бүртгэлийг үндэслэвэл нэг үндэстний дунд уламжилж байгаа үлгэрийн гурвны нэгээс дээших нь олон улс үндэстний шинжтэй буюу цаашилбал дэлхий нийтийн шинжтэй байдаг» гэж тодорхойлжээ [Цэцэнмөнх, Сарантуяа 2010]. Энэ нь юуг харуулж байна гэвэл явган үлгэрийн тоо нь ганцааргүй олон байдаг боловч үлгэрийн үйл явдлын хэв шинж нь харьцангуй ганцаар байдаг.

Иймээс олон улсын явган үлгэрийг судлагч эрдэмтэд дэлхий нийтийн нийтлэг шинжтэй явган үлгэрийн үйл явдлын хэв шинжийг ерөнхийдөө 700–800-ийн хооронд харьяалж гаргасан байдаг. Гэхдээ үүнээс нэн олон байх нь зайлшгүй хэрэг. Учир нь харьяалал бол одооны эрдэмтдийн гарт байгаа хязгаартай эх хэрэглэгдэхүүндээ суурилж харьяалагдсан дутуу юм. Тэгэхдээ дэлхийн улс үндэстний явган үлгэрийн хэв шинжид дараах хэдэн талын онцлогтой байдлын тухай эрх биш тодорхой ойлголттой байх хэрэгтэй.

1. Улс үндэстний явган үлгэрийн үйл явдалд дэлхий нийтийн олон улсын чанартай нийтлэг онцлог бүхий хэв шинж болон

мотивууд гэж байдаг. Иймэрхүү нийтлэг бүхий үлгэрийн хэв шинж нь дэлхий нийтийн явган үлгэрийн бараг 3,2% шахамыг эзэлдэг. АТ-ны ангиллын системд энэхүү нийтлэг бүхий үлгэрийн хэв шинжийн шууд оруулан жагсааж өгдөг. Иймэрхүү нийтлэг бүхий үлгэрийн хэв шинжүүдийг хэн нь хэнээсээ жишээлэлээ гэж судлахын арга байдаггүй.

2. Явган үлгэрийн үйл явдалд улс үндэстний нийтлэг онцлог бүхий хэв шинж буюу мотивууд гэж байдаг. Энэ нь даруй ямар нэгэн улс буюу үндэстний хэвцээнд уламжилж байгаа үлгэрийн хэв шинжүүдийг заана. Иймэрхүү онцлог бүхий үлгэрийн хэв шинж нь улс үндэстний явган үлгэрийн бараг 3,1%-ийг эзэлнэ. АТ-ны ангиллын системд энэхүү онцлог бүхий үлгэрийн хэв шинжүүдийг барагтаа дэлхий нийтийн онцлог бүхий үлгэрийн дэд хэв шинж буюу ойролцоо хэв шинжээр шийдвэрлэж өгдөг.

3. Явган үлгэрийн үйл явдалд дээр дурьдсан онцлог бүхий үлгэрийн хэв шинжүүд байхаас гадна орон нутгийн буюу газар нутгийн нийтлэг онцлогтой үлгэрийн хэв шинж буюу мотивууд гэж байдаг. Дэлхий нийтийн АТ-ын ангиллын системд иймэрхүү онцлогтой үлгэрийн хэв шинжүүдийг оруулан жагсааж өгдөггүй буюу тусд нь систем зохиож жагсааж өгдөг зуршилтай гэж маш оновчтой үзэлтийг дурдсан байдаг.

Бидний нэг энд хэлэлцэж байгаа монгол Арж Борж хааны намтар үлгэрийн оршил үлгэр бол яг дээр дурдсан 3 онцлог бүхий үлгэрийн хэв шинжүүдээс нийлүүлж бүтсэн үлгэр гэдэг нь тодорхой юм. Өөрөөр хэлбэл олон улсын нийтлэг шинжтэй үлгэрийн хэв шинж болон улс үндэстний онцлогтой үлгэрийн хэв шинж, нэн цаашдаа орон нутгийн онцлогтой үлгэрийн хэв шинжүүдээс нийлж бүтсэн үлгэр болох юм.

Бид дээрх хувилбаруудын зарим нэг мотивын харьцууллаас нэг зүйлийг ойлгож болох байлтай. Юу гэвэл 1930-аад оноос өмнө тэмдэглэгдсэн хувилбарууд нь энэтхэг үлгэрийн хэв шинжийн намбын ямар нэгэн хэмжээтэй хадгалж байхад түүнээс сүүлээр тэмдэглэгдсэн хувилбарууд нь энэтхэг үлгэрийн хэв шинжээс шал өөр болж, монголчлогдон монгол үлгэр болж улиран хувиссан явдал нь үлгэрийн уламжлалын чанад нэг ёс учрыг тодорхойлж

буй. Юу гэвэл ямар нэгэн харь улс үндэстний үлгэр нь нөгөө нэг улс үндэстний дунд (дундах уламжлал нь) уламжлах түүх нь урт болох тусмаа дараа нь уул хэв шинжээсээ улам холдож, тухайн улс үндэстнийхээ соёлын орчин ахуйдаа бүрмөсөн уусч харь үндэстний үлгэр гэхийн аргагүй болтол улиран хувисдаг. Ийнхүү нэгэн жишээ нь монгол Арж Борж хааны намтар болох юм.

III. “Арж борж хааны намтар”-ын уламжлал хувьслын асуудалд

Энэтхэгийн “Арж Борж хааны намтар” нь Монгол оронд амаар уламжлахдаа танигдахын аргагүй болтол улиран хувьссан гэдгийг дараах хэдэн жишээгээр тодруулж болох шиг санагдана:

Монгол “Арж Борж хааны намтар”-ын оршил үлгэрийн эл хувилбаруудаас үзэхэд Оросын Буриад, Халимаг, Дундад улсын Шиньжан, Хөх нуурын хувилбарууд жич Өвөр Монголын Ордосын сүүлийн үеийн хувилбар зэрэг нь ихээхэн хувиралттай болсон нь тодорхой мэдэгдэж байдаг. Жишээлбэл, Оросын Буриадын хувилбарт “Махчин хаанаа дарж, Болдогийн хөвгүүдээс ноён болсон нь” гэх хэв шинжийн үлгэр нэмэгдсэн байхад Шинжааны хувилбарт “Торомын эхээр нь жинхэнэ эзнийг нь таньсан нь” гэх хэв шинжийн үлгэр нэмэгдсэнээс гадна, Хөх нуур болон Ордосын сүүлийн үеийн хувилбарт “Мухар үхэр барсыг нь мөргөж алсан нь” гэх хэв шинжийн үлгэрүүд нэмэгдсэнээс бүр ч монгол амьдралтай, монголжуун үлгэр болсон нь тодорхой байдаг. Цаашилбал, Халимагийн хувилбарт “Таван хошуу малтай Арж Борж хаан гэдэг нэгэн хаан байжээ” гэж яригддаг бөгөөд олонх монгол хувилбарт Арж Борж хааныг малжих орны хаан носноор ярьдаг нь тухайн үлгэрийн монголжсоны нэгэн тодорхой жишээ болох юм [Халимаг туульс 1968: 113]. Нэн сонирхолтой нь Хөх нуурын хувилбарт Арж Борж гэдэг энэтхэг нэртэй хаан ч гардаггүй мөртөө цул малжих амьдралтай монголжуун үлгэр болсноос үзэхэд Хөхнуур нь энэхүү энэтхэг үлгэрийн монголжсоны эх нутаг байж болзошгүй.

Дээрх жишээнээс үзэхэд, монгол “Арж Борж хааны намтар”-ын оршил үлгэр нь монголчуудын дунд яригдах тусмаа бүр

танигдахын аргагүй монгол үлгэр болсон байдаг. Үүнд Халимагийн нэгэн хувилбар болох — “Долоон настай хөвгүүн” гэх үлгэрээр жишээлэхэд бүр шал монгол үлгэр болсон гэдэг нь тодорхой байдаг [Халимаг туульс 1990]. Дараа нь бид энэхүү үлгэрийн үйл явдалтай дөхөм танилцъя. Тухайн үлгэрийн үйл явдлын тойм нь:

I. Хязгаар цагт нэг орон нутгийн хааны заргач түшмэл байжээ.

II. Нэг удаа хаанд гурван зүйлийн зарга орж иржээ.

1. Өвчтэй байсан хүн адууны хөлд үхсэн эсэхийг шүүх.

2. Нуурт суусан нугасыг хоёр анчны аль нь урьдаар буудсаныг шүүх.

3. Ав адилхан төрсөн хоёр хөвгүүнийг аль нь жинхэнэ хөвгүүн болохыг ялган таних.

III. Ингээд хааны заргач түшмэл нь энхүү гурван заргыг шүүж чадахгүй зовж байхад долоон настай хөвгүүн нь аавдаа арга ухаан зааж заргыг зөвөөр шүүсэн юм гэнэ.

Энэхүү хувилбар нь “Арж Борж хааны үлгэр”-ийн уул хэв шинжээсээ нэлээд холдсон нь тодорхой юм. Гэхдээ тухайн үлгэрийн уул хэв шинжийн онцлогоо ямар нэгэн хэмжээнд хадгалж байгаа нь ч тодорхой юм. Өөрөөр хэлбэл, уулын үлгэрийн үйл явдлын суурин дээр шинээр зохиогдсон үлгэр болох нь тодорхой юм. Жишээлбэл уул үлгэрт Арж Борж хаан нь заргач хаан байсан бол энэ хувилбарт Арж Борж хаан нь нэгэн орон нутгийн хааны заргач түшмэлээр яригддаг. Уулын үлгэрт Арж Борж хаан нь заргыг буруугаар шүүдэг бол энэ хувилбарт заргач түшмэл нь заргыг чухам яаж шүүх аргаа ч олдоггүй байна. Уулын үлгэрт Арж Борж хааны буруу шүүсэн заргыг довцог дээр нааддаг долоон хөвгүүнээс зөвөөр шүүж чаддаг бол энэ хувилбарт заргач түшмэлийн долоон настай хөвгүүн нь аавдаа арга ухаан зааж заргыг зөвөөр шүүж чаддаг байна. Өөрөөр хэлбэл, долоон хөвгүүн нь долоон настай хөвгүүн болсон байна. Эдгээр зүйл дээр хувиралттай болсон боловч үлгэрийн үйл явдлын уул хэв шинж нь ерөөс хувиралт гарсангүй. Энэ хувилбарт долоон настай хөвгүүнд энэхүү заргыг шүүх аргыг хэн ч зааж өгдөггүй бол харин уул үлгэрт хүүхдүүдийн зарга шүүх аргыг довцогт булгатай байдаг Бигармижид хааны ширээ далдаас тусалдаг.

Дахин нэг жишээг дурдахад, бидний дээр дурдсан Шинжааны “Арж Борж хан” гэдэг хувилбарын эцэст ийм нэгэн өгүүлэмж яригддаг. “Арж Борж хан .... тэрхүү уул орой малтсанд доороос нь нэг гучин хоёр хөлтэй модон ширээ гарч иржээ. Тэрхүү ширээ гарч ирээд Арж Борж ханд, “Энэ ширээ бол Бигармижид хааны суух ширээ мөн, Арж Борж хааны суух ширээ биш” гэж хэлээд нисэн гарчээ. Тэгэхэд Арж Борж хан цавчсан чинь нэг хэлийг нь унагажээ. Энэхүү хөлийг нь нэг баян аваад үүдэндээ шаанцаг тавьсан гэнэ. Тэгээд энэ шаанцаг нь богд эзэн хан, бүдүүн Баогийн Зондоо болон баяны хөвгүүнд цугт нь тусалсан гэнэ” гэж өгүүлдэг. Энэхүү өгүүлэмжийн суурин дээр цаашид “Бүдүүн Баогийн Зондоо” гэх үлгэр зохиогдсон байдаг. бид тус үлгэрийн үндсэн агуулгыг нь үндэслэн утхайн үлгэрийн хэв шинжийн гарчгийг нь “Баян айлын үүд шаанцгийн нууц” гэж гарчигласан байна.

Баян айлын үүд шаанцгийн нууц

Тухайн хэв шинжийн үлгэрийн үйл явдлын тойм нь:

I. Эрт урьд цагт хэчнээн идэж уусан ч гэдэс нь цадахгүй хүн байж гэнэ. Тэр нэг өдөр нэг мэдлэгтэнд хүрээд: “Би идэж цадах өдөр байна уу, үгүй юу?” гэсэнд “Чи удалгүй эзэн хааны зондоо сууна. Тэр үед үргэлж цадна” гэж хэлжээ.

II. Энэхүү бүдүүн Баогийн зондоо суусан хүн нэг хоногоос өнгөрөхгүйгээр үхдэг байжээ.

III. Энэ зондоо суух хүн Бээжин орохоор явж байгаад замдаа нэг айлынд хүрэхэд тэр баян айлын хөвгүүн нь үхэх гэж байжээ.

IV. Тэр зондоо суух хүн шөнө нь өвчинтэй хөвгүүний хажууд унтаж байгаад үүдний шаанцгаас хөвгүүний өвчин нь шулам эмгэний уршгаас болж байна гэдгийг мэдээд маргааш нь шулам эмгэнийг дарж, хөвгүүнийг аварсанд баян айлын эзэн ихэд баярлаж, ачлалын хариуд “Үүдний шаанцаг”-аа өгчээ.

V. Ингээд зондоо суух хүн алсын замдаа үүдэн шаанцгаас зондоо суусан хүн бүхэн юунд ч үхээл байдгийг ойлгож мэдээд ханы шулам хатныг нь цавчиж алсанд зондоо суусан хүмүүс үхэхгүй болж гэнэ.

VI. Ингээд тэрхүү шаанцгийн үгээр бүдүүн Баогийн зондоо үхэхгүй болсон ба хааны хортныг дарсан тул энэхүү шаанцаг нь

Арж Борж хааны үлгэрт гарах гучин хоёр модон хөлтэй ширээний нэг хөл нь болсон гэнэ. (Тодорхойлох нь, энд илэрхий буруу болсон нь мэдэгдэж буй).

Энэхүү хэв шинжийн үлгэр нь Шинжааны “Арж Борж хан” гэх хувилбарын суурин дээр цааш улиран хувьссан гэдэг нь илэрхий юм. Юу гэвэл, дээрх хувилбарт нь “Гучин хоёр хөлтэй Бигармижид хааны ширээ далдаас хүүхдүүдийн оюун ухааныг цэцэн сэргэлэн болгодог байсан” бол энэхүү хувилбар нь “Гучин хоёр модон хөлтэй Бигармижид хааны ширээний нэг хөл нь баян айлын үүдний шаанцаг болж бод биеэрээ хаан ноён болон эзэн хааны зондоо суух хүн жич баян айлын хөвгүүнийг авардаг байна”. Учир юун гэвэл, Бигармижид хааны суудаг гучин хоёр хөлтэй ширээ нь энгийн хүний суух ширээ биш, харин туйлын ид шидтэй ширээ гэдэг санааг харуулах гэсэндээ байдаг.

Энэ нь мөн ч энэтхэг үлгэрийн уулын мотив суурин дээр монголчуудын ургуулан зохиосон шинэ нэгэн хэв шинжийн үлгэр болох юм.

Дүгнэлт

Бид дээрх задлалтаас дараах дүгнэлтэд хүрч болох шиг санагдана.

Нэг. Ямар нэгэн үлгэр нь өөр бусад улс үндэстний дунд уламжлахдаа юуны урьд тухайн улс үндэстнийхээ соёл зан заншилтайгаа зохицуулан хүлээн авдаг гэснийг дээрх жишээнээс тодорхой ойлгож болох юм. Нэн тодруулж хэлэхэд ямар нэгэн үлгэрчээс харь үндэстний үлгэрийг уламжлахдаа юуны урьд өөрийн амьдралын орчин ахуй, соёлтойгоо зохицуулан зарим нэгэн мотивыг нь өөрчлөх буюу тухайн үлгэрийн мотивын суурин дээр дахин шинэ нэгэн мотивыг нэмэн зохиож шинэ нэгэн хэв шинжийн үлгэрийг буй болгодог. Энэхүү шинэ нэгэн хэв шинжийн үлгэр нь тухайн үндэстний өвөрмөц хэв шинж болж цааш уламжлагдахдаа өөр нэгэн үндэстний үлгэрийн өвөрмөц хэв шинжийн суурь нь болдог.

Хоёр. Ямар нэгэн үлгэрийн хэв шинж нь өөр нэгэн үлгэрийн мотив буюу хэв шинжтэйгээ нийлээд өөр нэгэн үлгэрийн хэв

шинжийг буй болгодог. Үүний нэг тодорхой болон улс үндэстний онцлог бүхий явган үлгэрийн хэв шинжүүдээс нийлж бүтсэн байдаг. Иймээс ямар нэгэн улс үндэстний үлгэр нь өөр бусад улс үндэстний дунд уламжлахдаа өөрийн уулын хэв шинжээ зохих хэмжээнд хадгалахын зэрэгцээ тухайн улс үндэстнийхээ үлгэрийн үйл явдалтайгаа нийлэлдэн зохицож улиран хувьсдаг гэдгийг дээрх харьцууллаас тодорхой ойлгож болох юм.

Гурав. Ямар нэгэн үлгэрийн онцгой мотив нь шинэ нэгэн үлгэрийн хэв шинжийг бий болгодог. Тухайлбал, Шинжааны хувилбарт “Гучин хоёр хөлтэй ширээ” гэдэг онцгой мотивын суурин дээр “Шаанцаг”-ийн үлгэр бий болсон байх жишээтэй.

Дөрөв. Зарим үест хоёр хэв шинжийн үлгэр нь нэг л хэв шинжийн үлгэрээр яригддаг үзэгдэл бий. Тухайлбал, Хөх нуурын хувилбарт “Эрдэнийг олж ямар нэгэн залууд өгч гэртээ явуулах буюу ав адилхан төрсөн хоёр хөвгүүн аав ээжээ булаалдах» гэх хоёр хэв шинж нь нэг л хэв шинжийн үлгэрээр яригддаг нь үүний тодорхой нэгэн жишээ болох юм.

Номзүй

- Ванжинжав 2005 — Ван, Ванжинжав. Ордос ардын аман зохиолын билгийн сан оршвой. Хуххот: Өвөр Монголын өөртөө засах орны сонин мэдээ хэвлэлийн товчооны, 2005.
- Веселовский 1930 — *Веселовский А. Н.* Собрание сочинений. Т. 8. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1930. 606 с.
- Дамдинсүрэн, Чанту 1983 — *Дамдинсүрэн Ц., Чанту В.* Монголын уран зохиолын тойм (дээд). Хуххот: Өвөр Монголын ардын хэвлэлийн хороо, 1983.
- Зандан ширээ 1990 — Зандан ширээ. Хайсигийн явган үлгэр. Хятад довтоод хэвлэл, 1990.
- Лауфер 1927 — *Лауфер Б.* Очерк монгольской литературы. Л.: Ленингр. вост. инст-т, 1927. 95 с.
- Мостэр 1982 — *Мостэр А.* Арж Борж хаан (доорд дэвтэр). Бээжин: Үндэстний хэвлэлийн хороо, 1982.
- Мөнх, Бат 1998 — *Мөнх До., Бат Ч.* Анхны хайлт ойрд утга зохиолын судалгааны өгүүлүүд. Үрмч: Шиньжаны ардын хэвлэлийн хороо, 1998.

- Пропп 2006 — *Пропп В. Я.* Үлгэрийн хэлбэр зүй. Бээжин: Үндэстний хэвлэлийн хороо, 2006.
- Ринчиндорж, Дамринжав 1988 — *Ринчиндорж Ж., Дамринжав Б.* Зургаадай мэргэн (Ил Тарвагатайн монгол үлгэр). Хуххот: Өвөр Монголын Соёлын Хэвлэлийн Хороо, 1988.
- Төмөр, Алтан, Соном, Цагаанхүүхэн 2009 — *Төмөр, Алтан, Соном, Цагаанхүүхэн Б.* Морин цагаан сувд. Бээжин: Үндэстний хэвлэлийн хороо, 2009.
- Халимаг туульс 1968 — Халимаг туульс. 4 боть. Элст: Халимаг хэвлэлийн хороо, 1968.
- Цэцэнмөнх, Сарантуяа 2010 — *Цэцэнмөнх, Сарантуяа.* Монгол ардын явган үлгэрийн хэв шинжийн судалгааны удиртгал, Хуххот: Үндэстний хэвлэлийн хороо, 2010.
- Халимаг туульс 1990 — Халимаг туульс. Үрмч: Шиньжаны ардын хэвлэлийн хороо, 1990.

УДК 398.21

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-4-16-265-275

К изучению архаических сюжетов и мотивов в калмыцком фольклоре (по материалам Научного архива Калмыцкого научного центра РАН)

Эльза Петровна Бакаева¹, Инжир Мосиновна Болдырева²

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000
Элиста, Российская Федерация)
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
E-mail: bakaevaep@kigiran.com

² Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000
Элиста, Российская Федерация)
научный сотрудник
E-mail: inzir19@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Бакаева Э. П., Болдырева И. М., 2020

Аннотация. В статье освещаются архаический сюжет и мотивы калмыцкого фольклора, связанные с темой происхождения человека, его древнейшим бытом. В частности, анализируется мифологический сюжет «*Кумн-амтн яһжэ үүдснэ тускар*» («О происхождении человечества») и публикуется его текст. Образец несказочной прозы записан в 1967 г. у жителя совхоза Сарпа Юстинского района Калмыцкой АССР Тюрбеева Нусхи Кичиковича, 1901 г. р., научными сотрудниками Калмыцкого НИИЯЛИ М. Э. Джимгировым, Н. Н. Убушаевым, Б. Б. Оконовым, В. Д. Пюрвеевым.

Ключевые слова: калмыцкий фольклор, архаический сюжет, происхождение человека, Зара Цецен, хан Мудрый Еж

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монголоязычных наро-

дов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490036-1).

Для цитирования: Бакаева Э. П., Болдырева И. М. К изучению архаических сюжетов и мотивов в калмыцком фольклоре (по материалам Научного архива Калмыцкого научного центра РАН) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 4. С. 265–275. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-4-16-265-275

UDC 398.21

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-4-16-265-275

Regarding the Archaic Plots and Motifs in the Kalmyk Folklore (on the material of the Scientific archive of the Kalmyk Scientific Center of the RAS)

Elza P. Bakaeva¹, Inzhir M. Boldyreva²

¹Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Leading Research Associate

E-mail: bakaevaep@kigiran.com

²Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Research Associate

E-mail: inzir19@mail.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Bakaeva E. P., Boldyreva I. M., 2020

Abstract. The article focuses on the archaic plots and motifs in the Kalmyk folklore related to the theme of human origin and his ancient life style. In particular, the article analyzes the mythological plot «Kümn-ämtñ yahdzh üüdsnä tuskar» (“Regarding the origin of the humanity”) and publishes the text. The sample of the non-fairy tale prose was recorded in 1967 from the resident of Sarpa village of the Yustinstsky region of the Kalmyk ASSR Tyurbеev Nuskha Kichikovich (born in 1901) by the research associates of the Kalmyk

Research Institute of the Language, Literature and History M. E. Dzhingirov, N. N. Ubushaev and V. D. Pyurveev.

Keywords: Kalmyk folklore, archaic plot, origin of the human, Zara Tsetsen Khan Wise Hedgehog

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project name ‘Oral and Written Heritage of Mongolic Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions’ (state reg. no. AAAA-A19-119011490036-1).

For citation: Bakaeva E. P., Boldyreva I. M. Regarding the Archaic Plots and Motifs in the Kalmyk Folklore (on the material of the Scientific archive of the Kalmyk Scientific Center of the RAS). In: *Bulletin of the Kalmyk scientific center of the RAS*. 2020. № 4. Pp. 265–275. (In Russ) DOI: 10.22162/2587-6503-2020-4-16-265-275

Калмыцкий фольклор является богатейшим наследием, в котором отражены древнее мировоззрение калмыков, представления людей о мире и природе, сохранились архаические темы и мотивы, а также элементы древних верований калмыков. В калмыцкой фольклористике мифы остаются одним из малоизученных жанров. Образцы мифологических сказаний и несказочной прозы сохранили архаические компоненты, содержащие и информацию о ранней стадии развития человеческого общества.

В архивных аудиозаписях Калмыцкого научного центра РАН сохранилась образцы сказочной и несказочной прозы, записанные в 1960–1970 гг. у сказителей, проживавших в разных районах республики. Наше внимание привлек текст «*Күмн-эмтн яһжэ үүдснэ тускар*» («О происхождении человечества») (запись от информанта Н. К. Тюрбеева, 1901 г. р.).

В мифологическом сказании «*Күмн-эмтн яһжэ үүдснэ тускар*» («О происхождении человечества») представлен весьма архаичный сюжет. В нем говорится о древнейшей эпохе, когда люди только появились и не являлись людьми в собственном смысле, так как не обладали культурой, были слитными с природой, не имели ни одежды, ни социальной регуляции. В сюжетном мотиве допущения женщины с ребенком и кобылы с жеребенком в две

одинаковые лощины, где они должны были обитать, отражен однопорядковый статус человека и животного, которым отводятся (не указывается, кем) идентичные локусы обитания. В мифологическом тексте говорится, что люди не имели одежды и прикрывались листьями растений. Они питались дарами природы. Более того, в развитии сюжета присутствует мотив борьбы человека и животного за территории, которые служат источником жизни, источником пропитания.

Необходимо отметить, что в фольклоре калмыков, как и в фольклоре ряда тюрко-монгольских народов, ранний этап развития общества характеризуется собирательством; в сюжетной канве образцов фольклора, в которых действие происходит в древнем обществе, для которого характерно собирательство, часто фигурирует образ лошади (которую затем приручает человек). Так, в калмыцкой сказке «Три брата» кобылица спасает новорожденных детей в стране грозного хана, выкармливает их, одаривает их табунами лошадей. В тувинском героическом сказании герои, «осваивающие мир заново», то есть выступающие как культурные герои, осваивают рыболовство и начинают постепенно охотиться, после чего следует сюжет одомашнивания героями жеребенка — метафорического зарождения коневодства» [Бакаева, Баянова, Куканова 2020: 293].

В мифологическом сказании «О происхождении человечества» в «одинаковых лощинах» поселяются женщина с ребенком и кобыла с жеребенком: семантически обозначен один уровень «живых существ» (что обозначается калмыцким термином *амтэ юмн* 'существа, обладающие [душой-жизненностью] *амн*' или *амтн* 'люди'. Таким образом, акцентируется биологическая сущность человека и животного.

В образцах калмыцкого фольклора исследователи фиксировали древнейшие представления о ранней стадии развития человеческого общества, для которого характерным являлось собирательство [Бакаева, Баянова, Куканова 2020]. Однако в сказании «О происхождении человечества» речь идет о еще более ранней стадии невыделенности человека из природы и зарождении соб-

ственно человеческого общества, отделении человека от мира животного, выделении критериев, которые являются маркерами человеческого общества — использование одежды, предметов, связанных с орудиями собирательства (кожаные мешки для сбора растений), осознание родственных связей между людьми, осмысление отцовского рода и материнской линии родства.

Примечательно, что наделение человека культурными маркерами происходит в мифологическом тексте на «собрании» (калм. *хург*) «ханов». Но имя центрального героя, осуществляющего функции культурного героя, — хан *Цецн Зара* ‘хан Мудрый Еж’ — свидетельствует о том, что собрание «ханов» представляется в калмыцком мифологическом сказании собранием живых существ.

Цецн Зара ‘Мудрый Еж’ выступает в мифологическом калмыцком сюжете как создатель брачных обычаев и спаситель мира, отличающийся мудростью. Этот образ в калмыцком фольклоре выступает как культурный герой. Т. Г. Басангова отмечает, что сохранились два сказания о Мудром Еже в записи знатока калмыцкого фольклора И. И. Попова. Один из текстов более развернутый, он сохранился только на русском языке в изложении И. И. Попова. Другой текст — краткий, записан на калмыцком языке. Этот второй текст опубликован в томе Свода калмыцкого фольклора «Мифы, легенды и предания калмыков» в разделе «легенды и предания» под названием «Зара Цецн йос закасн тууж» («Предание о том, как Мудрый Ёж узаконил обычай») [Мифы 2017: 100–101, 305].

Анализируя образ Мудрого Ежа в фольклоре калмыков и ойратов и приводя мифологический сюжет со ссылкой на работу Осорин Утнасун [Осорин 2011¹], Т. Г. Басангова отмечает общую черту: он предстает как создатель брачных обычаев, даже свадебных ритуалов, и характеризуется как автор «закона» о браке [Басангова 2017: 35].

---

¹ Необходимо отметить, что в работе дана неточная ссылка. На указанных страницах в работе Осорин Утнасун [Осорин 2011: 85–89] нет приведенной в работе Т. Г. Басанговой цитаты. Вероятно, в текст вкралась опечатка.

В культурной традиции бурят образ Ежа предстает как советник богов, помогающий восстановить мировой порядок — вернуть небесные светила Солнце и Луну хану Хормусте, а также как создатель огня и имеющий отношение к приучению быков к ярму, а лошадей к седлу и узде [Басангова 2017: 35]. Ёж выступает как персонаж космогонических преданий и в фольклоре разных народов. Так, Д. Разаускас и Т. Цивьян подробно рассмотрели особенности образа ежа в демиургических сюжетах народов балто-балканского ареала, связав особенности сюжетов с его внешними особенностями, образ ежа — с маткой, зародышем и первоплодом, а также и показав солярную ипостась ежа [Разаускас, Цивьян 2015].

В свете вышеизложенного наглядно выявляется особое значение текста мифологического сказания о происхождении человечества и о роли в этом Ежа Мудрого, запись которого хранится в Научном архиве КалмНЦ РАН [НА КалмНЦ РАН Ф. 16. Оп. 1. Кас. № 62 (71)].

Во-первых, текст содержит сюжет об установлении *Цецн Зара* (Ежом Мудрым) обычая брачного регулирования, как и в текстах, зафиксированных И. И. Поповым, — но представляет иной вариант сюжета, отличающийся от зафиксированных этим собирателем фольклора.

Во-вторых, текст записан во второй половине XX в., что свидетельствует о временной сохранности архаических сюжетов и их бытовании в недавнем прошлом.

В-третьих, согласно сюжету мифологического сказания из НА КалмНЦ РАН, образу Мудрого Ежа приписывается не только установление брачных обычаев. В этом архаическом сказании он выступает как культурный герой, формулирующий основания отделения человека от природного мира: необходимость ношения одежды, причем обязательно пестрой, соблюдения меры в употреблении пищи, использования предметов, необходимых для собирательства, а также осознания принципов родового родства — по отцовской и материнской линиям.

Как известно, большинство ученых считают, что становление человека биологического существа в социальное и культурное

происходило одновременно в протекавших параллельно процессах антропогенеза и социогенеза. И появление человека разумного (*Homo sapiens*) означало завершение антропосоциогенеза. Среди ученых дискутируются такие вопросы, как определение нижней границы начала антропогенеза (с какой формы предлюдей начинать историю человека) или как определять хронологические рамки антропогенеза.

Дополнительный материал для исследователей первобытного общества дают и фольклорные материалы, в которых передаются особенности осмысления в этнических традициях критериев превращения человека из существа биологического (наделенного жизненностью, калм. *эмтэ юмн*) в существо социальное, которое отличается от «человека неразумного» осознанием принципов родства и необходимости заключения браков между представителями разных родов. Сопоставление с миром животных в калмыцком тексте передано через архаический мотив одновременного взращивания ребенка женщиной и жеребенка кобылой, через мотив их поселения в одинаковых природных условиях и отсутствия какого-либо подobia жилища у них. В калмыцких и ойратских мифологических текстах этот принцип выделения человека из природного окружения и превращения именно в человека сформулирован ясно и четко: это наличие одежды, ведение счета по роду и недопущение браков между представителями одного рода, а также соблюдение меры в пище, использование приспособлений для хранения продуктов.

В калмыцкой народной традиции одежды принцип, сформулированный в архаическом тексте о происхождении человечества, соблюдался до самых поздних времен. Это принцип *цоохр эд элдэг* ‘использовать пестрый материал’, который выражался в сохранении обычая обязательного включения разных элементов при шитье костюма в наплечную одежду и в головные уборы. Так, даже шитые из овчины шубы *девл* всегда отличались у калмыков, как и у ойратов, декоративной отделкой другого цвета; в костюмах использовались вышивка, аппликация, а также разные ткани, а в головные уборы калмыки обязательно шили не из одного меха, а с включением элементов из другого меха или ткани.

«Пестрота» одеяния предстает как отличительный признак социализированного человека, как и «пестрота» его связей, выраженных понятием «инопеченочный» (то есть принадлежащий к иному роду). Эта пестрота означает включенность человека в род, в общину. Каждая деталь в одеянии имела значение в традиционном обществе: расположение элементов на одежде и головном уборе, их положение. К примеру, если у калмыков в благопожеланиях формула *махла хооран* 'с головным убором, сдвинутым назад' означала удачливое движение «навстречу», то у донских казаков «шапка казачьего атамана, скошенная набок, или сброшенная с головы, означала готовность выступить в поход, а иногда и символическую смерть, после которой следовало обретение нового статуса. Так на Дону шапками старики закидывали вновь избранного атамана. В донском свадебном обряде манипуляции с шапкой жениха символизировали обретение им брачного статуса» [Рыблова 2020: 116].

Принцип социальных различий, выделяющих человека как разумное существо, у калмыков действует и поныне: сохраняется память о запрете заключения браков между родственниками до 7 колена, а также о том, что представители одной «кости» (*'яси'*) не могли заключать между собой браки.

Примечательно, что в калмыцком фольклорном тексте о происхождении человечества решающая роль принадлежит образу Мудрого Ежа — *Цеци Зара*, который выступает как культурный герой. И в этом специфика его образа в калмыцком фольклоре — образ этого животного имеет весьма различную коннотацию в культурах других народов (см., например: [Разаускас, Цивьян 2005; Рыблова 2020]).

Таким образом, запись архаического сюжета, хранящаяся в Научном архиве КалмНЦ РАН, является уникальной. Она представляет новый вариант сюжета о происхождении человека, содержит отсутствовавшие в ранее введенных в научный оборот мотивы и сюжетные элементы. Публикация текста, записанного в 1967 г. калмыцкими фольклористами, предлагается ниже.

«Күмн-эмтн яһж үүдснэ тускар»	«О происхождении человечества»
<p>Эн эмтн гиж кезэнһэ иигэд өмнөн хамтхс-мамтхс иигэд нааһад йовдг зерлг бээж эмтн. Тегэд тер эмтн гиж үүдәһэд һарһсн. Иигэд келхд, хувцн-хунр уга, нүцкн, хамтхс-мамтхсар белг-бекән халхлдг тиим бээж.</p>	<p>Те, кто называется ныне людьми, давным-давно были дикими людьми, которые спереди прикрывали себя всякими листьями. Так эти люди были созданы. Так сказать, они были без одежды, обнаженными, и листьями прикрывали половые органы.</p>
<p>Тер эмтн үүдсн цагт йовж йовсмн. Түүнд унһта гү нег күүкд кү хойриг хойр эдл хотхрт орулсн юмнчн. Хойр эдл хотхрт орулад идүлхлә, унһта гүн өрәлдәд идсн цагт, цаадк күүктә гергн одакан идчкәд, одак унһта гүүнәс ирж булалдж гижәнә.</p>	<p>Это было во времена, когда впервые появились люди. В те времена и в том месте кобылу с жеребенком и женщину с ребенком пустили в две одинаковые лощины. Когда их пустили в две одинаковые лощины для пропитания, то, пока кобыла с жеребенком ела свою половину [часть], женщина с ребенком, съев свое, перешла в лощину, где паслась лошадь с жеребенком, и стала отбирать [пищу] у кобылы с жеребенком.</p>
<p>Унһта гүн, ирәд булалдхла, зарһ бәрлджәнә эдн. Зарһ болна. «Ода би яахмб, эдн булаһад идчкв гихәд [гүн келжәдгж]. Тегәд түүнәсн ода хамг келн әмтнә хан цуглрна. Хан цуглрад, ода хург болжадгж. Ода ямаран кевәр күмн-әмтиг бәрхмб гиж келжәдгж. «Яһж бәрхмб? — гихлә, келжәдг болна: «Бәрж болх. Хург хурад медх», — гиж. Тер хург хурчкна. Хурхла, Зара Цецн хан гидг хан ирлго бәәһәд бээж.</p>	<p>Кобыла с жеребенком, когда пришли в ее лощину, стала судиться. Был суд. «Теперь что мне делать, они отобрали и съели [, — кобыла говорит]. Тогда собрались властители (ханы) разных народов. Собрались ханы, собрание идет. «Теперь каким образом управлять человечеством?» — говорят. Когда спросили, как управлять, было сказано: «Можно управлять. На собрании решат». Все пришли на собрание. Но не было хана Мудрого Ежа.</p>

<p>Зара Цецн хан көлвэдэд орад аашдгж. — Ой, танар хург дутагд бээв, — гинэ. Тиигхлэ Зара [Цецн] хан келжэнэ: — Хургт одх? Юуһар, яһад? — гинэ. Ода иим учрта иим юмн болв эн. Мөрн күн хойриг, күүкдтэ гергн уһнта гүн хойриг иигэд орулу-видн. Хойр эдл хотхрт орулхла, уһнта гүн өрэлинь идэд уга бээтл, күүкдтэ күн цугинь идчкэд, уһнта гүүнэс ирэд булалдж. Тер төлэд ода эн күмн-эмтиг ямаран кевэр хадлх гиж хург болжана.</p>	<p>Мудрый Еж-хан прикатился-прибыл. — Ой, только Вас не было на собрании, — сказали. Тогда хан [Мудрый] Еж говорит: — На собрание? По какому поводу, зачем? — спрашивает. — Вот такой случай произошел. Лошадь и человека, женщину с ребенком, кобылу с жеребенком в две одинаковые лощины завели. Пока кобыла с жеребенком и половину не съела, женщина с ребенком, все съев, перешла в лощину лошади с жеребенком и стала у нее отбирать. По этой причине решили собрать собрание, — говорят.</p>
<p>Тегэд та удадад бээвт, хургт [ирхдэн] удаг болвт, — гижэнэ, ода Зара Цецн хаанас суржана энчн. Тиигхлэ келнэ: Ай, юн бээнэ түүнд. Далаһар күн уйдаг бээх, күн түдэд бээх юн бээдмб түүнд? Амрл юмн тертн. Эрэнь цоохр эд эдлдг, илгр* ууган авдг кехм терүг, — гижэнэ тегэд. Күүнд киилг, шалвр өмсдг кеһэд, кемжэтэ хотд орулхм, — гиж келсмн.</p>	<p>Вы же долго шли на собрание, говорят. Когда у Мудрого Ежа спросили, он сказал: «Ай, что тут такого. Зачем сильно грустить, переживать по этому поводу? Это легко. Нужно сделать так, чтобы люди носили пеструю одежду, чтобы использовали кожаные мешки из выделанных шкур», — говорит. Сделаем так, чтобы люди носили рубашки и штаны, чтобы употребляли пищу в меру и ели в меру, — так сказал [Мудрый Еж].</p>
<p>Тегэд эн зака[һа]р эмтн шар цоохр эдэн эдлдг болад, киилг, шалвр, хувц өмсдг болад, элгн-бүр, одак төрл-төрсн, зе-һаһцх хоорндан цеерлдг болад, иигэд күн болж зогссн юмн.</p>	<p>Так в соответствии с этим законом люди стали носить пеструю одежду, стали носить рубахи и штаны, признавать родственные связи между собой и родовые связи и связи по материнской линии [учитывая при подсчете степени родства]. Так люди стали людьми.</p>

* Илгр – илгн.

Источники

Күмн-эмтн яһж үүдснэ тускар — Күмн-эмтн яһж үүдснэ тускар // Научный архив Калмыцкого научного центра РАН (НА КалмНЦ РАН). Ф. 16. Оп. 1. Кас. № 62 (71). Юстинский р-он, с-з Сарпа. Зап. в 1967 г. М. Э. Джимгировым, Н. Н. Убушаевым, Б. Б. Оконовым, В. Д. Пюрвеевым у Тюрбеева Нусха Кичиковича, 1901 г. р.

Литература

- Бакаева, Баянова, Куканова 2020 — *Бакаева Э. П., Баянова А. Т., Куканова В. В.* Традиции собирательства в фольклоре калмыков и тувинцев // Новые исследования Тувы. 2020. № 4. С. 289–301. DOI: 10.25178/nit.2020.4.20
- Басангова 2017 — *Басангова Т. Г.* Образ Зара Цецена (Ежа Мудрого) как культурного героя в фольклорной традиции калмыков и ойратов Синьцзяна // *Mongolica*. СПб.: ИВР РАН, 2017. Т. 19. С. 34–37.
- Басангова 2012 — *Басангова Т. Г.* Культурный герой в мифологии калмыков // Мир Центральной Азии – 3. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. С. 616–619.
- Мифы, легенды и предания калмыков 2017 — Мифы, легенды и предания калмыков. М.: Вост. лит., 2017. 367 с.
- Осорин 2011 — *Осорин У.* Шинжэнэ өөрднрин домг, домгүлгүрин болн сидтэ туульсин туск шинжллт (= О мифах, легендах и сказках ойратов Синьцзяна) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2011. № 1. С. 193–196.
- Разаускас, Цивьян 2005 — *Разаускас Д., Цивьян Т.* Еж в космогонических преданиях (балто-балканский ареал) // Балтийские перекрестки: Этнос, конфессия, миф, текст. СПб.: Наука, 2005. С. 197–231.
- Рыблова 2020 — *Рыблова М. А.* Предметный код жениха в свадебном обряде донских казаков // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа. Мат-лы XII междунар. Кубанско-Терской науч.-практ. конф. (г. Армавир, 2020 г.). Армавир: Армавирский государственный педагогический университет, 2020. С. 115–118.

УДК 398.21

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-4-16-276-282

Монгол ардын үлгэр дэх цэцэн мэргэний сэдэв (= Тема мудрости в монгольских народных сказках)

*Дайриймаа Б.*¹

¹ Институт языка и литературы Академии наук Монголии, сектор фольклористики (д. 54а, пр-т Энхтайван (Мира), район Баянзурх, 13330 г. Улан-Батор, Монголия)

Ph.D., научный сотрудник

E-mail: Djargal12010@gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2020

© Баасанжаргал Дайриймаа, 2020

Аннотация. Одним из главных мотивов любой народной сказки выступают рассказы о мудрецах. Эта тема особенно ярко проявляется в изображении противостояния героя, обладающего совершенным умом, который, будучи маленьким (тщедушным), без труда одолевает во много раз превосходящего врага. В сказках о животных основным носителем мудрости является заяц, главным противником зайца выступают волк или лев. В бытовых сказках тема мудрости реализуется в сюжетах об испытании ума посредством показа конфликта между ханом и слугой, между братьями, между мачехой и падчерицей и т. д. Большинство сюжетов построено на мотивах мудрых отгадчиков, мудрых советчиков. Автор выделяет 4 типа носителей мудрости.

Ключевые слова: монгольская народная сказка, мудрость, дидактика, поучение

Благодарность. Материалы статьи апробированы на Международной научной онлайн-конференции «Монголоведение в начале XXI в.: современное состояние и перспективы развития–II», проведенной при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-22004) и частичной поддержке гранта Правительства РФ (№ 075-15-2019-1879).

Для цитирования: Дайриймаа Б. Тема мудрости в монгольских народных сказках // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 4. С. 276–282. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-4-16-276-282

UDC 398.21

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-4-16-276-282

The Theme of Wisdom in Mongolian Folk Tales

*Dayriimaa B.*¹

¹Institute of Language and Literature of the Academy of Sciences of Mongolia
(54A, Enkhtaivan ave., Bayanzurkh district, 13330 Ulan Bator, Mongolia)
Ph.D. (Philology) Research Associate
E-mail: Djargal12010@gmail.com

© KalmSC RAS, 2020

© Dayriimaa B., 2020

Abstract. One of the main motifs of any folk fairy tale are the stories of wise men. This theme is especially vividly manifested in the depiction of the confrontation of a hero with a perfect mind, who, being small (puny), easily overcomes a many times superior enemy. In fairy tales about animals, the main bearer of wisdom is a hare, the main opponent of the hare is a wolf or lion. In everyday fairy tales the wisdom theme is employed in the stories about testing mind through the conflict between a khan and a servant, between brothers, between a step-mother and a step-daughter, etc. Most of the stories are built on the storylines of wise guessers, wise counselors. The author identifies four types of bearers of wisdom.

Keywords: Mongolian folk tale, wisdom, didactics, homily

Acknowledgement. The article was presented at the international scientific online conference “Mongolian Studies at the beginning of the 21st century: Current State and Development Prospects – II”, held with the financial support of RFBR (project № 20-09-22004) and partial support of the Russian Government Grant (№ 075-15-2019-1879).

For citation: Dayriimaa B. The Theme of Wisdom in Mongolian Folk Tales. In: *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2020. No. 4. Pp. 276–282. (In Russ.) DOI: 10.22162/2587-6503-2020-4-16-276-282

В сюжетном репертуаре монгольских народных сказок значительное место занимают сказки, в которых действуют образы персонажей, обладающие острым умом и мудростью. Тема мудрости особенно активно реализуется в бытовых сказках и сказках о животных. В волшебных сказках герой побеждает своего врага с помощью чудесных предметов и помощников. Такой художественной особенностью отличаются волшебные сказки.

В монгольских сказках о животных, как и в волшебных сказках, героям обычно помогают помощники. Но, разумеется, по сравнению с волшебными, в них не описываются волшебства и чудеса. Можно отметить, что в сказках о животных основным носителем мудрости является заяц, например в сказках «Мудрый заяц», «Старик и заяц», «Овца», в которых заяц своей мудростью помогает старику и заблудившейся овце. В последней сказке говорится о том, что одна овца отправилась в Тибет, в Барун Зуу, чтобы сотворить там молитву. По дороге ей встретился волк, который захотел ее съесть. Неожиданно прискакал заяц и прочитал указ хана Маньчжурского государства (*Дайчин улс* букв. 'воинственное государство'), который повелел принести шкуры семидесяти двух волков. Волк испугался и убежал. В большинстве сказок о животных главным противником зайца выступают волк или лев. К примеру, в сказке «Мудрый заяц» заяц одурачивает льва.

Лиса (лис) является одним из популярных героев монгольских сказок о животных и волшебных сказок. В сказках о животных образ лисы постоянный — хитрый, а в волшебных сказках она фигурирует как помощник главного героя и добродушный образ. Хотя образ лисы наделен положительными качествами, в волшебных сказках часто сохраняется основная её черта — хитрость. Например, в волшебной сказке «Мальчик Боролзой» лиса действует как помощник героя. Лиса в сказках выступает главным героем. Это устойчивый образ, в котором доминирует хитрость. Тема хитрости часто принимает форму восхищения этим качеством человека.

В сказке «Сорока и семь зеленых яиц» говорится о том, что «Хитрая лиса ходит к сороке каждый день и всякий раз получа-

ет по сорочьему яйцу. Когда в гнезде осталось одно-единственное яйцо, сорока пригорюнилась, заплакала. Вдруг, откуда ни возьмись, мышка выскакивает. — Не отдавай лисе яйцо, — советует мышь. — А станет грозиться осину поломать да пыль столбом пустить, скажи на это: „Где же у тебя рога, чтобы осину поломать? Где же у тебя копыта, чтобы пыль столбом пустить?“ Лиса спросит, кто, мол, научил тебя так отвечать, а ты скажи: „Сама думала, думала да и придумала“». С помощью мыши сороке удалось сохранить последнее из оставшихся яиц. В этой сказке проявляется скорее не хитрость, а мудрость лисы.

В сказке «Старик и тигр» говорится о том, что «В незапамятные времена жили на свете старик со старухой, и было у них несколько коров и овец. Повадился к ним волк ходить. То овцу стащит, то корову. Однажды пошел старик в лес за дровами, и повстречался ему тигр. Сказал тигр старику: — Давай померяемся с тобой силой! Растерялся старик. „Съест меня тигр“, — подумал он, а вслух сказал: — Давай, только не сейчас. А когда и где? — Завтра на этом же месте, — ответил старик и побрел домой. — Что мне делать? — спросил он у своей старухи. Та подумала и сказала мужу: — Иди-ка ты опять в лес. Подруби большое дерево, да чтобы незаметно было. Старик так и сделал. На другое утро тигр уже сидел в условленном месте и ждал старика. Пришел старик и говорит ему: — Ну-ка, поглядим, кто из нас сильнее. Сейчас я дерево свалю, а потом — ты! Толкнул он плечом подрубленное дерево, и оно легко упало на землю. А тигр, сколько ни старался, ни одного дерева свалить не сумел. Эх ты, даже такой пустяк тебе не по силам! — сказал старик с притворным удивлением». Дальше старик с тигром несколько раз меряется силой, и каждый раз старуха подсказывала старику, как избежать опасности.

Образ мудрой девушки / женщины в монгольской бытовой сказке пользуется большой популярностью. В бытовых сказках тема мудрости реализуется в сюжетах об испытании ума посредством показа конфликта между ханом и слугой, между братьями, между мачехой и падчерицей и т. д. Большинство сюжетов построено на мотивах мудрых отгадчиков, мудрых советчиков. К таким

сказкам можно отнести сказки «Мудрая невестка», «Три гадалки» и т. п. Образ мудрой невесты тесно связывается с мотивом испытания ума. В них изображаются четыре основных образа: хан и его глупый сын, мудрая девушка и её отец. Мудрая невеста не только помогает отцу в выполнении трудных задач, но спасает государство от врагов. Она помогает также глупому сыну хана выполнить трудное отцовское задание, справляется с государственными делами и, в конце концов, сама начинает управлять государством.

Также в сказках «Восьмилетний мудрец Нанджи» и «Глупый дворянин Насан, и его умная жена Оюн» мудрые жены помогают мужьям выполнять трудные задания хана. Чтобы спасти мужа, умные и сообразительные жены часто подсказывают какой-то способ.

Мудрая невеста — один из самых поэтичных образов монгольской сказки, который можно рассматривать как символ женщин древнего монгольского общества.

Испытание ума в монгольских сказках проявляется в разгадывании скрытого смысла слов и в умении справляться с трудными ситуациями. В сказке «Мудрый малыш» говорится о том, как ловкий и сметливый бедный мальчик посрамил одного чиновника, захавшего к ним. Это был человек без чести и совести, такой свирепый, что все его боялись. Когда он вошел в юрту, семилетний мальчик сидел на кошме и пил кумыс из большой чашки. Взглянул чиновник на ребенка и громко расхохотался. — Вот это чашка! Не чашка, а настоящая колода. Мальчик перестал пить и с удивлением уставился на гостя. — Почтенный господин, неужели у тебя так мало скота, что его можно напоить из такой «колоды». Смутился чиновник и не нашел слов для ответа.

В сказке «Как бедный парень стал ханом» мальчик спасает не только отца, но и целое государство. У хана был закон, согласно которому убивали престарелых. Мальчик спрятал своего отца. Однажды соседний хан пригрозил войной, если не разгадают его загадку. Он прислал несколько трудных загадок, но никто из тысячи подданных хана не смог объяснить. Парень с помощью отца все их разгадал и таким образом спас государство. Хан обрадовался и готов был исполнить все, что захочет юноша. Тот отказался от бо-

гатства, но попросил отменить закон, по которому убивали престарелых людей. И тогда хан уступил свой престол мудрому юноше.

Все монгольские бытовые сказки можно разделить на три жанровые разновидности: 1) обыденные, 2) авантурные или новеллистические и 3) сатирические [Гаадамба 1987: 30]. Мудрецов, о которых было сказано выше, скорее всего, можно отнести к героям обыденных сказок. В авантурных и новеллистических сказках выступают обычно смекалистые, ловкие вору, озорные герои. Их сложно назвать мудрыми, так как они побеждают своих противников хитростью. В большей части сказок о животных и бытовых сказок мотив хитрости тесно переплетается с мотивом мудрости. Мотив хитрости, как было сказано ранее, бытует в сюжетах авантурно-новеллистических и комических сказок.

В сатирических сказках, ставших вершиной развития бытовой сказки, высмеивается социальная несправедливость. Главными героями таких сказок являются бадарчин ('странник, странствующий монах') или бедные слуги. Главными темами этих сказок являются протест народа против социальной несправедливости, высмеивание жадности, зависти. В XVII–XVIII вв. в среде бедных монахов появляются люди, которых стали называть *бадарчинами*. Они оставили храмы, выбрав странствующий образ жизни. Большинство из них обладали остроумием и мудрой, меткой народной речью. Постепенно о бадарчинах появилась масса анекдотов, связанных с их поступками. Эти короткие зарисовки-анекдоты стали базой для возникновения серии сказок о бродячем монахе-бадарчине. Порой в их действиях проявляется хитрость и даже аморальность [Дайриймаа 2013: 13]. Для того чтобы найти место ночевки и еду, они часто обманывали людей, жадных жен богачей.

В сказочной традиции монголов мы можем выделить 4 типа мудрецов. Во-первых, добрые помощники, во-вторых, мудрые девушки, в-третьих, умные и находчивые мальчики, в-четвертых, бадарчины или социально-критические образы.

Таким образом, народная сказка является источником народной мудрости и действия, на чем основываются подвиги и поступки героя.

Литература

Гаадамба 1987 — *Гаадамба III*. Монгол ардын үлгэр // *Studia Folclorica*. Т. XIV. F. 1–10. Улан-Батор, 1987.

Дайриймаа 2013 — *Дайриймаа Б.* Монгол ардын үлгэрийн баатруудын уран дүрслэлийн онцлог. Редактор И. В. Кульганек. „Соёмбо“ хэвлэлийн газар. Улан-Батор, 2013.

УДК 821.512.36

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-4-16-283-304

Калмыцкий ксилограф «Сутры Золотого света» («Алтан Герел»)

*Досан Джаван*¹

¹ Отдел образования администрации г. Текес Синьцзян-Уйгурского автономного района (г. Текес, Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР)

директор

E-mail: jawaindosan@163.com

© КалмНЦ РАН, 2020

© Досан Джаван, 2020

Аннотация. История появления ойратского перевода «Сутры Золотого света», его значимости в религиозной традиции ойратов — одна из интересных проблем современного монголоведения. В данной работе исследуется текст ксилографа ойратского перевода одного из самых известных текстов буддизма махаяны — «Сутры Золотого света». Несмотря на огромное количество рукописей этой сутры на «ясном письме», известно всего лишь о двух сохранившихся до наших дней ксилографах этой сутры. Один экземпляр ксилографа хранился в рукописном фонде Института языка и литературы АН Монголии. Другой экземпляр ксилографа «Сутры Золотого света», известный как калмыцкий ксилограф, хранится в личном архиве Увелзенг-генге на территории Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР.

Ключевые слова: «Сутра Золотого света», «ясное письмо», ойратский перевод, ксилограф, колофон

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Академии общественных наук Китая в рамках научного проекта № 20-512-93002.

Для цитирования: Досан Джаван. Калмыцкий ксилограф «Сутры Золотого света» («Алтан Герел») // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 4. С. 283–304. (На ойрат.) DOI: 10.22162/2587-6503-2020-4-16-283-304

UDC 821.512.36

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-4-16-283-304

Kalmyk Wood-engraving “Golden Light Sutra” (“Altan Gerel”)

*Dosan Javan*¹

¹Department of education of the Tekes administration of the Xinjiang Uygur Autonomous region of China (Tekes, Xinjiang, China)

Director

E-mail: jawaindosan@163.com

© KalmSC RAS, 2020

© Dosan Javan, 2020

Abstract. The history of the appearance of the oirat translation of the “Golden Light Sutra” and its significance in the religious tradition of the oirats is one of the most interesting problems of modern mongolian studies. This paper examines the woodcut text of the oirat translation of one of the most famous texts of mahayana buddhism, “Golden Light Sutra”. Despite the huge number of manuscripts of this sutra on the oirat “clear letter”, only two woodcuts of this sutra are known to have survived to this day. One copy of the woodcut it was kept kept in the manuscript collection of the Institute of Language and Literature of the Academy of Sciences of Mongolia. Another copy of the woodcut “ Golden Light Sutra “, known as the Kalmyk woodcut, is kept in the personal archive of Uwelzeng Genge in the territory of the Xinjiang Uygur Autonomous Region of the People’s Republic of China.

Keywords: “Golden Light Sutra”, “clear writing”, Oirat translation, woodcut, colophon

Acknowledgements. The research was carried out with the financial support of the RFBR and the Chinese Academy of Social Sciences in the framework of scientific project no. 20-512-93002.

For citation: Dosan Javan. Kalmyk Wood-engraving “Golden Light Sutra” (“Altan Gerel”). In: *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2020. No. 4. Pp. 283–304. (In Oirat.) DOI: 10.22162/2587-6503-2020-4-16-283-304

۶. بخارا پراييزن نام بخاراخ مە باخرا .

بەين بختەرايە زەواھەر و باخرا بختەن زەبەتتەن .

بەباخرا بەبختەن بەبختەن بەبختەن بەبختەن .

بختەن بەبختەن بەبختەن بەبختەن بەبختەن .

بختەن و بختەن نام بەبختەن و بەبختەن بەبختەن .

بەبختەن بەبختەن بەبختەن بەبختەن بەبختەن .

بختەن بەبختەن بەبختەن بەبختەن بەبختەن .

بختەن بەبختەن بەبختەن بەبختەن بەبختەن .

بختەن بەبختەن بەبختەن بەبختەن بەبختەن .

بختەن بەبختەن بەبختەن بەبختەن بەبختەن .

بختەن بەبختەن بەبختەن بەبختەن بەبختەن .

بختەن بەبختەن بەبختەن بەبختەن بەبختەن .

بختەن بەبختەن بەبختەن بەبختەن بەبختەن .

بختەن بەبختەن بەبختەن بەبختەن بەبختەن .

بختەن بەبختەن بەبختەن بەبختەن بەبختەن .

بختەن بەبختەن بەبختەن بەبختەن بەبختەن .

بختەن بەبختەن بەبختەن بەبختەن .

- [22] 〔23〕 馮文士著《中國文字學》, 北京: 人民教育出版社, 1990年, P168 - P248 .
- [20] 〔20〕 馮文士著《中國文字學》, 北京: 人民教育出版社, 2000年, P280 - P380 .
- [16] 〔16〕 馮文士著《中國文字學》, 北京: 人民教育出版社, 1990年, P144 - P153 - P161 .
- [15] 〔17〕 [18] [19] 馮文士著《中國文字學》, 北京: 人民教育出版社, 1990年, P168 - P248 .
- [14] 〔14〕 馮文士著《中國文字學》, 北京: 人民教育出版社, 2000年, P280 - P380 .
- [13] 〔13〕 馮文士著《中國文字學》, 北京: 人民教育出版社, 1990年, P144 - P153 - P161 .
- [12] 〔12〕 馮文士著《中國文字學》, 北京: 人民教育出版社, 1990年, P168 - P248 .
- [11] 〔11〕 馮文士著《中國文字學》, 北京: 人民教育出版社, 1990年, P168 - P248 .
- [10] 〔10〕 馮文士著《中國文字學》, 北京: 人民教育出版社, 1990年, P168 - P248 .

УДК 821.512.36

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-4-16-305-314

**Нэрт зохиолч Ч. Лодойдамбын уран бүтээлд орос хүмүүсийн дүрийг бүтээсэн нь
(= Отображение образов русских людей в творчестве известного писателя Ч. Лодойдамбы)**

*Цоодол Шунхайн*¹

¹Ховдский государственный университет (г. Ховд, Монголия)
докторант

© КалмНЦ РАН, 2020

© Цоодол Ш., 2020

Аннотация. В статье рассматривается отображение в произведениях известного монгольского писателя, общественного деятеля, лауреата государственных премий Чадраабалын Лодойдамбы образов русских людей. Помимо того, что писатель сумел художественными средствами показать на историческом отрезке времени результаты российско-монгольского сотрудничества, тем самым запечатлеть тот исторический отрезок времени, предельно ярко изобразил подвижничество простых русских людей, боровшихся за Монголию не щадя своей жизни и вложивших все силы и душу в развитие нашей страны. Тем самым монгольский автор получил оценку как писатель, наиболее художественно и самым подробнейшим образом отобразил русских людей в современной монгольской литературе. Среди его героев — русский доктор в повести «Коллектив нашей школы», работник Академии наук СССР, доктор геологических наук, профессор Николай Владимирович Панов в романе «На Алтае», революционер Петр, русский торговец Павлов в романе «Прозрачный Тамир» и др.

Ключевые слова: Чадраабалын Лодойдамба, Монголия, литература, образы русских людей, доктор, профессор Панов, торговец Павлов

Благодарности. Материалы статьи апробированы на Международной научной онлайн-конференции «Монголоведение в начале XXI в.: современность»

менное состояние и перспективы развития – II», проведенной при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-22004) и частичной поддержке гранта Правительства РФ (№ 075-15-2019-1879).

Для цитирования: Цоодол Ш. Нэрт зохиолч Ч. Лодойдамбын уран бүтээлд орос хүмүүсийн дүрийг бүтээсэн нь // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 4. С. 305–314. (На монг.) DOI: 10.22162/2587-6503-2020-4-16-305-314

UDC 821.512.36

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-4-16-305-314

The Representation of Images of Russian people in the Works of the Famous Writer Ch. Lodoydamba

*Tsoodol Shunkhayin*¹

¹ Khovd State University (Khovd, Mongolia)

Doctoral Student

© KalmSC RAS, 2020

© Tsoodol Sh., 2020

Abstract. The author of the article analyzes how the images of Russian people are reflected in the works of the famous Mongolian writer, public figure, laureate of state prizes Chadraabalyn Lodoydamba. The writer managed not only to show the results of Russian-Mongolian cooperation over the historical period of time, thereby capturing that historical period of time, he extremely vividly depicted the asceticism of ordinary Russian people who fought for Mongolia without sparing their lives and put all their strength and soul into the development of the country. Thus, the Mongolian author was assessed as a writer who gave the most artistic and most detailed images of the Russian people in modern Mongolian literature. Among his heroes is a Russian doctor in the story “Our School Staff”, an employee of the USSR Academy of Sciences, Doctor of Geological Sciences, Professor Nikolai Vladimirovich Panov in the novel “In Altai”, revolutionary Peter, a Russian merchant Pavlov in the novel “Transparent Tamir”, etc.

Keywords: Chadraabalyn Lodoydamba, Mongolia, literature, images of Russian people, doctor, professor Panov, a merchant Pavlov

Acknowledgement: The article was presented at the international scientific online conference “Mongolian Studies at the beginning of the 21st century: Current State and Development Prospects – II”, held with the financial support of RFBR (project № 20-09-22004) and partial support of the Russian Government Grant (№ 075-15-2019-1879).

For citation: Tsoodol Sh. The Representation of Images of Russian people in the Works of the Famous Writer Ch. Lodoydamba. In: *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2020. No. 4. Pp. 305–314. (In Mong.) DOI: 10.22162/2587-6503-2020-4-16-305-314

Шинэ цагийн Монголын уран зохиолд орос хүний дүрийг хамгийн тодорхой бүтээсэн зохиолч бол Ч. Лодойдамба ажээ. Түүний «Манай сургуулийнхан» туужийн орос эмчийн дүр, «Алтайд» романы СССР-ийн Шинжлэх ухааны академийн ажилтан, геологийн шинжлэх ухааны доктор, профессор Николай Владимирович Панов, «Тунгалаг Тамир» романы хувьсгалч Петр, орос худалдаачин Павлов нарын дүрийг шинэ аргаар цогцлоон бүтээжээ. Ингээд эдгээр дүрүүдийг хэрхэн бүтээснийг тодруулан авч үзье.

«Манай сургуулийнхан» зохиолд «Докторыг бид нар нягт хүрээлж аваад хэсэг харж зогсов. Энэ орос эмэгтэй бол хаанаас нь яаж харсан ч өөгүй бөгөөд чухамхүү сайн сайхан бүхний хуримтлал байв. Алтан шар үс нь наранд гялалзан туяарч байх нь жаргалын түмэн туяаг зүг бүхэндээ цацруулж байгаа юм шиг харагдаад шулуун хамры нь угт инээмсэглэн эргэлдэж байгаа цээлхэн сайхан хоёр цэнхэр нүдэнд нь муу санаа, муу явдлын зай ч үгүй мэт бодогдов» гэсэн байдаг бөгөөд ийм л сайхан сэтгэлт, гоо үзэсгэлэнт орос эмчийн энэ л дүр уншигчийн сэтгэлд тодхон үлддэг билээ.

Ер нь Ч. Лодойдамба зохиолчийн зохиолуудын нэг гол онцлог нь шинэ хуучин хоёрын тэмцлийг маш хурцаар, уран тодоор дүрсэлж дүрүүдийн хоорондын харьцааг зөрчил тэмцлийн дунд сөргөлдүүлэн гаргадаг нь тухайн дүрүүдийг улам тодорхой уран сайхан болгодог.

«Манай сургуулийнхан» туужийн орос эмчийн дүр ч ийм аргаар шинэ үеийн боловсон эмнэлэг, шашны хуучин эмнэлэг хоёрын зөрчилдөөн, орос эмч, оточ Лувсан нарын үйл ажиллагаа, үзэл бодлын зөрөөг харьцуулан урлаж аль алиных дүрийг урласан байдаг.

Доктор гэж ямар хүн ирэх талаар Ням гүн, хүүхдүүд, Лувсан оточ нарын хооронд байнга болж байгаа яриа, анхны төсөөллүүд, орос эмч ирээд хүүхдүүдтэй хэрхэн харьцаж байгаа, эмчилгээний үр дүн, өөрөө цусаа өгч ухаан алдан унаж байгаа зэргээс сайхан сэтгэлтэй, хүнлэг чанартай орос эмчийн дүр улам бүр тодорч байна.

Зохиолд орос эмчийн талаар «...Би толгойгоо хүчлэн хөдөлгөж хараад цочин өндийв. Гэрт гурван хүн орж ирээд зогсож байв. Тэдний нэг нь Далхаанямбуу багш нөгөө хоёр нь үл таних хүн байлаа. Хоёулаа яг адил цагаан хувцастай бөгөөд нэг нь эрэгтэй монгол хүн, нөгөө нь эмэгтэй орос хүн байв. Хүүхдүүдийн босож чадах нь босож, өндийж чадах нь өндийв. Чулуун хөнжлөө нөмрөн гарч зугтаах гэснийг Далхаанямбуу багш барьж аргадан орон дээр нь суулгав. Харин Бурантаг хөдлөх ч үгүй дээш харан хэвтэж байлаа. Цагаан хувцастай орос хүүхэн бид нарыг гайхан харж байснаа инэмсэглээд хэдэн үг хэлэв. Би юу гэж хэлснийг ойлгосонгүй.

— Та нарыг доктор гуай сайн байна уу гэж байна гэж цагаан хувцастай хүн хэлэв. Бидний хэн нь ч дуугарсангүй. Тэр доктор хөдөлж, миний толгойг илсэнд, би цочин давхийв. Доктор давхийснийг мэдээд над руу харан толгойгоо сэжлэн инээмсэглэж,

— Ай, я яа я я гэж хэлээд Доржийн орны дэргэд очив» [Лодойдамба 1977: 50] гэж гардаг. Ингэж анх доктор өвчтэй хүүхдүүдтэй уулзаж тэднийг үзэж эхэлдэг бөгөөд хүүхдүүд хагалж огтлохоос айж, зарим нь дургүйцэвч багшийнхаа үгэнд орж үзүүлэхэд яагаа ч үгүй болохоор сэтгэл тайвширдаг.

«Гадаа ярьж байгаа үгнүүдийг цагаан хувцастай эрэгтэй хүн докторт хэлж өгөв бололтой. Докторын царай хувиран сайхан нүүрэнд нь тодорч байсан инээдэм ор сураггүй алга болов. Доржийн орон дээрээс босоод чагнуураа түргэн эвхэж өвөртлөв» [Лодойдамба 1977: 50]. Тэгээд үүд рүү явах гэтэл ууртай багш өмнөөс нь орж ирээд докторыг явуулж аль, эсвэл бид явна гэж их муухай

юм болж байгаа талаар ярихад түүнийг цагаан хувцастай эрэгтэй хүн орчуулж өгдөг. Тэгээд яахыг асуухад «буцсан ч яадаг юм...» гэсэн хариу сонсоод, «Юу ч болсон би явахгүй, би өөрөө ярина гэж доктор цагаан хувцастай хүнээр дамжуулан хэлээд шууд гэрээс гарлаа» [Лодойдамба 1977: 51].

Удалгүй доктор эргэж орж ирээд үзлэгээ хийхэд Бурантаг л шууд эсэргүйцэн хөөж зангидсан гараараа ээлжлэн цохиж, дэрэн дороосоо төмөр сэрээ гарган нүүр рүү нь цохин шархдуулдаг.

«Бид докторын тухай ярьж эхлэв. Монгол хүнийхээс өндөр хянган хамар, утаа болсон юм шиг шар үс, нилээд гүн аяганд эргэлдэж байгаа цог хорхой шиг хоёр цэнхэр нүдний нь тухай ярилцав. Тэр инээдээр эргэлдэж байгаа хоёр нүдний цаана хагалах, огтлох айхтар санаа оршиж байгаа шүү дээ гэж бодоход, тэр докторт бидний тааламжтай сэтгэлийг татах юм огтхон ч байсангүй билээ» гэжээ [Лодойдамба 1977: 53].

Эндээс үзэхэд орос хүнийг анх удаа ойроос харж байгаа хүүхдүүдэд харагдах гадаад төрх, тэгээд ч өөрсдийг нь хагалж огтлох байх гэж болгоомжилж байгаа хүний талаар тааламжгүй бодлоос харахад ч орос эмчийн дүр тодорч зохиолчийн мэдрэмж ур чадвараар уран дүр болох нь мэдрэгдэж байна. Хүүхдүүдэд янз бүрийн сайхан амттай хоол хийж өгөхийн зэрэгцээ, сонирхолтой юм ярьж, орос дуу зааж өгөх зэргээр хүхдүүдэд элэгсэг дотно хандан тэдний итгэлийг хүлээж байдаг.

Уг зохиолд «Би олон сайхан дуучны гоё хоолойг сонсож, тэдний уран чадлыг бишрэн бахархаж байсан билээ. Гэвч би одоо хүртэл тэр докторын хоолой шиг яруу сайхан хоолойг сонсоогүй юм шүү» [Лодойдамба 1977: 62] гэсэн байдаг нь тухайн дүрийн бас нэгэн онцлогийг илэрхийлж байна.

Мөн, «Бурантаг «За» гэв. Гэтэл доктор инээсэн ч үгүй, баярласан ч үгүй, харин царай нь хувхай цагаан болж, нүд нь гөлөлзөн уруул нь чичирч байснаа Бурантагийг тэврэн аваад үнсэв», «Доктор хэдэн үг хэлэхэд цагаан хувцастай хүн докторын нөгөө гараас цус авч Бурантагийг урьдах ёсоор тарив. Ингээд докторын хоёр гараас ээлжлэн Бурантагийг хэд хэд дахин тарьсан билээ», «Гэтэл Бурантаг урт гэгч нь амьсгаа аваад, нүдээ нээж хөдлөлгүй,

нүүр рүү нь бөхийн ширтэж байгаа докторыг ажиглан харж байнаа «Доктор» гээд уруулаа хөдөлгөх нь надад инээмсэглэх мэт харагдав. Доктор доош унжуулсан толгойгоо өндийлгөв. Түүний дөлгөөн цэнхэр нүдэнд нь инээмсэглэл, баярлал, тодрох шиг болсноо, зовхи нь алгуур хумигдаж, бүхий л биеэрээ найгаснаа, Бурантагийн бугуйнаас бариатай хэвээрээ, хана руу пид гэтэл унав» [Лодойдамба 1977: 66].

Ийм л ач буянтай монгол түмний төлөө бие сэтгэлээ үл хайрлан зүтгэж байгаа Оросын жирийн эмч бүсгүйн дүр манай уран зохиолын алтан хуудсанд авьяас билигт зохиолчийн гэгээн ухааны ураар бүтээгдсэн байна.

Герасимович Л. К. «Аюултай хүнд нөхцөлд монголын хүүхдүүдийн төлөө амь биеэ үл хайрлан тэмцсэн орос эмч бүсгүйн дүрийг уг туужид гаргахдаа зохиогч тун ихээр хайрлан бичсэн байна» гэж тэмдэглэжээ [Герасимович 1965: 231].

Энэхүү туужид хүүхдүүдийн дүрийг бие биенээсээ ялгарсан онцлогтой, тэдний сэтгэл зүйг гайхалтай сайхан үзүүлсэн төдийгүй хэлж ярьж байгаа үгнээс нь хэн болохыг нь мэдэж болохоор, ялган танигдахаар сайхан дүрүүдийг бүтээжээ гэж үзэж байна. Тийм дээ ч орос эмчийн дүрийг улам тод харуулахад тэдний дүрийн нөлөө их байдаг нь харагдаж байна.

Одоо «Тунгалаг Тамир» романы Павлов, Петр нарын дүрийг хэрхэн урласныг авч үзье. Зохиолд, «Итгэлтийг даваан дээр буугаад тамхи татаж суухад морин тэрэгтэй орос ирээд зогсов. Богино тааран дээлтэй хууз сахалтай Павлов бууж, Түнхэлийн буриад аялгуугаар мэндлээд үхэр худалдан авах тухайгаа ярив.

— Орос чамд мөнгө байвал надад үхэр байна гэж Итгэлт хэлжээ.

— Баатар цагаан хааны буянаар чамайг хошуу нутагтай чинь худалдан авсан ч мөнгө байна. Хоёр зуун амбан шар байна уу? гэж Павлов асуув.

— Ердөө энэ үү. Тав хоногийн дараа хоёр зуун шар энэ даваан дээр туугаад ирье. Байдаг мөнгөө дэнслээд сууж байгаарай гэж Итгэлт хэлээд тэр хоёр салжээ», гэх буюу, «Павлов овооны өмнөх хавтгай чулуун дээр оросын гулдмай гэж урт цагаан мөнгө

гаргаж тавиад хангинуур сүхээр цавчлан цэгнэж өгөхдөө үсэрсэн хэлтэрхийн үүдийг авах нь битгий хэл харах ч үгүй байжээ. Энэ нь Итгэлтийн сэтгэлд үлэмж таалагдаж «их гарын панз бололтой» гэж бодож байсан билээ. Ингэж наймаа хийхдээ Павлов бодож ирснээсээ дөрвөн зуун лан хожсон бол Итгэлт хүнээс авсан зуун жар гаруй үхэр бүхнээс хоёр лан хожжээ» хэмээн өгүүлдэг [Лодойдамба 1977: 38].

Ийм хоёр хүн ингэж танилцан хамтарч эхэлдэг. Нөхөрт итгэдэг, том наймаа хийхээс буцдаггүй, зүрхтэй ховор монгол шүү гэж Павлов Итгэлтийг магтаж байдаг бол манай Павлов нүнжигтэй орос доо. Жаахан онгиргон болохоос биш, ёстой их гарын панзчин даа гэж Итгэлт Павловын тухай ярьдаг байв.

«За тэгээд наймаа сайн, олз омог их биз дээ? гэж Итгэлийн асуухад Павлов бардам инээмсэглэж «Бид хоёр олз олохгүй бол ямар аавын хүү олох билээ дээ» гээд хоёул чанга инээв.

Дээр ишилсэн хэсгүүдээс харахад орос худалдаачин Павловын ямархуу төрхтэй, ямар ааш зантай хүн болох дүр нь нилээн тод харагдаж байна.

Орос, Германы хооронд дайн гарсныг Павлов Итгэлтэд дуулгаад, «Одоо бид хоёр цөлхөөв гэдгийг...» гээд хоёр гарын алгаа дээш харуулан атгаснаа «ингэнэ» гээд тэр хэвээр нь дээлийнхээ хоёр ташааны уутанд хийжээ [Лодойдамба 1977: 98]. Эндээс түүний ямархуу хүн болох нь харагдана. Павлов цагаантны бослогод идэвхтэй оролцож улмаар Колчакийн цэрэгт ордог. Сибирийн партизануудад шахагдсан цагаантнууд Монгол руу оргон орж ирээд Павловын удирдлагын дор нэгдэн барон Унгернтэй холбоо тогтоож Павлов нэг хороог захирдаг. Павлов «нэг бол улаантнууд энэ хорвоо дээр амьдарна. Эсвэл би амьдарна. Бидэнд нэг нар байхгүй» [Лодойдамба 1977: 286] гэсэн үзэл бодолтой нэгэн. Үүндээ үнэнч явсаар баригдаж амиа алддаг.

«Зохиолч энэ дүрийг бүтээхдээ нэгдүгээрт тухайн үеийн монголын цаг төрийн байдалд оросын цагаантнууд хэрхэн нөлөөлснийг үзүүлэх, хоёрдугаарт хэрэв тэд ялсан бол монгол орон ямар замаар явах байсныг л илэрхийлэн харуулах зарчим бариталсан юм» судлаач Б. Ганбат тэмдэглэжээ.

«Тунгалаг Тамир» романд дүрслэгдсэн нөгөө нэг орос хүн бол хувьсгалч Петр. Тэрээр 1905 оны хувьсгалд оролцож нутаг заагдсан нэгэн бөгөөд хямд өртөгөөр Павловт зарцлагдаж яваа хүн. Монголчуудын дунд аж төрж ард түмнийг нь сайн танин мэдсэн бөгөөд улмаар орос оронд гарсан Октябрийн хувьсгалд идэвхтэй оролцож дараа монгол оронд цагаантныг эх орноосоо хөөхөд нь туслахаар улаан армийн нэгэн ангийн комиссараар ирж байна. Тэгээд хуучны танил Эрдэнэтэйгээ хамт тулалдаж явахдаа хувьсгал ялсны дараа улс орны хувь заяаг хааш нь хөтлөх, ард түмний сайн сайхны тусын тулд юу хийх учиртайг монгол нөхөртөө ойлгуулж, тус орныг гадаад дотоодын дайсны хөл үймээнээс цэвэрлэх ариун үйлсийн төлөө зүтгэж яваад амиа алдаж байгаа талаар романд өгүүлдэг.

Утга зохиол судлаач, доктор Г. Галбаяр «Орос хүний уужим сайхан сэтгэл, хүнлэг нинжин, ухаалаг чанар, гунихыг үл мэдэх хөгжүүн зан, холч хэрсүү алсын бодол, чигч ариун зорилго, түүнийгээ гүйцэлдүүлэх хатан зориг, хатуу тэвчээр цөм Петрийн дүрд цогцлон бүрдсэн байна» [Галбаяр 2004: 260] гэсэн бол доктор Л. Түдэв, «Тунгалаг Тамир»-ын алиа Петр... нар шиг хүнлэг зан чанартай, интернационалч хүмүүжилтэй хүмүүсийн дүр манай утга зохиолд улам бүр нэмэгдсээр байна» гэсэн дүгнэлт хийжээ [Утга зохиолын... 1988: 169].

Петр бол алиа наргианч зантай, нөхөрсөг сайхан сэтгэлтэй, эгэл энгийн нэгэн бөгөөд эрх чөлөөний төлөө шударга тэмцэгч, улс орны хөгжлийн талаар алсын бодлоготой ухаалаг хээгүй орос эр болох нь харагддаг. Монгол нөхөр Эрдэнэ нь «Петр бол зөвхөн алиа Петр биш шархдаж хэд хоног хаданд хэвтээд эдгэрэн нисэх гэж байгаа бүргэд шиг хүн бөгөөд үлэмж ухаан, тод эрмэлзлэлтэй эр» [Лодойдамба 2005: 95] гэж бодож байдаг.

Энэ бүхнээс Петрийн дүр уншигчдын сэтгэлд хоногшин үлдэж, хайрлагдаж байдаг бөгөөд Оросын ард түмэн, хувьсгалчдын үзэл санаа, үйл хэрэг, хүсэл эрмэлзлэл, эрх чөлөөний тэмцлийн нийтлэг төрхийг Петрийн дүрээр хураангуйлан үзүүлсэн байна.

Монголын анхны роман «Алтайд»-д гарч байгаа дүрүүд бол геологи хайгуулын шинэ салбарт ажиллаж байгаа шинэ хүмүүсийн

дүр бөгөөд тухайн салбарын ажил үйлсийн талаар өргөн олонд мэдлэг олгосон, хүүхэд залуу үеийг энэ ажил мэргэжилд уриалан дуудсан өндөр ач холбогдолтой байжээ.

Панов энгийн ажилчин байгаад сургуульд суралцаж эрдмийн хүн болсон бөгөөд Казакстанд чухал баялгийг нээж Сталины шагнал хүртсэн, геологийн шинжлэх ухааны доктор, монголын ард түмний сайн сайхны төлөө хөдөлмөр бүтээлээ зориулсан орос зөвлөлтийн хүмүүсийг төлөөлсөн дүр юм.

Тэрээр эх орны дайны урт замыг туулж монголын малчин ард Дамдингийн бэлэглэсэн хурдан борлог морийг унаж гавьяа байгуулж явсан дайчин эр. Эчнээ танил Дамдинтайгаа уулзаж, Алтайн чанадад хайгуул шинжилгээ хийн олон янзын бэрхшээл туулж монголчуудтай нөхөрлөж яваа, монгол хэл, ёс заншлыг сайн мэддэг, нөхөрсөг, түшиг тулгууртай, алия хөгжөөнтэй, эрэлхэг зоригтой, цайлган цагаан сэтгэлтэй хээ шаагүй орос хүн юм. Түүний дүрийг ийм л байдлаар зохиолд тусгажээ. Панов Баяртай хамт чонотой хөөцөлдөж яваад нөхдөөсөө салж, угалз шуурганд орж, чонын сүрэгт бүслэгдэн явах хүнд үед энэ орос эрийн жинхэнэ хүн чанар, нөхрөө гэсэн халуун сэтгэл, амьдралын зовлон бэрхшээл туулсан арвин туршлага бүхэн илэрч уг дүрийг улам баялаг болгодог.

Судлаач Б. Ганбат «Зөвлөлтийн хүмүүс монголын ард түмэнд ийм ойр дотнын, ах дүүгийн сайхан сэтгэлээр хандаж, хайрлан халамжилж байдгийг бид сайн мэддэг бөгөөд ах, эгч нар минь хэмээн хүндэтгэн хайрладаг билээ. «Алтайд» романд Пановын дүрийг бүтээхдээ зохиолч чухам ийм сэтгэлээ илэрхийлэн гаргасан байдаг» гэжээ [Ганбат 1998: 203].

Ер нь өнөөгийн энэ цаг үеэс харахад тодорхой түүхэн цаг хугацаанд монгол, орос хоёр орны хамтын ажиллагааны үр шим ямар байсныг уран сайнхы аргаар нээн харуулсны дээр тэр цаг үеийг түүхэнд мөнхөлж, монгол эх орны төлөө амь хайргүй тэмцсэн, хөгжил цэцэглэлтийн үйлсэд бие сэтгэлээ зориулсан эгэл орос хүний дүрийг бүтээжээ гэж хэлж болно.

Эцэст нь дүгнэхэд, өнөөгийн энэ цаг үеэс харахад тодорхой түүхэн цаг хугацаанд монгол, орос хоёр орны хамтын ажиллагаа-

ны үр шим ямар байсныг уран сайнхы аргаар нээн харуулсны дээр тэр цаг үеийг түүхэнд мөнхөлж, монгол эх орны төлөө амь хайргүй тэмцсэн, хөгжил цэцэглэлтийн үйлсэд бие сэтгэлээ зориулсан эгэл орос хүний дүрийг монголын уран зохиолд хамгийн уран тодоор бүтээсэн байна.

Ном зүй

- Галбаяр 2004 — *Галбаяр Г.* XX зууны Монголын уран зохиолын үечлэлийн асуудлууд. Улаанбаатар: изд-во, 2004.
- Ганбат 1998 — *Ганбат Б.* Монголын сонгодог зохиолч Чадраабалын Лодойдамба амьдрал, уран бүтээл. Сеул: изд-во, 1998.
- Герасимович 1965 — *Герасимович Л. К.* Литература Монгольской Народной Республики 1921–1964 годов. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1965. 311 с.
- Лодойдамба 1977а — *Лодойдамба Ч.* Түүвэр зохиол. Улаанбаатар: АБЯ-ны хэвлэл, 1977. 346 с.
- Лодойдамба 1977б — *Лодойдамба Ч.* Тунгалаг Тамир. I дэвтэр Улаанбаатар, 2005. Утга зохиолын... 1988 — Утга зохиолын шүүмжлэл-85. Улаанбаатар, 1988.

УДК 82.09

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-4-16-315-331

**«Нээргл» («поэм») гидг нерэдлн монголын утга
зохиолын шүүмжлэлд үүдлнэ тускар
(= О происхождении термина «нээргл»
(«поэма») в монгольском литературоведении)**

Урсхл С. ¹

¹ Университет Внутренней Монголии (234, ул. Западная Университетская,
010021 Хух-Хот, КНР)

Ph.D., профессор

E-mail: urasgal@sina.com

© КалмНЦ РАН, 2020

© Урсхл С., 2020

Аннотация. Одной из интересных проблем современного монгольского литературоведения является история появления тех или иных литературных терминов и понятий. Некоторые термины со временем обрели иное содержание, отличное от того, что в них закладывалось изначально. К таким претерпевшим эволюцию литературоведческим понятиям относится термин *нээргл* ('поэма'). Впервые этот термин для обозначения поэмы появился в Монголии в работе известного монгольского филолога, академика М. Гаадамбы «Очерк теории литературы» и в переводе работы известного советского исследователя Г. Л. Абрамовича «Введение в литературоведение». В 1950-е гг. этот термин стал активно употребляться критиками и историками современной монгольской литературы Китая. Первоначально понятием *нээргл* обозначалась «стихотворная повесть» (*шүлгелн түүк (шүлэглэсэн тууж)*), которая занимала промежуточное положение между «романом в стихах» (*шүлгелн роман*) и «стихотворным рассказом» (*шүлгелн түүк (шүлэглэсэн тууж)*). Однако при внимательном анализе критических и литературоведческих работ этого периода выяснилось, что этот термин применялся к разным типам произведений.

Ключевые слова: поэма, М. Гадамба, Л. Абрамович, стихотворная повесть

Благодарность. Материалы статьи апробированы на Международной научной онлайн-конференции «Монголоведение в начале XXI в.: современное состояние и перспективы развития – II», проведенной при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-22004) и частичной поддержке гранта Правительства РФ (№ 075-15-2019-1879).

Для цитирования: Урсхл С. «Нээргл» («поэм») гидг нерэдлх монголын утга зохиолын шүүмжлэлд үүдлнэ тускар // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 4. С. 315–331. (На монг.) DOI: 10.22162/2587-6503-2020-4-16-315-331

UDC 82.09

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-4-16-315-331

On the Origin of the Term “Nyargll” (“poem”) in the Mongolian Literature Studies

*Wurisigala*¹

¹ Inner Mongolia University (234, West University Road, Hohhot 010021, China)

Dr. Ph. (Philology), Professor

E-mail: urasgal@sina.com

© KalmSC RAS, 2020

© Wurisigala, 2020

Abstract. One of the interesting issues of the contemporary Mongolian Literature Studies is the history of the introduction of different literary terms and concepts. Some terms over the time have obtained a new meaning different from the initial one. One of the terms that has undergone this evolution is the term *näärgll* (poem). This term denoting a ‘poem’ first appeared in Mongolia in the work of the famous Mongolian philologist, academician M. Gaadamba “Essay on the Theory of Literature” and in the translation of the famous Soviet researcher G. L. Abramovich “Introduction into the Literature Studies”. In

1950, this term was actively used by critics and historians of the contemporary Mongolian literature of China. Initially, the term *näärġll* denoted a “poetic story” (*shūlglsn tūūk (shūleglesen tuuzh)*) which had a borderline position between a “poetic novel” (*shūlglsn roman*) and a “poetic narrative” (*shūlglsn mүүк (hūleglesen tuuzh)*). However, the deeper analysis of the critical and Literary Studies works of the given period showed that this term was used for different types of literary works.

Keywords: poem, M. Gaadamba, L. Abramovich, poetic story

Acknowledgement. The article was presented at the international scientific online conference “Mongolian Studies at the beginning of the 21st century: Current State and Development Prospects – II”, held with the financial support of RFBR (project № 20-09-22004) and partial support of the Russian Government Grant (№ 075-15-2019-1879).

For citation: Wurisigala. On the Origin of the Term “Nyargll” (“poem”) in the Mongolian Literature Studies. In: *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2020. No. 4. Pp. 315–331. (In Mong.) DOI: 10.22162/2587-6503-2020-4-16-315-331

Моңл утх-зockьялын нершлин үүдлһн, түүнэ хуврн болвсруллһиг судлх болхла, чухл нег сурвр мөн. Йирдән керглж дасн нерәдлһиг хээхнь түүнэ дотр соньн седв бээж. «Нээрġлл» гидг нерәдлһ болхла, мөн иим нег медән бээж. Эндр әмтн түүнэ чинринь кедү чинән меджәнә? Экләд, ямр утхта бээсмн? Тиигхлә, эндр болтл тер кевәрн бээс әрн бәәнү? Әс гиж талдан шин чинртә болснү? Эн нерәдлһиг кен, кезә түрүн болж дурдж керглсмб? Кезәнәс әкләд иткм керглгдх нершл болсмб? Кемр хуврлтә болхла, кезәнәс авн талдан утхта болв? Кемр иигж ухалж үзхлә, моңл утх-зockьял тедү уга, моңл келнә талдан оln нерәдлһиг чигн эн мет системтә судлдг болсмн.

Моңл утх-зockьялын судлачнрин дунд йирд керглгддг нершлиг ажглж үзхд, хоорндан мөн әдл биш көгжлтин туужта. Түүнә дотрк зәрм негнь көгжлиннь йовцд хуврж, цааранднь әдл бишин аһулар хутхн керглх әс гиж эндүтә болсн чигн бәәнә. «Нээрġлл» гих нерәдлһ болхла, мөн иим бәәдлтә медән мөн.

«Нээргл» гидг медлт эндр ямр утхар керглгдженэ?

«Эндрк моңһл утх-зокъялын судлачнр «нээргл» гих медлтиг чухм ямр утхар керглжэнэ? Алькнь дигтэ болжана?» гих зергин сурвриг өөрин жилдк цөн удана номин хурлын завсрт соңсчасн билэ. Өмтнэ медлһн зөвэр зөрэтэ болад чухм аһулһин туск алмацһта бээв. Өөрин газет-седкүлд мөн эн туск харшлтта бээһэ үзлт харгдна. «Нээргл гидг шүлглэнэ бүтэл кезэнэс улмжлл бээвчн, нэрн-тодрха нершл ода болтл балрхашң бээһэ гилтэ. Йирнь шүлгин мөр-бадгин то-кемжэн оln ик түүрвлиг заажана болад бас уйңһлсн нээргл болн түүкһсн нээргл гиж йилһжэһэ янзта» [Ринчиндорж 2017: 25]. Энд: нэрн-тодрха нершл ода күртл балрха; ик түүрвл; уйңһлсн болн түүкһсн нээргл гиж йилһгдженэ. Эн һурвн медлт одахнд зөвэр төлөлх чинртэ үзлт гиж маһдлж болх.

«Моңһл судллын невркэ толь»-ин утх-зокъялын ботьд «нээргл» гидг шишлң цөөлһвр бээнэ. Энд: «Хойр, һурвн зуунас деегшэн мөртэ шүлгиг нээргл гидг. Түүкһх нээргл болн уйңһин нээргл гиж хойр зүүлд хувагна» [Сайшаалт 2002: 231] гиж медүлв. 2005 жилд барлгдсн «Китд–моңһл толь»-д «叙事诗: нээргл; 叙事诗歌: ирү нээрг (шүлглэн)» гив. Эдл утхта китд нерсиг эдл уга орчулсн болвчн, өмнкнь, хэрнь, нээргл гих медлтин уул утхиг дигтэ хадж [Хятад–монгол толь 2005: 25]. «Моңһл келнэ толь»-д «Нээргл: ут уйңһин шүлг» [Монгол хэлний толь 1997]; «Моңһл–китд толь»-д (немн яссн девтр) «нээргл: 长诗» [Монгол–хятад толь 1999], «Шин моңһл–китд толь»-д «нээргл: 长篇诗, 诗体文, 韵文» гиж тээлврлв. Үүнэс үзхд «нээргл»-иг түүкһх шүлг, ут шүлг, ут уйңһин шүлг гих зерг эдл биш утхар цөөлһгдженэ.

Эн болхла, марханго эндрк таньлт мөн. Керм эргж харад, деер зууна 50–60-эд жилмүдт күрч үзхлэ, ямр бээх билэ?

XX зууна 50–60-эд жилмүдин «нээргл»

XX зууна 50–60-эд жилмүдэс экләд, моңһл шүлгин дотр ик кемжэнэ шүлгүдиг оln ниитлгдх болж. Тиигхлэ, тер үйд эн шүлгүдиг яһж нерлжэсмб?

Тер цагин газет-седкүлд ниитлгджэсн шүүмж-өгүллэс эн бээдлиг тодрха медж болна. «Байрин дуулл»-ыг «уйңһта нээргл»

эс гиж «нээрглл» [Дамбийжалсан 1959]; «Өөрин жилин шүлгин дотрк өргл болсн» гиж үнлэд, шишлң нерлсн уга [Шугара 1960]; «Өмллин белгтэ цецг»-иг «уйңһин шүлг», «ут шүлг» [Баяр 1959], «уйңһин нээрглл» эс гиж «нээрглл» [Мэдэлт 1963]; «Бодь цаһан гөрәснә намтр»-иг «нээрглл, эпосин ул-мөр зөвәр үзгдх» шүлг гиж үзсн [Тамсүрэн 1962]; «Луусин хаадудын хүрм»-иг «нээрглл» гиж нерлж бэев [Буянбат 1963].

Үнндән аль эрт, 1962 жилд барлгдсн «Өвр Моңһлын Эврән Засх Орна утх-зокъялын тууж»-д «Байрин дуул», «Өмллин белгтэ цецг», «Байрин нульмсн» (Оср 1959), «Түмн цецгиннь негиг тергүлгч Мао Цзэдундан өргий» (Жигмд-Сарң 1958) гих зерг уйңһин ут шүлгиг цуг нээрглл гиж нерлчксн бээж. Тус дегтрин китд кевллд эн цөн шүлгиг 长诗, 叙事诗 эс гиж 抒情长诗 гиж нерлсиг йилһл уга цуг нээрглл гиж моңһлчлв. Бас зәрмнь ямр чигн тодрхалт уга, зөвкн шүлг йирнкәлн нерлж бээсиг «нээрглл» гиж үг немн, тодрхалн орчулсн бэәнә [Өвөр Монголын утга зохиолын түүх 1962].

Иймәс өгүлсн шүлг, уйңһин шүлг альнь чигн болг. Халхсин кемжән зөвәр утл юмн болхла, түүг «нээрглл» гиж нерлжәсиг медж болна. «Нандьр, Сүмр хойр» гих шүлг ниитлгдснә дарунь бичгдсн шүүмжд түүг «нээрглл» болн «ут нээрглл» [Сайнбаяр 1957]; «нээрглл» болн «ик кемжәнә нээрглл» [Болд 1957] гих зергәр нерлжәж. Тер цагин зәрм толь бичгт «нээрглл»-иг 叙事诗: эпос, үлгүрлсн шүлг» гиж цәәһж бэев [Хятад–монгол товч толь 1955].

Деер өггдсн нерәдлһнә бәәдләс үзхлә, ХХ зууна 50-60-әд жилмүдт «Байрин дуул» болн «Өмллин белгтэ цецг» мет ут уйңһин шүлгиг «уйңһта нээрглл», «уйңһин нээрглл» эс гиж амр болһад «нээрглл» гиж нерлж, бас «уйңһин шүлг» эс гиж «ут шүлг» гих нериг чигн керглж бэев. «Луусин хаадудын хүрм» болн «Бодь цаһан гөрәснә намтр» зерг ут түүклх шүлгиг шуд «нээрглл» гиж чигн нерлжәж. Тер үйд хәрнь «түүклх нээрглл» гиж нерлснь үзгдхш. Хәрнь, толь бичгин тәәлврт «нээрглл» гидг моңһл нерәдлһ бәәдг уга болвчн, «түүклх шүлг»-иг «үлгүрлсн шүлг» гиж зөв тодрхалсн бээж.

XX зууна 70–80-ад жилмүдин «нээрглл»

Кедүһәр нээрглл гидг нершл давсн зууна 50-ад жилмүдин чилгч болхд, зөвөр идвктэ керглгдх медлт болчксн болвчн, 70-ад жилмүдт мөн үлгүрлсн шүлг, ут шүлг, өгүлсн шүлг; 80-ад жилмүдт эпосиг нерлсн утхта зерг эдл биш нерэдлһ эс гиж эдл биш утхар керглгдж бээв. Тер цагт барлгдсн моңл утх-зокъялын туужин бичлһэс хэрүлт олж болхмн. Зуг цөн үлмэтэ шүлгиг үзхд:

1. «Байрин дуулл»-ыг нээрглл [Шугара 1989: 233]; «Өмллин белгтэ цецг»-иг «нээрглл» [Шугара 1989: 267]; «Луусин хаадудын хүрм», «Нарн-Герлин күүкд», «Уурһин дун» зергиг бас нээрглл [Шугара 1989: 283]; «Нандьр, Сүмр хойр»-иг түүклх нээрглл [Шугара 1989: 244.]; «Бодь цаһан гөрәснә намтр»-иг нээрглл [Шугара 1989: 143].

2. «Нандьр, Сүмр хойр»-иг түүклх нээрглл [Сайнбаяр, Мандах 1987: 75]; «Байрин дуулл»-ыг уйңһин нээрглл [Сайнбаяр, Мандах 1987: 75]; «Өмллин белгтэ цецг»-иг уйңһин нээрглл [Сайнбаяр, Мандах 1987: 101]; «Нарн-Герлин күүкд»-иг түүклх нээрглл [Сайнбаяр, Мандах 1987: 101]; «Бодь цаһан гөрәснә намтр»-иг түүклх нээрглл [Сайнбаяр, Мандах 1987: 136];

3. «Байрин дуулл»-ыг ут уйңһин шүлг [Жалпунга 1987: 137]; «Өмллин белгтэ цецг»-иг ут уйңһин шүлг [Жалпунга 1987: 434]; «Нарн-Герлин күүкд»-иг ут уйңһин шүлг [Жалпунга 1987: 440]; «Луусин хаадудын хүрм»-иг ут эпосин шүлг эс гиж эпосин шүлг [Жалпунга 1987: 413–414]; «Бодь цаһан гөрәснә намтр»-иг эпосин шүлг [Жалпунга 1987: 487] гих метәр нерлж бээв.

Эн нерэдлһиг ажлхд, эдл нег шүлгиг эдл бишәр нерлжәнә. Йирнқәдән ут шүлгиг нээрглл гинә гидг медлт эдл бэәнә.

1980-ад жилмүдин зәрм нег онлын бүтәлиг үзхд, бас талдан нерэдлһиг кергджәж. Үлгүрлхлә, түүклх шүлгиг өгүлсн шүлг; «Нандьр, Сүмр хойр», «Нарн-Герлин күүкд», «Бодь цаһан гөрәснә намтр», «Өлзә-Жирһин дурсхл» зергиг өгүлсн шүлг [Жаргал 1982: 417]; «Өгүлсн шүлгиг бас нээрглл гидг»; «Илиада», «Жаңһр»-иг ут нээрглл; «Сегәрл» (Эрнцн-Дорж) болн «Хорчна үрдүд»-иг (Төгс) ик кемжәнә өгүлсн шүлг [Гэрәлт 1985: 165] гих зергәр нерлжәж.

Эн үйин толь бичгтк цээлһвриг үзхлэ: «нээрглл — 长诗» [Монгол-хятад толь бичиг 1975]; «叙事诗 — өгүлсн шүлг» [汉蒙对照词汇 1976]; «叙事诗 — нээрглл» [Содбилиг, Сю Шуай Вэн 1997]; «нээрглл — ут шүлг» [Бүрэнтөгс 1977]; «нээрглл — ут шүлг, шүлггн бичсн ик зокал» [Авианы толь 1983, Сурагчийн толь 1989]; «нээрглл — шүлг, дууллын нег зүүл болх эпосин талдан нег келлһ. «Эпост үз». Эпос: нээрглл, өгүлсн шүлг гих зергэр бас келдг» [Уртнаст 1989]; «叙事诗 — нээрглл, тууль-шүлг» [Нэр томьёоны цуврал бичиг 1989] гих метэр цээлһжэнэ.

1980-ад жилмүдин экнэ үйин онлын дегтр, өгүллд мөн нээргллин туск нерэдлһ бээнэ. «Бидн уйңһин ут шүлгиг нээрглл гидг. Үлгүрлхлэ, На. Сэн-Цогтын «Байрин дуулл», Ц. Дамдинсүрңгин «Буурл ээж», Б. Бүрн-Бекин «Өмллин белгтэ цецг», Нолм-Сарңгин «Үал Шонхрин дуулл» зерг шүлг болхла, цуг күцэмжтэ сээхн нээрглл мөн [Линсэ 1982: 386].

Эн үйин зэрм «Утх-зокъялын онл»-ын сурх бичгт «нээрглл» гих медлтиг биш, «өгүлсн шүлг» гих нерэдлһиг чигн керглж бээв. 1985 жилд барлгдсн «урн зокалын онлын сүүр»-т шүлгиг уйңһин шүлг болн өгүлсн гиж энглэд, өгүлсн шүлгт нээрглл эс гиж түүклх шүлгиг багтаж, нээрглл гих нерэдлһиг керглсн уга [Хархүү 1985: 359].

«Нээрглл» гих нерэдлһнь мөн эн метэр деер зууна 50–60-ад жилмүдт эдл биш шүлгиг хуудсна кемжәһәрн бәрмжә болһн нерлж бээсн болвчн, сүүлд 80-ад жилмүд болхд, зэрм номт М. Һадамба зерг Моңһл Улсин номтһрин нерэдлһтэ өөр утхар керглсн үлгүр чигн бээнэ.

«Өгүлсн шүлгиг бас нээрглл гидг. Гомерын «Илиада», «Одисея» метин алдрта дуулврмуд болн моңһлмудын эрт цагин эмдрл, темцлиг үзүлсн ут нээрглл «Жаңһр» метин зокал болхла, өгүлсн шүлгтән орна. Эрнцн-Доржин «Сегэрл», Төгсин «Хорчна үрдүд» мет ик кемжәнэ өгүлсн шүлг мана Өвр Моңһлд негнт мөндлсн юмн [Гэрэлт 1985: 165].

Эн цөн ишллтэс нээргллин туск хойр зүүлин элементиг медж болна. Нээрглл болхла, өгүлсн шүлгиг заана. Нээргллд шүлгсн романыг чигн багтана. Шүлгиг «уйңһин шүлг» болн «түүклх шүлг»

гиж хойр төрл хуваж, хорчна туульта дууг «түүклх нээрглл» гиж нерлсн чигн бээнэ [Ван Мандуга 1999: 159–160].

Деер өггдснэс үзхлэ, деер зууна 1980-ад жилмүдэс нааран «нээрглл» гих нерэдлһнь йирнқэдэн ут шүлгиг заажана утхнь эдл болвчн, өгүлсн эс гиж түүклсн, уйңһлсн гих зерг талар эдл биш утхар керглгдж ирв. Эндр чигн мөн түүнэ аһулһин туск таньлт балрха бээсэр.

«Нээрглл» гих нерэдлһнэ үүсл, түүнэ учр-утхнь

Тиигхлэ, ода болтлк цөн арвн жилин турш моңһл утх-зокъялын медлтин «нээрглл»-нь түүнэ эклж үүсх үйин уул утхтанан эдл бээсэр бээнү? Эс гихлэ, хүврснү? Уул утхнь чухм ямр бээсмб? «Нээрглл» гих нерэдлһнь кезэ үүссмб? Кен түрүн болж керглсмб? Шинэр зокасн үг мөнү? Эн сурврмудт дигтэ хэрүлхд зөвэр кецү. Одахна олн номтнр эс гиж умшачнрин медлтин ут шүлгиг заан нерлсн эн үг үлмэ иктэ олнк толь бичгт үзгдхш. Иимэс тер толь бичгүд зокагдх үйд «нээрглл» гих нерэдлһ тедү өргн кемжэнд тар-арн делгрсн нершл болж чадад уга бээж. Марханго зөвкн мергжлин бичкн кемжэнд негнт керглгдж бээсн боллцаг хасх болшго.

Одахнд олж үзсн материалын кемжэнд ажглхд, эн нерэдлһнь Моңһл Улсин номтнрин шинэр зокасн бээлһнэ нерн мөн. Деер зууна 1950-эд жилмүдин дундк кесгт Өвр Моңһлд орж ирэд, арһулаажмар тарн делгрэд иткм керглгдх чухл нег медлт болж.

Эн нерэдлһ номт М. Гаадамбта холвгдна. Түүнэ орчулсн Зөвллтин утх-зокъялын онлч Г. Л. Абрамовичин «Утх-зокъялын шинжлһнэ хардвр»-г «нээрглл» гих нерэдлһиг керглж, түүнэ аһулһиг маш тодрха нерэдсн бээнэ. Г. Л. Абрамовичин «Утх-зокъялын шинжлһнэ хардвр» гидг дегтр 1959 жилд Өвр Моңһлд түрүн болж барлгдв [Абрамович 1959]. Үнндэн үүнэс дөрвн жилин өмн — келхлэ, 1955 жилин «Өвр Моңһлын урн зокал» седкүлд үрглжлин ниитлв. Эн цагас авн моңһл умшачнр түрүн болж «нээрглл» гих нершлтэ таньлцж эклсн бээнэ.

Г. Л. Абрамовичин эн дегтрт урн зокъялын төрл-зүүлиг эпосин, уйңһин болн жүжгин (драмын) гиж һурв эңглж, эпосин зокалд эпос, нээрглл, роман, түүк, келвр, нээрүллһ, йогт тууль зерг долан

зүүлиг багтав [Абрамович 1959: 547–600]. Үүнэс үзхлэ, «нээрглл» гичнь түүклэнэ зокалыг заажана. Тус дегтрт «нээрглл»-иг иигж нерэдв. «Эпоста үлмж өөр-эдлхн эпосин ирү нээргин (шүлглэнэ) нег төрлнь өдгэ цагт делгрн керггджэһэ нээрглл болна» [Абрамович 1959: 566].

Утх-зокъялын онлчин үзсэр нээргллийг дотрнь баатрлгин нээрглл, романтик нээрглл болн реалист нээрглл гиж һурвн зүүлд хуваж болна. Эн төрл болһнд үлгүр болһн дурсен зокал гихлэ, «Игорин цергин туск үг» (түүрвэчин нерн тодрхаго), А. С. Пушкина «Полтав», М. Ю. Лермонтовин «Хулдач Калашниковын дуулл» гих зергиг орулж болна. Эн болхла, баатрлгин нээрглл мөн. Романтик нээргллд А. С. Пушкина «Цыганмуд», М. Ю. Лермонтовин «Альвн» (Чөткр), «Мцыри» (Бадрчн) зерг бээнэ. Реалист нээрглл гичд Н. В. Гоголин «Үксн алвтр» («Мертвые души»), Н. А. Некрасовин «Халх келдм живр» («Мороз, Красный Нос»), Н. А. Некрасовин «Орст эмдрх кенд сээхмб?» («Кому на Руси жить хорошо»), В. В. Маяковскийн «Владимир Ильич Ленин» зергэр үлгүрлв. «Ленин» болхла, «уйңһлг шинжтэ түүклсн шүлг мөн» [李赋宁总主编 2001].

Гоголин роман «Үксн алвтр»-нь «уйңһ-эпосин» шинж-чинртэ. Түүнд түүрвэчэс «эпосин арһар өгүлсн зүүл бээхин зергцэһэр Өрөсән улст зөрүлсн уйңһин сүлд дуулл (магтал) аһулгдсн гихлэ, зокна» [31: 574] гиж үзсн учрас нээргллд багтан үзсн боллта. Эннь яһв чигн, шүлг-зүүһин стилин утхар эңглсн учр биш гиж үзлтэ. Энд дурсен Пушкина шүлгэр үзхд, эн хойр шүлг болхла, түүнэ бичсн ниит арвн хойр түүклсн шүлгин дотрк алдрта бүтэл мөн [陈建华主编 2002: 102–103].

М. Гаадамба «Утх-зокъялын онлын товч»-дан [Гаадамба 1960] мөн урн зокъялын төрл-зүүлиг эпосин, уйңһин болн жүжгин гиж һурв эңглж, эпосин зокалд эпос, роман, түүк, келвр (новелла багтна), нээрүлл (очерк), домгта тууль, домг, тууль, йогт тууль, нээрглл (баллад багтна) зергиг багтав. Эннь мөнл Л. К. Герасимовичин «Утх-зокъялын шинжллин удрдхл»-ас иштэ болх бээж. М. Гаадамба нээргллийг иигж нерэдв: «Эпосин ик кемжэнэ шүлглсн зокалыг нээрглл гинэ»; Баллад («баллада» гих орс үгин эвэчлһл)

гихлэ, «шүлгэр бичсн бичкн келвр чинртэ зокалыг баллад гиж нерлнэ», — гив [Гаадамба 1960: 280]. Түүнэ үзхэр нээрглл гидг болхла, «шүлглсн түүк» мөн. Эн үг толь бичгт «抒情叙事诗. 欧洲一种历史的或传奇的短篇诗» [大俄汉词典 1989]; «短篇故事诗, 叙事诗, 巴拉达诗; 叙事歌 (音乐)» [俄汉大辞典 1963]; «叙事诗» [汉俄词典 1989] гих зергэр цээлхжэнэ. Баллад гих нерэдлһнь ахр түүклсн шүлг гих утхта.

М. Гадамбаһин орчулн авсн эн хойр нерэдлһнь келврин болн түүкин хуудста түүклсн шүлгиг заан нерлсн бээж. «Нээрглл»-ин үлгүр болһж «Булшин деер» (Цевгмд), «Мана нутгихн» (Ц. Чимд), «Мемэ зөг хойр» (Ламсүрн), «Күрн мөрн» (Ц. Ламсүрн), «Хорлоһин Чө-Балзн» (Ц. Һээтв), «Дамдина Сүк-Баатр» (Ц. Һээтв) зергиг ик нээрглл; «Өвгн-партизана күүндэн» (Д. Сеңг), «Закдл (бичг) бичлэ» (Ц. Һээтв) зергиг баллад гиж.

М. Гаадамбын нерэдлһин аһулһ маш тодрха. «Нээрглл, баллад хойр болхла үүл-йовдлар дамжулж, утхиг һарһдгарн уйһин шүлгллэс йилһгднэ» [Гаадамба 1960: 280] гиж өгүлснэс «нээрглл» гидгнь түүклсн шүлгиг зааж нерлсиг медж болна. «Шүлглсн роман бас бээдг болад А. С. Пушкина «Евгений Онегин» гидг шүлглсн роман моңһл келнд мөн орчулгдсн бээнэ» [Гаадамба 1960: 281] гиж өгүлсн зергэс үзхд, «нээрглл» болхла, шүлглсн роман болн балладын (шүлглсн келвр) хоорнд бээһэ «шүлглсн түүк» болх бээж.

Талданар келхлэ, нээрглл гигчнь туулин үүл-йовдлһта шүлгиг келнэ. Деер дурсж өңгрсн эс гиж талдан олн толь бичгүдт 长诗 эс гихлэ叙事诗 гих китд медлтиг цуг «нээрглл» гиж орчулжана [Хятад–монгол толь 2005]. Олңк орчулһнь уул нерэдлһиг зөв медсн уга бээж.

Моңһл Улстк ХХ зууна 30-ад жилмүдин «нээрглл»

ХХ зууна 30-ад жилмүдин «нээрглл» гих үгин үлгүр ода болт олдад уга. Болвчн, талдан материалас эн бээлһнэ нернэ утхин туск лавлж болна. С. Буйн-Немхин «Утх-зокъялын үүдн» гидг 8000–9000 үгтэ эвкмлд мана аңхргдх «нээрглл»-ин туск сонһн зүүл бээнэ. Эн дегтриг 1935 жилд бичж [Ван Мандуга, Цэдэв 2009]. Эн

дегтрт «нээрглл» гих нерэдлһ үзгдхш. Болвчн, сүүлин үйд нээрглл гиж нерлгдсн зокалын туск медән болн онцлг шинж зерг ик чинртэ зүүлмүдиг шишлң кесгәр зөвәр нәрн-тодрхаһар өгүлж. Тус дегтрин 2-гч әңгд түүрвәч «йир үгин шүлг», «шүлгллтә өгүлмж» гих зерг медлтиг дурсн һарһж, тус болһна туск бодта үлгүртә өгүлв. Мана аңхржах тер «шүлгллтә өгүлмж» гигч мөн.

«Урн шог-инәднә зүүл болн бичкн тууль, түүкин өгүлмж тергүтнә «шүлгллтә өгүлмж»-ин кевәр бичхлә, умшхд мөн негн янзын онц сонһн урн зокал болна»; «Йир тиим шүлгллтә өгүлмжәр бичсн бичкн-бах туулин зүүл бәәтхә, ик тууль, түүкин зүүл, илңһуя зүн, барун үзгин олин улст онц өргнәр делгрсн бәәнә»; «Эн шүлгллтә өгүлмжиг бичхд, үлгүрчлн, үгчлн бичх үлгүртә болад әңгин үг, күүндәнә нээрүллһәр бичж йовтл, шүлглн холвж өгүлх болн тиигтлән дәкн әңгин нээрүллһәр бичх метчлн йирин үгин шүлг болн холвана нээрүллһиг хольсн зокалын кев болв» [Ван Мандуга, Цэдәв 2009: 321–322].

С. Буйн-Немхин үлгүр болһж ишлсн шүлгт «Өнчн көвүнә шастр», «Һурвн зун тәәчүдиг дарсн домг» зерг бәәнә. Тер бас хәрлцн күүндсн болн элдв бәәдлиг толһа холвж һо-сәәхнәр өгүлх зүүл болв» [Ван Мандуга, Цэдәв 2009: 326] гиж ашлн бичсн бәәв.

С. Буйн-Немхин өгүлжәһә «шүлгллтә өгүлмж» гидг болхла, туулин үүл-йовдлыг өгүлсн түүклх шүлг юмн бәәнә. Деер зууна 20-әд жилмүдәс эклн тиим шүлгиг Өвр Моңһд «өгүлсн шүлг» [Тиән-сан Ри, Содномравдан 1963] гиж нерлснһ әндәс иштә бәәсн бәәж.

Деер келгдснәс үзхлә, С. Буйн-Немхин «Утх-зокъялын үүдн» бичгдсн 1935 жилд «нээрглл» гидг нершл бәәхш әс гиж иткм керглгдх нершл болж чадад уга бәәж. Болвчн, 69-әд жилмүдин Моңһл Улсин толь бичгт эн тускар цәәлһвр бәәнә. «Моңһл келнә товч тәәлвр толь»-д «нээрглл: шүлглн бичсн ик зокал. «Күрн мөрн» гидг нээрглл» [Цэвэл 1966] гиж тәәлвр хадсн бәәж.

Моңһл Улстк шин зууна «нээрглл»

Деер зууна 1940–50-әд жилмүдәс нааран эн медлтнә чухм ямр утхар керглгдж бәәсн, илңһуя түүнә көгжлиг утх-зокъялын шүүмж судлһна әс гиж онлын дегтр-бичгәр бодта шинжлх чухлта. Түүнә

дотрас чухл нег үлгүр болж, Моңһл Улсин номт Ц. Билг-Сээхнэ «Ухарх (медх) — шин үйин урн зокалын онл»-д (Улан-Баатр, 2003) эн медлтиг яһж тээлврлж бээсиг үзсүв. Тус дегтрт «нээрглл» гидг медэнэ туск тодрха нерэдллһ бээнэ. Эннь одаһин Моңһл Улст керглгдж бээһе ниитлг нег үлгүр. «Романа хөөн келгддг нег ик төрлнь түүклэнэ зокалын хувд нээрглл, түүк хойр мөн»; «Моңһл Улсин амн зокалд нерэдллһнэ кевин төрлнь баатрлг эпоста зөвөр холвата»; «1930-ад жилмүдэс хооран тодрха үүл-йовдл, баатрмуд-та шүлглсн ахрхн зокалмудыг нээрглл гиж нерлж ирснь үндэн болхла, шүлглсн түүкл мөн» [Билигсайхан 2008: 125–126].

Түүрвэч үүнәннь үлгүр болж, «Чиңгсин эр хойр заһлын тууж»-ин шүлглсн хувлвриг дурссн бээнэ. Ц. Билг-Сээхнэ эн нерэдллһнэ М. Надамбаһинта ав-эдлхн гиж келж болна.

«Моңһл келнэ делгрнүг тээлвр толь»-д [Дэлгэрэнгүй тайлбар толь 2008] «Нээрглл: шүлглн бичсн ик кемжэнэ уйңһин зокал. «Бидн ирү нээргч (шүлгч) Ц. Нээтвин «Дамдина Сүк-Баатр» гидг нээрглл умшлавидн» (Ц. Чимд: «Хавр, намр») гиж тээлврлжэнэ. Эн тээлврнь «Моңһл келнэ ик тээлвр толь» гих цөкм тольта ав-эдлхн бээнэ. Цөкм тольнь тер 2008 жилин толин интернет-кевлл болжана.

Энд келгджэх «уйңһин зокал» гидгнь уйңһин шүлгиг заасн биш, хэрнь, түүклэнэ зокалын уйңһлг шинжиг тодрхалсн керг мөн. «Дамдина Сүк-Баатр» гидг дунд кемжэнэ түүклсн шүлг үү герчлнэ. «Урн зокал: онл, тууж, шүүмжлл» гих невтркэ тольд «нээрглл»-иг иигж тээлврлв: «Грек келнэ нершл. Уйңһ-эпосин том кемжэнэ шүлглсн зокалын төрл-зүүл. Үндсн онцлгнь эпосин зокалла тодрха үүл-йовдлта, баатрин керг-йовдлыг туужлн өгүлх бээтл, талдан талас хол баатр эс гиж өгүлгчин бодл-санан, седкл-көдллиг (эмоции) уйңһин зокалын дүрсллин арһар илркүлдг учрас эпос, уйңһин зокалын аль-алин онцлгиг хадһлсн бээнэ» [Галбаатар 2012: 233].

«Нээрглл»-иг орсаһар «поэма» гинэ. Толь бичгт эн үгиг «түүклсн шүлг» гиж тээлвржэнэ. Орс нерэдллһнэ утх, илңһуя дерк невтркэ толин тээлврэс авад үзхлэ, «нээрглл» гидг нерэдллһнэ кезеңк эпос мет түүклсн шүлгиг зааж нерлснь тодрха бээнэ.

Ашлвр

«Нээрглл» гидг медлтин ирл, хуврлтиг холвгдлhta материалд сүүрлн, деерк мет хэн шинжлж, иим цөн талар түрүн алхм ашлж болна:

Негдвэр, «нээрглл» гидг нерэдлh болхла, ХХ зууна 50-эд жилмүдин дунд кесгт М. Надамбаһин орчулсн Зөвллтин утх-зокъялын онлч Г. Л. Абрамовичин «Утх-зокъялын шинжлhнэ хардвр»-ар дамжн, Дунд Улст түрүн болж улмжлгдн орж ирв. Моңһл Улст «нээрглл» гидг болхла, кемжәһәрн түүктә әдлхн болх түүклсн шүлг мөн. Деер зуун 1940–50 жилмүдт иим утхар керглгдж, ода күртл әдлхн утхарн керглгдсәр бәәнә.

Хойрдвар, ХХ зууна 50-эд жилмүдин чилгчәс эклн, «нээрглл» гидг нершлиг онл, шүүмжд керглдг болв. Соньн болхд, эн «нээрглл» Өвр Моңһлд улмжлгдн тарх йовцдан уул утхнь икәр хуврәд, талдан нег нершлшң болчксн бәәнә. Утх-зокъялын онлын дегтр-бичгт маш тодрха онлын нерәдлhәр олддго болвчн, бодта кергләнә дунд «Сегәрл», «Толярл» болн «Хорчна үрдүд» зерг романа кемжәтә түүклсн шүлгиг шүлглсн роман гиж, «Байрин дуулл», «Әмллин белгтә цецг», «Бодь цаһан гәрәснә намтр» зерг түүкин кемжәтә уйңһин болн түүклсн шүлгиг цуһар «нээрглл» гиж нерлх болж.

Һурвдвар, «түүкин хуудсна кемжәтә түүклсн шүлг» гидг утхтә бәәсн «нээрглл» гиж нерлдг медәг 1950-эд жилмүдин чилгчин шүүмж судллһнд уул утхарнь зөв керглгддг болсмн. Болвчн, 1960-эд жилмүдин экнә үй-үй болхд, ут уйңһин шүлг әс гиж ут түүклсн шүлгиг цуһар нээрглл гиж эндү нерлдг болсмн. Эн болхла, Өвр Моңһлын шүүмжләчнр уул медлтиг буру медж керглсн экллт мөн. Эн цагин толь бичгт «нээрглл» гих шишлң цәәлһвр үзгдхш.

Дөрвдвар, 1960–70-ад жилмүдәс эндр болтл «уйңһин нээрглл», «түүкләнә нээрглл» гих нершл утх-зокъялын онл, шүүмжд иткм керглгдсәр бәәнә. Илһуя, «түүкләнә нээрглл» гих акад нершл зокагдсн йовдл болхла, М. Гаадамбын «нээрглл» гих медәг буру медж керглсн ниитлг үлгүр мөн. «Нээрглл» гидг болхла, түүклсн шүлгиг заан нерлсн медлт учрас түүклсн гих тодтхл немх чухл уга бәәсн юмн.

Тавнд, 1960-эд жилмүдин эхнд керггдэж эхлэн «өгүлсн шүлг» гидг нерэдлһнь ик сурһулин зэрм нег сурх бичгт сүүлин үй болтл керггдсэр бээнэ. Эн нерэдлһиг «нээрглл», «уйңһин нээрглл», «түүклсн нээрглл», «ут уйңһин шүлг», «ут түүклсн шүлг» гих зерг медлтэ хамт эндр болтл хутхн керглсэр бээнэ.

Зурһанд, зэрм нег дегтр, өгүллд «нээрглл»-ин уул утхиг зөв медн темдглсн болвчн, «шүлглсн роман»-ыг чигн багтан үзхнь дигтэ биш, Моңһл Улст 1930-ад жилмүдт түүклсн шүлгин туск өгүлжэж. Эн улмжллд сүүрлн, «шүлглсн түүк»-иг заасн «нээрглл» гих шишлң нерэдлһ бээх болж, эндр болтл уул утхарн керггдсэр бээнэ. Шин зууна экэр барлгдсн «Моңһл келнэ делгрнү тээлвр толь» болн «Моңһл келнэ ик тээлвр толь» (цэкм толь) зерг үлгүрмүд үүг герчлнэ.

Дунд Улсин моңһл утх-зокъялын шүүмж судллһнд эн «нээрглл» гидг медэг эндр күртл эдл биш утхар таньж тээлврлсэр бээнэ. Гихд, «уйңһин нээрглл», «түүклсн нээрглл», «өгүлсн шүлг», «түүклсн шүлг», «нээрглл» гидг зерг оln нерэдлһиг эдл биш кемжәһәр хутхн керглсэр бээнэ. «Нээрглл»-ин уул утхиг сергән керглх болмж уга учрас 60-эд жил буру керглж ирсн эн медлт мөнл эн кевәр үрглжлх болна.

Ном зүй

- Абрамович 1959 — *Абрамович Г. Л.* Зохиож. Утга зохиолын шинжлэлийн удиртгал. М. Гадамба орчуулав. Хөххот: Өвөр Монголын ардын хэвлэлийн хороо, 1959.
- Авианы толь 1983 — Монгол хэлний баримжаа авианы толь. Хөххот: Өвөр Монголын сурган хүмүүжлийн хэвлэлийн хороо, 1983.
- Баяр 1959 — *Баяр.* Нөхөр Бүрэнбэхийн «Амилалын бэлгэт цэцэг» // Өнөр цэцэг. 1959. № 11.
- Билигсайхан 2008 — *Билигсайхан Ц.* Ухаарахуй: шинэ үеийн уран зохиолын онол. Бээжин: Үндэстний хэвлэлийн хороо, 2008. С. 125–126.
- Болд 1957 — *Болд Ө.* «Нандир, Сүмбэр хоёр»-ын тухай санал // Өнөр цэцэг. 1957. № 11.
- Буянбат 1963 — *Буянбат Г.* Ардын аман зохиол ба «Луусын хадын хурим» // Өвөр Монголын өдрийн сонин, 1963 оны 6-р сарын 7-ы өдрийн, 3-р хэвлэл.

- Бүрэнтөгс 1977 — *Бүрэнтөгс* найруулав. Өвөр Монголын сурган хүмүүжлийн хэвлэлийн хороо, 1977.
- Ван Мандуга 1999 — *Ван Мандуга* найруулан зохиов. Утга зохиолын онолын удиртгал. Бээжин: Үндэстний хэвлэлийн хороо, 1999. С. 159–160.
- Ван Мандуга, Цэдэв 2009 — *Ван Мандуга, Цэдэв Д.* харгуулан найруулав. Сономбалжирын Буяннэмэх (дөрөв). Бээжин: Үндэстний хэвлэлийн хороо, 2009.
- Гаадамба 1960 — *Гаадамба М.* Утга зохиолын онолын товч. Хөххот: Өвөр Монголын ардын хэвлэлийн хороо, 1960.
- Галбаатар 2012 — *Галбаатар.* Уран зохиол: онол, түүх, шүүмжлэл (нэвтэрхий толь). Улаанбаатар, 2012. С. 233.
- Гэрэлт 1985 — *Гэрэлт Б.* Зохиол туурвих ёсон. Хөххот: Өвөр Монголын ардын хэвлэлийн хороо, 1985. С. 165.
- Дамбийжалсан 1959 — *Дамбийжалсан Ха.* Бялхам сэтгэлэг, асгалам хэллэгтэй «Баярын дуулал» – нөхөр Сайнцогтын уянгат найраглалыг уншаад // Өнөр цэцэг. № 9. 1959.
- Дэлгэрэнгүй тайлбар толь 2008 — Монгол хэлний дэлгэрэнгүй тайлбар толь. Улаанбаатар: Монгол Улсын Шинжлэх Ухааны Академийн хэл зохиолын хүрээлэн, 2008.
- Жалпунга 1987 — *Жалпунга М.* Одоо үеийн монгол уран зохиолын түүхэн найруулал. Хөххот: Өвөр Монголын сурган хүмүүжлийн хэвлэлийн хороо, 1987.
- Жаргал 1982 — *Жаргал.* Утга зохиолын онол. Хөххот: Өвөр Монголын сурган хүмүүжлийн хэвлэлийн хороо, 1982. С. 417.
- Линсэ 1982 — *Линсэ.* Утга зохиолын задлалтын ухаан. Хөххот: Өвөр Монголын сурган хүмүүжлийн хэвлэлийн хороо, 1982. С. 386.
- Монгол-хятад толь 1999 — Монгол-хятад толь. Хөххот: Өвөр Монголын их сургуулийн монгол судлалын хүрээлэнгийн монгол хэл бичиг судлах газар найруулав. Өвөр Монголын их сургуулийн хэвлэлийн хороо, 1999.
- Монгол хэлний толь 1997 — Монгол хэлний толь. Ц. Норжин, М. Мөрөн эрхлэн найруулав. Хөххот: Өвөр Монголын ардын хэвлэлийн хороо, 1997.
- Монгол-хятад толь бичиг 1975 — Монгол-хятад толь бичиг. Хөххот: Өвөр Монголын сурган хүмүүжлийн хэвлэлийн хороо, 1975.
- Мэдэлт 1963 — *Мэдэлт.* «Амилалын бэлгэт цэцэг»-ийн тухай товч өгүүлэх нь // Өвөр Монголын их сургуулийн эрдэм шинжилгээний сэтгүүл. № 2. 1963.

- Нэр томъёоны цуврал бичиг 1989 — Хятад-монгол харьцуулсан нэр томъёоны цуврал бичиг: утга зохиолын нэр томъёо. Хөххот: Өвөр Монголын сурган хүмүүжлийн хэвлэлийн хороо, 1989.
- Өвөр Монголын утга зохиолын түүх 1962 — Өвөр Монголын Өөртөө Засах Орны утга зохиолын түүх. Хөххот: Өвөр Монголын ардын хэвлэлийн хороо, 1962.
- Ринчиндорж 2017 — *Ринчиндорж*. Монгол найраглалын шинэ ертөнц өөд мэрийсүгэй // Алтан түлхүүр. 2017. № 1.
- Сайнбаяр 1957 — *Сайнбаяр Т.* «Нандир, Сүмбэр хоёр»-ыг уншаад // Өвөр Монголын өдрийн сонин, 1957 оны 5-р сарын 26-ы өдөр.
- Сайнбаяр, Мандах 1987 — *Сайнбаяр Т., Мандах, Энхсайн* нар найруулав. Дундад Улсын монгол үндэстний одоо үеийн утга зохиолын түүх (дээд). Хөххот: Өвөр Монголын соёлын хэвлэлийн хороо, 1987.
- Сайшаалт 2002 — *Сайшаалт На.* Найраглал // Монгол судлалын нэвтэрхий толь. Утга зохиол. Хөххот: Өвөр Монголын ардын хэвлэлийн хороо, 2002. С. 231.
- Содбилиг, Сью Шуай Вэн 1997 — *Содбилиг, Сью Шуай Вэн* эрхлэн найруулав. Хятад-монгол толь. Хөххот: Өвөр Монголын сурган хүмүүжлийн хэвлэлийн хороо, 1997.
- Сурагчийн толь 1989 — Сурагчийн монгол хэлний толь. Хөххот: Өвөр Монголын сурган хүмүүжлийн хэвлэлийн хороо, 1989.
- Тамсүрэн 1962 — *Тамсүрэн.* «Бодь цагаан гөрөөсний намтар»-ын үндэстний онцлог шинж // Өнөр цэцэг. 1962. № 5.
- Тиэнсан Ри, Содномравдан 1963 — *Тиэнсан Ри, Содномравдан.* Утга зохиолын онолын үндсэн мэдлэг // Өнөр Цэцэг. 1963. № 3.
- Уртнаст 1989 — *Уртнаст А.* Уран зохиолын товч толь. Хөххот: Өвөр Монголын сурган хүмүүжлийн хэвлэлийн хороо, 1989.
- Хархүү 1985 — Хархүү зохион найруулав. Уран зохиолын онолын суурь. Хөххот: Өвөр Монголын ардын хэвлэлийн хороо, 1985. С. 359.
- Хятад-монгол товч толь 1955 — Хятад-монгол товч толь. Өвөр Монголын монгол хэл бичгийг судлах хурлаас найруулав. Хөххот: Өвөр Монголын ардын хэвлэлийн хороо, 1955.
- Хятад-монгол толь 2005 — Хятад-монгол толь. Д. Баатар эрхлэн найруулав. Хөххот: Үндэсний хэвлэлийн хороо, 2005.
- Хятад-монгол толь 2005 — Хятад-монгол толь. Өвөр Монголын Нийгмийн Шинжлэх Ухааны хүрээлэнгийн монгол хэл бичиг судлах газар найруулав. Бээжин: Үндэстний хэвлэлийн хороо, 2005.

- Цэвэл 1966 — *Цэвэл Я.* Монгол хэлний товч тайлбар толь. Улаанбаатар:
Улсын хэвлэлийн хэрэг эрхлэх хороо, 1966.
- Шугара 1989 — *Шугара Ө.* Монгол үндэстний одоо үеийн уран зохиолын
түүх. Хөххот: Өвөр Монголын их сургуулийн хэвлэлийн хороо, 1989.
- Шугара 1960 — *Шугара Ө.* Нам ба тергүүлэгчээ магтан дуулсан «Баярын
дуулал» // Өнөр цэцэг. 1960. № 6.
- 张志忠主编：新蒙汉词典；商务印书馆，2011年。
- «汉蒙对照词汇》，民族出版社，1976年。
- 李赋宁总主编：“欧洲文学史”，第3卷上册，商务印书馆，2001年。
- 陈建华主编：《插图本外国文学史》，高等教育出版社，2002年。
- «大俄汉词典》，黑龙江大学俄语系编，商务印书馆，1989年。
- «俄汉大辞典》，王子云等编，商务印书馆，1963年。
- «汉俄词典》，上海外国语学院编，商务印书馆，1989年。

Осмысление дороги в аспекте диспозиции «свой» и «чужой» (на материале калмыцкой политической баллады XX в.)

Римма Михайловна Ханинова¹

¹Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник
E-mail: khaninova@bk.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Ханинова Р. М., 2020

Аннотация. В статье рассматривается понятие «дорога» в аспекте диспозиции «свой» и «чужой» на материале калмыцкой политической баллады XX века — Егора Буджалова «Хулиан Гримау» (рус. пер. «Баллада о коммунисте») и Морхаджи Нармаева «Оошк торһн — Роза күүкн» (рус. пер. «Баллада о девушке Розе»). Политический ракурс этих баллад определен историческими событиями (гражданская война, тюремное заключение политических деятелей, расстрел, потеря зрения), историческими персонажами (Хулиан Гримау, Генри Уинстон), членами Коммунистической партии своих стран, главными топонимами (Испания, Соединенные Штаты Америки, Советский Союз). Дихотомия «свой» и «чужой» в балладе Е. Буджалова демонстрирует политический (фашизм и демократия), идеологический (империализм и коммунистическая партия), общественный (протест разных стран против приговора Гримау) и личный (Франко и Гримау) векторы. Это граница между жизнью и смертью героя, его путь к могильной яме, к небытию физическому и духовному бессмертию, это завершение его человеческой судьбы. В балладе М. Нармаева пересечение жизненных дорог разных людей — американского коммуниста Г. Уинстона, его противников, его друзей-соратников, советских людей, в том числе и самого автора, советской молодежи, конкретно девушки Розы — являет диспозицию «свой» и «чужой», когда «чужой» коммунист из США становится «своим» единомышленником,

когда чужой человек становится в буквальном смысле родным по крови, когда дальние расстояния не становятся преградой для добрых дел и помыслов, когда чужая жизнь спасена ценой самопожертвования. Эти произведения калмыцких поэтов несут отпечаток своего времени в ярко выраженном общественно-политическом и идеологическом ракурсе, не снижая гуманистический и нравственно-этический вектор авторской интенции.

Ключевые слова: дорога, свой, чужой, калмыцкая политическая баллада, политические деятели, коммунисты, русский перевод

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта в форме субсидии из федерального бюджета, выделяемой для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущего ученого (проект «От палеогенетики до культурной антропологии: комплексное междисциплинарное исследование традиций народов трансграничных регионов: миграции, межкультурное взаимодействие и картина мира»).

Для цитирования: Ханинова Р. М. Осмысление дороги в аспекте диспозиции «свой» и «чужой» (на материале калмыцкой политической баллады XX в.) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 4. С. 332–344. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-4-16-332-344

UDC 82-144+821.512.37

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-4-16-332-344

The Comprehension of the Road in the aspect of the «own» and «alien» disposition (based on the material of the Kalmyk political ballad of the 20th century)

Rimma M. Khaninova¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Leading Research Associate

E-mail: khaninova@bk.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Khaninova R. M., 2020

Abstract. The article discusses the concept of “road” in the aspect of the disposition of “your” and “alien” on the material of Kalmyk political ballad of the XX century — “Julian Grimau” (Rus. transl. “The Ballad about Communist”) by Yegor Budzhalov and “Ooshk torhn — Rosa kyukn” (Rus. transl. “Ballad about the girl Rosa”) by Moradzhi Narmaev. The political perspective of these ballads is determined by historical events (civil war, imprisonment of political figures, execution, loss of eyesight), historical characters (Julian Grimau, Henry Winston), the members of the Communist Party of their countries, the main place names (Spain, the United States of America, the Soviet Union). The dichotomy of “one’s own” and “another’s” in Budzhalov’s ballad demonstrates political (fascism and democracy), ideological (imperialism and the communist Party), social (protest of different countries against the verdict of Grimau) and personal (Franco and Grimau) vectors. This is the boundary between the life and death of the hero, his path to the grave, to non-existence, physical and spiritual immortality, it is the conclusion of his human fate. In the Narmaev’s ballad the “one’s own” and “another’s” disposition is represented in the intercrossing of different people’s lives — the American communist G. Winston, his opponents, his friends, Soviet people, including the author himself, Soviet Youth and Rosa girl in particular — when the “stranger” communist from the USA becomes “one’s own” like-minded person, when a stranger literally becomes a blood relative, when long distances do not become an obstacle to good deeds and thoughts, when someone else’s life is saved at the cost of self-sacrifice. These works of Kalmyk poets bear the imprint of their time in a pronounced socio-political and ideological perspective, without reducing the humanistic and moral-ethical vector of the author’s intention.

Keywords: road, friend, stranger, Kalmyk political ballad, political figures, communists, Russian translation

Acknowledgement. The reported study was funded by government grant in the form of federal budget subsidy aimed to support scientific research directed by the Leading Scientist — project name ‘From Paleogenetics to Cultural Anthropology: Comprehensive Interdisciplinary Research of Peoples and Traditions of Cross-Border Regions — Migrations, Cross-Cultural Interactions and Worldviews’.

For citation: Khaninova R. M. Comprehension of the road in terms of planning “your” and “alien” (on material of Kalmyk political ballads of the twentieth century). In: *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2020. No. 4. Pp. 332–344. (In Russ.) DOI: 10.22162/2587-6503-2020-4-16-332-344

Концепт «дорога» в калмыцкой и русской лингвокультурах как один из базовых лингвоконцептов был изучен в понятийном, образном и ценностном плане Э. М. Ханиновой, отметившей, что изучение ключевых концептов в языковых картинах мира способствует познанию менталитета и культуры разных народов, что общими семантическими компонентами слов-репрезентантов, называющих концепт «дорога / путь» в русском и калмыцком языках являются: земля, местность; движение; направление; способ; судьба; в семантике слов-номинантов исследователем указано неполное соответствие (отсутствие семантического компонента «польза, толк», отсутствие понятия «последний путь-дорога») [Ханинова 2010: 129–137].

В нашей статье на материале калмыцкой политической баллады — «Хулиан Гримау» (1963) Егора Буджалова и Морхаджи Нармаева «Оошк торһн — Роза күүкн» (1969–1970) — рассмотрим понятие «дорога» в аспекте диспозиции «свой» и «чужой». Политический ракурс этих баллад определен историческими событиями (гражданская война, тюремное заключение политических деятелей, расстрел, потеря зрения), историческими персонажами (Хулиан Гримау, Генри Уинстон), членами Коммунистической партии своих стран, главными топонимами (Испания, Соединенные Штаты Америки, Советский Союз).

В словаре калмыцкого языка понятие дороги «**хаалһ**» представлено в следующих значениях: «1) дорога, путь; трасса; **шоссе хаалһ** шоссе, шоссейная дорога; **усн хаалһ** водный путь; **хаалһ һарһх а**) пробить проход, проложить дорогу; б) *перен.* найти выход; **хаалһ өгх** дать (уступить дорогу); **хаалһ керчх** пересекать дорогу; **чик хаалһ** правильный путь; **хаалһар** по пути, по дороге; **хаалһ заах а** указать дорогу; б) *перен.* дать совет (указание); **хаалһ олх а**) найти дорогу; б) *перен.* найти выход (выйти) из затруднительного положения; **хаалһд орулх а**) выводить на дорогу; б) *перен.* образумить, направить на правильный путь; **хаалһан геех** *прям. и перен.* сбиться с пути; **хаалһд һарх а**) выйти на дорогу; б) отправиться в путь; **керг-үүлтн цаһан хаалһта болтха!** счастливого пути!; **цаһан седклтэ күүнэ хаалһнь кезэ чигн секэтэ**

погов. у кого душа открыта, тому и путь открыт; 2. перен. путь, способ; **көгжлтин социалистическ хаалһ** социалистический путь развития» [КРС 1977: 560].

Синонимический ряд слова «хаалһ» образован лексемами: жим, зам, цувг.

Жим — тропа, тропинка, просека; **уулын жим хаалһ** горная тропа. **Жимнх** 1) прокладывать дорогу (тропу); 2) ходить по тропинке [КРС 1977: 228, 229].

Зам 1. *уст.* тракт, большая дорога; **зам улан хаалһ** тракт, столбовая дорога; **зөрг уга күүнд зам хол** *посл.* несмелому человеку далека дорога 2) путь; **зам усн хаалһ водный путь**. **Замнх** — ездить (*часто по одной и той же дороге*). **Замч** — знаток местности (пути), проводник. **Замын** — путевой, дорожный; **замын темдг** — дорожные знаки; **замын һару** — дорожные расходы; **замын харач** путевой обходчик [КРС 1977: 239, 240].

Цувг — тропа, тропинка. **Цува** 1) мор. кильватер; 2) движение гуськом (друг за другом). **Цухрх** — пятиться, подаваться назад, отступать [КРС 1977: 639, 642].

Для калмыцких писателей характерно частотное использование слова «хаалһ» в названиях разножанровых произведений: поэмы С. Байдыева (1963), А. Кукаева «Партизана хаалһар» («Дорогой партизана», 1963) [Куукан А. 1963: 48–60], М. Хонинова «Мини хаалһм» («Мой путь») [Хоньна М. 1989], стихи Х. Сян-Белгина (1928) [Сэн-Белгин Х. 1982: 3–4], М. Хонинова [Хоньна М. 1971: 55], Е. Буджалова [Буджала Е. 1970: 26–27], Э. Тепкенкиева «Хаалһд» («В дороге») [Төвкнкин Э. 1968: 15], С. Байдыева «Хаалһдан» («Дорогой») [Байдын А. 1967: 25–26], М. Хонинова «Туршулын хаалһд йова» («Идут дорогой разведчиков») [Хоньна М. 1976: 5–8], Ц. Леджинова «Хаалһ тосхий» («Построим дорогу», 1940) [Леежнэ Ц. 1990: 93], Б. Дорджиева «Хаалһин тосхлһн» («Строительство дороги», 1940), стихотворный цикл Б. Дорджиева «Хаалһин тодлврмуд» («Дорожные размышления», 1939) о строительстве автомобильной дороги Элиста–Дивное [Доржин Б. 1959], баллада А. Балакаева «Хаалһин туск баллад» («Баллада о дороге», 1962) [Балакан А. 1962: 58]. Словосочетание «чик хаалһ»

(«правильный, верный путь») стало названием романа Б. Дорджиева о строительстве новой жизни в степи 1930-х гг. — о коллективизации [Доржин Б. 1963; 1964], словосочетание «зэргин хаалһар» («дорогой доблести») — название романа в стихах А. Сусеева [Сусен А. 1962], «чагчм хаалһс» («крутые дороги») вошло в название книги М. Хонинова [Хоньна М. 1987].

Стихотворение Егора Буджалова «Хулиан Гримау» опубликовано в журнале «Теегин герл» («Свет в степи») в 1963 г. без жанрового определения «баллада». Балладой оно стало в русском переводе Виктора Стрелкова под названием «Баллада о коммунисте» с эпиграфом «Памяти Хулиана Гримау». При этой публикации 1968 г. в сноске есть пояснение: «Хулиан Гримау (1911–1963 гг.) — герой испанского народа, член ЦК компартии Испании. Был арестован франкистами в ноябре 1962 г. После пыток расстрелян 20 апреля 1963 г.» [Буджалов 1968: 44]. Стихотворение калмыцкого поэта адресовано испанскому коммунисту после его гибели. Текст состоит из 13 катренов, организованных разными видами анафоры (парной, сплошной, смешанной). Ключевое слово «хаалһ» появляется с самого начала рассказа о последнем дне жизни заключенного героя, с обозначения места и времени действия: «Мадрид. Карабанчель. Хар дүң. / Мандлсн нарн хартл удан. / Түүрмин үүдн жаагад секгдв, / *Тамин йоралур хаалһ татв*» [Буджала Е. 1964: 18]. Смысловой перевод: «Мадрид. Карабанчель. Мрак. До появления солнца еще долго. Тюремная дверь со скрипом открылась, протянув дорогу к преисподней». Карабанчель — тюрьма, конкретное указание места заключения Гримау в Мадриде. «Там» (*калм.* «ад, преисподняя») в данном контексте метафорически означает грядущую смерть человека. Ср. в переводе В. Стрелкова прямое обозначение судьбы и жизненной дороги: «Мог он другую избрать судьбу, / Мог быть счастлив судьбою. <...> Но коммунист полегче дорог / Ради себя не ищет» [Буджалов 1968: 44].

В 6 катрене, передающем диалог диктатора Франко с узником (вымышленная встреча в тюрьме), повторяется слово «дорога», когда Гримау ставят перед выбором: либо отказаться от своих убеждений, признав вину, и стать свободным, либо остать-

ся на прежних позициях и открыть себе тотчас дорогу к смерти: «Ухаһан соляд, гемэн медхлэ, / Энүнэс чамаг сулдхвр тосх. / Урдк кевтэн өрцх болхла, / Уклур хаалһ ода секгдх...» [Буджала Е. 1964: 18]. Таким образом, понятие «дорога» для героя становится, с одной стороны, дорогой смерти (расстрел), с другой — дорогой жизни (свобода), в итоге трансформируется в судьбу. Для врагов коммуниста понятие «дорога» актуализирует события гражданской войны в стране, протест против диктатуры Франко, борьбу за сохранение фашистского режима в Испании. Поэт подчеркнул решимость Гримау остаться коммунистом: «Хөрн тавн жилдэн коммунист, / Хатн, фашистнр! — гиж келнэ» [Буджала Е. 1964: 19]. Смысловой перевод: «Я двадцать пять лет коммунист. Стреляйте, фашисты! — сказал». Ср. у переводчика: «С нами пойдешь — обретешь венец: / Власть, богатство и славу, / А не пойдешь — через час конец. / Делай выбор, Гримау!» [Буджалов 1968: 45]. Здесь нет слова «дорога / путь», а слово «конец» метафорически означает смерть, т. е. конец пути. Ответ Гримау: «Выбор мной сделан давным-давно: / Жил и умру коммунистом!» [Буджалов 1968: 45]. Гримау вступил в ряды Коммунистической партии Испании в ноябре 1936 г., в 1954 г. стал членом ЦК компартии страны. Калмыцкий поэт передал в стихотворении основной смысл признания испанского коммуниста. Семантическая оппозиция «свой» и «чужой» в этом тексте демонстрирует политический (фашизм и демократия), идеологический (империализм и коммунистическая партия), общественный (протест разных стран против приговора Гримау) и личностный (Франко и Гримау) векторы.

Хулиан Гримау был расстрелян во внутреннем дворе тюрьмы Карабанчель 20 апреля 1963 г. У Е. Буджалова эти пространственные и временные координаты смещены: начало весны, край города. «Хаврин элц. Балһсна зах» [Буджала Е. 1964: 19].

У переводчика В. Стрелкова есть дополнительные подробности последнего пути заключенного коммуниста: «...Каморка тюремной машины тесна <...> Здесь, под Мадридом, в полях весна <...> По колдобинам путь. <...> Мотор замолчал. <...> Шагнул из машины» [Буджалов 1968: 45]. Последний путь удлинится:

пешком, машиной, пешком. Сейчас трудно предположить, чем вызвано такое авторское отступление от исторического факта: незнанием или художественной задачей. В то же время соответствует реальности следующая деталь: предложение священника исповедаться перед смертью и отказ Гримау: «Гелң ном умшхар, / Гримаун зөв суржана» [Буджала Е. 1964: 19]. Отсутствуют другие исторические факты: коммунист отказался от повязки на глазах перед расстрелом у ямы, у поэта повязка указана: «Нүднь боолһата Гримау / Нүкнэ амнд зогсжана» [Буджала Е. 1964: 19]. Наемники не смогли расстрелять Гримау, добил его офицер франкистской охраны. В стихотворении испанский герой говорит перед смертью, что скоро придет рассвет: «Өр цээх кем / Өөрдж йовх кевт...» [Буджала Е. 1964: 19]. Эта метафора грядущей свободы, которую приблизил своей смертью Гримау, это путь к свободе испанского народа в контексте стихотворения. И это граница между жизнью и смертью героя, это его путь к могильной яме, к небытию физическому и духовному бессмертию, это завершение его человеческой судьбы. Автор закончил свой текст верой в наступление рассвета, когда вместе с солнцем проснутся мадридцы: «Өр цээх кем / Өөрдж йовхнь зөвтэ, / Мандлсн нарнла хамдан / Мадридинхн серхнь лавта» [Буджала Е. 1964: 19]. Этот путь от единичного к множественному, по убеждению калмыцкого поэта, должны пройти испанцы, борясь за свободу и демократию против тирании Франко. У переводчика слова Гримау: «Скоро рассвет! / Скоро солнце взойдет / В день лучезарный, в свободу...» [Буджалов 1968: 45]. И метафорическое окончание баллады: «...А над Мадридом, тревожно горя, / Словно винась, что дремала, / Вытекала струйкою алой заря — / Кровью из сердца Гримау» [Буджалов 1968: 45]. Приход зари и вытекание крови из расстрелянного узника, по переводчику, взаимосвязаны в общем движении.

Стихотворение Морхаджи Нармаева «Оошк торһн — Роза күүкн» (букв. «Розовый шелк — девушка Роза») по сравнению со стихотворением Егора Буджалова отличается не только объемом, но и широким контекстом событий. Если у Е. Буджалова в фабульном плане прослежены последние дни жизни испанского

коммуниста, то у М. Нармаева — история жизни не только американского коммуниста Генри Уинстона (1911–1986), но и эпизоды из жизни других персонажей, о которых рассказывается в сравнительно-сопоставительном аспекте. Если Е. Буджалов в названии стихотворения актуализирует имя испанского героя-коммуниста, погибшего в 52 года, то Нармаев делает главным героя не американца, а соотечественницу по имени Роза. Кроме того, в подзаголовке указывает жанр и адресат своего произведения: «Баһчудын туск баллад» («Баллада о молодежи»).

Чем же обусловлены авторские стратегии во втором случае?

Во-первых, девушка Роза для калмыцкого поэта стала символом советской молодежи, отважной, целеустремленной, отзывчивой, идеологически выдержанной. Отталкиваясь от единичного факта (письмо Розы Уинстону с предложением отдать ослепшему в тюрьме американскому коммунисту свой глаз), М. Нармаев приводит различные эпизоды во временном диапазоне: прошлое и современность, война и мирная жизнь. Во-вторых, подзаголовком («Баллада о молодежи») автор транслирует героический вектор событий с участием советской молодежи, у которой жизненный путь еще в самом начале, но она уже доказала свою состоятельность.

В отличие от буджаловского текста нармаевский текст включает единственный раз слово «хаалһ» в сочетании «американск коммунистин хаалһ» («американская дорога коммуниста»). Балладу калмыцкий поэт начинает с представления, что такое роза (это цветок, розовый шелк, прекрасная жизнь), кто такая Роза (молодая девушка). Он задается вопросом, почему эта девушка Роза заставила биться его сердце, чем стала известной? Далее начинается история американского коммуниста, борца за права бедноты Генри Уинстона, которого белые, опасаясь его, бросили в тюрьму. Понятие «цаһачуд» («белые») здесь дано в контекстной антитезе: коммунист — чернокожий американец. Действительно, в марте 1956 г. Г. Уинстон был арестован, ослеп в заключении, после протестов мировой общественности в июле 1961 г. был выпущен из тюрьмы. Как Е. Буджалов, так и М. Нармаев использовал калмыцкое слово «там» («ад / преисподняя») как синоним тюрьмы,

насилия, несвободы, конца жизненного пути. Узнав о страданиях американца, советская девушка Роза отправляет ему письмо, как своему отцу, от всего сердца предлагая для продолжения его борьбы свой глаз. Уинстон растроган движением души советской гражданки, которой всего двадцать лет, готовой пожертвовать своим зрением для лечения чужого человека.

М. Нармаев ретроспективно обращается к своей военной поре, когда был ранен, и другая девушка дала ему свою кровь, подняла на ноги: «Өргэд намаг босхла, / Өөрм зогсад, цусан өглэ» [Нармаев 1987: 95]. Когда еще одна девушка спасла ребенка от смерти после того, как тот ушел под треснувший под ним лед в воду, автор говорит о том, что никогда не забудет этот поступок девушки, сохранит в своей памяти ее облик. Он задается риторическим вопросом: неужели это Роза, или ее сестра, или ее потомки? Автор, современник всех описанных событий, приходит к выводу, что советская молодежь хороша, и Роза — одна из многих: «Санад-ухалад суухнь / Советин күүкд сээхн, / Отг-нутгин олна / Роза бас — негнь» [Нармаев 1987: 95]. Он благодарен Розе за предложенную помощь американскому коммунисту. Она прославила имя советского человека своими светлыми помыслами, она «осветила» американский путь коммуниста: «Седкл цахан болсар / Советин нерэн дуудулвч. / **Американск коммунистин** / хаалһд / Омг өгч мандлвч» [Нармин М. 1987: 96]. Завершается баллада авторским благопожеланием своей героине: «Эндэн нернчн тууртха, / Сэн жирһл үзж, / Сансн сананчн күцтхэ!» [Нармаев 1987: 96], т. е. пусть навеки прославится ее имя, пусть она узнает лучшую жизнь, пусть исполнятся ее желания. Этим йорялом-благопожеланием калмыцкий поэт проецирует будущую судьбу молодой девушки. В этой балладе пересечение жизненных дорог разных людей — американского коммуниста Г. Уинстона, его противников, его друзей-соратников, советских людей, в том числе и самого автора, советской молодежи, конкретно девушки Розы — являет диспозицию «свой» и «чужой», когда «чужой» коммунист из США становится «своим» единомышленником, когда чужой человек становится в буквальном смысле родным по крови, когда дальние расстояния

не становятся преградой для добрых дел и помыслов, когда чужая жизнь спасена ценой самопожертвования.

Если Е. Буджалов написал свой стихотворный отклик по горячим следам испанских событий 1963 г., то М. Нармаев обобщил свои мысли спустя восемь лет после освобождения американского коммуниста из тюрьмы.

Русские переводы двух текстов появились в печати спустя несколько лет. Перевод «Баллады о Розе» Даниила Долинского отличается от оригинала структурой (калмыцкий текст Нармаева структурирован в основном четверостишиями, разными видами анафоры, свободной рифмовкой), разбивкой на 3 части, рефреном («Роза / Есть у каждого / Своя!..»), концовкой. В первой части у переводчика — рассказ о Г. Уинстоне, во второй части — история о письме советской девушки Розы американскому коммунисту, в третьей части — воспоминания автора о войне, о послевоенном времени, размышления о современности, о советской молодежи. Концовка же в переводе Д. Долинского имеет расширенный характер, далекий от краткого йоряла-благопожелания главной героине. Переводчик обобщил весь сюжет баллады в антитезе тьмы / слепоты и света / свободы. «На земле / Зло пусть сгинет, / Где в тюремной мгле / Слепнут, / Сносят каторг маяту, / Кто срывает с мира / Слепоту!» [Нармаев 1978: 34]. В итоге Д. Долинский завершил свой перевод метафорой: «И повсюду, / За морем и здесь / Как о том, / Что бед не стало / Весть, — / Солнца смех живет / В слезинках рос / По утрам / На лепесточках роз!..» [Нармаев 1978: 34]. Наконец, переводчик соединил в одно целое заголовок и подзаголовок стихотворения — «Баллада о Розе».

Для калмыцкой баллады XX в. характерны политические баллады широкого плана, прежде всего связанные с историко-революционной темой, темой Гражданской и Великой Отечественной войн. Это баллады Б. Дорджиева, М. Нармаева, М. Хонинова, Л. Инджиева, А. Балакаева, Т. Бембеева [Ханинова 2019: 194–206]. В этих балладах также прослеживается диспозиция «свой» и «чужой» в аспекте войны и мира, захватчиков и освободителей, врагов и героев, подвига и предательства, жизни и смерти, судьбы и воли, пути-дороги.

Две баллады Егора Буджалова и Морхаджи Нармаева обусловлены современными авторам событиями политического масштаба, когда за освобождение арестованных коммунистов Испании и Соединенных Штатов Америки в 1960-е г. — Хулиана Гримау и Генри Уинстона — выступило прогрессивное человечество, в том числе и писатели. Братская солидарность народов СССР с иностранными коммунистами проецирует сближение понятий «свой» и «чужой», в то же время актуализируя данную диспозицию в аспекте враги и друзья СССР, соратники и противники коммунизма в мире. Эти произведения калмыцких поэтов несут отпечаток своего времени в ярко выраженном общественно-политическом и идеологическом ракурсе, не изменяя гуманистический и нравственно-этический вектор авторской интенции.

Литература

- Байдын С. 1967 — *Байдын С.* Цецгэсиг серүлсн өрүн: шүлгүд. Элст: Хальмг дегтр харнач, 1967. 133 х.
- Балакан А. 1962 — *Балакан А.* Ленинэ белглсн кишг: шүлгүд, дуд болн поэмс. Элст: Хальмг госиздат, 1962. 63 х.
- Буджала Е. 1970 — *Буджала Е.* Нернчн кемб, салдс: шүлгүд болн поэмс. Элст: Хальмг дегтр харнач, 1970. 77 х.
- Буджала Е. 1963 — *Буджала Е.* Хулиан Гримау // Теегин герл. 1963. № 4. X. 18–19.
- Буджалов 1968 — *Буджалов Е.* Баллада о коммунисте // Теегин герл. 1968. № 2. С. 44–45.
- Доржин Б. 1959 — *Доржин Б.* Өргн теегин өр дундан. Элст: Хальмг АССР-н дегтр харнач, 1959. 157 х.
- Доржин Б. 1963 — *Доржин Б.* Чик хаалһ: роман. Негдгч дегтр. Элст: Хальмг госиздат, 1963. 254 х.
- Доржин Б. 1964 — *Доржин Б.* Чик хаалһ: роман. Хойрдгч дегтр. Элст: Хальмг госиздат, 1964. 287 х.
- Куукан А. 1963 — *Куукан А.* Санан: шүлгүд болн поэмс. Элст: Хальмг госиздат, 1963. 86 х.
- Леежнэ Ц. 1990 — *Леежнэ Ц.* Үүнд би төрлэв: шүлгүд, поэм, орчуллһс. Элст: Хальмг дегтр харнач, 1990. 154 х.

- Нармаев 1987 — *Нармаев М. Б.* Избранные произведения в 2-х томах. Том 1. Стихи и поэмы. На калм. яз. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1987. С. 93–96.
- Нармаев 1978 — *Нармаев М. Б.* Четырнадцать богатырей: стихи и поэмы / пер. с калм. Д. Долинского. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1978. С. 26–34.
- Сэн-Белгин Х. 1982 — *Сэн-Белгин Х.* Нарн, мөнд: шүлгүд. Элст: Хальмг дегтр харһач, 1982. 126 х.
- Сусен А. 1962 — *Сусен А.* Зөргин хаалһар: шүлгэр бичсн роман. Элст: Хальмг дегтр харһач, 1962. 169 х.
- Төвккин Э. 1968 — *Төвккин Э.* Өрүни серүн аһар: шүлгүд. Элст: Хальмг дегтр харһач, 1968. 60 х.
- Ханинова 2010 — *Ханинова Э. М.* Дорога // Этнокультурные концепты в сознании современных россиян [Текст] / Т. С. Есенова, В. И. Карасик, Н. А. Красавский, Г. Г. Слышкин, Ж. Н. Сарангаева [и др.]. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2010. С. 129–137.
- Ханинова 2019 — *Ханинова Р. М.* Баллада о войне в калмыцкой поэзии XX в. // Новый филологический вестник. 2019. № 1. С. 194–206.
- Хоньна М. 1971 — *Хоньна М.* Өрэсэн тенгр дор: шүлгүд болн поэм. Элст: Хальмг дегтр харһач, 1971. 171 х.
- Хоньна М. 1989 — *Хоньна М.* Мини хаалһм // Теегин герл. 1989. № 1. Х. 70–72; № 2. Х. 76–79.
- Хоньна М. 1987 — *Хоньна М.* Чагчм хаалһс: шүлгүд. Элст: Хальмг дегтр харһач, 1987. 30 х.
- Хоньна М. 1976 — *Хоньна М.* Шүлг мини, делгр: шүлгүд болн поэмс. Элст: Хальмг дегтр харһач, 1976. 85 х.

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**БЮЛЛЕТЕНЬ
КАЛМЫЦКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РАН
BULLETIN
OF THE KALMYK SCIENTIFIC CENTER OF THE RAS**

Главный редактор: Куканова В. В.

2020. № 4

Редактор *Саряева Р. Г.*
Переводчик *Момолдаева Т. М.*
Компьютерная верстка *Татнинов Д. В.*

Дата выхода 30.12.2020. Формат 60x90/16.
Усл. печ. л. 20,05. Тираж 100 экз. Заказ 17-20.
Подписной индекс 39464. Цена свободная.

Учредитель, редакция, издатель, типография:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес учредителя, редакции, издателя, типографии:
Российская Федерация, Республика Калмыкия,
358000, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8,

Тел. +7(84722) 3-55-06
Сайт: <http://kigiran.com/pubs/index.php/bul>
E-mail: publ.kscras@gmail.com

Отпечатано в КалмНЦ РАН:
Республика Калмыкия, 358000 г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8